Конференция приурочена к 150-летию со дня рождения Николая Михайловича Печёнкина (1871–1918?) УДК 94(902 + 904)»652»(063) ББК 63.48(2Рос-6Крм) А 72

Издание осуществлено при финансовой помощи Фонда поддержки гуманитарных наук «Моя история»

Издается по решению Ученого совета Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева, Е. С. Лесной. – Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2021. – 392 с.

ISBN 978-5-6046758-1-6

В сборник вошли материалы научной конференции «Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории», состоявшейся в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» 20–24 сентября 2021 года и посвященной актуальным проблемам античной истории и археологии. Среди представленных материалов преобладают темы, связанные с историко-археологическим изучением Херсонеса, Боспорского царства и варварского мира Причерноморья.

Сборник рассчитан на профессиональных историков, археологов, антропологов, специалистов по охране культурного наследия, а также на всех интересующихся античной эпохой и археологическими памятниками северного побережья Черного моря.

> УДК 94(902 + 904)»652»(063) ББК 63.48(2Рос-6Крм)





Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

АНТИЧНЫЕ РЕЛИКВИИ ХЕРСОНЕСА: ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ, ТЕОРИИ

Материалы научной конференции Севастополь, 20–24 сентября 2021 года

Севастополь 2021

Содержание

Александрова О. И.
Речи Демосфена как источник по морской торговле
Афин с Причерноморьем в середине IV в. до н. э14
Алексеенко Н. А.
Матродор сын Лисиппа –
астином и монетарий античного Хесонеса19
Асташова Н. С., Лесная Е. С.
Находки анатолийской керамики в Херсонесе22
Ахмадеева М. М.
О датировке кургана у маяка
на мысе Святого Ильи, Феодосия29
Болонкина Е. В., Ефремов Н. В., Колесников А. Б.
Новый синопский астином и некоторые заметки
к керамическим клеймам Синопы
Букатов А. А.
Подводные археологические исследования района отмели
в бухте Круглой. Проблемы интерпретации40
Вдовиченко И. И.
Изображение симпозия на вазах из Керкинитиды45

Виноградов Ю. А.
«Старый Херсонес» Н. М. Печёнкина53
Внуков С. Ю.
Городище Кара-Тобе в эпоху эллинизма56
Гаврилов А. В.
Курганный некрополь античной Феодосии
(современное состояние)
Голофаст Л. А., Свиридов А. Н.
Стеклянный кубок из могильника Фронтовое 367
Горончаровский В. А., Тихонова Т. С.
Посвятительные рельефы с изображением
Кибелы, Гермеса и Гекаты
Григорьев А. М.
Особенности фортификации Херсонесского государства
в эллинистический период78
Губарев И. В.
Транспортные амфоры из раскопок
Елизаветовского городища на Дону 2006–2015 гг 81
Дедюлькин A. B.
Каменные алтари из кургана Туак-Оба84
Дорошко В. В.
Амфорный материал из раскопок южного сектора
на высоте Суздальской

Дорошко О. П.
Кухонная гончарная посуда римского времени из южного сектора на высоте Суздальская (исследования 2009, 2012, 2017–2018 гг.)94
Егорова Т. В.
Комплекс чернолаковой керамики из подводных исследований 2015–2017 гг. у мыса Ак-Бурун
Журавлев Д. В.
Краснолаковая керамика из кургана у Братского кладбища (раскопки Н. М. Печенкина 1904–1905 гг.)103
Зайцев Ю. П.
Основные итоги исследований царского кургана Туак-Оба в Центральном Крыму108
Застрожнова Е. Г.
«Великий перелом» и раскопки Фанагории: 1929–1930 гг. в истории изучения памятника112
Зедгенидзе А. А.
Результаты исследования укрепления на перешейке Маячного полуострова: фрурион, акрополь, храм на акрополе115
Зинько В. Н., Зинько А. В.
Святилище Диониса из раскопок Тиритаки118 Иванов А. В., Сударев Н. И.
Каменный склеп в кургане у хутора
Розы Люксембург в Анапском районе122

Ильяшенко С. М., Волошинов А. А., Буравлев С. А.
Новая керамическая мастерская
эллинистического времени на хоре
Херсонеса Таврического
Ковалевская Л. А.
К вопросу о системе водоснабжения
античного Херсонеса и его сельской округи138
Коваленко А. Н.
Амфорная тара Херсонеса Таврического
из памятников Нижнего Дона второй половины IV –
первой трети III в. до н. э142
Костромичев Д. А., Лесная Е. С., Тюрин М. И.,
Новоселова Н. Ю., Шаров О. В.
Слои и находки эллинистического времени,
открытые разведками 2020 года
в Южном пригороде Херсонеса147
Котина А. В.
«Бог молчания» из Тиритаки
(иконографический аспект)157
Краснодубец Е. М.
Ткацкие грузила из гончарных мастерских Херсонеса,
открытых В. В. Борисовой в 1955–1957 гг160
Кропотов В. В., Толочко И. В.
Шарнирная брошь в форме рыбки из Танаиса167
· · · ·

Кузнецова Е. В.
Особенности работы с амфорным материалом
Прикубанского некрополя171
Ланцов С. Б.
Терракотовые фимиатерии из руин
провинциального городка Херсонесского государства
эллинистического времени176
Масякин В. В.
О паноплии, изображенной на надгробии
первого архонта Херсонеса Газурия187
Медведев Г. В.
Юго-Восточный участок античной усадьбы
поселения Вилино (Рассадное).
Исследования 2013–2014 гг
Меньшиков М. Ю., Юнкин Ж. А., Внуков С. Ю.
•
Поселение Тууш 3. Раскоп 3. Объект 40: святилище или погребальная конструкция?201
святилище или погреоальная конструкция:201
Молев Е. А.
Лепные светильники
из раскопок Китея 2010–2017 гг
Монахов С. Ю.
Новые материалы к хронологии
и типологии амфор Аканфа210

Нессель В. А., Лесная Е. С., Ушакова К. С.
О характере сооружения древних дорог на Гераклейском полуострове: некоторые наблюдения по результатам исследований 2018 и 2020 гг219
Новиченкова Н. Г.
Об античных геммах из святилища
у перевала Гурзуфское Седло226
Новиченкова-Лукичева К. В.
О римском литом оконном стекле
из святилища у перевала Гурзуфское Седло231
Панченко В. В.
О проявлениях патриотизма херсонеситов
в первые века нашей эры234
Печатнова Л. Г.
Погребальный обряд спартанских царей238
Подосинов А. В.
О названиях античных городов
Северного Причерноморья
(к истории переименований)243
Прохорова Т. А.
Материалы о жизни и деятельности Н. М. Печёнкина
в архиве Государственного музея-заповедника
«Херсонес Таврический»246

Русакова А. А., Кладченко О. В.
Краснофигурный лекиф
из погребения скифского времени
Доно-Кагальницкого водораздела253
Рыжов С. Г., Тюрин М. И.
Фрагмент пунической амфоры с клеймом
из позднеэллинистического комплекса
в Северном районе Херсонеса257
Савеля О. Я., Савеля Д. Ю.
Археологические памятники Варнутской долины
(к археологической карте Севастополя
и его окрестностей)264
Савостина Е. А., Тихонова Т. С.
Находка 2020 года в Горгиппии:
мастерская коропласта и ее продукция267
Свиркина Н. Г., Добровольская М. В., Мастыкова А. В.,
Гавритухин И. О.,Свиридов А. Н., Язиков С. В.
Хронологическая динамика
демографических показателей населения,
оставившего могильник Фронтовое 3270
Свиркина Н. Г., Добровольская М. В.
Преднамеренная деформация головы
в среде позднескифского населения
(по материалам могильника Фронтовое 3)273

Скуридин О. А.
Памятники олимпионикам
как символы полисного патриотизма277
Смекалова Т. Н., Терехин Э. А.
Новые данные о древнейшей
античной межевой системе Херсонеса.
Дистанционные методы изучения
Стоянов Р. В.
Архитектура Шверинского кургана286
Строков А. А., Калашников М. В.
Могильник римской и позднеантичной эпох
Красноармейский I: вопросы хронологии
Супренков А. А., Топоривская М. А.
Архитектурное погребение с кремацией
на некрополе Капканы Северный 1
на востоке Керчи
Суриков И. Е.
Некоторые проблемы творчества
Гелланика Лесбосского –
одного из древнейших греческих историков301
Трейстер М. Ю.
Клад позднеэллинистических фаларов из окрестностей
Таганрога (1897 г.): новые данные

Туровский Е. Я.
Легенды на греческих монетах как отражение
политического режима в полисе на примере
Херсонеса Таврического в V–I вв. до н. э313
Viviana C. P.
Ушаков С. В.
О нижней хронологической границе истории
Херсонеса Таврического
Филиппенко-Коринфский А. А.
О строительстве батарей № 12, 13
и разрушении Херсонеса в конце XIX в
Храпунов Н. И.
К истории начального периода изучения Херсонеса
и его окрестностей
Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Канторович А. Р.
Архаические и экзотические предметы
из крымских могильников римского времени335
Чурекова Н. Б.
Амфоры архаического и раннеклассического времени
в собрании Краснодарского историко-археологического
музея-заповедника 339
Шабанов С. Б.
Охота в Древнем Риме и ее отображение в искусстве
(на примере стеклянной посуды эпохи империи)346

Шаров О. В., Костромичев Д. А.,
Ушакова К. С., Новоселова Н. Ю.
Цистерна эллинистического времени, открытая в пригороде Херсонеса в 2020 году351
Шелов-Коведяев Ф. В.
Из античной эпиграфики Херсонеса359
Шкрибляк И. И.
Каменный склеп в кургане Туак-Оба:
архитектурная концепция и строительство363
Язиков С. В., Свиридов А. Н., Волошинов А. А.
Каменные надгробия могильника Киль-Дере 1
(предварительная информация)370
Язиков С. В., Тюрин М. И.
Новые и малоизвестные усадьбы хоры
Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове:
предварительные итоги разведок 2021 г380
Список сокращений

О. И. Александрова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Речи Демосфена как источник по морской торговле Афин с Причерноморьем в середине IV в. до н. э. 1

Торговля всегда была важна для афинского государства. Неплодородная аттическая почва подталкивала жителей к подобной деятельности, и город на протяжении всей свой истории был очень зависим от привозного зерна – «более всех остальных людей», как неоднократно отмечал знаменитый афинской оратор Демосфен (XVIII.87; XX.31). Во второй половине IV в. до н. э. в силу целого ряда причин особенное развитие получила морская торговля [Глускина 1993, с. 433].

С одной стороны, афинская морская торговля, особенно причерноморская, достаточно хорошо изучена в историографии, прежде всего – отечественной [Брашинский 1963; Гайдукевич 1966; Кругликова 1975; Маринович 1998]. На основании значительного массива источников, главным образом – вещественных и эпиграфических, можно определить основные товары, наиболее оживленные морские пути и главных торговых партнеров Афин в данном регионе. С другой стороны, сведения нарративных источников обычно отходят на второй план. Как правило, это разрозненные упоминания, встречающиеся в речах ораторов, в частности – в корпусе речей уже упомянутого Демосфена.

Приписываемые оратору речи, тем или иным образом касающиеся организации афинской морской торговли, являются, в свою очередь, основным источником по данной теме в целом. Это речи с XXXII по XXXV, а также речь LVI. Все они относятся к периоду ок. 350–320-х гг. до н. э. [Маринович 1998, с. 4] и являются частями длительных судебных процессов между кредиторами, торговцами и навклерами. Ряд немаловажных сведений содержится и в других ре-

 $^{^1}$ Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект РФФИ № 19-09-00183 («Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты»).

чах, формально с морской торговлей не связанных, например в речи XX «Против Лептина».

Из текстов хорошо видно, какое важное место занимала в афинской экономике торговля с Причерноморьем: сразу несколько речей прямо или косвенно связаны с торговыми плаваниями именно в этот регион (XX; XXXIV; XXXV; XXXVIII). Ниже мы остановимся на некоторых конкретных сведениях, которые можно почерпнуть из речей демосфеновского корпуса.

Стоит упомянуть, что взгляды афинян к Причерноморью обратились намного раньше. Еще веком ранее, после неудач в Египте и Западном Средиземноморье, интерес, возникший еще в конце VI – начале V вв. до н. э. [Брашинский 1963, с. 52–53], значительно возрос, и с целью приобретения контроля над хлебными путями была предпринята понтийская экспедиция Перикла (Plut. *Per.* 20), в ходе которой целый ряд полисов (Гераклея, Синопа, Амис, Астак, Нимфей и, возможно, Торик) оказался в зоне влияния афинян [Суриков 1999, с. 103; 1999, с. 148; Федосеев 1992, с. 147–160; 2003, с. 132–140; Максимова 1955, с. 99]. Главным для Афин в данном случае было не столько доминирование в этом регионе, сколько именно контроль за путями доставки хлеба.

В IV в. до н. э. взаимодействие афинян с причерноморскими городами, по всей видимости, полностью перешло в сферу торговых отношений. Можно выделить три основных направления морской торговли, из которых северное, причерноморское, было самым оживленным. Демосфен упоминает, что афиняне активно торговали с Боспором (XX.29; XXXIV.2; XXXV.3, 10; XXXVIII.11) через Пантикапей (XXXV.3, 10), заходили в Феодосию (XXXV.32-34) и в Ольвию (XXXV.10). Нет сомнений, что основным товаром, который импортировали Афины, был хлеб (XX.29-31; XXXII.4, 9; XXXIV.36-37; XVIII.87; L.6), большая часть которого доставлялась в город с Боспора и Понта. Благодаря тому, что привозимые в Афины товары обязательно фиксировались особыми чиновниками, можно говорить о том, что из всего хлебного импорта половину составлял именно боспорский хлеб, о чем неоднократно упоминается в речах Демосфена (XX.31; XVIII.87). В речи «Против Лептина» (XX.31) даже указывается конкретный объем ежегодно ввозимого из Боспора хлеба: четыреста тысяч медимнов хлеба, то есть около двадцать одной тысячи тонн, стоимостью примерно в 330 талантов [Маринович 1998, с. 20, Брашинский 1963, с. 118].

Боспорский хлеб вывозился через Пантикапей или Феодосию (XX.33), при этом торговец должен был получить несколько особых

разрешений у боспорских властей: на вывоз хлеба (XXXIV.36–37), на беспошлинность (XX.31) и на приоритетную погрузку товара (XXXIV.36). Все отплывающие из боспорских портов судна обязательно фиксировались сборщиками торговых пошлин (XXXIV.34).

Доля понтийского хлеба в афинском импорте была, как кажется, немногим меньше. Интересно, что согласно афинскому закону, в заключаемом между кредитором и эмпором договоре обязательно должен был быть прописан товар, который следовало погрузить на судно. Однако в тексте единственного дошедшего до нас соглашения, содержащегося в речи «Против Лакрита» (XXXV.10–13), товар не конкретизирован. В связи с этим было высказано предположение [Маринович 1998, с. 11], что товаром, который эмпоры могли погрузить в Понте, был по умолчанию хлеб. Вероятно, аналогичная ситуация была и с договорами, касающимися торговли с Боспорским царством: конкретное уточнение требовалось лишь тогда, когда на судно загружался нетипичный груз. Например, шкуры – этот товар также зафиксирован в корпусе речей Демосфена (XXXIV.36–37).

В этой же речи против Лакрита упоминается также соленая рыба, вино и еще «кое-какие товары» (XXXV.31), однако если импорт из причерноморских городов рыбы действительно имел место [Гайдукевич 1949, с. 110; Брашинский 1963, с. 134], то вот с вином ситуация, скорее, обратная. Выступающий в данном случае в роли обвинителя Андрокл, кредитор плывших в Понт торговцев, опровергает саму возможность ввоза в Афины понтийского вина и говорит о том, что это, напротив, вино обычно ввозится в Понт «...из наших мест. <...> А с Понта сюда идут совершенно другие товары». Таким образом, вино было статьей афинского экспорта, а эмпоры могли также выступать посредниками в торговле этим товаром [Брашинский 1963, с. 139]. Возможно, что из Афин торговцы везли в Понт и на Боспор различные благовония: в речи против Формиона упоминается, что его нашли у лавок с этим товаром (XXXIV.13).

Тексты речей Демосфена дают представление и о внешней политике Афин. Бесперебойность доставки хлеба напрямую зависела от взаимоотношений между государствами. Речь против Лептина (XX) дает возможность представить, каким образом афиняне поддерживали дружеские отношения с боспорскими правителями. В этой речи, направленной против предложения об отмене ателии как особой привилегии, Демосфен упоминает боспорского царя Левкона, которому за особое благоволение к афинянам специальным постановлением народного собрания было дано афинское гражданство и ателия (XX.30–31; 36). Все, кто вез хлеб из Боспора в Пирей,

также получали ателию и право приоритетной погрузки. Вероятно, этим обстоятельством и может быть объяснена столь значительная доля боспорского хлеба в афинском импорте. Из более поздней речи можно также узнать, что подобные взаимовыгодные отношения поддерживались и сыном Левкона Перисадом (XXXIV.36) [Брашинский 1958, с. 121–122]. Как кажется, подобные соглашения вполне могли связывать Афины и с Понтом, однако свидетельств этому в корпусе речей Демосфена не находится.

Таким образом, можно говорить о следующем.

Приписываемые афинскому оратору Демосфену судебные речи содержат достаточно большое количество информации о торговле афинских купцов с Причерноморьем. Лучше всего освещены торговые отношения с Боспорским царством, в меньшей степени – с Понтом. Вместе с тем, некоторые торговые направления, о существовании которых нам известно по археологическим данным (Ольвия или Херсонес) [Брашинский 1958, с. 140–146], в речах Демосфена не упоминаются вовсе. Это можно объяснить как меньшей значимостью данных направлений, так и очевидной особенностью источника, представляющего собой фрагменты конкретных судебных разбирательств.

Причерноморская торговля играла крайне важную роль в афинской экономике, в первую очередь из-за необходимого для государства импорта хлеба, и это хорошо видно из содержания речей. Об иных предметах торгового обмена Демосфен практически не упоминает, хотя другие источники о них свидетельствуют достаточно явно.

В середине IV в. до н. э. Афины стремились поддерживать с правителями Боспора дружеские и взаимовыгодные отношения, что обеспечивало бесперебойную поставку хлеба. Можно предполагать, что схожие взаимоотношения были у афинян и с Понтом.

Все вышесказанное позволяет говорить о корпусе речей Демосфена как о действительно важном источнике по истории морской торговли между Афинами и Причерноморьем.

Литература

Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е.С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. М., 1994. Т. 2. С. 405–467.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунд. М.; Л., 1956.

Маринович Л. П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // ПИФК. 1998. Вып. II. С. 4–29.

Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114.

Суриков И. Е. Перикл, Амис и амазонки // Из истории античного общества. Вып. 6. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород, 1999. С. 147-152.

Федосеев Н. Ф. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Тематический научный сборник / под ред. В.И. Каца и С.Ю. Монахова. Саратов, 1992. С. 147–162.

Н. А. Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Матродор сын Лисиппа – астином и монетарий античного Хесонеса

Как известно, нумизматика античного Херсонеса представлена значительным количеством монетных эмиссий. Разнообразие сюжетов под стать количеству известных на монетах имен магистратов-монетариев.

К просопографии античного Херсонеса одним из первых обратился В. Н. Даниленко, собравший сведения почти о трех сотнях херсонеситов IV–III вв. до н. э. Ученый пришел к заключению, что в легендах керамических клейм и монет несомненно упоминаются имена магистратов, независимо от того, есть ли указание на название должности, или нет. Для нас наиболее важен вывод исследователя о том, что упоминание в разных надписях, близких по времени, одинакового имени в большинстве случаев гарантирует принадлежность памятника одному и тому же лицу [Даниленко 1966, с. 170].

Анализ имен, представленных на херсонесских керамических клеймах, и их сопоставление с именами магистратов городских монетных выпусков IV–III вв. до н. э. провел Е. Я. Туровский [Туровский 2015, с. 342–351]. Исследователь пришел к заключению, что вполне определенно можно говорить о наличии определенной закономерности в преемственности занятия магистратских должностей одними и теми же лицами [Туровский 2015, с. 350].

В этой связи хотим обратить внимание на один из выпусков херсонесской меди второй половины III в. до н. э. Речь идет о серии херсонесских дихалков (вес 1,81-2,63 г) типа голова Геракла вправо / бодающий бык влево с магистратским именем Матр... (МАТР) [Анохин 1977, с. 144, табл. X.149; Золотарев, Кочеткова 1999, с. 30, M 32; Туровский, Горбатов с. 102, 103, M 178].

В сокращенной формуле имени «МАТР», как справедливо отметил Е. Я. Туровский [Туровский 2015, с. 348], вряд ли зашифровано имя Матріс, фигурирующее в керамической эпиграфике Херсонеса [Кац 2007, с. 442, 443, прил. Х, (І ХГ.24; ІІ ХГ.17; ІІІ. ХГ.7)]. Автор предположил, что за сокращением может скрываться имя Матроборос,

также известное в херсонесской керамической эпиграфике [Кац 1994, с. № 78; 2007, с. 442, прил. Х (II ХГ. 45)]. Справедливости ради необходимо отметить научную прозорливость херсонесского исследователя и безоговорочно согласиться с его наблюдением.

Недавно в поле нашего внимания попала одна из монет этой серии с более полной версией имени магистрата – MATPO Δ – Ματροδ(ώρου).

Диаметр –16 мм; вес – 2,69 г.

Судя по всему, на монете действительно представлено имя Матродора, того самого астинома Матродора сына Лисиппа с херсонесских амфорных клейм [см.: Кац 1994, табл. XXXIV, 1-78, 1-3]). По хронологии В. И. Каца они отнесены к группе 2Г (239–228 гг. до н. э.) [Кац 2007, с. 442, прил. X, № 45; ср. Кац 1994, с. 104, № 78 (группа 2Б)], а В. Ф. Столба датирует их 230–206 гг. до н. э. [Stolba 2005, р. 155, 170].

Таким образом, деятельность данного должностного лица приходится на последнюю треть III в. до н. э., что вполне согласуется с датировкой монет с именем Матр(одора).

Учитывая совпадение редкого для Херсонеса имени, характерный нумизматический тип, а также сами датировки клейм, напрашивается вывод о существовании в Херсонесе Полисного магистрата, который в своей служебной карьере последовательно занимал должность сначала астинома, а затем инспектора-монетария. В этом случае нижняя граница клеймения херсонесских амфор от имени Матродора должна быть близка времени занятия им должности монетного магистрата, то есть около последнего десятилетия III в. до н. э.

Таким образом, предложенная В. А. Анохиным датировка этого выпуска временем около 210–200 гг. до н. э. [Анохин 1977, с. 144, № 149] не только оказалась верной, но и хорошо коррелируется с данными керамической эпиграфики.

Вопрос о наименовании должности монетного магистрата по-прежнему остается дискуссионным. В. А. Анохин полагал, что за монетное дело в Херсонесе отвечали номофилаки [Анохин 1977, с. 42, 43]. По мнению И. И. Махова имена на монетах принадлежали городским астиномам [Махов 1912, с. 151, прим. 1]. Е. Я. Туровский отрицает возможность такой практики. Действительно, многие монетные магистраты не находят параллелей в керамической эпиграфике. Однако, нам не известно, кто из административного аппарата отвечал за выпуск монеты. В отличие от клейм и иных эпиграфических источников маленькое поле монеты не позволяло разместить никакой другой информации, кроме имени. Но, очевидно, его было

достаточно, чтобы понимать, кто из магистратов несет ответственность в случае возникновения каких-либо проблем.

Не исключено, что в Херсонесе, в отличие от Афин, мог существовать специальный орган, контролировавший всю метрологию, и в юрисдикцию городских астиномов могли входить не только надзор за чистотой и порядком, но и контроль за мерами весов, объемов, монетной стопой, а, может быть, и другими видами деятельности городского аппарата власти.

И, как представляется, Матродор сын Лисиппа как астином и монетарий в этом смысле представляет один из таких возможных примеров.

Литература

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, 1977.

Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV-II вв. до н. э.: по эпиграфическим данным Северного Причерноморья // АДСВ. 1966. Вып. 4. С. 136–178.

Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и элинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.

Махов И. И. Амфорные ручки Херсонеса Таврического // ИТУАК. 1912. Вып. 48. С. 150–183.

Туровский Е. Я. Личные имена на херсонесских монетах и керамических клеймах: опыт сравнения // АМА. 2015. Вып. 17. С. 342–351.

Stolba V. F. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 BC / ed. V. F. Stolba, L. Hannestad. Aarhus, 2005. P. 153-178. (Black Sea Studies. 3).

Н. С. Асташова

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, г. Москва

Е. С. Лесная

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Находки анатолийской керамики в Херсонесе

Несмотря на то, что основная часть коллекции находок из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича депаспортизирована, эти материалы неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (М. И. Золотарёв, Д. В. Журавлёв, И. И. Вдовиченко и др.). Новое обращение к этой коллекции – уже, казалось бы, изученной и не раз просмотренной, не оказалось напрасным¹. Так, нам удалось обнаружить фрагменты двух сосудов, происхождение которых, как представляется, можно связывать с гончарными мастерскими древней Анатолии.

Впервые в Северном Причерноморье анатолийская керамика была выделена С. Л. Соловьёвым среди ранних материалов из раскопок Борисфена [Борисфен-Березань 2005, кат. 71; Dupont et al. 2010, р. 110–115]. Образцы этих редких сосудов происходят из комплексов последней четверти VII – середины / третьей четверти VI в.² [Чистов, Ильина 2012, с. 33, табл. 36.1; Соловьёв 2013, с. 63–68; Буйских 2019, с. 163–165]. Благодаря исследованиям древнейших слоев и строительных остатков в Пантикапее, там также стали известны находки этой группы керамического импорта. На основании совместных находок амфор и восточногреческой расписной керамики сосуды датируются концом VII – серединой VI в. [Асташова 2017, с. 141–150; Асташова 2019].

¹ Мы признательны главному хранителю ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Н. Л. Демиденко и сотрудникам научно-фондового отдела Е. В. Колесник и Е. М. Краснодубец за помощь и содействие в работе с коллекцией.

² Здесь и далее все даты до н. э.

Особенностями изделий, произведенных в гончарных мастерских Анатолии, являются приемы их росписи и обработки поверхности. В некоторых случаях перед нанесением росписи внешнюю сторону покрывали светлой грунтовкой или ангобом (это характерно, в частности, для фригийской керамики). Исследователи выделяют несколько стилей и техник росписи с использованием красной, коричневой и черной красок, пурпура. Для расписных сосудов характерны геометрические мотивы – сгруппированные полосы, треугольники, штриховка. Среди надежно атрибутируемых форм на Березани и в Пантикапее встречаются кувшины-ойнохои, диносы, аски, лидосы (лидионы), чаши, пифосы, амфоры. В процессе изготовления сосудов их поверхность, как правило, заглаживали и лощили.

Оба венца, обнаруженные в херсонесской коллекции, скорее всего, принадлежат сосудам, близким по типу кратерам с колонками – column krater (рис. 1.1, 2.1) [Cahill, Greenewalt 2016, fig. 8, g, i; Çokay-Kepçe 2009, р. 39; Henning von der Osten 1937, fig. 79.2, 13]. Один из сосудов изготовлен из светло-коричневой глины с серым закалом в середине черепка. Визуально в тесте различимы светлые известковые известняковые частицы и редкие темные включения шамота (?). На внутренней и внешней поверхности хорошо видны следы лощения.

Степень сохранности фрагмента не позволяет уверенно судить о декоре сосуда в целом, но все же дает возможность сделать ряд важнейших наблюдений для его атрибуции. Расположенные на ручке, по краю венчика и на плечиках сосуда сегменты бихромной росписи выполнены поверх локально нанесенного слоя белой грунтовки (рис. 1.2, 3). Кроме того, показательным является использование линий, подчеркивающих границы участков панельной росписи. Наиболее сохранившийся участок декора располагается на внешней боковой поверхности ручки: верхняя подпрямоугольная и внутренняя округлая грани подчеркнуты темно-коричневыми («черными») линиями. Образованная таким образом внутренняя область украшена чередующимися поперечными полосками этой же краски.

Перечисленные элементы, как уже отмечалось, являются характерными особенностями расписной керамики Центральной Анатолии. Подобный декор ручек встречается на сосудах иной формы, происходящих из раскопок памятников этого региона [Bossert 2000, p. 52, Abb. 15; Schmidt 1932, p. 243, fig. 316/a]. Вероятно, рассматриваемый кратер был изготовлен в одном из центров этого ре-

гиона в Ахеменидский период и может быть датирован позднеархаическим – раннеклассическим временем.

Переходя к рассмотрению сюжетного своеобразия росписи херсонесского фрагмента, рискнем предположить, что венчик по внутреннему краю был декорирован волнистой линией, а по внешнему – рядом четырехугольников. На плечиках, вероятно, также размещалась панельная роспись с использованием линейных или даже геометрических мотивов. Также стоит отметить, что сосуд, скорее всего, использовался в быту еще какое-то время после повреждения верхней части. На это указывает то, что место скола, образовавшегося в месте крепления плакетки к венцу, было выровнено и тщательно заглажено (рис. 1.4).

Второй экземпляр, обнаруженный в коллекции К. К. Косцюшко-Валюжинича, по-видимому, также представляет собой фрагмент верхней части кратера с колонками. Он изготовлен из плотной красной глины, визуально можно различить включения известняка, мелких частиц шамота и андезито-базальтового песка (?). Судя по сохранившейся части, сосуд был орнаментирован с использованием двух плоских штампов (на плакетке, ручках и плечах) и полосами красной краски (сохранилась одна полоса под ручками).

Первый штамп представляет собой ову (язычок) с двумя веретенообразными стрелками по бокам. Второй содержит изображение пальметты с центральным стебельком и отогнутыми от него в стороны каплевидными листьями. С обеих сторон от центральной пальметты различимы еще две, оттиснутые частично. Изображения нанесены четко, однако штампы наложены довольно неровно. Такой орнамент определенно демонстрирует сходство с аттической чернолаковой и рельефной коринфской керамикой V-IV вв. [Блаватский 1953, с. 31-32; Малых 2020, с. 23-26; Weinberg 1954, р. 127]. Однако для анатолийской керамики также присуще использование штампов. Подавляющее большинство изображений представляют собой геометрические или растительные мотивы. Штамповка встречается на сосудах различных форм и размеров. Декор размещался на тулове, плечиках, горле, иногда на ручках – примерно в тех же зонах, что и роспись. Каких-то строгих канонов в размещении и ориентации отдельных штампов на одном или на разных сосудах, очевидно, не существовало [Sams 1994, р. 123-133]. Практика штампованного декора прослеживается на керамике древней Анатолии вплоть до эпохи эллинизма, когда происходит постепенная, но кардинальная смена локальных керамических традиций на общие эллинистические тенденции.

В данном случае особенность нанесения штампов свидетельствует скорее о том, что мотив был заимствован, поскольку он нанесен в манере, не типичной для греков, но характерной для Анатолии. Использование анатолийскими гончарами греческого декора, скорее всего, было продиктовано стремлением сделать популярную продукцию, декорированную модным греческим орнаментом. По всей видимости, рассматриваемый сосуд следует датировать в широких рамках позднеархаического – классического времени.

В Пантикапее и на Березани находки подобных сосудов рассматриваются как признак анатолийского присутствия в среде первых греческих колонистов [Асташова 2017, с. 145; Соловьёв 2013, с. 74]. Примечательно, что датировка наших образцов как раз синхронна начальному периоду существования Херсонеса [Лесная 2020]. Таким образом, данные сосуды представляют несомненный интерес для изучения торговых и культурных связей античных центров этого региона с негреческими народами Малой Азии.

Литература

Асташова Н. С. Предварительные итоги изучения расписной анатолийской керамики из древнейшего слоя Пантикапея // Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. М., 2017. С. 141–150.

Асташова Н. С. Особенности Анатолийской керамики: по материалам из раскопок Пантикапея // Genesis: исторические исследования. 2019. № 5. С. 8–15. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.

Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерномо-

рье. Каталог выставки. СПб., 2005. Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки

ьуиских А. В. Архаическая расписная керамика из ьорисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев, 2019.

Лесная Е. С. Восточногреческая керамика из раскопок Херсонеса Таврического // АВ. 2020. № 27. С. 99–112.

Малых С. Е. Штампы-пальметты на древнеегипетской керамике в контексте средиземноморской культуры второй половины 1-го тыс. до н. э. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. Вып. 3. С. 19–34.

Соловьёв С. Л. Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 62–77.

Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Ранний период (конец VII – первая половина VI в. до н. э.). Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) антич-

ной археологической экспедиции. Т. 2: Исследования на острове Березань в 2005-2009 гг. / под ред. Д. Е. Чистова. СПб., С. 8-41. 2012

Bossert E.M. Die Keramik phrygischer Zeit von Boğazköy: Funde aus den Grabungskampagnen 1906, 1907, 1911, 1912, 1931–1939 und 1952–1960. Boğazköy-Ḥattuša XVIII. Mainz am Rhein, 2000.

Cahill N., Greenewalt C. H. Jr. The Sanctuary of Artemis at Sardis: Preliminary Report, 2002–2012 // AJA. 2016. Vol. 120. No. 3. P. 473–509.

Dupont P., Lungu V., Solovjv S. Céramiques anatoliennes du Pont-Euxin archaïque // Dupont P., Lungu V. Synergia pontica & aegeo-anatolica. Galaţi, 2010. P. 109–125.

Henning von der Osten H. Researches in Anatolia 9. The Alishar Hüyük Seasons of 1930–1932. Chicago, 1937. Pt. III. (Oriental Institute Publications. Vol. 30).

Sams G.K. The Early Phrygian Pottery. Philadelphia, 1994. (University Museum Monograph 79 / The Gordion Excavations, 1950–1973. Vol. IV).

Schmidt E. Researches in Anatolia 4. The Alishar Hüyük Season of 1928. Chicago, 1932. Pt. I. (Oriental Institute Publications. Vol. 19).

Weinberg S. Corinthian Relief Ware: Pre-Hellenistic Period // Hesperia. 1954. Vol. 23. No. 2. P. 109–137.

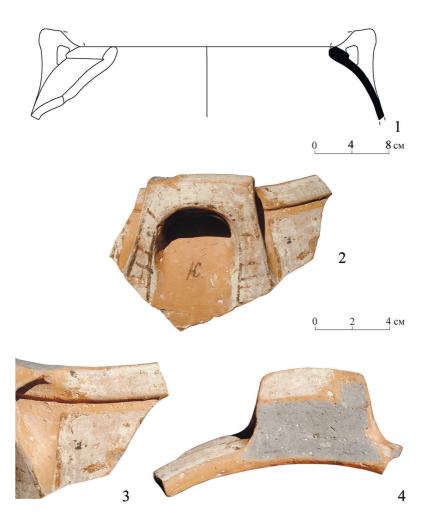
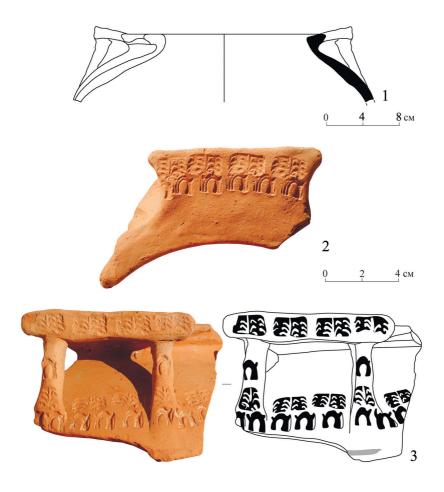


Рис. 1. Фрагмент расписного кратера.



 $\it Puc.~2.~\Phi$ рагмент кратера со штампованным орнаментом.

М. М. Ахмадеева

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

О датировке кургана у маяка на мысе Святого Ильи, Феодосия

Погребальный комплекс у маяка на мысе Святого Ильи относится к весьма немногочисленной группе памятников некрополя античной Феодосии, исследованных в новое время и на современном методическом уровне. Курган был поврежден в ходе строительных работ по реконструкции маяка и доследован А. И. Айбабиным в 1973 г. [Айбабин 1978]. Под глинисто-щебнистой насыпью диаметром 12 м и высотой до 1,25 м находилась каменная гробница, сложенная из 6 тщательно обработанных известняковых плит и перекрытая двумя массивными плитами. Гробница содержала погребальную урну с кальцинированными костями. В качестве урны была использована расписная амфора довольно редкого для Северного Причерноморья типа (рис. 1, 2). Сосуд высотой 0,35 м и диаметром 0,24 м тщательно сформован из светло-коричневой с красноватым оттенком глины с большим количеством разнородных минеральных включений, среди которых различимы частицы известняка и крупные темные зерна. Поверхность сосуда покрыта тонким ангобом. Горло и плечики амфоры орнаментированы чередующимися полосами белого, коричневого и охристого цвета различной ширины. В центральной части тулова нанесены три стилизованных растительных побега: коричневой краской – центральный и охрой – боковые. На круглые ручки амфоры нанесена полоса коричневой краски, которая переходит в вертикальную полосу на тулове сосуда выше и ниже места крепления ручек. Венчик амфоры окрашен в белый цвет, поверх которого поочередно нанесены треугольники коричневого и охристого цвета. В основании горла сосуда черной краской нанесено дипинто: Р: А: XXIIIIС. Последнюю часть надписи Э. И. Соломоник трактовала как 2 хоя 4½ котилы (7,8 л) [Айбабин 1978, с. 83]. Эта информация совпала с результатом измерения объема амфоры. Начало надписи осталось тогда «не вполне ясным». По предположению А. С. Намойлик, за аббревиациями Р и А стоят слова ἡητός и ἀμφορεύς, а весь текст означает «Установленный (объем) амфоры – 2 хоя 4½ котилы» [Намойлик 2018, с. 89–90].

А. И. Айбабин, впервые публикуя комплекс кургана у феодосийского маяка и амфору-урну из него, совершенно справедливо указал, в том числе, и на мнение издателей материалов Афинской Агоры, считавших подобные сосуды имитацией кипрской керамики второй половины IV в. до н. э. Среди аналогий феодосийской амфоре имеются два эрмитажных сосуда, опубликованных И. Г. Шургая и датированных им 70-ми годами III в. до н. э. Опираясь на эти данные, А. И. Айбабин поместил феодосийский расписной сосуд в широкий хронологический отрезок от второй четверти IV до первой четверти III в. до н. э., а само погребение соответственно датировал концом IV – первой половиной III в. до н. э. В связи с этим нужно отметить, что И. Г. Шургая, анализируя эрмитажные амфоры, возводил этот тип к эллинистическим гидриям-урнам типа Гадра и предполагал их производство в Александрии в III в. до н. э. [Шургая 1966]. Сегодня эту трактовку необходимо несколько скорректировать.

За прошедшие с момента публикации годы появился ряд находок подобных сосудов: сейчас их относят к группе так называемой псевдо-кипрской керамики. Значительное количество фрагментов псевдо-кипрских сосудов было найдено при раскопках Коринфа: в первую очередь - в слоях у здания Священного источника, в основании Ипподрома, в заполнении водостока 1971 г., в нескольких комплексах Агоры. Контекст этих находок во всех случаях датируется в пределах второй – последней четвертей IV в. до н. э. [Williams 1969; 1970; McPhee et all. 2012]. В комплексах Афинской Агоры зафиксировано небольшое количество фрагментов подобной керамики: в нижнем слое Q 13-14:1, относящемся ко второй четверти IV в. до н. э., а также в контексте D 15:3 с более широкой датой: вторая - последняя четверть IV в. до н. э. [Rotroff 2006]. Сосуды псевдо-кипрского типа и их фрагменты были также обнаружены в Северной Греции и Македонии, в том числе в Вергине, Дервени, Пелле (подробный обзор см: Rotroff 2006, р. 142), где они, судя по всему, представляют позднюю серию этого типа второй половины - последней четверти IV в. до н.э.

Группа псевдо-кипрской посуды в целом немногочисленна, при этом по составу глины и особенностям росписи она довольно неоднородна. Вопрос о ее происхождении окончательно не решен: предполагают производство в Коринфе, Македонии, Малой Азии. Визуальные характеристики глины феодосийской амфоры очень близки керамическому тесту коринфских изделий. Орнаментация венчика

в виде чередующихся треугольников – признак, не имеющий пока аналогий среди других сосудов данного типа, – также свидетельствует в пользу коринфского ее происхождения. Подобный характерный орнамент из треугольников встречается на венчиках небольшой серии лекан коринфского производства второй половины IV в. до н. э. На этом основании мы склонны отнести амфору из кургана у маяка на мысу Святого Ильи к продукции именно этого центра. К настоящему моменту установлено, что серия псевдо-кипрских сосудов бытовала очень непродолжительное время – в промежуток со второй четверти до конца IV в. до н. э. [МсРhee et all 2012, р. 37; Rotroff 2006, р. 142–143]. Ряд черт феодосийской амфоры, таких как общие пропорции, характер росписи и орнаментации, позволяет отнести ее к развитому варианту типа и датировать в пределах третьей – начала четвертой четверти IV в. до н. э.

Большая группа амфор псевдо-кипрского типа, состоящая из 9 экземпляров, происходит из некрополя Аполлонии Понтийской [Панайотова 2005; Дамянов 2013]. Наиболее близкие пропорции имеет амфора из погребения № 442, которое автор публикации датирует концом третьей четверти IV в. до н. э. [Дамянов 2013, с. 94]. Особо следует отметить, что в состав инвентаря данного погребения входят, помимо прочего, 2 лекифа, украшенных пальметками. Характерно, что именно этот тип сосудов для масла наиболее часто отмечен в феодосийских погребальных комплексах. В целом, погребение № 442 некрополя Аполлонии выглядит очень близким феодосийским погребальным памятникам как по обряду, так и по составу инвентаря. На наш взгляд, этот комплекс может выступить надежным хронологическим репером для определения даты погребения в кургане у маяка на мысе Святого Ильи в пределах конца третьей четверти – четвертой четверти IV в. до н. э.

Литература

Айбабин А. И. Античное погребение в Феодосии // КСИА. 1978. № 156. С. 80–84.

Дамянов М. Нови «псевдо-кипърски» амфори от Аполлония // Археология. 2013. Год. LIV. Кн. 1. С. 89–96.

Намойлик А. С. Граффити на керамических изделиях из раскопок Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа): дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2018.

Панайотова К. Амфоры «кипърски» тип от Аполлония Понтика // Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Ludmili Getov. София, 2005. С. 540–554.

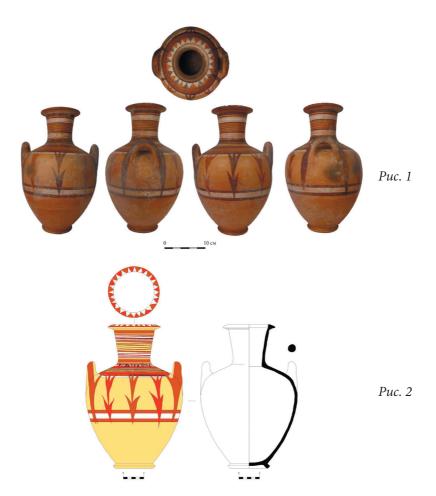
Шургая И.Г. Из истории александрийской эллинистической керамики // Культура античного мира. М., 1966. С. 287–293.

McPhee I., Pemberton E.G., Zevros O., Whitton E. Late Classical pottery from Ancient Corinth: drain 1971-1 in the Forum Southwest // Corinth. 2012. Vol. VII, no. 6. P. ii–319.

Rotroff S.I. Hellenistic pottery: the plain ware // The Athenian Agora. 2006. Vol. 33. P. iii-438.

Williams Ch.K. II. Excavations at Corinth, 1968 // Hesperia. 1969. Vol. 38. No. 1. P. 36–63.

Williams Ch.K. II. Corinth, 1969: Forum Area // Hesperia. 1970. Vol. 39. No.1. P. 1–39.



Е. В. Болонкина

Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь **Н. В. Ефремов**

Институт истории университета г. Грайфсвальда, Германия **А. Б. Колесников**

Институт археологии РАН, г. Москва

Новый синопский астином и некоторые заметки к керамическим клеймам Синопы

Николаю Фёдоровичу Федосееву іп тетогіат

Характерным признаком керамических клейм двух античных производственных центров – Синопы и Херсонеса Таврического – является упоминание астиномов, реже агораномов или эсимнетов (Синопа) в их легенде. Содержание самой астиномии и её значение до сих пор остается дискуссионной темой. Во всяком случае, весьма распространенной является точка зрения, что эта магистратура относилась к числу второстепенных полисных должностей и была, скорее всего, связана с внутриполисным хозяйством.

Несмотря на заявления некоторых учёных о том, что вероятность появления новых астиномов в перечне учтёных магистратов Синопы и Херсонеса Таврического если не исключена совсем, то ничтожно мала [Conovici 1997, р. 150; Кац 1994, с. 76 сл.; Он же 2007, с. 279; Федосеев 1992, с. 152; Он же 2014, с. 92], проверка фондов музеев и новые находки «полевиков» – археологов снова и снова преподносят неожиданные сюрпризы, опровергающие такую точку зрения. Совсем недавно список херсонесских астиномов пополнился именами двух новых магистратов [Внуков, Ефремов 2017, с. 251 сл., № 1–4; Они же 2018, с. 96 сл., № 203–206], а число известных синопских фабрикантов «обогатилось» сразу несколькими новыми именами [Федосеев 1997, с. 379–381; Fedoseev 1999, р. 35–40, Таb. II; Внуков, Ефремов 2017, с. 256, № 7–9; Они же 2018, с. 108, № 268, 271; Ефремов, Тюрин 2019, с. 175, № 1].

Редкость появления новых имен может быть обусловлена несколькими причинами: недостаточным исследованием археоло-

гических памятников в местах сбыта товаров в амфорной таре, слабым учётом материалов раскопок в музейных хранилищах, малоизученностью метрополии и, наконец, неверным прочтением либо восстановлением легенд клейм. Необходимо также учитывать, что наши знания по керамической эпиграфике южнопричерноморских центров в большей степени базируются на материалах из раскопок вне метрополии. Исследования в Синопе носили ограниченный характер, а в Гераклее не производились совсем. Кроме того, остаются практически неисследованными малые полисы, относившиеся к синопской «архе», что также существенно ограничивает наши познания об экономике полиса. Так, в частности, было высказано предположение об амфорном производстве в Трапезунте уже в эллинистический период [Кац 2001, с. 52 сл.; Ефремов 2011, с. 325], что, к сожалению, пока остаётся лишь гипотезой.

Б. Н. Граков учел около 200 имен магистратов [Граков 1929, с. 183–198]. В базе данных Н. Ф. Федосеева учтено 166 астиномов [Федосеев 1993, с. 85–104; Fedoseev 1999, р. 27, 35; Федосеев 2014, с. 92]. Абсолютная хронология синопского керамического клеймения выглядит следующим образом:

Fedoseev 2017,	Кац 2007, с. 434 слл.	Garlan 2004,	Conovici
p. 32		p. 94	1997, p. 51
368–203 гг.	50/40-е гг. IV в. – 190-е гг.	360/355–185 гг.	355/350-190 гг.

При этом недостаточно учитываются следующие факторы: не все астиномы выполняли свои обязанности полный срок. Кто-то мог выбыть по болезни, умереть либо быть смещён по разным причинам. Выпуск амфор, а, соответственно, и их клеймение могли прерываться в силу внешних и внутренних причин. Наконец, в какие-то годы/периоды синопский (и любой другой) импорт не поступал в регион, и поэтому он не учтён в хронологических таблицах [Grace 1974, р. 198; Habicht 2003, р. 279; Jefremow 2013, S. 31; Ефремов 2015, с. 115 сл., 126]. Кроме того наряду с астиномами в клеймах Синопы известны агораномы и эсимнеты [Jefremow 2003, S. 9–14; Кац 2007, с. 269 слл., Табл. 15; Федосеев 2008, с. 57–70; Федосеев 2014, с. 94 сл.; Jefremow 2013, S. 31 + Anm. 45; Ефремов 2015, с. 115 сл.], причём не ясно, каким образом эти чиновники были связаны с керамическим производством.

Из публикуемых ниже клейм, первое было обнаружено-при распопках в Нимфее¹. Клеймо сохранилось не полностью, утрачена правая часть (рис. 1):

ἀστυνόμου Ἀσκληπιάδου

Второй экземпляр оттиска данного астинома (рис. 2–3) найден экспедицией А. А. Масленникова при исследовании поселения «Крутой Берег»². Плохая сохранность клейма и отсутствие аналогий послужили основанием для отнесения Асклепиада к числу фабрикантов. Оба клейма одного штампа. Во втором из них присутствует эмблема. Это может быть «кольцо», «стилизованный венок», «змея» или буква «тэта». Более вероятна эмблема «змея», что, однако, следует оставить под вопросом.

Имя Άσκληπιάδης теофорное [Bechtel 1917, 533]. Культ божества в Синопе подтверждается посвящением Асклепию и Гигиэе I-II вв. н. 9. [I. Sinope, S. 80 f., № 38. Cp. Riethmüller 2005, I. S. 84, Anm. 115, II. S. 374, Арр.-Кат. 289], а также производными от имени этого бога именами Асклепиодор и Асклепиодот. Символы божества представлены в иконографии. Например, в клеймах астинома Посидония – эмблема «змея, свернувшаяся клубком» (рис. 5-6). В этой связи хотелось бы напомнить известную историю со священным змеем Гликоном (рис. 4), почитавшимся в культе Асклепия [Toynbee 1973, p. 217]. В истории, переданной Лукианом, сообщается, что в период правления императора Антонина Пия некий Александр из пафлагонского города Абунотейха инсцинировал «явление священного змея», с целью личной финансовой выгоды (Lukian. Alexander. 12 ff., 16, 18, 48 ff.) Культ Гликона получил широкое распространение в Южном и Западном Причерноморье. На наш взгляд, это не было случайным, но уходило своими корнями в более древнее религиозное представление, в котором особое место отводилось именно змеям. Змея олицетворяла целительную силу [Riethmüller 2005, II, S. 330, 372 f., 397; Marek 2003, S. 114-115, Abb. 165-169] и соответственно связывалась с Асклепием, а, возможно, с ещё более древним догреческим культом.

Имя Άσκληπιάδης только в южном Причерноморье встречено 576 раз [LGPR VA 80–83]. Кроме прочего, оно известено в Вифинии, Византии, Гераклее, Каппадокии Понтийской [Avram 2013, p. 49, № 482, p. 67, № 630 f., p. 110, № 1085, 1086, 1091, p. 209, № 2431]. В самой Синопе оно, возможно, фабрикантское и встречается как в магистратских,

 $^{^{1}}$ Нимфей 2008, оп. 401, Кп/71785 ккк 23885. Западный район, южнее пропилей.

² Кп / 71785 ККК 29885. (http://stampsofbosphorus.ru Синопа, № 65).

так и в отдельных фабрикантских оттисках с эмблемой «кадуцей» [Fedoseev 1999, р. 35, Tab. II, 34]. В нашем случае Аокληπιάδης вне всякого сомнения – астином. Шрифт клейма свидетельствует в пользу датировки первой половиной III в. [Граков 1929, с. 77, Табл. 2 II]. Манера начертания легенды позволяет отнести астинома Άσκληπιάδης к магистратам хронологической группы IV (Conovici), VC (Garlan) вблизи от астиномов 'Екатаїоς I и 'Екатаїоς (τοῦ Λαμάχου), т. е. 270–260 гг., вероятно, VA МХГ, когда при именах магистратов ещё отсутствовало отчество; наш астином может быть датирован 270-ми гг.

Появление имён синопских «астиномов» в лапидарных надписях-довольно редкое явление. Например, имя Άσκληπιόδωρος [I.Sinope, S. 9 f., № 7, l. 7, 20] известно в Синопе в списке пританов IV в. [I.Sinope, 9-11, Nr. 7], где в качестве νομοφύλαξ фигурирует Ἐπίδημος τοῦ Ἐπιέλπου. Аналогичное сочетание имён присутствует в списке синопских астиномов и датируется, очевидно, самым началом 280-х гг. [Кац 2007, с. 264, 435, Приложение VII. № 6, с. 438, № 67. Если же принять датировку 330–320 гг., то притан Ἐπίδημος τοῦ Έπιέλπου мог быть дедом одноименного астинома. Не исключено, что также внуком притана и одновременно писца из того же списка пританов [I.Sinope, S. 9 f., № 7, l. 7, 20] Λάμαχος τοῦ Χορηγίωνος, мог быть ἀστυνόμος керамических клейм 'Εκαταῖος (τοῦ Λαμάχου). В Херсонесе Таврическом известны целые династии астиномов [Соломоник, Николаенко 1990, с. 91; Кац 1985, с. 99, с. 106, рис. 5; Он же 1994, с. 66 сл., Он же 2007, с. 300, 306, 308 сл., 324; Stolba 2005, 166; Avram 2010, p. 57 f.]. Аналогичное явление вполне реально и для Синопы [Граков 1929, с. 136, 146, 152]. Кроме того, сами астиномы рекрутировались из числа фабрикантов или лиц, близких к керамическому производству, а, соответственно, знакомых с ним [Колесников 1985, с. 77]. Вполне вероятно, что и новый астином был одним лицом с омонимом-фабрикантом.

Таким образом, список имен синопских астиномов может быть пополнен ещё одним именем.

Литература

Внуков С. Ю., Ефремов Н. В. Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Крым в эпоху эллинизма / под ред. Ю. П. Зайцева. Симферополь, 2017. С. 19–120, 279–285. Таб. I–VII.

Внуков С. Ю., Ефремов Н. В. Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы // КСИА. 2018. Т. 249, 1. С. 250–263.

Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. 223 с.

Ефремов Н. В. Некоторые вопросы экономической истории Юго-восточного Причерноморья (к проблеме локализации коричневоглиняных амфор) // АМА. 2011. Вып. 15. С. 284–331.

Ефремов Н. В. Заметки к керамическим клеймам Синопы (ответ на критику Н.Ф. Федосеева) // ВЭ. 2015. Вып. VIII. С. 94–139.

Ефремов Н. В., Тюрин М. И. Новые клейма Синопы, Коса и Книда из раскопок на укреплении Масляная гора // БЧ. 2019. Вып. XX, С. 174–180.

Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 87–113.

Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель. Саратов, 1994. 170 с., СХ; табл.

Кац В. И. Амфоры Колхиды; миф и действительность // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2001. С. 50–53.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь, 2007. 480 с.

Колесников А.Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 1985. № 2. С. 67–94.

Соломоник Э. И., Николаенко Г. М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IoSPE. 12. 403) // ВДИ. 1990. № 2. С. 79–99.

Федосеев Н. Ф. Уточнённые список магистратов, контролировавших керамические производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2. С. 85–104.

Федосеев Н. Ф. О синопском клейме Афастия // БИАС. 1997. № 1. С. 379–381. Федосеев Н. Ф. Агораномы Синопы // ФІЛІАΣ ХАРІN. Mélanges á la mémoire de Niculae Conovici / ed. A. Avram, V. Lungu, M. Neagu. Calarasi, 2008. Р. 57–70.

Федосеев Н. Ф. Из истории Синопы. Керамический аспект // Таврические студии. Исторические науки. 2014. № 6. С. 90–97.

Федосеев Н. Ф. О хронологии синопских керамических клейм // АМА. 2015. Вып. 17. С. 352–364.

Федосеев Н. Ф. Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма / под ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь, 2017. С. 169-249

Avram A. Timbres amphoriques et épigraphie lapidaire: astynomes et proxènes // The Thracians and Their Neighbours in Antiquity. Studia in honorem Valerii Sîrbu / ed. I. Cândea. Brăila, 2010. P. 53–61.

Avram A. Prosopographia Ponti Euxini Externa. Leuven, 2013. xxxvi, 462 p. Bechtel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917. 637 S.

Conovici N. Les timbres amphoriques 2. Sinope. Histria. T. VIII. Bucarest; Paris, 1997. 206 p. Pl. XLVII.

Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomoques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire / ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence, 1999. P. 27–43.

Garlan Y. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Paris, 2004. 300 p., LXXII pl.

Grace V. Revisions in Early Hellenistic Chronology // AM. 1974. Bd. 89. P. 193–202.

Habicht Chr. Rhodian amphora stamps and rhodian eponyms // REA. 2003. T. 105. $\,$ P. 541–578.

Jefremow N. Die aisymnetai von Sinope // Klio. 2003. Bd. 85.1. S. 9–14.

Jefremow N. Die Keramikstempel von Sinope und die Geschichte der Polis in der spätklassischen und hellenistischen Zeit // PATABS III / ed. L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu. Constanta, 2013. S. 25–44.

Marek Chr. Stadt, Ära und Territorium in Pontos-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen, 1993. xviii, 256 S., 56 Taf.

Marek Chr. Pontus et Bithynia. Mainz, 2003. 199 S.

Riethmüller J. W. Asklepios. Heiligtümer und Kulte. Heidelberg, 2005. Bd. $1-2.392,502\,\mathrm{S}.$

Stolba V. F. Hellenistic Chersonesos: towards establishing a Local Chronology // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC / eds. V. Stolba, L. Hannestad. Aarhus, 2005. P. 153–177.

Toynbee J. M. C. Tierwelt der Antike. Mainz, 1983. XVI, 494 S.



Рис. 1. Клеймо астинома Асклепиада из Нимфея.





Рис. 2–3. Клеймо астинома Асклепиада из поселения «Крутой Берег».





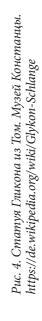


Рис. 5-6. Клейма астинома Посидония. КИАМ.

А. А. Букатов

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Подводные археологические исследования района отмели в бухте Круглой. Проблемы интерпретации

В ближайшей округе Херсонеса на дне бухты Круглой находится один из интереснейших и достаточно хорошо сохранившихся подводных археологических объектов.

Изначально исследователи разошлись в интерпретации объекта, исходя из анализа археологического материала, собранного вблизи отмели. В. И. Кадеев связывал многочисленные находки керамики со следами древних кораблекрушений [Кадеев 1964]. А. Н. Щеглов, проводя линию древнего берега по современной изобате 3 м, располагал на дне бухты затопленный клер № 7-а и относил находки к размытому культурному слою затопленной усадьбы [Щеглов 1967]. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в реконструкциях, на которых большую часть современной акватории занимают сельскохозяйственные наделы [Николаенко 1999, с. 104; Лебединский, Татарков 2020, с. 123].

К сожалению, существующие на данный момент сведения о подводных исследованиях в бухте Круглой крайне скудны. Результаты экспедиции группы аквалангистов банка "АЖІО" (г. Киев) совместно с Херсонесским заповедником опубликованы в очень сжатом варианте и выделяют на акватории бухты Круглой два отдельных участка [Сорокопуд, Филипенко 1999]. Один из них – банка, поднимающаяся над дном на 2–4 метра и состоящая из выхода скалы и развалов камней. Авторы сообщают о следах подтесов на камнях, часто встречающихся обломках амфор и посуды. Исследователи предположили, что когда-то здесь находилась небольшая постройка.

Второй выделяемый ими участок – это находящиеся на отмели по центру бухты на глубине 1–2 м остатки античной усадьбы: «В верховьях бухты находится затопленная часть сельскохозяйственного надела и усадьба этого надела».

На историко-архитектурном опорном плане и проекте зон охраны [Севастополь. Генеральный план, 2004] выделен участок 76, который, согласно описанию, ограничивает территорию античной усадьбы на дне Круглой бухты. Этот участок располагается значительно южнее скалистой отмели, которая не была включена в охранную зону памятника, что хорошо видно при сопоставлении карт (рис. 1.а).

Центр скопления подводных находок 1960-х годов располагался юго-восточнее скалистого участка (рис. 1.6). Среди строительной керамики, обнаруженной на отмели в 2019 г., выделяется значительное количество материала римского периода (I–III вв.), материал IV–III вв. до н. э. представлен единичными фрагментами.

Материал, полученный в 2020 г. из шурфа на свале глубин у границы отмели, состоит в основном фрагментами средневековых тарных сосудов и строительной керамики. Античная керамика представлена единичными находками (рис. 2).

Таким образом, можно предполагать, что северная часть скалистой отмели – по крайней мере с первых веков н. э. – находилась вблизи уреза воды. В пользу этого говорят сильно окатанные немногочисленные фрагменты керамики эллинистического времени, подвергавшиеся разрушительному воздействию мелководной зоны. Сама сельскохозяйственная усадьба, видимо, располагалась южнее, ближе к срытой в современное время песчаной пересыпи. Полученная при исследованиях в Карантинной бухте, в районе «ромбовидной башни», величина изменения глубины моря, начиная от момента ее возведения, ограничена величиной 2,86 м. Даже не принимая во внимание просадку сооружения, это значительно меньше современных глубин в районе скалистой отмели, составляющих 3–4 м с востока и запада и 4–6 м севернее. Отметим, что здесь не учитывалась толщина донных наносов, что может значительно увеличить оценку изменения глубины в районе отмели.

Судя по находкам строительной керамики, в римское время здесь находились постройки. Обнаруженные в 2020 г. при шурфовке на отмели фрагменты стеклянных рюмок и оконного стекла V–VII вв., вероятно, могут указывать на наличие постройки общественного характера.

В этой связи показательны результаты подводных исследований Фанагории, которые выявили, что портовая инфраструктура, возведенная в классический период, в результате постепенного подъема уровня Черного моря оказалась затоплена, вероятно, к началу І тыс. н. э. В конце ІІІ–ІV в. н. э. пришлось строить новые причальные

сооружения [Кузнецов, Ольховский 2016, с. 349]. Вполне вероятно, аналогичная картина наступления моря наблюдалась и в районе Гераклейского полуострова. В процессе разведок в Круглой бухте, на южной части отмели, была выявлена каменная насыпь длиной более 60 м (рис. 1.в, г). Подобные объекты известны в местах древних гаваней и портов в Черном и Средиземном морях.

Литература

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003. 235 с.

Кадеев В. И. Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе. 1964 г. // НАО ГМЗХТ Ф. 1. Д. 1160/1.

Кузнецов В. Д., Ольховский С. В. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.) // Материалы по археологии и истории Фанагории. М., 2016. Вып. 2. С. 325–352. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4)

Лебединский В. В., Татарков Д. Б., Пронина Ю. А., Башенкова А. А. Изучение древней береговой линии Херсонеса и Хоры с применением цифровых технологий // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции. Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Т. 1. М., 2020. С. 121–126.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. 352 с.

Николаенко Г. М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1. С. 97–120.

Севастополь. Генеральный план. Историко-архитектурный опорный план и проект зон охраны. 2004 г. Масштаб 1:50 000. Архив СРО ВООПИК. Копия.

Сорокопуд С., Филипенко А. О подводных археологических разведках в акватории Севастополя в 1993–1994 годах // Vita Antiqua. 1999. Вып. 1. С. 71–74.

Щеглов А. Н. Отчет о расчистке склепа на южном берегу Круглой бухты в 1967 году // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д.865.

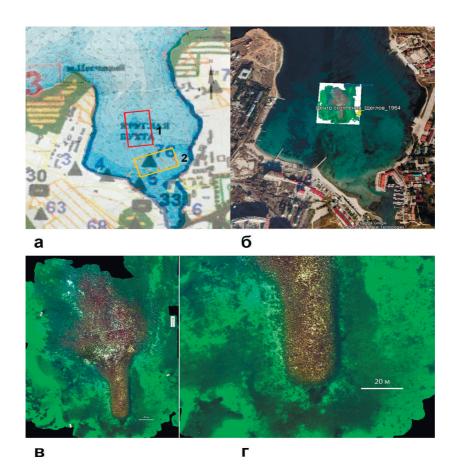


Рис. 1. а: Батиметрическая карта Карантинной бухты с наложенным фрагментом Историко-архитектурного опорного плана и проекта зон охраны 2004 г. Показан участок скалистой отмели (1) и «античная усадьба на древнем земельном участке на дне Круглой бухты» (2). б: Спутниковый снимок бухты Круглая с наложенным ортофотопланом участка отмели. Показан центр находок 1964 года (по А. Н. Щеглову). в: Ортофотоплан отмели в центральной части бухты Круглая. г: Каменная насыпь в южной части отмели в центральной части бухты Круглая.

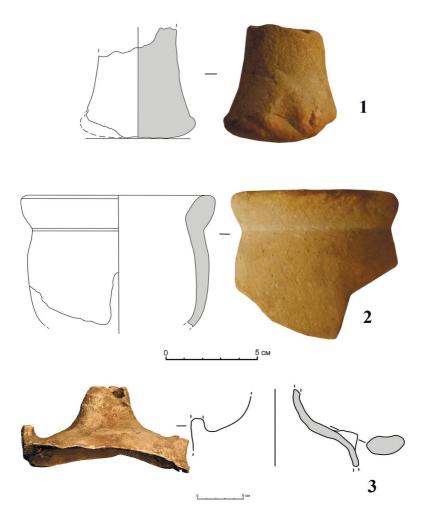


Рис. 2. Находки 2020 г. из шурфа на свале глубин у отмели в центральной части бухты Круглая. 1: фрагмент ножки мендейской амфоры IV в. до н. э.; 2: фрагмент горла и венчика хиосской амфоры позднего варианта (тип III С-2), третья-четвертая четверть V в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 17–19, 237, табл.7]; 3: фрагмент горла светлоглиняной гераклейской амфоры второй-третьей четверти I – второй четверти II вв. н. э. [Внуков, 2003, с. 117–118].

И. И. Вдовиченко

Музей истории города Симферополя, г. Симферополь

Изображение симпозия на вазах из Керкинитиды

Симпозий - совместный пир - играл важную роль в жизни древних греков. Античные авторы довольно подробно описывают эти пиры, потому что эта древняя традиция совместного питания и винопития, существовавшая в форме сисситий и симпозиев, объединяла гражданское общество. Платон, Ксенофонт, Плутарх, Афиней описывают беседы участников, особенности проведения симпозия, пищу, которую вкушали, правила винопития. М. В. Скржинская уделила достаточное внимание этой теме в своей монографии «Будни и праздники Ольвии в VI-I вв. до н. э.» [Скржинская 2000, с. 120-125]. В. А. Кутайсов в своей популярной книге «Античный город Керкинитида» довольно подробно описал пир, опираясь на данные раскопок Керкинитиды и поселений северо-западного Крыма [Кутайсов 1992, с. 120-129]. И все же, как в маленьком городке на окраине цивилизованного мира проходили симпозии? У нас много прямых и косвенных свидетельств, что эта традиция поддерживалась местными греками. Здесь было найдено здание с андроном [Кутайсов 1990, с. 91], использовавшимся для проведения таких мероприятий. Найдены многочисленные целые и фрагментированные винные амфоры, столовая посуда, которой пользовались во время пиров [Кутайсов 2004, с. 69-79]. Обратимся в первую очередь к росписи ваз. Во время раскопок Керкинитиды найдено несколько сосудов с изображением симпозия, что свидетельствует об интересе керкинитов к этой теме. Они специально заказывали сосуды с этим сюжетом у приезжих купцов. Фрагментированный кратер из раскопок Н. Ф. Романченко в 1893 г. с изображением симпозия [Кутайсов, Ланцов 1989, с. 2] хранится сейчас в Государственном Эрмитаже (инв. № Евпатория-3) (рис. 1). На лицевой стороне кратера сохранилось изображение симпозиастов, возлежащих на двух ложах, и флейтистки. Справа, опираясь на полосатые подушки, туго набитые шерстью, возлежат симпозиасты - двое молодых бородатых мужчин с обнаженными торсами, в ¾ развороте влево. Бедра и ноги симпозиастов прикрыты красиво задрапированными гиматиями. Края лож декорированы точечным орнаментом. Перед ними широкий низкий столик, показанный в профиль, видны три ножки с широкими основаниями, возможно, в виде лап животного. Третий симпозиаст, также с обнаженным торсом, показан в повороте вправо. Он возлежит, очевидно, на другом ложе. Перед ним столик на трех изогнутых ножках. Столики пусты, на них нет ни еды, ни напитков, симпозиасты не держат в руках сосуды. Очевидно, показан момент после окончания трапезы, когда вино еще не подано, со столиков слуги убрали блюда. Флейтистка, которая движется вправо, играет на диавлосе. Она в длинном хитоне, декорированном точечном орнаментом. Руки, авлос, лицо и ступни ног покрыты белой накладной краской. На оборотной стороне кратера – традиционные фигуры юношей в гиматиях, их было, очевидно, трое. Два движутся вправо. Полностью сохранилось изображение одного из них, рядом с ручкой сосуда, в руках юноша держит круглый сосуд, похожий на кольцевой аск. Под ручкой - многолепестковая пальметка. От изображения второго юноши сохранилась нижняя часть гиматия. Композиция и манера росписи близка манере мастера Филлотрано [Beazley 1963, p. 1453.5], работы которого относят обычно к середине IV в. до н. э. Орнамент в виде волны, используемый в декоре кратера, изображение мужских торсов, женская фигурка с авлосом, общая композиция похожи на изображения симпозия на вазах этого мастера из Северной Греции: кратеры из Месоррахи в Серре в Центральной Македонии [Akamatis 2019, fig. 4a] (рис. 2) и из деревни Кукос в Пиерии [Akamatis 2019, fig. 4b], ойнохоя из Эги [Akamatis 2019, fig. 5] (рис. 3).

Во время консервационных работ на городище Керкинитиды в 1987 г. была проведена подчистка обвалов вдоль бортов раскопов 1980–1986 гг. Среди обнаруженных материалов – фрагменты кратера (к.о. 24) [Кутайсов 1987, с. 9, 16] (рис. 4). На фрагментах из раскопок Керкинитиды 1987 г. (сохранились все четыре фрагмента, упомянутые в коллекционной описи) уцелела часть фигуры симпозиаста, возлежащего на ложе и опирающегося на полосатую подушку, в нижней части фрагмента – изображение блюда с белыми точками (кексы, печенье?). На втором фрагменте – часть ложа, столик со стоящим на нем блюдом с кексами, рядом нижняя часть изображения обнаженного юноши, очевидно, виночерпия. Еще на одном фрагменте – нижняя часть одеяния женщины, идущей вправо, изображение ступни покрыто белой накладной краской, край одеяния ограничен темной каймой. Фрагмент еще одного кратера (Е-86/414) – того же

самого или расписанного тем же мастером - был обнаружен в 1986 г. при подчистке бортов раскопа в течение сезона [Кутайсов 1986, с. 38] (рис. 5). На нем сохранилась часть изображения женской фигуры, одетой в хитон с апоптигмой¹, под ней – петелька шнурообразного пояса. Сохранилась нижняя часть изображения правой руки, нанесенной белой накладной краской. Пальцы и двухвитковый браслет на запястье прорисованы светло-коричневым лаком. Виден локоть правой руки, очевидно приподнятой. Справа – часть изображения ложа, складки гиматия возлежащего симпозиаста и часть изображения столика с темной полосой с белыми точками, нанесенными белой накладной краской (блюдо с кексами?). Особенности изображения женской фигуры близки манере мастера London F 64, в частности на кратере из Базеля (рис. 6) [Beazley 1963, 1420.8]. На фрагменте открытого сосуда из раскопок Керкинитиды в 1990 г. (к.о. 9) (рис. 7) изображена часть торса возлежащего на ложе симпозиаста и складки его гиматия, полосатая подушка. Такая же сцена – на килике № 216224 из Музея истории искусства в Вене, на котором изображены двое симпозиастов, возлежащих на ложе и опирающихся на полосатые подушки [Beazley Archive https://www.cvaonline.org/xdb/ ASP/recordDetailsLarge.asp?newwindow=true&id={74E030BC-FE39-4EA1-B13B-D24DBC0ED71C}&fileName=/Vases/SPIFF/Images200/ AUS01/CVA.AUS01.024.6/cc001001.jpe]. Аналогично не только изображение складок гиматия, персонажа и подушки, на которую он опирается, но и узкой полосы орнамента, ограничивающего снизу рисунок в виде стилизованных ов и вертикальных полосок. Можно предположить, что килик из Керкинитиды имел такое же изображение на медальоне внутри сосуда: юноша и гетера на клинэ. Килик из Вены по атрибуции Д. Бизли относится к числу работ мастера Марлей (Marlay Painter), работы которого датируются 430-420 гг. [Beazley 1963, 1278.37].

Итак, расписные аттические краснофигурные вазы с изображением симпозия из раскопок Керкинитиды датируются от последней трети V до середины IV в. до н. э. и выполнены аттическими мастерами, работы которых получили широкое распространение в различных регионах античного мира. Вазы мастера Марлей были найдены во время раскопок в Аттике, Италии, Великой Греции, Северном Причерноморые (Пантикапей). А теперь, благодаря изучению материалов Евпаторийского музея, мы можем добавить к этому списку и Керкинитиду. Вазы мастера Филоттрано, по мнению Никоса Акаматиса, поступали

 $^{^{-1}}$ Апоптигма (ἀπόπτυγμα) – складка, отворот одежды, в данном случае – хитона. – Примеч. ред.

в большом количестве в Северную Грецию, а оттуда через посредство местных купцов – в Северное Причерноморье, в том числе – в Керкинитиду [Akamatis 2019, р. 98] в середине – третьей четверти IV в. до н. э. Вазы, расписанные мастером Лондон F 64, были широко распространены повсеместно, в том числе и в Северном Причерноморье [Вдовиченко, Рыжов, Жесткова 2019, с. 52]. Наличие расписных сосудов, выполненных в разных аттических мастерских V–IV вв. до н. э., с изображением симпозия свидетельствует о сохранении интереса керкинитов к этой теме.

Литература

Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического. Из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 годах. Севастополь, 2019.

Кутайсов В. А. Отчет о работе Западно-Крымской экспедиции в 1986 г. // Научный архив Института археологии Крыма. Инв. № 185, инв. кн. 4, папка 430.

Кутайсов В. А. Отчет о работе Западно-Крымской экспедиции в 1987 г. // Научный архив Института археологии Крыма. Инв. № 238, инв. кн. 2, папка 522.

Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990.

Кутайсов В. А. Керкинитида. Симферополь, 1992.

Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.

Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Некрополь античной Керкинитиды. Киев, 1989. Скржинская М. В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э. СПб., 2000.

Akamatis N. Red-Figure Vases by the Workshop of the Filottrano Painter in Northern Greece // Η κεραμικη τις κλαςικης εποχης ςτο Βορειο Αιγαιο και την περιφερεια του (480-323/300 π.χ.). Θεσσαλονικη, 2019. P. 91–100

Beazley J. D. Attic Red-Figure Vase-Painters/ 2nd ed. Oxford, 1963.

Beazley Archive: [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.cvaonline.org/xdb/ASP/recordDetailsLarge.asp?newwindow=true&id={74E030BC-FE39-4EA1-B13B-D24DBC0ED71C}&fileName=/Vases/SPIFF/Images200/AUS01/CVA.AUS01.024.6/cc001001. Дата обращения: 18.07.2021.



Романченко в 1893 с изображением симпозия, хранит-Рис. 1. Фрагментированный кратер из раскопок Н. Ф. ся сейчас в Государственном Эрмитаже (инв.№ Евпатория-3), съемка А. Я. Лаврентьева.





Рис. 4. Фрагменты кратера (к. о. 24) из раскопок Керкинитиды 1987 г.

Рис. 3. Ойнохоя мастера Филоттрано из Эги.



Рис. 5. Фрагмент кратера (E-86/414), обнаружен в 1986 г. при подчистке бортов раскопа в течение сезона.



Рис. 6. Кратер мастера Лондон F 64 из Базеля.



Рис. 7. Фрагмент открытого сосуда из раскопок Керкинитиды в 1990 г., к. о. 9.

Ю. А. Виноградов

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

«Старый Херсонес» Н. М. Печёнкина¹

Последние годы ознаменованы ростом научного интереса к судьбе и научной деятельности Н. М. Печёнкина [Рудакова 2014; Непомнящий 2019; Виноградов 2020]. Отдельным томом опубликованы его археологические труды [Археологические труды 2020], некоторые из которых увидели свет впервые. Этот интерес вполне оправдан – Н. М. Печёнкин сделал очень многое для изучения окрестностей Херсонеса. Строительные остатки, обнаруженные им на Маячном полуострове, были настолько впечатляющими, что Николай Михайлович пришел к заключению, что на этом месте располагался Страбоновский или Старый Херсонес. Эта гипотеза, как известно, базируется на сообщении Страбона о Старом Херсонесе, лежащем в руинах (VII.4.2). Академик П. С. Паллас, осмотревший археологические памятники Маячного полуострова, признал, что первоначально Херсонес был расположен именно здесь [Паллас 1881, с. 102].

Такой точки зрения придерживался К. К. Косцюшко-Валюжинич, который по поручению А. Л. Бертье-Делагарда провёл раскопки на Маячном полуострове летом 1890 г. В результате он пришел к заключению, что «древнейший город находился там (на Маячном полуострове; – Ю. В.) сравнительно недолго, был <...> нелюден и беден и около III века до Р. Х. был уже на новом месте» [Косцюшко-Валюжинич 1891, с. 61].

Исследования, предпринятые Н. М. Печёнкиным в 1910 г., убедили его в верности этой точки зрения [Печёнкин 1911]. Его заключение по этому вопросу выглядит очень солидно [Печёнкин 2020a, с. 124]:

- «1) Произведенная разведка выяснила, что на всем пространстве от "оборонительных" стен до Маяка имеются остатки значительного древнегреческого поселения.
- 2) Основываясь на добытых материалах, датированных компетентными лицами, поселение это существовало в IV, III и II вв. до Р.Х.

 $^{^1}$ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ − «Древности» № 18–09– 40037 «Неопубликованное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

3) Ко времени Страбона это поселение было оставлено жителями и в большинстве лежало в развалинах».

От этого вывода Н. М. Печёнкин, в общем, не отказался и после раскопок 1911 г. [Печёнкин 20206, с. 140]. В этом вопросе, однако, имеется один существенный нюанс. В 1911 г. исследователь с нетерпением ждал приезда на раскопки М. И. Ростовцева. Тот посетил их 24 августа 1911 г. и высказал большое одобрение по поводу проделанных работ, но остатков города он здесь не заметил. О впечатлении, которое М. И. Ростовцев вынес от знакомства с этими памятниками, до недавнего времени можно было судить только на основании одного его краткого замечания: «Особенно интересно исследование территории Херсонеса с точки зрения ее разделения на участки заселения и защиты от набегов извне, начатое в последнее время в одном пункте Н. М. Печёнкиным, но, к сожалению, оборванное на полуострове» [Ростовцев 1916, с. 7, прим. 2].

После публикации дневников Н. М. Печёнкина [Печёнкин 2020в] это замечание М. И. Ростовцева становится еще более понятным. По его компетентному мнению, на Маячном полуострове была обнаружена система земельных наделов с расположенными на них укрепленными домами клерухов. Улицы-дороги, разделяющие эти наделы, вели к «акрополю» или укреплению, заключенному между двух стен на перешейке Маячного полуострова [Печёнкин 2020в, с. 178–179].

Действительно, раскопками 1910–1911 гг. здесь не было открыто ни храмов, ни общественных построек, характерных для облика греческих городов. Не удивительно, что А. Л. Бертье-Делагард, осмотревший эти усадьбы в сентябре 1911 г., заявил: «Это, конечно, загородные постройки, просто дачи» [Печёнкин 2020в, с. 185].

С мнением авторитетных ученых, особенно с замечанием М. И. Ростовцева, спорить было очень трудно, однако Н. М. Печёнкин попытался это сделать. В докладе, посвященном итогам двухлетних работ на Маячном полуострове, который был прочитан 25 февраля 1912 г. на заседании Разряда военной археологии и археографии Военно-Исторического общества, он заключил, «что первоначальный Херсонес был расположен у Казачьей бухты и уже затем перенесен к Карантинной бухте, где во времена Страбона (начало христианской эры) находился цветущий город, тогда как у Казачьей бухты были уже развалины города, названного Страбоном древним Херсонесом» [см.: Виноградов 2020, с. 18]. К этому, однако, пришлось добавить, что, по мнению М. И. Ростовцева, «поселение это представляет ярко выраженную клерухию, быть может, единствен-

ный в своем роде памятник, благодаря случайностям сохранившийся до наших дней без позднейших наслоений» [см.: Виноградов 2020, с. 18]. Тот факт, что клерухия никак не может быть первоначальным Херсонесом, то есть независимым греческим полисом, его, вероятно, не смущал. Данное обстоятельство, по-своему характеризующее увлекающуюся натуру Н. М. Печёнкина, конечно, никак не принижает его заслуг перед российской античной археологией.

Литература

Археологические труды Н. М. Печёнкина / под. ред.Ю. А. Виноградова и Т. Н. Смекаловой. СПб., 2020. (Гераклейский сборник. Вып. IV).

Виноградов Ю. А. Николай Михайлович Печёнкин. Верный солдат российской археологии // Археологические труды Н. М. Печёнкина. СПб., 2020. С. 10–24. (Гераклейский сборник. Вып. IV).

Косцюшко-Валюжинич К. К. Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. 1891. № 13. С. 55–61.

Непомнящий А. А. Николай Михайлович Печёнкин // «Гераклейский сборник» 1936 г. СПб., 2019. С. 49–52. (Гераклейский сборник. Вып. I).

[Паллас П.С.] Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД, 1881. Т. XII. С. 62–248.

Печёнкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 108–126.

Печёнкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // Археологические труды Н. М. Печёнкина. СПб., 2020а. С. 119–124. (Гераклейский сборник. Вып. IV).

Печёнкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского древнего Херсонеса в 1910–1911 гг. // Археологические труды Н. М. Печёнкина. СПб., 2020б. С. 134–140. (Гераклейский сборник. Вып. IV).

Печёнкин Н. М. Дневник (беловой) раскопок 1910 и 1911 гг. на месте Старого Херсонеса // Археологические труды Н. М. Печёнкина. СПб: Алетейя, 2020в. С. 171–185. (Гераклейский сборник. Вып. IV).

Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. 5–16.

Рудакова Л. П. Военный археолог Николай Михайлович Печёнкин // Рериховское наследие. Десятая международная научно-практическая конференция. СПб., 2014. С. 431–442.

С. Ю. Внуков

Институт археологии РАН, г. Москва

Городище Кара-Тобе в эпоху эллинизма

Самым ранним сохранившимся сооружением на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму является т. н. Центральный строительный комплекс, построенный, видимо, войсками Диофанта. Более ранних сооружений или наслоений здесь не открыто. Вместе с тем в культурном слое поселения постоянно вместе с позднеэллинистическим материалом встречаются находки более раннего времени от начала IV в. до н. э.

Центральный строительный комплекс Кара-Тобе (далее ЦСК) представляет собой многокомнатное сооружение сложного плана (рис. 1). Его центром является двухэтажная, башня размерами около 12×12 м. К югу и к северу от нее расположены два двора, окруженные рядами помещений. Вход в башню был из южного (Центрального) мощеного двора. Этот двор окружали два ряда помещений. Большинство их скомпоновано попарно в блоки, состоящие из мощеного дворика и выходящего в него крытого помещения. Дворики выходили в Центральный двор.

Больший по размеру Северный двор также был окружен двумя рядами помещений. Почти все их стены были позднее разобраны, о планировке можно судить лишь по границам полов помещений и следам выборок стен (рис. 1). Мощеных двориков здесь практически нет. В ряде помещений на полу сохранились глиняные печки и низкие сырцовые «столики». Наслоения Северного двора резко отличаются от наслоений Центрального. Наслоения Северного двора, представляющие собой зольник, состоящий из золистых и глинистых прослоек, резко отличаются от наслоений Центрального. представляют собой зольник, состоящий из золистых и глинистых прослоек. Видимо, помещения вокруг Центрального двора были жилыми и их занимали солдаты размещенного на Кара-Тобе небольшого понтийского гарнизона. Северный двор, скорее всего, был хозяйственным. В некоторых помещениях вокруг него могли жить семьи представителей местного населения, обслуживавшие этот гарнизон.

ЦСК был построен по единому плану. Промеры подтвердили предположение А. В. Буйских, что при его планировке использовал-

ся дорический фут в 32,6 см [Буйских 2008, с. 144] или близкий ему аттический фут в 30,1 см. Подошвы всех стен ЦСК залегают на материке или заглублены в него до 0,2 м. Каменный отес, связанный с этим строительством, также лежит на материке. Основная масса материала из ранних слоев датируется последней четвертью І в. до н. э. – первой третью І в. до н. э.

Вместе с тем в этих же слоях регулярно встречается более ранний материал, датируемый от начала IV в. до н. э., происхождение которого трудно объяснить (рис. 2). В первую очередь, это узко датируемые находки – монеты и амфорные клейма.

Комплекс монет Кара-Тобе заметно отличается от нумизматических комплексов соседних памятников. Всего здесь найдено 39 определимых античных монет. Их можно условно разделить на пять хронологических групп. В раннюю группу входят 9 монет, выпущенных в конце IV – конце III в. до н. э. – задолго до постройки ЦСК. Из них 5 монет чеканены в Херсонесе, две – в Кимах, одна – в Александрии Троадской и одна – в Месембрии (чекан фракийского царя Кавара). Следующую группу составляют 11 херсонесских монет, чеканенных между 210 и 170 гг. до н. э. К середине – второй половине II в. до н. э. относятся лишь 2 монеты, чеканенные в Херсонесе и Тире. Периодом Митридата Евпатора датируются 14 монет разных типов, чеканенных в Херсонесе (5 экз.), Амисе (4 экз.), Синопе (3 экз. – рис. 2.1), Амастрии и Пантикапее (по 1 экз.) (рис. 2.2). Еще 3 монеты отчеканены в римское время: статер царя Асандра, монеты Пергама и Том.

Так же необычно и хронологическое распределение керамических клейм из Кара-Тобе. Самые ранние из них (клеймо Фасоса, 2 клейма Гераклеи и 3 клейма Синопы подгруппы ІС) датируются первой четвертью ІV в. до н. э. – временем, предшествующим присоединению этой территории к Херсонесу. Херсонесские клейма появляются на Кара-Тобе с начала клеймения в этом центре в последней четверти ІV в. до н. э. (группа ІА). Во второй половине ІІІ в. до н. э. здесь появляются клейма Родоса и Книда [Внуков, Ефремов 2017, с. 19–120].

Таким образом, до 2/3 керамических клейм, найденных на Кара-Тобе, датируются временем до постройки ЦСК и начала отложения слоя на памятнике, а наиболее ранние из них относятся ко времени до освоения этой территории Херсонесом.

Тем же временем датируются и редкие находки на памятнике фрагментов аттической чернолаковой и краснофигурной посуды. Это обломки чернолакового кратера IV в. до н. э., несколько невыразительных фрагментов краснофигурных расписных (рис. 2.3) сосудов и сетчатых лекифов.

Обращают на себя внимание и находки ряда изделий из камня, редких на сельских памятниках дальней хоры Херсонеса. Они относятся к эллинизму, точнее датировать их невозможно. Это мраморные обломки небольшой статуи со складками одежды (рис. 2.4) и женской головки, сколотой с горельефа (рис. 2.5), а также известняковые рельеф всадника (рис. 2.6), фронтоны нескольких стел (рис. 2.7), барабан каннелированной дорической полуколонны и др. Мало вероятно, что мраморная скульптура украшала гарнизонные помещения.

Следует также упомянуть четыре лапидарные надписи, найденные на городище. Это самое большое количество подобных находок на поселениях региона. Наиболее ранняя из них (рубеж III–II вв. до н. э.) нанесена на блок известняка и содержит часть теофорного имени в честь Девы или имя самой Девы (рис. 2.8). Надпись была сделана до постройки Центрального строительного комплекса городища [Сапрыкин, Внуков 2015, с. 99–102].

Вторая и третья надписи – посвящение моряков во главе с кюбернетом Теотимом (рис. 2.9) [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 102–111] и «трофей» понтийских войск (рис. 2.10) [Виноградов, Внуков 1989] – широко датируются поздним эллинизмом. Позднее было предложено новое прочтение и интерпретация последней надписи [Сапрыкин, Внуков 2014], но присутствие в ней теофорного имени или упоминания Девы сомнений не вызывает.

Последняя надпись не опубликована. Сохранился левый верхний угол плиты с тремя первыми буквами: Δ II [Σ OTEPI KAI ...] (рис. 2.11). Упоминание Зевса в первой строке говорит о сакральном характере надписи. Данных для ее точной датировки нет, надпись была найдена в вымостке конца II в. до н. э.

Таким образом, на Кара-Тобе наблюдается парадоксальная ситуация с ранними отложениями. Стратиграфия определенно говорит о том, что ЦСК был построен на материке. Нигде не обнаружено ни слоя, ни закрытых комплексов, которые можно было бы датировать временем ранее последней четверти II в. до н. э. В то же время в ранних комплексах регулярно встречается примесь выразительных находок более раннего времени. Их происхождение объяснить сложно. Мало вероятно, что при строительстве ЦСК понтийские войска полностью разобрали все ранние постройки и начисто срыли ранний культурный слой. Сейчас на городище исследовано почти 2500 м2 площади на вершине холма, но никаких следов чистого раннего слоя (in situ или перемещенного) или разобранных ранних сооружений не обнаружено.

На мой взгляд, наиболее вероятным объяснением описанной ситуации может быть следующее. На холме, господствовавшем над мест-

ностью и проходившей рядом дорогой, в IV–II вв. до н. э. находилось небольшое придорожное святилище. Из него и происходят описанные элементы архитектурного декора и лапидарные посвящения, а также ранние клейменые амфоры и посуда. Этим можно объяснить и пестроту ранних монетных находок на Кара-Тобе. Вряд ли в таком святилище мог отложиться мощный культурный слой. Возможно, оно было разрушено во II в. до н. э. во время скифо-херсонесских войн. При строительстве ЦСК камень из его развалин мог быть использован вторично, а тонкий культурный слой полностью перемешан с позднеэллинистическими отложениями. Только дальнейшие раскопки могут подтвердить или опровергнуть это предположение.

Литература

Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008.

Виноградов Ю. Г., Внуков С. Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (тезисы докладов конференции). Запорожье, 1989. С. 26–29.

Внуков С. Ю., Ефремов Н. В. Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 2017. С. 19–120.

Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму: хронология и датировка надписей // Боспор Киммерийский и варварский мир: актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 358–363. (БЧ. Вып. XV).

Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015. № 2. С. 98–119.

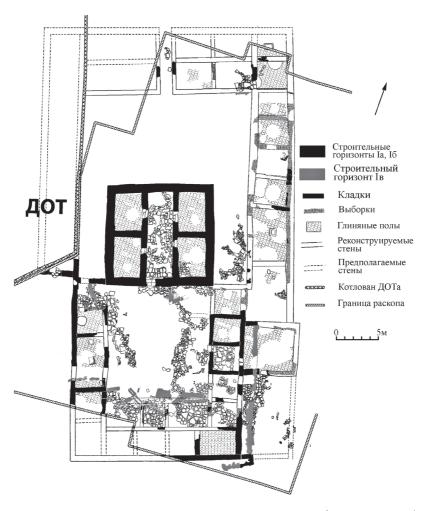


Рис. 1. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе. План-реконструкция.

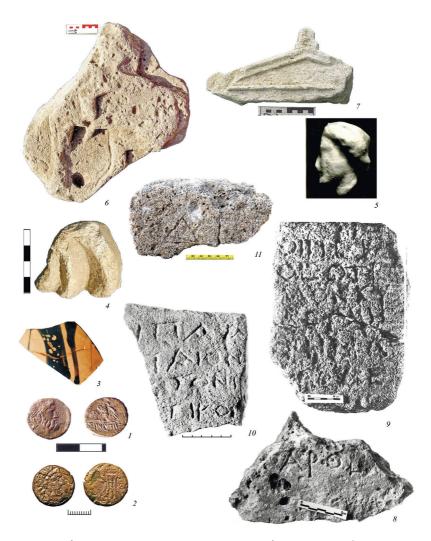


Рис. 2. Находки эллинистического времени с городища Кара-Тобе: 1, 2 – монеты Синопы и Пантикапея времени Митридата Евпатора; 3 – фрагмент краснофигурного расписного сосуда; 4 – фрагмент мраморной статуи (складки одежды); 5 – фрагмент мраморного горельефа; 6 – фрагмент известнякового рельефа; 7 – фронтон известняковой стелы; 8–11 – фрагменты лапидарных надписей.

А. В. Гаврилов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь.

Курганный некрополь античной Феодосии (современное состояние)

Изучение некрополей античных городов Северного Причерноморья началось в XIX и активно продолжалось в XX в. Исследование феодосийского античного городского некрополя после раскопок в середине XIX в. практически прекратилось [Тункина 2011, с. 144; Она же 2012, с. 48; Петрова 2002, с. 600; Петрова, Карпенко 2004, с. 41–42], и лишь в последней четверти XX века некоторые его объекты вновь попали в поле зрения археологов. Случайные исследования курганов показали наличие в нем сохранившихся погребений, содержащих интересные артефакты [Айбабин 1978, с. 80; Бейсанс и др. 1997, с. 54; Катюшин 1998, с. 32–33]. Исследование и доисследование на современном уровне сохранившихся остатков насыпей и редких целых курганов могло бы дать уникальные находки и дополнительную информацию об изначальном населении этой древнегреческой колонии, прояснило бы многие вопросы раннего периода ее жизни и эллинской колонизации Северного Причерноморья в целом.

Разрастание территории современного города, выделение земельных участков под индивидуальное жилищное строительство, возведение разных технических сооружений и создание современной городской инфраструктуры стали угрожать остаткам феодосийских древностей. В 2020 г. такая угроза нависла над остатками курганного некрополя античной Феодосии, находящегося на хребте Тепе Оба. Здесь уже выделены участки под застройку, на которых находятся как частично исследованные, так и еще сохранившиеся насыпи (рис. 1). В связи с этими процессами возникла необходимость картографирования насыпей античного некрополя, сохранившихся целиком или частично на вершине и северных склонах хребта Тепе Оба, и последующей их постановки на государственный учет. С этой целью я продолжил начатое в 2007 г. обследование этих археологических объектов на указанной территории [Гаврилов 2007, с. 12, 74–75, рис. 122, 123; Он же 2010, с. 274].

Хребет Тепе Оба является крайним восточным отрогом Внешней гряды Крымских гор, его максимальная высота составляет 289 м от уровня моря. Основные высотные точки располагаются у южных крутых, местами обрывистых склонов в Двуякорную бухту. В XX в. большая часть склонов хребта была террасирована и засажена соснами, что совершенно изменило внешний вид Тепе Оба. Северные и северо-восточные склоны хребта более пологие, они изрезаны большими и маленькими балками, из которых самой крупной и глубокой является т. н. Дурантовская балка, которая пересекает хребет в направлении с севера – северо-запада на юг – юго-восток и делит его на две части. Все балки впадают в Феодосийскую бухту и являются местной гидрографической сетью, по которой во влажные периоды стекала вода, питающая местные источники. Межбалочные водоразделы, более или менее широкие, уже в древности использовались для организации некрополей и кладбищ вплоть до 60-х гг. XX в., о чем свидетельствуют старые карты города и надгробные плиты. Микрорельеф склонов в целом имеет уклон в сторону бухты, но местами он относительно ровный, пологий. Именно находящиеся близко к античному городу межбалочные склоны послужили для организации на них курганного (и грунтового) некрополя первых поселенцев Феодосии. Очевидно, глубокая Дурантовская балка являлась естественной границей, определявшей пределы курганного некрополя античной Феодосии с западной стороны. Западнее этой балки, на плоской и широкой вершине хребта Тепе Оба, имеются курганы, но их немного, и, возможно, они принадлежат варварскому населению округи [Гаврилов 2007, с. 76, 77].

Обследование 2021 г. вершин и северных склонов хребта Тепе Оба в направлении с востока на запад – от мыса Святого Ильи до Дурантовской балки – на предмет сохранившихся насыпей курганного некрополя античной Феодосии показало их наличие. Эта территория имеет размеры 5.3×1.5 км или около 8 км^2 , (рис. 1). Всего на пологих участках межбалочных водоразделов, среди сосновых лесонасаждений, а также на высоких местах хребта у обрывистых склонов в Двуякорную бухту выявлено и обследовано 135 насыпей и кургановидных холмов. Они разной величины и степени сохранности, большая их часть слабо выражена в рельефе, зачастую сохранила следы бывших «раскопок» в виде заплывших траншей и ям или задернованных кольцевых отвалов.

Мыс Святого Ильи отделяется от остальной территории хребта Тепе Оба глубокой балкой, в верховье которой находилось странноприимное кладбище и часовня, а устье выходит к т. н. Доковой башне у стен Генуэзской цитадели (рис. 2). Насыпи, большей частью поврежденные, сохранились на территории мыса благодаря тому, что эту

зону во второй половине XX в. занимали военные части и хозяйственная деятельность в этих местах была ограничена. Из них относительно неплохо сбереглись три насыпи, они сравнительно высокие, хорошо выражены в рельефе и носят незначительные повреждения. Часть насыпей на этой территории попадает в зону частной застройки и, очевидно, будет уничтожена. По-видимому, именно здесь находилась часть курганов, раскопанных А. А. Сибирским, И. К. Айвазовским, А. Е. Люценко.

На территории северных склонов Тепе Оба от СПК «Маяк» до Новокарантинной улицы также есть несколько относительно целых насыпей (рис. 1). Они располагаются в средней и нижней части склонов, на границе с современной застройкой города. В XVIII - начале XX в. некоторые насыпи и территория античного грунтового могильника (территория размером 150 × 300 м, государственный учетный № 2192) были заняты караимским кладбищем, на отдельных насыпях сохранились караимские надгробия и склепы. В некоторых местах склонов к юго-западу от караимского кладбища обнаружены относительно ровные обширные площадки, на которых были найдены фрагменты синопских соленов и амфор, оставшихся от разрушенных плантажной вспашкой насыпей и погребений. Часть курганов на северных склонах Тепе Оба повреждена террасированием, которое делали перед посадкой сосен в XX в. Многие обследованные насыпи находятся в сосновом лесу и местами заросли густым подлеском, что создало условия для их скрытного грабежа, который продолжается до сих пор.

Отдельная группа насыпей располагается на вершинах хребта Тепе Оба у обрывистых склонов в Двуякорную бухту и Дурантовскую балку. Самые восточные из них находятся неподалеку от маяка на мысе Святого Ильи, а западные – у северо-восточных склонов в верховье Дурантовской балки. Основная их часть, особенно небольших размеров, имеет плохую сохранность, они повреждены «раскопками» XIX—XX вв., современными грабительскими ямами, окопами и блиндажами времени Великой Отечественной войны, земляными работами, связанными с обустройством дорог и посадкой соснового леса. Среди них есть насыпи значительных размеров, хотя и поврежденные вышеуказанными действиями, но сохранившие свою форму, они хорошо видны даже с моря.

Наиболее удаленные от города насыпи, которые видел архитектор и составитель плана курганов вокруг Феодосии – Адольф Лидериц, находились на самой вершине хребта, протянувшегося вдоль Дурантовской балки с юго-востока на северо-запад. Эта часть хребта в то время, очевидно, носила название Лысой горы. Самые большие из западных

насыпей, по-видимому, были уничтожены четырьмя карьерами, сделанными с целью добычи камня в послевоенное время. Однако здесь, в густом подлеске соснового леса, сохранилось несколько средних насыпей без видимых следов раскопочного воздействия и перспективных для будущего изучения. Остатки курганного некрополя античной Феодосии на некоторых участках хребта Тепе Оба необходимо исследовать в ближайшее время, поскольку активная строительная деятельность приведет к их уничтожению.

Литература

Айбабин А. И. Античное погребение в Феодосии // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 80-84.

Бейсанс Д., Жиода А., Морель Ж., Катюшин Е. А., Евсеев А. А. Раскопки на окраине Феодосии // АИК 1994 г.1997. С. 54-56.

Гаврилов А. В. Отчет по археологическим разведкам и обследованию курганов в Юго-Восточном Крыму (на территории Феодосийской административной зоны, западной части Ленинского района, Кировского района, восточной части Советского района АР Крым) в 2007 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. книга № 6. Запись № 1096. Папка и отчет № 1443.

 Гаврилов А. В. Курганы Юго-Восточного Крыма // Stratum plus. 2010. № 3. C. 261–280.

Катюшин Е. А. Феодосия, Каффа, Кефе. Феодосия, 1998.

Петрова Э. Б. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнёв, Сибирский, Айвазовский // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 598–607.

Петрова Э. Б., Карпенко А. В. Письма Е. Ф. де Вильнёва в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // ИНК. 2004. № 3–4. С. 37–47.

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Киев, 2011.

Тункина И. В. К вопросу о греческом характере курганного некрополя Феодосии (по материалам раскопок 1851–1852 гг.) // БФ. СПб., 2011. С. 197–202.

Тункина И. В. Некрополь Феодосии: «раскопки» И. К. Айвазовского (1853 г.) // Евразийский археолого-исторический сборник к 60-летию С. В. Кузьминых. СПб.; Красноярск, 2012. С. 48–69.



Рис. 1. Феодосия. Восточная часть Тепе Оба. Курганный некрополь античной Феодосии. Насыпи, их остатки на вершине и северных склонах хребта.

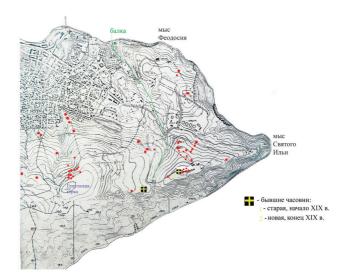


Рис. 2. Феодосия. Мыс Святого Ильи. Курганный некрополь античной Феодосии. Сохранившиеся насыпи, их остатки.

Л. А. Голофаст, А. Н. Свиридов

Институт археологии РАН, г. Москва

Стеклянный кубок из могильника Фронтовое 3

Грунтовый могильник Фронтовое 3, включающий 328 могил последних десятилетий I – начала V в., выявлен в 2018 г. на левом берегу р. Бельбек в Нахимовском районе г. Севастополь. Могильник имеет четкую планиграфическую структуру и содержит выразительные комплексы с богатым инвентарем (рис. 1) [Гавритухин и др. 2020].

Могила 65 представляет собой гробницу с двумя камерами-подбоями и по совокупности погребального инвентаря и расположению в могильнике может быть датирована концом II – серединой III в. н. э.

В южном подбое (250×85 см) обнаружено погребение мужчины 25–45 лет, лежащего на спине головой на ВЮВ. За головой погребенного найдены краснолаковый кувшин, крупная кость животного с лежащим на ней фрагментом железного ножа и стеклянный бальзамарий. В центре грудной клетки погребенного обнаружено скопление различных предметов: бронзовые лучковые и смычковые фибулы, россыпь стеклянных бусин и бисера, а также крупная бусина из сине-зеленого стекла. На левом тазобедренном суставе зафиксирован развал стеклянного сосуда. В районе левой кисти была уложена конская сбруя, от которой сохранились бронзовые накладки и железные удила. Между ног погребенного расчищена бронзовая обойма.

На полу северного подбоя (254×67 см) располагалось погребение женщины 25-45 лет 1 , лежащей на спине головой на ВЮВ, вплотную к каменному закладу. За головой погребенной открыты бронзовые и железные фрагменты деревянной шкатулки, кость животного и железный нож. С обеих сторон черепа расчищены тонкие проволочные серебряные серьги. На груди погребенной найдены предметы украшений и декора одежды: скопление бисера из прозрачного стекла и

¹ Половозрастные определения выполнены Марией Всеволодовной Добровольской и Наталией Геннадьевной Свиркиной (ИА РАН, Москва).

белого фаянса, янтарные бусы, бронзовые лучковые и смычковые фибулы. На левую руку был надет бронзовый браслет с расширяющимися концами, на костях пальцев обеих рук обнаружены перстни и кольца. Между ног погребенной выявлены керамические пряслица и конический свинцовый предмет.

На центральной части правой бедренной кости зафиксирован развал стеклянного кубка, которому посвящено предлагаемое сообщение (рис. 2). Кубок имеет расширяющееся кверху тулово, выпуклый оплавленный край и коническую подставку с двойными стенками, сделан из зеленоватого, естественно окрашенного стекла с мельчайшими и мелкими светлыми пузырьками. Украшен растительным орнаментом из змеевидно напаянных нитей из почти непрозрачного белого и более прозрачного бирюзового стекла. На некоторых листиках и побегах оттиснуты рельефные параллельные линии. Орнамент известен под названием «snake-thread decoration» или «Schlagenfaden Glas», то есть «змеевидный», благодаря специфическому характеру нанесения нитей, напоминающих извивающихся змей, которым украшали сосуды самых разных бытовавших в период его распространения форм [Isings 1957, p. 104-105, 110-111; Isings 1971, fig. 2.24; 4.47; Hanut 2006, p. 116–117, fig. 1; Louis 2009, p. 191, fig. 1; Grose 2017, p. 134; Berlin 2018, fig. 1 a-b]. Орнамент наносили как стеклом того же цвета, что и сосуд, так и цветным, преимущественно непрозрачным.

Появление украшенных таким образом сосудов, как правило, относят к концу II в. [Foy, Marty 2013, р. 175], пик бытования – к III в., а выход из обращения – к началу IV в. [Barag 1967, р. 58, 65–66; Tatton-Brown 1999, р. 84; Whitehouse 2001, р. 219]. Однако все чаще высказывается мнение о производстве таких сосудов в течение довольно короткого времени с конца II до 250–260 гг. н. э. [Barkóczi 1988, р. 108; Hanut 2006, р. 121–122].

Традиционно выделяют три района производства таких сосудов и, соответственно, их распространения: Кёльн и Рейнская область, Паннония и Сиро-Палестинский регион [Foy, Marty 2013, р. 175; Grose 2017, р. 134]. Продукция каждого из перечисленных центров характеризуется своим набором доминирующих признаков. Однако это не означает, что мастера строго их придерживались. Они могли использовали самые разные приемы и орнаментальные мотивы, в том числе доминировавшие в других производственных центрах. Поэтому уверенно определить происхождение кубка из Фронтового не представляется возможным, поскольку в нем сочетаются признаки, доминирующие в продукции как рейнских, так

и паннонских мастеров: орнамент, выполненный цветными нитями, который в большинстве случаев считается признаком изделий рейнских мастеров [Foy, Marty 2013, р. 176, 177], встречается и среди изделий Паннонии; то же можно сказать об оттиске в виде параллельных рельефных линий, хотя бирюзовый цвет нитей и большие изображения листьев более характерны для мастерских Паннонии.

В заключение следует отметить, что сосуды со змеевидным орнаментом относятся к разряду очень дорогой посуды и принадлежат к предметам роскоши, которые были неотъемлемой частью посуды сельской и городской элиты и встречается преимущественно в богатых захоронениях [Isings 1969, р. 27; Barkóczi 1988, р. 107; Hanut 2006, р. 121]. Каким образом кубок попал в одно из не самых богатых захоронений могильника Фронтовое-3, приходится только гадать, но, несомненно, что в весьма разнообразной и обширной коллекции стеклянных сосудов из могильника Фронтовое-3 это самый интересный и редкий экземпляр.

Литература

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.

Barag D. P. "Flower and Bird" and Snake-thread Glass Vessels // Annales du 4e congrès des "Journées internationals du verre". 1967. 4. P. 55–66.

Barkóczi L. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest, 1988. (Studia archaeologica, 9).

Berlin N. Two Snake-thread Glass Vessels in the Collection of the Walters Art Museum // The Journal of the Walters Art Museum. 2018. Vol. 73. P. 49–52.

Foy D., Marty M.-T. Les importation de verres septentrionaux dans le sud de la Gaule (IIIe–IVe s.): des liens avec les ateliers rhénans // Aquitania. 2013. 29. P. 155-190.

Grose D. F. The Hellenistic, Roman, and Medieval Glass from Cosa. Ann Arbor, Michigan, 2017. 247 p., 37 tables. (Memoirs of the American Academy in Rome. Supplementary vol. 12).

Hanut F. La vaisselle à décor vermiculaire en Belgique: chronologie et utilisation // ATVATVCA 1. Roman Glass in Germania Inferior. Interregional Comparisons and Recent Results. Proceedings of the International Conference, held in the Gallo-Roman Museum in Tongeren (May 13th 2005). Tongeren, 2006. P. 114–124.

Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta, 1957.

Isings C. Snake Thread Glass with Applied Shells from Stein (Dutch Limburg) // Journal of Glass Studies. 1969. Vol. 11. P. 27–30.

Isings C. Roman Glass in Limburg. Groningen, 1971. 120 p.

Louis A. La place du mobilier en verre dans les sépultures gallo-romaines de Champagne-Ardenne (France) // Annales du 18e congrès de l'association international pour l'histoire du verre / ed. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki, 2009. P. 190–196.

Tatton-Brown V. Roman Empire // Five Thousand Years of Glass / ed. H. Tait. London, 1999. P. 62-97.

Whitehouse D. Roman Glass in The Corning Museum of Glass. Corning, New York, 2001. Vol. II.

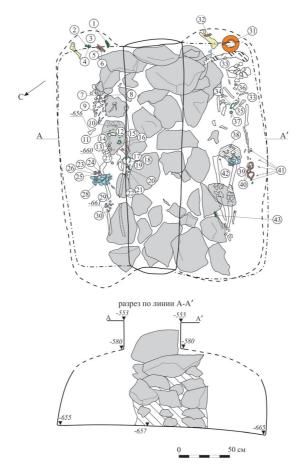


Рис. 1. Могила 65. План и разрез. 1 – шкатулки фрагменты; 2 – ключ бронзовый; 3 – кольцо бронзовое; 4 – рамка от пряжки бронзовая; 5, 32 – нож железный; 6, 27, 30 – пряслице керамическое; 7 – серьга серебряная; 8 – пронизи стеклянный; 9, 13, 34, 35 – фибула бронзовая; 10, 15, 36, 37 – бусины стеклянные; 11 – бусина янтарная; 12 – фибула бронзовая с кольцом; 14 – бисер стеклянный; 16 – предмет бронзовый; 17 – предмет железный; 18 – браслет бронзовый; 19 – перстень бронзовый со вставкой; 20, 23 – перстень бронзовый; 21 – кольцо бронзовое; 22, 24 – перстень серебряный; 25 – вставка перстня сердоликовая; 26 – кольцо серебряное; 28 – кубок стеклянный; 29 – предмет свинцовый; 31 – кувшин краснолаковый; 33 – бальзамарий стеклянный; 38 – вставка стеклянная; 39 – сосуд стеклянный, 40 – удила железные; 41 – накладки бронзовые; 42, 43 – обойма бронзовая.



Рис. 2. Могила 65. Кубок из северного подбоя.

В. А. Горончаровский

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург Т. С. Тихонова

ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар

Посвятительные рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты¹

В полевом сезоне 2020 г. экспедиция ООО «Кубаньархеология» проводила охранно-спасательные раскопки во дворе одного из корпусов анапского санатория «ДиЛуч», где были открыты остатки построек конца IV – первой половины II в. до н. э., расположенных на западной окраине античной Горгиппии. В ходе этих работ была найдена известняковая плита с посвятительным рельефом, вторично использованная около середины III в. до н. э. при перестройке одного из хозяйственных комплексов. Ее размеры: высота – 44–47 см; ширина – 43 см; толщина – 10 см.

Рельеф с фигурами Кибелы, Гермеса и Гекаты (рис. 1.1) оформлен в виде наиска и увенчан треугольным фронтоном, украшенным акротериями. Под ним находится плохо сохранившаяся надпись APTEMI[---] которая, видимо, является началом имени дедиканта. В отношении его возможного восстановления отметим, что для раннеэллинистической Горгиппии имя с такой основой – Артемидор – засвидетельствовано всего один раз. В качестве патронимика оно присутствует в известном списке победителей на спортивных состязаниях, датирующемся первой половиной III в. до н. э. [КБН 1137].

Фигуры изображенных в поле рельефа божественных персонажей занимают почти все его пространство – как по высоте, так и по ширине, следуя принципу исокефалии. В центре находится восседающая на троне Кибела, именуемая обычно Мать, Мать богов или Фригийская Мать. Ее лицо обрамляют волнистые пряди волос. В правой руке богиня держит фиалу, в левой – тимпан, на коленях лежит львенок. Слева от нее облаченный в короткий хитон Гермес с петасом на голове, держащий ойнохою. По другую сторону от Кибе-

¹ Данная работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания: № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

лы представлена Геката с двумя поднятыми длинными факелами в руках. Как и Гермес, она выступает здесь как проводник души умершего в ее загробном странствии. Не исключено, что выбор данного сюжета обусловлен посвящением дедиканта в таинства, связанные с культом Кибелы и дававшие надежду на блаженство после смерти. В таком случае ойнохоя у Гермеса выступает как символ ритуального очищения [Roller 1999, p. 202].

До сих пор на Боспоре рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты находили только в Керчи и ее окрестностях. Так, лучший по сохранности и качеству исполнения подобный рельеф был найден в 1902 г. на северном склоне горы Митридат (рис. 1.2) и приобретен В. В. Шкорпилом для Керченского музея [Škorpil 1913, S. 200; Матковская и др. 2004, с. 64]. Небольшие отличия в деталях - положение правой руки Гермеса, факелов Гекаты и др. – позволяют говорить о стремлении передать определенную композиционную идею, не следуя ей в точности. То же самое можно сказать и о других боспорских рельефах с этим сюжетом, но более грубой трактовкой образов: из Пантикапея [Шкорпил 1914, с. 21, рис. 6], Нимфея и Тиритаки (рис. 1.3,4) [Матковская и др. 2004, с. 64–66], что, возможно, объясняется финансовыми возможностями заказчиков или разными навыками и уровнем мастерства исполнителей. Если рассматривать северопричерноморский регион в целом, то еще один посвятительный рельеф с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты (рис. 1.5), происходит из Ольвии [Кобылина 1978, с. 67, рис. 11]. Как и ранее упомянутые рельефы, он относится к категории случайных находок, которые чисто стилистически датировались в пределах I в. до н. э. – II в. н. э. Теперь, благодаря археологическому контексту, в котором был обнаружен горгиппийский наиск, становится очевидным, что, по крайней мере, некоторые из них древнее, чем это представлялось ранее, иначе трудно объяснить слишком большой хронологический разрыв.

Поиск аналогий для интересующей нас трехфигурной композиции показал, что за пределами Северного Причерноморья она встречается исключительно в Афинах, где в районе агоры был возведен храм Матери богов и находилась ее статуя работы Фидия или его ученика Агоракрита (Paus. I.3.5; Plin. Nat. Hist. XXXVI.17). При раскопках Метроона был обнаружен наиск с посвящением Критона Матери богов. В центре там изображена Кибела, а по обе стороны от нее Гермес и Геката с факелами [Сhampion-Smith 1998, р. 101, рl. 28]. Правда, в данном случае образ Кибелы доминирует, в 2,5 раза превышая по высоте показанные рядом с ней анфас фигурки ее спутников. На другом мраморном наиске с изображением Матери богов, происходящем из Пирея и датирующемся второй половиной IV в. до н. э., такие фигурки помещены в основании боковых пилястров (рис. 2.1). Аналогичную схему размещения персонажей можно видеть в оформлении рельефа, найденного в конце XIX в. на западном склоне афинского акрополя [Schrader 1896, S. 279] (рис. 2.2). Единственное отличие заключается в том, что здесь рядом с Кибелой сидящий лев, а над Гекатой помещена фигура Пана с сирингой. Другая находка, сделанная там же, - небольшой мраморный рельеф IV в. до н. э. по своей трактовке ближе всего к горгиппийскому наиску (рис. 2.3). Сохранилась только его нижняя часть, но все персонажи вполне узнаваемы благодаря таким атрибутам, как ойнохоя, львенок и факелы [Schrader 1896, S. 278]. К тому же времени относится рельеф из Пирея, демонстрирующий совершенно оригинальное решение композиции из трех персонажей (рис. 2.4). В данном случае фигура сидящей Кибелы с тимпаном и чашей расположена слева. Перед ней стоит Геката с факелом, за которой представлен Гермес с ойнохоей в опущенной вниз руке [Vermaseren 1977, pl. 23].

Возможно, во всех отмеченных случаях в качестве образца была использована какая-то скульптурная группа, пользовавшаяся популярностью в Афинах позднеклассической и раннеэллинистической эпохи. Видимо, тогда она и стала с некоторыми изменениями копироваться в Северном Причерноморье. И это неудивительно, учитывая тесные торговые и культурные связи «школы Эллады» с данным регионом именно в этот период.

Литература

Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. 215 с.

Матковская Т. А., Зинько Е. А., Иллариошкина Е. Н., Давыдова Л. И. Античная скульптура. Киев, 2004. 255 с. (Лапидарная коллекция. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника).

Champion-Smith V. A. Pausanias in Athens: An Archaeological Commentary on the Agora of Athens. London, 1998. 318 p.

Roller E. L. In search of God the Mother: The Cult of Anatolian Cybele. London, 1999. 400 p.

Schrader H. Die Ausgrabungen am Westabhange der Akropolis // Athenische Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. 1896. Bd. 21. S. 265–286.

Škorpil V. Kybelin kult v řiši Bosporske // Sbornik praci filologických dvornímu radoví professoru Josefu Kralovi k Šedesatým naroženínam. 1913. Praha, S. 190–203.

Vermaseren M.J. Cybele and Attis. The Myth and the Cult. London, 1977. 224 p.





2





4



Рис. 1. Посвятительные рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты из Северного При-

- черноморья: 1 из Горгиппии;
- 2 из Пантикапея;
- 3 из окрестностей Нимфея; 4 из Тиритаки; 5 из Ольвии.



Рис. 2. Посвятительные рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты из Аттики: 1 и 4 – из Пирея; 2 и 3 – из Афин.

А. М. Григорьев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Особенности фортификации Херсонесского государства в эллинистический период

Начиная с середины IV в. до н. э. происходит широкая территориальная экспансия Херсонеса в Северо-Западном Крыму, направленная на обширные территории, простирающиеся от Сакско-Евпаторийского прибрежного района до северной оконечности полуострова Тарханкут. Данное обстоятельство было связано, прежде всего, с подчинением земель с целью их аграрного освоения. Освоение земель сопровождалось постройкой многочисленных хозяйственных и фортификационных комплексов. В ходе физического расширения территориального Херсонесского государства его ключевыми опорными пунктами в Северо-Западном Крыму стали Керкинитида и Калос Лимен.

Довольно острая в военном отношении ситуация сложилась на территориях Херсонесского государства в первой четверти III в. до н. э. Потрясения коснулись всего Крыма и были связаны с активизацией скифских племен, оттесненных сарматами из степей Северного Причерноморья и вынужденных отвоевывать себе жизненное пространство на полуострове [Виноградов, Горончаровский 2008, с. 100]. На Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму исследователями неоднократно отмечались археологические свидетельства военных столкновений. Переломный момент в истории Херсонесских укреплений относится исследователями к 270-260-м гг. до н. э. В ближайших окрестностях Херсонеса отмечается гибель сельскохозяйственных усадеб [Золотарев, Туровский 1990, с. 84; Тюрин, Лесная 2020, с. 292-293], на территории его дальней хоры также отмечались разрушения усадеб и укреплений [Щеглов 1978, с. 94]. Указанные факты заставляют обратиться к строительным остаткам городских оборонительных сооружений для более детального изучения военных столкновений и общем уровне фортификационного строительства на подвластных Херсонесу территориях.

Подчинение Херсонесом Керкинитиды соотносится с новым (третьим) строительным периодом ее оборонительной системы. На данном этапе происходит переход от сырцово-каменного строительства к строительству оборонительных стен из камня на всю их высоту [Кутайсов 1990, с. 59]. Происходит также изменение конфигурации куртин на западной оборонительной линии города, наилучшим образом организуется фланкирование стен при помощи башен [Кутайсов 1990, с. 61]. Весьма примечательным этапом в перестройке оборонительной системы Керкинитиды является сооружение в ІІІ в. до н. э. оборонительной стены, проходящей в центральной, наиболее узкой части крепостного полигона и разделяющий город на северную и южную части. Факт возведения указанной стены, проходящей поперек города, говорит о том, что опасность захвата Керкинитиды скифами уже в конце ІІІ в. до н. э. была реальной [Кутайсов 1990, с. 62].

Начиная со времени основания Калос Лимена в IV в. до н. э. его территория была обнесена мощными укреплениями, что в полной мере отвечало статусу херсонесского опорного пункта [Уженцев 2006, с. 36]. Строительный период Калос Лимена второй трети III – первой половины II в. до н. э. был ознаменован серьезным усилением оборонительной системы города. Традиционно этот период отождествляется исследователями с возрастающей военной активностью скифов. Наиболее значимым обновлением оборонительной системы города является возведение в последней четверти III в. до н. э. так называемой цитадели, расположенной в юго-западном углу крепости. В. Б. Уженцев, описывая данный комплекс сооружений, определяет его как «форт», ссылаясь при этом на классификацию Лоуренса [Lawrence 1979, р. 126].

На рубеже IV-III вв. до н. э. происходит значительный рост городской территории самого Херсонеса в западном направлении, и площадь крепостного полигона соответственно увеличивается [Антонова 1990, с. 17]. Южная оборонительная линия проходит около античного театра и тянется на запад. С западной же стороны крепостной полигон ограничивается оборонительной линией, идущей с юга на север к побережью прямой линией (в дальнейшем рост территории города в западном направлении отмечается лишь в Х в.). Очередной этап роста территории города связан с возведением на юго-восточном оборонительном участке так называемой «цитадели», образованной куртинами 19, 20 и 21 и угловыми башнями XVII (Зенона), XVI и XX. Дата возведения этого комплекса фортификационных сооружений определяется исследователями в диапазоне

от середины до конца III в. до н.э., и возведение данного комплекса сооружений традиционно объясняется рядом обстоятельств. Так, например, И. А. Антонова связывает возникновение цитадели с необходимостью усиления защиты в самой низкой точке города, а также с расширением его портовой части в Карантинной бухте [Зубарь, Антонова 2001, с. 49].

В качестве характерных черт фортификации эллинистического времени для крепостных полигонов Херсонесского государства можно отметить их изначальное соответствие строительным традициям самого Херсонеса, а позже, во второй половине III в. до н. э., – усложнение и укрепление самостоятельными тактическими единицами, усиливающими отдельные участки, то есть фортами (по классификации А. У. Лоуренса).

Суммируя данные о фортификационном строительстве Херсонеса в III в. до н.э. в черте городов, можно сделать вывод о том, что в указанный период на фоне роста скифской угрозы происходит всплеск фортификационного строительства, при этом реализуется идея возведения обособленных фортов в чертах городских укреплений.

Литература

Антонова И. А. Рост территории Херсонеса по данным изучения оборонительных стен // Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 8–25.

Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. до н. э.). СПб., 2008.

Золотарев М. И., Туровский Е. Я. К истории сельских усадеб на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье: материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П. О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 71–89.

Зубарь В. М., Антонова И. А. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 45–53.

Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990.

Кутайсов В. А., Уженцев В. Б. Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 44–70.

Тюрин М. И., Лесная Е. С. Кризисные явления в округе Херсонеса в III в. до н. э.: к вопросу о хронологии усадеб Гераклейского полуострова // Боспорское Царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы круглого стола. СПб., 2020. С. 292–299.

Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной гавани. Симферополь, 2006. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. Lawrence A. W. Greek aims in fortification. Oxford, 1979.

И.В.Губарев

Южно-Донская археологическая экспедиция, г. Ростов-на-Дону

Транспортные амфоры из раскопок Елизаветовского городища на Дону 2006–2015 гг.

Елизаветовское городище, расположенное в дельте реки Танаис, в древности представляло собой крупный северо-причерноморский центр греко-варварского обмена. Несмотря на достаточно длительный период изучения данного памятника, исследователи сравнительно недавно смогли выделить основные этапы его функционирования.

Первый – период формирования Елизаветовского городища: с рубежа третьей/четвертой четвертей VI по V в.¹ Второй – период его превращения в крупнейшее варварское торжище Северо-Восточного Причерноморья: первая половина IV в. Третий – период трансформации торжища в крупное варварское поселение с «эйнокией» в составе: с середины IV по рубеж IV–III вв. Финальный – существование Большой греческой колонии на территории Елизаветовского городища: с рубежа IV–III по 80-е – 70-е гг. III в. [Марченко, Житников, Копылов 2000, с. 68–70]. Необходимо подчеркнуть, что колония прекращает свое существование в результате крупномасштабной военной операции [Копылов, Шелов-Коведяев 2017, с. 274], оставившей после себя большое число надежно датируемых комплексов.

С середины 1990-х гг. основные силы Южно-Донской экспедиции сосредоточены на самой высокой части «акрополя» городища, расположенной в северо-восточной части памятника. В данный момент здесь исследуется храм первой половины IV – первой трети III в. и «дом металлурга» IV в. [Копылов 2015, с. 123; Копылов, Коваленко, Рылов 2011, с. 185]. Остатки Большой греческой колонии первой трети III в. сохранились чрезвычайно плохо по причине сильного антропогенного воздействия, они зафиксированы на всей площади раскопов 2006–2015 гг. Помимо этого, в процессе исследования культурных слоев «акрополя» обнаружены два строительных комплекса полуземляночного типа скифского времени, которые дали богатую коллекцию керамического материала. Его верхней хронологической границей, по предварительным данным, является третья четверть IV в. Также следует отметить,

¹ Здесь и далее все даты указаны до н.э.

что в отчетный период были открыты культурные слои, связанные с фортификационной системой городища и давшие материалы VI–IV вв.

Исходя из общепринятых для северо-причерноморских памятников античного времени методик анализа массового керамического материала, нами были обработаны профильные части амфор – ножки, а также фрагменты амфор, содержащие клейма, обнаруженные исключительно при исследовании Елизаветовского городища. Определение центров производства амфорной тары принадлежит автору раскопок – В. П. Копылову.

Всего на территории Елизаветовского городища за отчетный период было обнаружено 248 клейм, из которых Гераклее Понтийской принадлежат 167 оттисков (67,3%), Фасосу – 29 (11,7%), Синопе – 25 (10,1%), Херсонесу Таврическому – 6 (2,4%), Хиосу, Книду, Родосу – по одному (0,4%); у 18 штемпелей (7,3%) центр производства определить не удалось.

За время исследования памятника в 2006–2015 гг. найдено 562 ножки транспортных амфор. Распределение данного массового материала по центрам производства выглядит следующим образом:

```
- Гераклея Понтийская – 304 (54,1%);

- Фасос – 67 (12%);

- Хиос – 25 (4,5%)

- Херсонес Таврический – 22 (3,9%);

- Синопа – 21 (3,8%);

- Менда – 17 (3%);

- Книд – 12 (2,1%);

- Колхида – 4 (0,7%);

- Лесбос – 3 (0,5%);

- Круг Фасоса – 3 (0,5%);

- Пепарет – 1 (0,2%);
```

Неизвестные центры – 82 (14,7%)

Помимо этого, анализ ножек амфор, поддающихся определению, выполненный автором на основании «Каталога греческих амфор (VII–II вв.) с северных берегов Понта» (АРЕ), позволил проследить количественное изменение продукции, а также центров её производства, поступавшей на территорию Елизаветовского городища в различные периоды его существования (таблица 1). Стоит отметить, что керамический материал, накопленный за отчетный период непрерывных исследований памятника, в целом вписывается в известные исследователям особенности греко-варварских контактов, существовавших в Нижнедонском историко-культурном регионе в период скифо-античного времени [Брашинский 1980, с. 34; Кац, Федосеев 1986, с. 105; Губарев, Копылов 2020, с. 164].

Таблица 1

Центры производства	Третья четверть VI–V вв.	Первая половина IV в.	Середина IV – рубеж IV / III вв.	Рубеж IV / III – 80-е – 70-е гг. III в.
Гераклея Понтийская	1	155	65	-
Фасос	1	17	34	-
Хиос	3	14	-	-
Херсонес Таврический	-	-	4	14
Синопа	-	1	10	7
Менда	1	9	1	-
Книд	-	-	5	-
Колхида	-	-	1	-
Лесбос	3	-	-	-
Круг Фасоса	1	1	-	-
Пепарет	-	1	-	-
Итог	10	198	120	21

Литература

Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л.,1980. 270 с.

Губарев И. В., Копылов В. П. Херсонесские транспортные амфоры на Европейском Боспоре и у скифов устьевой области реки Танаис // БФ. 2020. С. 162-168.

Кац В. И., Федосеев Н. Ф. Керамические клейма «Боспорского Эмпория» на Елизаветовском городище // АМА. 1986. Вып. 6. С. 85–105.

Копылов В. П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования БИ. 2015. № 31. С. 121–134.

Копылов В. П., Коваленко А. Н., Рылов В. Г. Дом металлурга IV в. до н. э. в Елизаветовском городище на Дону (предварительное сообщение) // Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011. С. 179–187.

Копылов В. П., Шелов-Коведяев Ф. В. События второй половины IV в. до Р.Х. в устьевой области реки Танаис. Письменные источники и археологическая данность // Исторические исследования: журнал Исторического факультета МГУ. 2017. № 8. С. 261–286.

Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. М., ИА РАН [и др.]. 2000. 281 с.

Греческие амфоры (VII–II вв. до н.э.) с северных берегов Понта – АРЕ. СГУ, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://ape.sgu.ru/Amphora (дата обращения: 12.04.2021).

А. В. Дедюлькин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Каменные алтари из кургана Туак-Оба¹

Курган Туак-Оба в Предгорном Крыму исследовался экспедицией историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» под руководством И. И. Шкрибляк и Ю. П. Зайцева в 2018 и 2020 гг. [Шкрибляк 2019; 2020], работы продолжаются и в настоящее время. Монументальный склеп с четырехскатным уступчатым сводом, обилие предметов вооружения и многочисленные захоронения коней позволяют предполагать, что это погребение скифского правителя. Ю. П. Зайцев уже отмечал высокую степень эллинизации крымских скифов в последней четверти IV в. до н. э. – первой четверти III в. до н. э. [Зайцев 2019, с. 101–102], что нашло отражение как в архитектуре самого склепа курагана Туак-Оба, так и в планировке укреплений расположенной рядом крепости Ак-Кая.

Значительный интерес представляют каменные алтарь (рис. 1.3) и трехступенчатое основание (рис. 1.1), обнаруженные внутри склепа. Верхняя плоскость трехступенчатого основания покрыта пятнами красной краски. По характерным следам краски этот предмет можно сопоставить с плоскими глиняными эсхарами из фракийских курганов (рис. 1.2). Каменный алтарь был разбит при ограблении кургана, в настоящее время он реставрируется (рис. 1.3). Невысокие массивные ножки нередки на различных предметах мебели, сундуках, саркофагах, но их восьмигранное сечение достаточно необычно. Профиль верхней части алтаря сложен: боковые внешние края оформлены барьерами, далее в верхней плоскости выбраны два продольных желобообразных углубления, которые переходят в прямоугольное возвышение в средней части. Схожий профиль имеют некоторые каменные алтари римского времени. Наиболее ранним примером подобного оформления является архаический вотивный терракотовый алтарик из святилища Деметры Малофо-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Археологические исследования царского скифского кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму» (№ 20-09-00456).

ры в Селинунте (рис. 2.1). Размещение алтаря непосредственно в погребальной камере не находит прямых аналогий в архитектуре греческих, македонских и фракийских монументальных гробниц. Отсутствие алтарей не связано с качеством оформления интерьеров гробниц. Известны гробницы с наборами каменной мебели искусной работы [например, Delemen 2006, fig. 5], но без алтарей. В гробнице № 1 Старшего Трехбратнего кургана были размещены каменное погребальное ложе и постамент для сосудов [Трейстер 2008]. Фрагменты подобного каменного постамента были найдены за пределами погребальной камеры кургана Туак-Оба. Каменные алтари выявлены в некоторых монументальных гробницах эллинистического Египта [Venit 2002, fig. 30 – 31, 34–36, 38, 40, 43] (рис. 2.3-4), но они размещались либо во внутренних двориках, либо в помещениях за пределами погребальных камер. В гробнице македонского типа в Финике в Салониках в погребальной камере выявлены два полихромных каменных прямоугольных пьедестала для урн [Τσιμπίδου-Αυλωνίτου 2005, σ. 205], но их сходство с алтарями лишь внешнее (рис. 2.2).

Под насыпями некоторых боспорских курганов с монументальными гробницами зафиксированы каменные алтари-эсхары (рис. 2.5–6). Обычно они снабжены отверстиями для совершения возлияний. Алтарь из Туак-Обы является уникальным как по своему расположению непосредственно в склепе, так и по своей морфологии. Помимо алтаря в склепе было найдено каменное трехступенчатое основание, которое, судя по следам краски на верхней плоскости, могло использоваться в культовых целях.

Литература

Виноградов Ю. А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь; Керчь, 2017. (Боспорские исследования. Supplementum 17).

Зайцев Ю. П. Эллинизация крымских варваров: современное состояние проблемы // APXOHT. 2019. С. 101–106.

Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в боспорских курганах // СА. 1950. № 14. С. 124–138.

Пировска А. Изработка и особенности в украсата на тракийските эсхари // Археология. 2007. № 1–4. С. 21–31.

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Курган Госпитальный (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М. 2018. С. 284–291. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Трейстер М. Ю. Погребальное ложе и постамент для сосудов из гробницы № 1 Старшего кургана // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь; Бонн. 2008. С. 123–126.

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.

Шкрибляк И. И. Опыт трехмерной фиксации кургана скифского времени Туак-Оба в Крыму // Новые материалы и методы археологического исследовния. От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М., 2019. С. 116–117.

Шкрибляк И. И. Исследования кургана Туак-Оба в предгорном Крыму // Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 97–99.

Adriani A. La nécropole de Moustafa Pacha. Annuaire du Musée grécoromain (1933/34–1934/35). Alexandrie, 1936.

Delemen I. An Unplundered Chamber Tomb on Ganos Mountain in Southeastern Thrace // AJA. 2006. Vol. 110, no. 2. Pp. 251–273.

Pfrommer M. Greek Gold from Hellenistic Egypt. Los Angeles, 2001.

Τσιμπίδου-Αυλωνίτου Μ. Μακεδονικοί τάφοι στον Φοίνικα και στον Άγιο Αθανάσιο Θεσσαλονίκης. Αθήνα, 2005.

Venit M.S. The Monumental Tombs of Ancient Alexandria: The Theater of the Dead. New York, 2002.

Yavis C.G. Greek Altars. Origins and Typology. Saint-Louis, 1949.

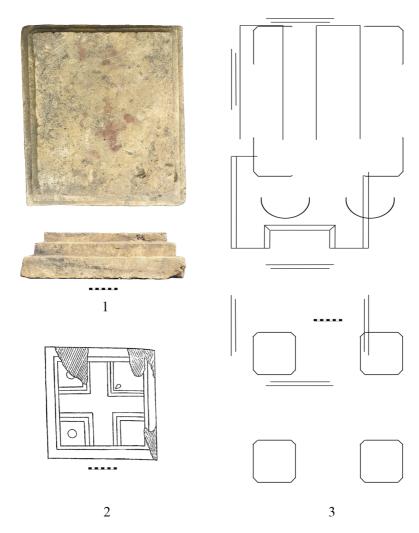


Рис. 1.1. Каменное трехступенчатое основание из склепа кургана Туак-Оба (фото Ю. П. Зайцева). 2. Глиняная эсхара из кургана в Борово [Пировска 2007, обр. 1].3. Каменный алтарь из склепа кургана Туак-Оба (предварительная графическая реконструкция).

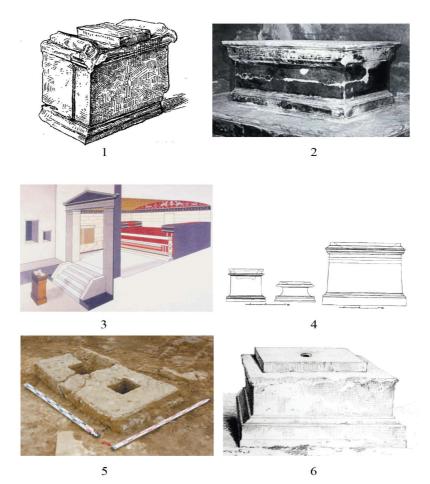


Рис. 2. 1. Вотивный терракотовый алтарик из святилища Деметры Малофоры в Селинунте [Yavis 1949, fig. 38]. 2. Каменный пьедестал для урны в гробнице македонского типа в Финике в Салониках [Тоцийдоv-Аvдwvíтоv 2005, ліv. 20β]. 3. Реконструкция гробницы в Вардиан в Александрии [Pfrommer 2001, fig. 15]. 4. Каменные алтари из гробниц 1 и 2 некрополя Мустафа-паша в Александрии [Adriani 1936, fig. 44]. 5. Двучастный алтарь-эсхара из кургана Госпитальный [Рукавишникова и др. 2017, рис. 20]. 6. Алтарь-эсхара из кургана Большая Близница [Виноградов 2017, табл. 52].

В. В. Дорошко

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Амфорный материал из раскопок южного сектора на высоте Суздальской

В 2009 и 2012 гг. экспедицией Херсонесского музея во главе с А. А. Филиппенко были проведены разведочные работы и раскопки (начальник отряда – В. В. Дорошко) с целью изучения потревоженного слоя и архитектурных остатков на вершине высоты Суздальской. Затем в ходе исследований 2017–2018 гг., проводившихся по открытому листу, выданному на имя автора, в южном секторе было соединено раскопочное пространство между всеми участками предыдущих работ. Участок исследований расположен рядом с остатками римского военного поста и получил название южного сектора. Здесь в период римского военного присутствия образовался слой и несколько керамических комплексов, обнаруженных в 2017 г. Ров поста был выявлен в 2019 г. в ходе разведочных работ [Дорошко, Дорошко 2021, с. 101].

Почти весь обнаруженный в ходе исследований материал, включая амфорный, относится ко II — первой четверти III в. Материал раннего этапа существования поста (первая половина — середина II в.) представлен двумя сбросами керамического боя, один из которых был недавно введен в научный оборот [Дорошко, Дорошко 2019]. Находки этого времени достаточно многочисленны также и в слое на поверхности материка. По числу находок в первую очередь выделяется группа профильных фрагментов светлоглиняных амфор (рис. 1.1–12; 2.1, 2), и здесь нельзя не отметить серию нижних частей узкогорлых амфор вариантов от CIVA2-В1 до CIVC1¹ (рис. 1.3–11) что укладывается в хронологический диапазон от конца I до середины II в. [Внуков 2016, с. 44]. Интересно, что донья последующего типа D в нашей выборке не присутствуют.

Следует отметить, что из всех 208 амфорных профильных фрагментов только два светлоглиняных следует относить ко времени до начала строительства римского поста. Один фрагмент остродонной амфоры принадлежит к типу С III (рис. 1.1) [Внуков 2016, с. 38], а

¹ Благодарю за помощь в определении С. Ю. Внукова.

другой – к варианту узкогорлых CIVZ (рис. 1.2) [Внуков 2016, с. 38]. Еще одна находка, напротив, должна относится к раннесредневековому времени, когда высота Суздальская покрылась сеткой межевых оград. В раскопе под одной из таких стен была обнаружена нижняя часть светлоглиняной амфоры со скругленным узким дном, покрытой светло-оливковым ангобом (рис. 1.14). Эти амфоры следует относить к производству Синопы VI в. н. э. (тип D Snp I) [Kassab Tezgör 2009].

Несколько профильных фрагментов принадлежат светлоглиняным амфорам типа Син II (рис. 1.12), начало бытования которых приходится на конец I – начало II в. [Внуков 2013, с. 31]. На высоте Суздальской все они обнаружены в комплексах середины II в. В одном из них вместе с ножкой светлоглиняной узкогорлой амфоры CIVC1 (рис. 1.11) в керамическом развале лежал крупный фрагмент верхней части амфоры из светлой глины, имеющий клювовидный венчик и ручку с широким валиком по центру наружной стороны и желобок на внутренней (рис. 2.4). Пока ее не удается идентифицировать; вероятно, к этому же типу или к его позднему варианту относятся несколько фрагментов верхних частей и уплощенных ручек с широким валиком на внешней стороне (рис. 2.8). Они идентичны по составу глины, а ее цвет варьирует от песочного с оранжевым оттенком до розовато-охристого. Верхняя часть такой амфоры найдена во время исследований культурного слоя Усть-Альминского некрополя (Пуздровский 2007, рис. 160.1], и фрагменты подобных ручек там также периодически встречаются [Труфанов 2019, с. 72, рис. 14]. На высоте Суздальской они найдены в яме 2, а вместе с ними обнаружена и оранжевоглиняная коническая ножка (рис. 1.13). Похожий набор фрагментов обнаружен в яме 1 Усть-Альминского некрополя, а кроме них - почти полный профиль красноглиняной амфоры с ручками, имеющими глубокий врез на внутренней стороне [Пуздровский, Труфанов 2016, с. 50-51, рис. 96.1]. Отметим, что на высоте Суздальской вне закрытых комплексов в перекрывающих слоях встречаются фрагменты описываемых ручек (рис. 2.6). Иногда исследователи ошибочно относят их к типу Зеест-72. По составу теста с ними схожи венцы треугольного сечения (рис. 2.5) и вытянутые усечено-конические ножки, что совпадает с набором признаков усть-альминской находки. Также отметим, что стенки этих амфор имели почти гладкие или слегка рифленые стенки. Таковыми оказались все найденные 1621 единиц стенок оранжевоглиняных амфор из раскопок 2017 – 2018 гг., а ведь характерной особенностью амфор типа Зеест-72 является мелкое частое рифление почти всего тулова. К сказанному добавим, что только два фрагмента стенок из темно-розовой и еще два из коричневой глины имели такое рифление.

Немногочисленны профильные фрагменты коричневоглиняных амфор – всего 7 единиц (рис. 2.3), а к группе амфор с воронковидным горлом уверенно относится только один (рис. 2.7).

Также следует добавить, что в коллекции профильных фрагментов нет принадлежащих амфорам типов Зеест-72, 73, 75, 79 и 80, являющихся характерной особенностью комплексов второй – третьей четвертей III в. [Науменко 2008, с. 283, 285, 287; Гороховський, Зубар, Гаврилюк 1985, с. 26–29]. Этот факт указывает на то, что гарнизон покинул пост до момента распространения этих типов амфор, что согласуется с исторической ситуацией в Таврике в 220-х гг.

Литература

Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 2013. Т. 17. С. 22–55.

Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

Дорошко В. В., Дорошко О. П. Комплекс II в. н.э. из раскопок пункта римского военного базирования на высоте Суздальская // БИ. 2019. Вып. XXXIX. С. 320-342.

Дорошко В. В., Дорошко О. П. Исследования на высоте Суздальская: возвращение утраченного памятника // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Сиферополь; Керчь, 2021. С. 96–105. (БЧ. XXII).

Гороховський Е. Л., Зубар В. М., Гаврилюк Н. О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської пори // Археологія. 1985. № 49. С. 25–40.

Науменко С. А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени // Novensia. 2008. № 18–19. С. 267–289.

Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь, 2016.

Труфанов А. А. Керамика из культурного слоя Усть-Альминского некрополя (по материалам раскопок 2008 – 2017) // ИАКр. 2019. Вып. IX. С. 67–99.

Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopeennes entre le IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope. Paris, 2009. P. 121–260. (Varia Anatolica. XX).

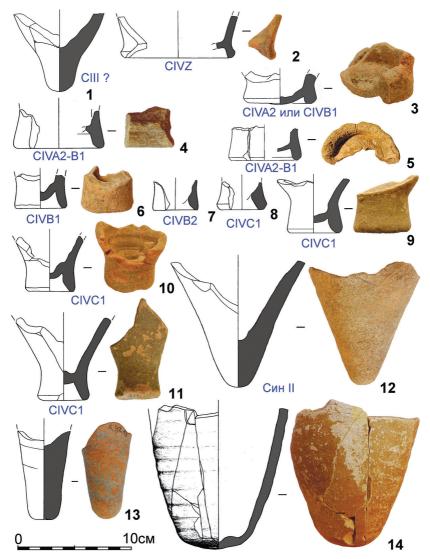


Рис. 1. Профильные фрагменты нижних частей амфор из раскопок на высоте Суздальской.

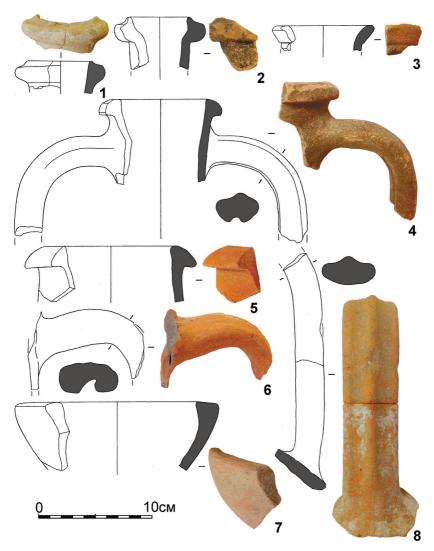


Рис. 2. Профильные фрагменты верхних частей амфор из раскопок на высоте Суздальской.

О. П. Дорошко

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Кухонная гончарная посуда римского времени из южного сектора на высоте Суздальская (исследования 2009, 2012, 2017–2018 гг.)

В результате исследований римского укрепления на высоте Суздальская в 2009, 2012, 2017–2018 гг. накоплен обширный керамический материал, каждая группа которого заслуживает отдельной публикации. В данной статье речь пойдет только о находках кухонной кружальной посуды, которая представлена многочисленными стенками и фрагментами профильных частей. Эта группа керамики составила всего 8 % от общего числа находок.

Кастрюли (рис. 1.1–17) представлены в основном фрагментами верхних частей. Большинство экземпляров относятся к группе сосудов с биконическим туловом II – первой половины III в. [Дорошко 2021]. По форме венчика выделены варианты: с отогнутым прямым венчиком (рис. 1.1–5); со слегка отогнутым и поднятым вверх венчиком (рис. 1.6, 7); с отогнутым, слегка приподнятым вверх изогнутым венчиком (рис. 1.8–10). Отметим также находку верхней части кастрюли с поднятым венчиком и закраиной для упора крышки (рис. 1.11). Судя по аналогии из Кносса [Науез 1983, fig. 7.79], сосуд также имел биконическое тулово. Вероятно, кастрюле с биконическим туловом принадлежит фрагмент рифленого дна (рис. 1.17).

Сковороды (рис. 1.18–22) представлены фрагментами верхних частей и дна. Среди них отметим находки сковород с красным покрытием (рис. 1.18, 19). Такие сковороды часто находят в слоях Херсонеса ІІ в. [Дорошко 2016]. Интересен фрагмент сковороды с утолщенным заостренным краем (рис. 1.20). Возможно, она также имела красное покрытие.

Два фрагмента – верхней части и дна – относятся к группе небольших сковород с венчиком, подтреугольным в сечении (рис. 1.21,

22). Аналогии: римский военный лагерь в Балаклаве [Кленина 2000, с. 138, рис. 27.6, 7]; Харакс [Камелина 2012, с. 53, табл. 14.9], Ольвия [Крапивина 1993, с. 103, рис. 36.2], Пантикапей [Голофаст 2013, рис. 14.17], Томы [Вајепаги 2013, р. 67, рl. 11.89]. Сковороды являются продукцией Истрии II в. (Iliescu, Botiş 2018, fig. 5.2).

Наиболее многочисленной оказалась группа <u>горшков</u> (рис. 2.1–21). Два фрагмента (рис. 2.1, 2) принадлежат горшкам эгейского типа (тип 3 по Дж. Хейсу, II–III вв.) [Hayes 1983, fig. 5.58–63].

Найдены два фрагмента горшков с венчиком, приподнятым и слегка загнутым внутрь (рис. 2.3, 4). Аналогии: римский военный пост на высоте Казацкая [Ковалевская, Сарновски 2018, с. 141, рис. 3.7], Харакс [Камелина 2012, табл. 20.10, 11], Истрия, Томы [Вајепаги 2013, р. 64–65, рl. 10.80]. К. Бэженару отнес сосуды к местному производству Западного Причерноморья конца II – начала III в. [Вајепаги 2013, р. 64].

Несколько фрагментов являются верхними частями горшков второй половины II в. с венчиком в виде уступа, отогнутым наружу; венчик скруглен снаружи и изнутри (рис. 2.7–10). Аналогии: Херсонес [Кутайсов, Труфанов 2014, рис. 23.6], римский пост на высоте Казацкая [Ковалевская, Сарновски 2018, рис. 3.1, 3], Харакс [Камелина 2012, табл. 28.17]; Ольвия [Крапивина 1993, с. 101, 102, рис. 34.4]; Пантикапей [Толстиков и др. 2005, рис. 13.5].

Близки к ним по форме горшки, отличающиеся наличием пояска на горле (рис. 2.11–13). Аналогии: Харакс [Камелина 2012, с. 54, табл. 15.12], Пантикапей [Голофаст 2013, рис. 13.20], Томы [Вајепаги 2013, рl. 9.69]. К. Бэженару предположил их понтийское производство [Вајепаги 2013, р. 63–64, pl. 9, 69].

Также найдены фрагменты горшков с венчиком, который имеет форму полумесяца (рис. 2.14–16). Аналогии: Херсонес [Ушаков 2010, рис. 6.18], римский пост на высоте Казацкая [Ковалевская, Сарновски 2018, с. 141, рис. 3.5], Харакс [Камелина 1012, табл. 15.11], Пантикапей [Зеест 1957, рис. 1.4], Трезмис [Ораіт 1980, рl. 1.2], Томы [Вајепаги 2013, р. 63–64, рl. 9.70], Новиетун [Нопси 2017, рl. 2.15, 16]. К. Бэженару предположил, что подобные сосуды могли производить в конце II – начале III в. в понтийских либо в мёзийских провинциальных мастерских [Вајепаги 2013, р. 63–64].

Редкой для Херсонеса является находка верхней части горшка с высоким горлом; венчик слегка отогнут, орнаментирован бороздками по верхнему краю (рис. 2.17). Точных аналогий сосуду найти не удалось, наиболее близкий по форме происходит из Истрии и датируется по контексту началом II – серединой III

в. А. Сучевану отнес этот горшок к истрийскому производству [Suceveanu 1985, pl. 60.4].

Найдено также несколько фрагментов <u>крышек</u> (рис. 2.22–24). Одна относится к группе эгейской керамики (тип 1 до Дж. Хейсу, II–III вв.) (рис. 2.22) [Hayes 1983, fig. 7.79]. Судя по аналогиям, диаметр таких крышек варьировался от 7 до 9 см, то есть ими накрывали горшки. Отметим находку фрагментов крышки с ручкой в виде расширяющегося, слегка вогнутого широкого выступа (рис. 2.23). Аналогии: римский пост на высоте Казацкая [Ковалевская, Сарновски 2018, с. 141, рис. 3.12], Пантикапей [Голофаст 2013, рис. 15.8].

Набор кухонной посуды из укрепленного поселения на высоте Суздальская свидетельствует о многообразии ее форм. Сосуды были привезены из Западного Причерноморья, Малой Азии, Нижней Мёзии и других производственных центров, в отличие от Херсонеса, где преобладает керамика эгейского производства. Также отметим, что кухонная посуда из раскопок на высоте Суздальская более разнообразна, чем из раскопок херсонесских усадеб римского времени, и по набору форм близка обнаруженным в крепости Харакс, военном лагере в Балаклаве, римском посту на высоте Казацкая. По аналогиям рассмотренная кухонная керамика датируется в пределах II – первой четверти III в., что соответствует общей периодизации памятника на высоте Суздальская.

Литература

Голофаст Л. А. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 211-241.

Дорошко О. П. Гончарные кастрюли с биконическим туловом I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического и его округи: к вопросу о месте производства // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.). М., 2021. С. 78–80.

Дорошко О. П. Кухонная керамика римского времени с красным покрытием из раскопок Херсонеса Таврического // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Материалы международной археологической конференции. Симферополь; Керчь, 2016. С. 103–108. (БЧ. VIII).

Камелина Г. А. Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены крепости Харакс // ПИФК. 2012. № 2 (36). С. 46–90.

Клёнина Е. Ю. Кухонная керамика // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 134–140.

Ковалевская Л. А., Сарновски Т. Тарная и кухонная керамика римского поста на высоте Казацкая в округе Херсонеса Таврического // XC6. 2018. Вып. XIX. С. 137–152.

Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 1993. Кутайсов В. А., Труфанов А. А. Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг.) // ИАКр. 2014. Вып. І. С. 234–277.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 340-376.

Ушаков С. В. Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г.») // МАИАСК. 2010. Вып. П. С. 7–26.

Băjenaru C. Contextes ceramiques de Tomis. (I). Un ensemble de la fin du IIe – debut du IIIe s. ap. J.-C. // Pontica. 2013. Vol. XLVI. P. 41–110.

Hayes J.W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // The Annual of the British School at Athens. 1983. Vol. 78. P. 97–169.

Honcu Ş. Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I–III p. Chr.). Constanța, 2017.

Iliescu Iu.-A., Botiş F.-O. The pottery workshops from Histria // Atlas of Roman Pottery Workshops from the Provinces Dacia and Lower Moesia/Scythia Minor (1st – 7th centuries AD) (I). Cluj-Napoca, 2018. P. 193–210.

Opaiț A. Considerații preliminare asupra ceramicii romane timpurii de la Troesmis // Peuce. 1980. Vol. 8. P. 328–366.

Suceveanu A. La céramique romaine des Ier–IIIe siècles ap. J.-C. București, 2000. (Histria. Vol. X).

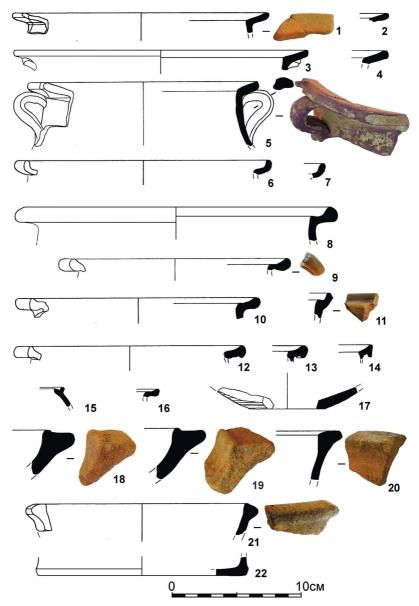


Рис. 1. Кухонная гончарная посуда из раскопок на высоте Суздальская. 1-17 – кастрюли, 18-22 – сковороды.

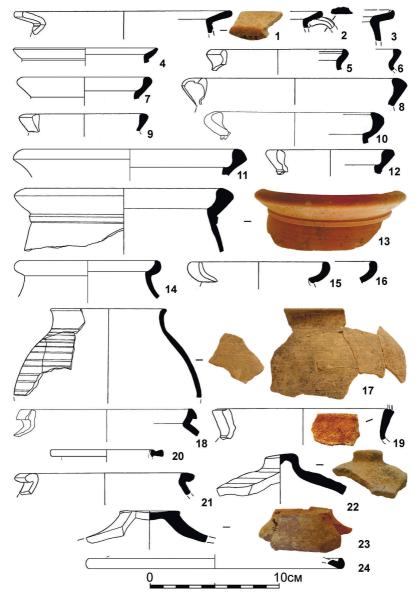


Рис. 2. Кухонная гончарная посуда из раскопок на высоте Суздальская. 1-21- горшки, 22-24- крышки.

Т. В. Егорова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Комплекс чернолаковой керамики из подводных исследований 2015–2017 гг. у мыса Ак-Бурун

В 2015–2017 гг. подводным отрядом ИА РАН под руководством С. В. Ольховского проводились работы в акватории Керченского пролива у мыса Ак-Бурун, в результате которых была собрана общирная коллекция (480 экземпляров) целых и фрагментированных чернолаковых сосудов последней четверти VI – конца II в. до н. э., с преобладанием материалов конца V – первой половины III столетий. Представлен широкий спектр центров производства: Аттика, Малая Азия, в частности, Пергам, Книд и другие области, а также Коринф, Македония, Западное Причерноморье и Западное Средиземноморье¹.

При анализе стратиграфии донных отложений выяснено, что они были перемещены в этот район Керченской бухты в результате дноуглубительных работ в середине 70-х гг. ХХ в. Однако учитывая состав материала, а именно очень небольшое количество находок местной лепной керамики, ткацких грузил, терракот, курильниц, металлических изделий, С. В. Ольховский предположил, что формирование комплекса происходило «у причала или на прибрежной якорной стоянке» [Ольховский 2018, с. 248].

Характер находок чернолаковой посуды отчасти подтверждает это предположение. Так, здесь было обнаружено значительное количество ольп и миниатюрных ойнохой, а также киафы хорошей сохранности (рис. 1.1), которые в городских слоях обычно представлены либо единичными экземплярами, либо небольшими фрагментами, сложно поддающимися атрибуции. В то же время, как показали проведенные повторные комплексные исследования керамики

¹ Для определения центров помимо морфологического анализа и анализа орнаментации сосудов в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ была проведена макросъемка сколов для выявления структуры и примесей в глиняном тесте, качества обжига, а также использована цветовая система Манселла.

из «Киренийского корабля», затонувшего у берегов Кипра в конце IV – начале III в. до н. э. и обнаруженного еще в 1967 г., именно эти формы входили в набор посуды, которую в эллинистическое время мореплаватели брали с собой в дорогу и могли выбрасывать за борт в случае ее серьезного повреждения [Berlin 2019, р. 564–566].

Помимо этого, можно допустить, что часть вещей происходила из городских слоев, вероятнее всего, из припортового района города. Для этого есть несколько оснований. Известно, что чернолаковые сосуды, привозившиеся на продажу и поврежденные в дороге, не выбрасывали сразу, а ремонтировали в прибрежных мастерских с тем, чтобы распространять в отдаленные районы, возможно, по более низкой цене [Rotroff 2011, р. 127–128; Вдовиченко 2008, с. 37]. Это косвенно подтверждается тем, что на удаленных от центров распределения товаров причерноморских и приазовских поселениях процент отремонтированных сосудов, которые продолжали после этого использовать еще длительное время, многократно выше, чем то было в центре [подробнее: Егорова 2019, с. 246–249]. В то же время, среди находок из Керченского пролива есть сосуды уже со следами ремонта, который технически не мог быть произведен в дороге. Количество отремонтированных сосудов невелико (1,25%), но абсолютно соответствует этому показателю именно для городских слоев Пантикапея, который отличается от большинства городов Северного Причерноморья (по-видимому, благодаря столичному статусу), но соотносится с данными по Афинам и Олинфу [Егорова 2019, c. 246; Rotroff 2011, p. 118–119].

В пользу того, что этот материал может происходить именно из припортового района, то есть, района далекого (не территориально, но статусно) от центральной части города, свидетельствует тот факт, что типологически наш комплекс чернолаковой керамики не так разнообразен, как на акрополе. В его составе очевидно преобладают простейшие формы посуды.

Преимущественно это столовая посуда. Среди сосудов для питья (рис. 1.2) интересно отметить фрагмент апулийского кубка, редкого для Причерноморского региона, а также полусферические чаши с центральными медальонами. Основной особенностью группы сосудов, использовавшихся для подачи вина и воды, является незначительное количество столовых амфор и кратеров при существенном преобладании ольп и ойнохой (рис. 1.1). Традиционно наиболее многочисленная группа столовой посуды – это так называемые сосуды для сервировки стола: блюда, тарелки, миски и солонки всевозможных форм и размеров (рис. 1.3).

Около 12 % сосудов сохранили следы орнаментации. Первая группа орнаментов относится к стилю West Slope. Представленные мотивы в целом типичны для этого региона в эллинистическое время. Вторую украшает штампованный и прочерченный орнамент. Эта группа более разнообразна и включает в себя уникальный экземпляр: кубковидный скифос с отпечатками в виде театральных масок, аналогии которому пока не найдены.

Литература

Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморые. Симферополь, 2008. 128 с.

Егорова Т.В. К вопросу о продолжительности использования чернолаковой посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса) // АМА. 2019. Вып. 19. С. 242–257.

Ольховский С. В. Подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» (Республика Крым, Керченская бухта) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. М., 2018. Т. 25. С. 246–251.

Berlin A. At Home on Board: the Kyrenia Ship and the goods of its crew // Daily life in a cosmopolitan world: pottery and culture during the Hellenistic period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP Lyon, November 2015, 5th – 8th. Wien, 2019. P. 563–571.

Rotroff S.I. Mended in Antiquity: Repairs to Ceramics at the Athenian Agora // Pottery in the Archaeological Record: Greece and Beyond. Acts of the International Colloquium Held at the Danish and Canadian Institutes in Athens. Aarhus, 2011. P. 117–134.

Д. В. Журавлев

Государственный исторический музей, г. Москва

Краснолаковая керамика из кургана у Братского кладбища (раскопки Н. М. Печенкина 1904–1905 гг.)¹

О раскопках Н. М. Печенкиным в 1904–1905 гг. кургана на Северной стороне г. Севастополя, у Братского кладбища, многократно упоминалось в литературе [см., например: Гущина 1974, с. 32–33], однако сами материалы до настоящего времени практически не изданы. Лишь в 2020 г., благодаря усилиям Ю. А. Виноградова и Т. Н. Смекаловой, было опубликовано рукописное наследие этого неутомимого исследователя Юго-Западного Крыма, включая тексты отчетов, чертежи, рисунки и фотографии [Печенкин 2020а; 20206]. Вещевой материал из этого кургана и из могильника Бельбек I, хранящийся сегодня в музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге, готовится в печати. Настоящий доклад посвящен одной из категорий погребального инвентаря – краснолаковой керамике.

В Отчете Н. М. Печенкина краснолаковая керамика была охарактеризована лаконично: «Патеры преимущественно краснолаковые, из них две с орнаментом... Кувшины были найдены в четырех случаях стоящими возле патер. Кувшины краснолаковые и в одном случае из черной глины... При патерах же в трех случаях находились довольно изящные чашки – в двух случаях с двумя ручками и в одном без ручек, украшенная рельефными разводами, очень изящная, напоминающая римские terra sigillata» [Печенкин 2020а, с. 99]. Рисунков или фотографий предметов к отчету приложено не было.

В целом краснолаковая керамика (19 сосудов) представлена обычными для Юго-Западного Крыма формами, лишь несколько сосудов выделяются из этого ряда. В каждой могиле находилось от одного до четырех краснолаковых сосудов. Общая датировка всех впускных погребений из этого кургана – последняя четверть І – первая четверть ІІ в. н. э.

 $^{^1}$ Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ № 18-09-40037 «Неопубликованное научное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

Кубок краснолаковый полусферической формы с орнаментом *en barbotine* [Гущина 1974, рис. II.3] найден в погребении (далее – п.) 3 (рис. 2.2). Обломки таких сосудов известны с большинства памятников Северного Причерноморья римского времени, однако целые формы встречаются относительно редко. Вероятно, прототипом этих сосудов в регионе явились италийские сосуды *pareti sottili* [ср.: Marabini Moevs 1973]. Из п. 2 происходит кубок формы 32.1 [Журавлев 2010, с. 62, табл. 29], а из п. 8 – вариант кубка формы 32.2, но на плоском дне с кольцевой бороздкой. Дополняет коллекцию сосудов для питься кубок с грушевидным туловом из п. 1 (рис. 2.1) – явная имитация металлических прототипов.

Вызывают интерес две чаши усеченно-конической формы с вертикальным бортиком (рис. 1), соответствующие форме 28 Понтийской сигиллаты А [Журавлев 2010, с. 59, табл. 27]. Особенностью наших чаш является орнамент белой краской по бортику – поздний вариант West slope [о стиле: Behr 1988]. Несмотря на морфологическое сходство, чаши имеют различную глину и явно изготовлены в разных центрах.

На чаше из п. 5 [Гущина 1974, рис. II.4; Журавлев 2015, рис. 5.3] орнамент в виде ветви с листьями (рис. 1.2), имитирует импортные (пергамские?) прототипы. Подобные сосуды происходят, например, из некрополя Золотое [Корпусова 1983, с. 104–105, табл. XXX.4] и из Булганакского городища [Шкроб 1991, рис. 1.1]. Такой орнамент известен и на сосудах других форм из Пантикапея [Забелина 1992, рис. 3.г; 4.а; Соколова 1984, табл. II.10, 11; и др.], Мирмекия [Місһаłоwski 1958, tab. V–VII; Гайдукевич 1959а, рис. 95]; Горгиппии [Алексеева 1997, табл. 214.1, 2], Чайки [Яценко 1970, рис. 12.1].

Вторая чаша [Журавлев 2015, рис. 5.6] происходит из п. 4 (рис. 1.1). Ее бортик украшен изображениями стилизованных ветвей, напоминающих перевернутые γ-видные линии на кувшинах из Пантикапея [Журавлев, Ломтадзе 2005, с. 285, рис. 3.3], дома Хрисалиска [Сокольский 1976, с. 99, табл. 53.6], из кургана № 6 у с. Подовое в Херсонской области [Симоненко 1993, с. 41–42, рис. 11.2Б], могилы № 4 некрополя у с. Холмовка в Крыму [Труфанов 2009, с. 168, 170, рис. 29.2], столовой амфоре из Усть-Альминского некрополя [Пуздровский, Труфанов 2016, с. 147, рис. 29.3].

Еще один кубок биконической формы, орнаментированный волнистой линией, нанесенной белой краской (рис. 2.3), относится к группе мезийской или западнопонтийской сигиллаты и находит множество аналогий как в Крыму, так и за его пределами [см.: Журавлев 2010, с. 36, табл. 9]. Датировка этих сосудов также не выходит за пределы второй половины I – начала II в. н. э.

«Патеры с орнаментом», упомянутые Н. М. Печенкиным в отчете, это две тарелки с клеймами planta pedis (рис. 2.4), относящиеся к понтийской сигиллате А и датирующиеся последней четвертью І в. н. э. [Журавлев 2010, с. 41–42; о клеймах planta pedis: Журавлев 2001]. В п. 7 найдена также чаша формы 24 [Журавлев 2010, с. 57–58, табл. 26]. В п. 1, 2, 6, 9 обнаружены миски, на которых сохранились остатки красного лака, а сосуд из п. 6 имеет многочисленные следы ремонта в древности [Печенкин 2020а, с. 102]. Закрытые сосуды представлены кувшинами из п. 2, 3, 9 и столовой амфорой из п. 7. Дополняют коллекцию два краснолаковых гуттуса, найденные в насыпи кургана, близкие формам 2 и 4 классификации керамики бельбекских могильников [Журавлев 2010, с. 90–91, табл. 59].

Литература

Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997.

Гайдукевич В. Ф. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. 1934–1956. Варшава, 1959.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 32–64.

Журавлев Д. В. К вопросу о клеймах planta pedis на римской керамике // XC6, 2001. Вып. XI. С. 90–99.

Журавлев Д. В. О некоторых категориях краснолаковой керамики Чайки // Материалы исследования городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 275–312

Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. (МАИЭТ. Supplementum 9).

Журавлев Д. В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор). // ПИФК. 2015. $\mathbb N$ 1. С. 190–215.

Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Новые комплексы римского времени из Пантикапея // БИ. 2005. Вып. VIII. 284–307

Забелина В. С. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945–1974 гг. // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 10: Археология и искусство Боспора. М., 1992. С. 284–297.

Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 1983.

Печенкин Н. М. Отчет об археологических раскопках кургана на Северной стороне г. Севастополя в 1904 г. // Археологические труды Н. М. Печенкина. СПб., 2020а. С. 98-103 (Гераклейский сборник. Вып. IV).

Печенкин Н. М. Отчет о работах произведенных в 1905 году по исследованию большого кургана на Северной стороне г. Севастополя вблизи Брат-

ского кладбища // Археологические труды Н. М. Печенкина. СПб., 2020б. С. 104-108 (Гераклейский сборник. Вып. IV).

Пуздровский А. Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь; М., 2016.

Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Соколова Е. К. Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея (собрание Эрмитажа) // Культура и искусство античного мира. Л. 1984. 125–137. (Труды ГЭ. Вып. XXIV).

Сокольский Н. И.. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. С. 117–328.

Шкроб О. Б. Методика изучения и классификации краснолаковой керамики // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон, 1991. С. 131–142.

Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 31–38.

Behr D. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // Istanbuler Mitteilungen. 1988. Bd. 38. S. 97–178.

Marabini Moevs M.T. The Roman Thin Walled Pottery from Cosa (1948–1954). Rome, 1973. (Memoirs of the American Academy in Rome. Vol. XXXII).

Michałowski K. Mirmeki. Wykopaliska odcinka Polskiego w r. 1956. Warszawa, 1958.

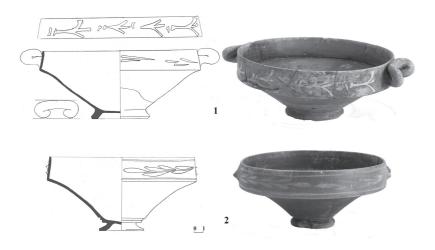


Рис. 1. Краснолаковая керамика из кургана у Братского кладбища. 1 – погр. 4; 2 – погр. 5.

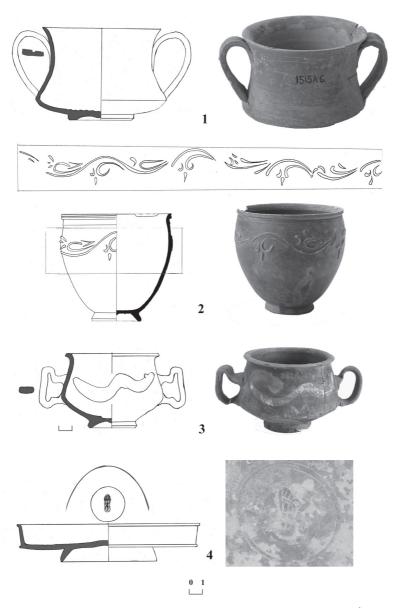


Рис. 2. Краснолаковая керамика из кургана у Братского кладбища. 1 – погр. 1; 2 – погр. 3; 3 – погр. 7; 4 – погр. 8.

Ю. П. Зайцев

Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», г. Симферополь

Основные итоги исследований царского кургана Туак-Оба в Центральном Крыму

В 2016, 2018, 2020–2021 гг. экспедицией историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» был исследован аристократический курган Туак-Оба, потревоженный недавними грабительскими раскопками [Шкрибляк, 2019; 2020]¹. Учитывая, что это первый в истории крымской археологии случай полного изучения степного кургана такого ранга, результаты его исследования представляют большой интерес.

1. Местоположение и топография объекта.

Курганная группа «Туак-Оба» расположена в Белогорском районе Республики Крым, в 2,8 км к северо-западу от с. Мироновка, состоит из двух насыпей и локализована на возвышенности левой надпойменной террасы р. Биюк-Карасу. Высота кургана № 1 составляет 6 м, диаметр 50 м; высота кургана № 2 – 2,8 м, диаметр – ок. 30 м (рис. 1).

2. История исследований.

Объект был выявлен по факту грабительских раскопок в 2016 г. В 2018 г. были начаты раскопки кургана № 1, исследовано его погребальное сооружение и зачищен северо-восточный сектор, а в 2020 г. проведено полное исследование насыпи. В 2021 г. был исследован курган № 2, соединенный с курганом № 1 перемычкой-платформой.

3. Этапы строительства объекта.

Первой фазой древних работ на месте кургана \mathbb{N} 1^2 стало устройство материкового котлована, в котором был смонтирован монументальный склеп из тесаных блоков.

На втором этапе центральная часть площадки была окружена валообразной грунтовой насыпью.

 $^{^1}$ Работы осуществлены при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00456 А «Археологические исследования царского скифского кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму».

² Монументальный склеп кургана № 1 Туак-Оба подробно проанализирован в статье И. И. Шкрибляк, представленной в настоящем сборнике.

Третий этап отмечен использованием необработанного известнякового камня, из которого были сооружены наружная обкладка камеры, пирамидальные (разгрузочные?) контрфорсы по сторонам и камера второго (верхнего) яруса, устроенная непосредственно над нижней.

Четвертый этап, вероятно, начался с монтажа однослойных бревенчатых перекрытий проталамоса и верхней камеры. Затем все пространство над ними было забутовано камнем и сооружен верхний ярус продольных и поперечной стен дромоса-коридора. При этом их окончания с восточной стороны двумя парными ярусами плавно закруглялись наружу.

Пятый, заключительный этап, скорее всего заключался в постройке каменного кольцевого кромлеха и в формировании мощной кольцевой каменной забутовки шириной ок. 5–8 м.

Курган № 2 по предварительным данным был сооружен в эпоху энеолита – ранней бронзы и отличался сложной каменной конструкцией. Во время сооружения кургана № 1 к его насыпи с восточной стороны была присыпана грунтовая платформа, облицованная камнями и объединившая два кургана в один комплекс (рис. 1).

4. Погребальный обряд и инвентарь.

В камере и дромосе были зафиксированы разрозненные костные останки молодых мужчины и женщины, а также остатки погребального инвентаря: золотые и серебряные бляшки, бронзовые наконечники стрел, лепная курильница, бусы и подвески, костяные пластинки-инкрустации, детали шкатулки. Судя по наличию каменной платформы для установки погребального ложа (клинэ), по крайней мере одно из погребений было ориентировано по оси север-юг.

В верхней камере погребальный инвентарь сохранился полностью и состоял из синопской и книдской амфор, набора железных приспособлений для жарки мяса [Дедюлькин, 2019], втоков и наконечников 10 копий и 28 дротиков, других предметов.

В коридоре-дромосе зафиксированы два парных захоронения коней с железными и серебряными элементами узды.

На поверхности насыпи, среди камней, обнаружены немногочисленные фрагменты амфор нескольких центров, в том числе две клейменные ручки амфор херсонесского производства и одна – синопского.

В насыпи кургана \mathbb{N} 2 было обнаружено 18 могил, расположенных в 4 ряда и содержавших 20 конских захоронений (рис. 1, 2). Единичный инвентарь из них представлен железными элементами узды и бронзовым наконечником стрелы.

На его вершине также была устроена площадка-вымостка из камней, насыщенная фрагментами амфор и лепной посуды. В ее границах было обнаружено компактное скопление артефактов скифского времени. Кроме того, в пределах насыпи также были открыты мужское безынвентарное захоронение и женское – в подбойной могиле, сопровождавшееся набором бронзовых наконечников стрел и бусами. Интересно, что среди камней ее заклада были обнаружены два фрагмента каменного изваяния воина.

Выводы:

- 1. На основании херсонесских амфорных клейм (астиномы Дамокл и Теоген), относящиеся к группе 1Б, которая датируется 316–305 гг. до н. э. [Кац 2007, 326], захоронения в кургане могут быть отнесены к концу IV в. до н. э., чему не противоречат и остальные находки. Показательно, что аналогичные херсонесские клейма представлены среди материалов соседнего городища Ак-Кая/Вишенного, что позволяет синхронизировать оба памятника.
- 2. Оба кургана представляют собой единый аристократический погребальный комплекс сложной структуры и демонстрируют многие элементы погребального обряда греко-фракийского ареала, до сих пор не известные в Крыму и Северном Причерноморье.
- 3. Комплекс полученных данных позволяет предварительно считать курган Туак-Оба местом погребения первых правителей (или членов их семьи) крепости Ак-Кая/Вишенное центра оригинального варварского образования Крыма эпохи эллинизма.

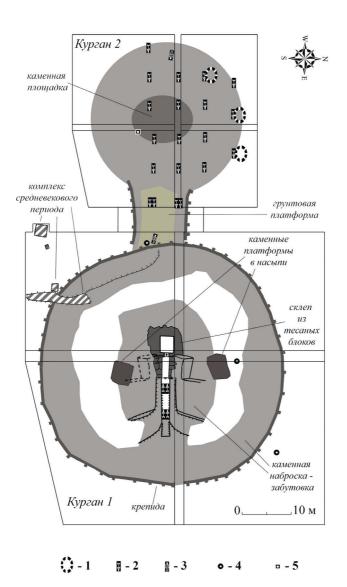
Литература

Дедюлькин А. В. Набор для приготовления мяса из кургана Туак-Оба // Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 26–30.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 480 с. (Боспорские исследования. Вып. XVIII).

Шкрибляк И. И. Опыт трехмерной фиксации кургана скифского времени Туак-Оба в Крыму // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. М., 2019. С. 116–118.

Шкрибляк И. И. Исследования кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму // Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 97–99.



План-схема курганов № 1 и 2 группы Туак-Оба с обозначением основных объектов. Условные обозначения: 1 – кольцевые каменные структуры 2 – конские захоронения 3 – человеческие захоронения 4 – находки амфорных клейм 5 – скопление предметов.

Е. Г. Застрожнова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург

«Великий перелом» и раскопки Фанагории: 1929–1930 гг. в истории изучения памятника¹

1929 г. в истории отечественной археологии именуется «годом Великого перелома», поскольку в апреле этого года в печати появился призыв М. Н. Покровского, гласивший: «Период мирного сожительства с буржуазией изжит до конца. Пора переходить в наступление на всех научных фронтах» [Платонова 2010, с. 234]. В Москве на XVI партийной конференции Е. М. Ярославским была представлена программа чистки советских учреждений. Процедура чистки преследовала основную цель – избавиться от ученых старой школы, заменив их «марксистской молодежью». Именно по этой причине в 1929 г. по приглашению председателя Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Н. Я. Марра, пост заместителя председателя занял бывший ученик С. А. Жебелёва – Ф. В. Кипарисов. Понимая необходимость актуализации археологии для советского руководства, Ф. В. Кипарисов пытался централизовать контроль за проведением археологических раскопок в СССР в рамках ГАИМК. С этим и был связан проект работы Таманской экспедиции, который должен был «вернуть» академии античные памятники Таманского полуострова.

Несмотря на прилагаемые с 1923 г. ГАИМК усилия по возобновлению работ на Тамани, топографические исследования на полуострове были начаты еще в 1925 г. силами РАНИОН, в 1927 г. к исследованиям присоединился Музей изящных искусств (МИИ). Первоочередной целью раскопок была Фанагория – как источник для пополнения музейной коллекции МИИ, и московские исследователи, безусловно, не собирались терять достигнутых позиций. В 1929 г. раскопки в береговой части Фанагории проводились под руководством научного сотрудника МИИ Л. П. Харко, в экспедиции приняли участие директор Керченского музея Ю. Ю. Марти, научный сотрудник ГАИМК В. Ф. Гайдукевич и заведующий Таманской

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-09-00180А.

археологической станцией А. А. Остроумов. В 700 м от бывшего хутора казака Семеняки были зафиксированы следы богатого жилого дома: выявлены фрагменты известнякового пола, ярко окрашенного красной краской, и фрагмент мраморной плиты с изображением бегущей собаки².

В ноябре 1929 г. в Главнауке состоялось заседание, на котором формировался состав археологических экспедиций на следующие пять лет. Н. Я. Марр и Ф. В. Кипарисов заявили, что ГАИМК берет на себя «все дело постановки и проведения плановых работ на Таманском полуострове». До этого заседания негласным образом Ф. В. Кипарисов пытался реализовать сотрудничество ГАИМК с немецкими исследователями, поручив научному сотруднику академии Г. И. Боровке лично переговорить с директором Германского археологического института, Т. Вигандом. Устные договоренности были достигнуты, однако реализованы не были, ввиду усложняющейся обстановки по сотрудничеству с зарубежными исследователями. Несмотря на свою принципиальную позицию, добиться главенствующей позиции ГАИМК не удалось. В 1930 г. была создана Таманская экспедиция ГАИМК под руководством А. А. Миллера. На первый сезон перед ней были поставлены задачи, носившие предварительный, разведывательный характер по изучению и фиксации памятников всех исторических эпох на территории полуострова и раскопкам двух крупных античных центров – Гермонассы и Фанагории.

Таким образом, в 1930 г. раскопки в Фанагории проводились силами двух научных учреждений — МИИ и ГАИМК. Ввиду того, что ГАИМК опротестовала выдачу открытого листа Л. П. Харко, право на проведение раскопок получил заведующий Отделом скульптуры К. Э. Гриневич, Л. П. Харко отправился с ним в качестве помощника. Основной целью исследователей в этом году было установление границ Фанагории и изучение культурных слоев памятника [ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 46]. К. Э. Гриневич пытался согласовать ход и цели работ с А. А. Миллером, однако руководство ГАИМК запретило ему идти на любые компромиссы с московскими исследователями и предписало отклонять все их попытки достижения соглашения о совместных работах [Виноградов, Застрожнова, Медведева 2021, с. 275].

Фанагорийский отряд Таманской экспедиции ГАИМК в составе А. А. Иессена, Г. И. Боровки, Т. Н. Книпович, А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого проводил раскопки на территории Фанагории че-

 $^{^2}$ В ходе раскопок В. Д. Блаватского в 1936 г. это здание было исследовано и определено как «дом с расписной штукатуркой» [Кузнецов 2013, с. 24; Застрожнова 2019, с. 218].

рез несколько дней после отъезда экспедиции МИИ, с 18 по 24 августа. В первую очередь А. А. Миллером были зафиксированы методические ошибки предшествующей экспедиции: он отметил незнание значения слова «стратиграфия», назвав раскопы К. Э. Гриневича и Л. П. Харко «бесполезными». Фанагорийским отрядом ГАИМК было заложено два «участка», в каждом из которых было снято по 29 штыков. На плато к западу от лощины была обнаружена гончарная печь, датированная римским временем3 [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1930. Д. 121. Л. 117–144].

В 1931 г. ввиду отсутствия финансирования у МИИ раскопки на территории Фанагории проводились только силами ГАИМК. Работы носили в основном охранный характер, была сформирована комиссия в составе А. А. Миллера, А. А. Остроумова, Ю. Ю. Марти и Г. В. Подгаецкого, которая составила несколько заключений об общем состоянии памятника и необходимости его охраны на государственном уровне. Однако исследования в 1932 г. продолжены не были, а в 1933 г. по делу Российской национальной партии был арестован А. А. Миллер, после чего Таманская экспедиция перестала существовать. Таким образом, в условиях сложной ситуации в отечественной науке (чистки кадрового состава и начинающиеся репрессии⁴) амбиции руководства ГАИМК и нежелание идти на компромиссы не позволили реализовать такой перспективный научный проект, как Таманская экспедиция.

Литература

Виноградов Ю. А., Застрожнова Е.Г., Медведева М.В. Таманская экспедиция ГАИМК и исследование Фанагории // БИ. 2021. Вып. XLII. С. 271–301.

Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. 1934. Вып. 80. 116 с.

Застрожнова Е. Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). СПб., 2019.

Кузнецов В. Д. Фанагория: некоторые итоги исследований // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., 2013. Т. 1. Вып. 1. С. 12–41.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. СПб., 2010. 314 с.

³ Доследование фанагорийской обжигательной печи было произведено в 1931 г. Керченским музеем совместно с В. Ф. Гайдукевичем. Результаты были включены в монографию В. Ф. Гайдукевича, посвященную керамическим обжигательным печам Боспора [Гайдукевич 1934, с. 51–92].

 $^{^4}$ Г. И. Боровка был арестован в 1930 г., К. Э. Гриневич в 1932 г., А. А. Миллер в 1933 г.

А. А. Зедгенидзе

Высшая школа экономики, г. Москва

Результаты исследования укрепления на перешейке Маячного полуострова: фрурион, акрополь, храм на акрополе

Херсонес является ярким примером освоения территории древними греками и, можно сказать, ее моделью. Главными элементами этой модели являются: строительство города; создание основы его существования - хоры; возведение оборонительной системы, обеспечивающей безопасность и развитие полиса. Территориальными единицами полиса в начальный период являлись, таким образом, сам город у нынешней Карантинной бухты; укрепление на перешейке Маячного полуострова - «древний Херсонес»; дорога между городом и укреплением (которая определила конфигурацию размежевки на Гераклейском полуострове); размежевка на Маячном полуострове. Из всех типов древнегреческих фортификаций ближе всего к укреплению на перешейке Маячного полуострова находится фрурион, характеризуемый в литературе как постоянное укрепление или укрепленное поселение, подразумевающее наличие гарнизона, располагающееся в сельской местности на определенном удалении от города и при необходимости служащее убежищем для жителей данной сельской территории [Lawrence 1979, р. 137, 173]. Судя по данным источников (см. их анализ в [Nielsen 2002, p. 50-51]), фрурион является комплексом строений, представляет собой укрепленный пункт, может иметь башни и использоваться как сторожевой пост; назначение фруриона прежде всего военное, как оборонительное, так и наступательное; phrourion может употребляться в качестве синонима teichos. Укрепление на Маячном полуострове вполне соответствует этим признакам [Зедгенидзе 2019]. Создав на перешейке Маячного полуострова, то есть на северо-западной оконечности хоры, фрурион, полис закрепил за собой эту границу и, следовательно, всю территорию, расположенную между Херсонесом и Маячным. В задачи фруриона входило освобождение Гераклейского полуострова от варварского населения и защита границ хоры; он служил убежищем для жителей прилегающей территории в случае нападения. Относительно внутреннего устройства фруриона с достоверностью можно говорить лишь о двух четко разграниченных (благодаря диатейхисме) участках – возвышенном (акрополь) и низинном (katō polis), где располагался порт и жилье. Честь первого описания акрополя «древнего Херсонеса» и вообще определения данного участка в качестве акрополя принадлежит Н. М. Печёнкину. Он раскопал и описал диатейхисму, без которой не было бы и понимания акрополя. В нашей работе мы снова вводим в научный оборот акрополь «древнего Херсонеса».

Акрополь - это защищенное стенами пространство, находящееся на возвышении и включенное в систему полиса [Rönnlund 2018, р. 57]; акрополь обязательно должен образовывать собственное замкнутое пространство с четкой границей. Наш акрополь полностью соответствует этим признакам. Его юго-восточной границей является неприступный обрыв, с запада и востока он защищен стенами, от остального пространства укрепления отделен диатейхисмой. Одним из назначений акрополя было размещение гарнизона [Lawrence 1979, p. 137; Rönnlund 2018, p. 47]. Какой-либо жилой застройки на территории нашего акрополя не обнаружено. Это согласуется с ситуацией в Греции: в классическую эпоху на акрополях в обычном случае никто постоянно не жил [Lawrence 1979, р. 132]. Смысл и символизм акрополя в том, что он представляет собой общее убежище, предназначенное для всех граждан, акрополь – символ единства граждан. Он является доминантой прилегающей местности и, возвышаясь над ней, напоминает возможному противнику о могуществе господствующей группы, а для собственных создателей является символом безопасности и священным пространством с его средоточием в виде храма.

К. К. Косцюшко-Валюжинич в 1890 г. открыл храм, пристроенный к западной крепостной стене укрепления. Храм построен так, что его западная стена параллельна крепостной, а южная стена встроена в крепостную стену, что свидетельствует об одновременном строительстве крепостной стены и храма, об их структурной и хронологической соотнесенности, что является решающим аргументом в датировке храма. Возведение крепостной стены датируется нами концом V – началом IV в. до н. э. [Зедгенидзе 2016, с. 603]; строительство храма следует относить к этому же времени. В более поздний период, согласно Страбону (VII.4.2), «древний Херсонес» был разрушен, что подразумевает обветшание и разрушение крепостных стен. Таким образом, возведение храма в более поздний пе-

риод в конструктивной связи с разрушающейся крепостной стеной представляется нам невозможным.

Храм реконструирован нами как храм в антах дорического ордера с пронаосом, наосом и опистодомом. Между антами помещались две колонны высотой 4,2 м; высота храма составляла 7 м. Полагаем, что храм мог служить сокровищницей, местом хранения казны полиса (или той ее части, которая была связана с «древним Херсонесом»). Это следует прежде всего из значительной укрепленности данной территории. На акрополе можно было контролировать доступ к храму и, соответственно, к казне: там не было близко примыкающей жилой застройки, а благодаря диатейхисме храм находился в обособленном пространстве. На плане Косцюшко-Валюжинича видно, что между крепостной стеной фруриона и задней стеной храма оставлен коридор шириной 1 м – особое помещение, которое, как мы предполагаем, функционировало как опистодом, предназначавшийся в храмах для хранения казны [Шуази 1905, с. 372]. Возможно, в этом коридоре была лестница и вход на чердак храма, где и располагалась сокровищница.

Литература

Зедгенидзе А. А. «Древний Херсонес» Страбона. Результаты исследований 1985–1990 гг. // ВДИ. 2016. № 3. С. 597–625.

Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение Укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. 3. С. 608-639

Шуази А. История архитектуры. М., 1905. T. I.

Lawrence A.W. Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.

Nielsen T. H. A Phrourion. A Note on the Term in Classical Sources and in Diodorus Siculus // Even More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2002. P. 49–64.

Rönnlund R. A City on a Hill Cannot Be Hidden: Function and Symbolism of Ancient Greek Akropoleis. Gothenburg, 2018.

В. Н. Зинько, А. В. Зинько

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Святилище Диониса из раскопок Тиритаки

При исследовании боспорского города Тиритаки в 2018 г. у западной крепостной стены было выявлено небольшое помещение. Эта сырцово-каменная постройка СК-ІХ (рис. 1) была почти квадратной формы с внутренними размерами 1,95 (3-B) × 2,18 (С-Ю) м. Она располагалась внутри большого двора и была пристроена к южному фасу стены №7(Γ). На участке СК–IX стена № 7(Γ), ограждавшая это помещение с севера, сохранилась на высоту до 9 рядов кладки (0,96 м), при ширине стены до 0,72 м. С юга СК-ІХ ограничена стеной № 61, от которой сохранился только каменный цоколь, открытый в длину на 1,95 м (внутренний фас) и шириной до 0,35 м. Восточная стена № 60 – длиной 1,95 м (внутренний западный фас), шириной 0,37-0,41 м и высотой до 0,35 м. Сложена в 1-2 ряда из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней размерами от $0,10 \times 0,07 \times 0,04$ м до $0,45 \times 0,30 \times 0,25$ м. В центральной части стены – проход шириной до 0,60 м. Западная стена № 59 – длиной 2,15 м (внутренний восточный фас), шириной 0,37-0,41 м и высотой до 0,35 м. Сохранился каменный цоколь стены, сложенный в один ряд из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней размерами от $0.15 \times 0.10 \times 0.07$ м до $0.55 \times 0.30 \times 0.20$ м. В центральной части стены – проход шириной до 0,60 м. Этот проход расположен на одной оси с проходом в стене № 60.

Помещение было заполнено развалом сырцовых стен. При расчистке заполнения СК–IX был выявлен археологический материал, который представлен 310 фрагментами керамики, которая в количественном и процентном соотношении распределяется следующим образом: строительная и хозяйственная толстостенная керамика – 6 фрагментов (1,94 %), тара керамическая – 263 фрагмента (84,84 %), столовая керамика – 27 фрагментов (8,71 %), лепная керамика – 14 фрагментов (4,52 %). Также выявлено 23 фрагмента костей мелких и крупных рогатых животных. Особый интерес представляет находка каменного алтаря и костяного предмета (высотой 12,4

см) из фрагмента левой большой берцовой кости быка¹, с прекрасно вырезанной многофигурной композицией – обнаженный бог Гарпократ со спутниками – патеками (рис. 2).

Вся внешняя поверхность костяного изделия покрыта рельефными изображениями. Главное из них - мастерски выполненная объемная фигура обнаженного бога Гарпократа, левая нога которого покоится на задранной вверх голове гуся. В левой руке у Гарпократа – рог изобилия с кистями винограда и хлебными колосьями, указательный палец правой руки поднесен к губам. На голове бога - цветок лотоса. Правым плечом он опирается на колонну, на капители которой стоит обнаженный карлик с тимпаном в руках и в головной повязке с двумя перьями. На тыльной стороне в высоком рельефе изображен алтарь, на котором стоит патек с обнаженным торсом и амфорой в левой руке. На голове его – повязка, завязанная узлом с двумя перьями. Это – уникальная находка, аналогов которой нет во всей 200-летней истории раскопок на Боспоре. По всей видимости, этот культовый предмет был спрятан в тайнике в сырцовой стене и поэтому так прекрасно сохранился. В сырцовом завале у северной стены помещения был найден небольшой известняковый алтарь квадратной формы высотой 30,0 см и выступающей на 2-3 см верхней поверхностью размерами 28,0 × 24,0 см. Судя по обработке только одного края верхней поверхности, алтарь устанавливался тыльной стороной к стене.

Учитывая планировку и находку сакральных предметов, можно утверждать, что это помещение СК-IX с двумя входами являлось святилищем и функционировало в пределах конца II в. до н. э. – начала I в. н. э. Эта небольшая одноэтажная постройка, судя по найденным в ней каменному алтарю и персонажам, изображенным на костяном вотивном предмете, предназначалась для отправления синкретического культа Диониса-Гарпократа. Весьма вероятно, что именно в этом святилище, открытом нами в 2018 г. около западной городской куртины, находилась мраморная статуэтка Диониса, найденная В. Ф. Гайдукевичем в 1937 г. в нескольких метрах к западу от исследованной культовой постройки.

В конце II в. до н.э., при Митридате Евпаторе VI, Боспор входит в состав Понтийского царства, где мужские божества имели синкретический характер и смешанные культы. Значительную роль в религиозных представлениях населения Малой Азии в это время начали играть египетские культы, а египетские боги Озирис, Гор-Гарпократ, Бел и другие ассоциировались с Дионисом. Синкретических харак-

¹ Определение материала было произведено А. К. Каспаровым.

тер мужских божеств подразумевает общую атрибутику их культов. В представлениях понтийских эллинов Дионис всегда выступал в двоякой роли: как покровитель виноградарства, а также как господин жизни и смерти, защитник смертных в потустороннем мире, что сближает его образ с орфическими учениями. В этой хтонической ипостаси культ Диониса тесно переплетается с культом Гарпократа.

Боспорские греки почитали Диониса-Гарпократа в качестве покровителя плодородия и хтонических сил, как воплощение бессмертия и спасителя-сотера. Возрастание роли дионисийского культа среди местных жителей и переселенцев из Южного Причерноморья было следствием понтийского влияния и подъема сельского хозяйства при митридатовском господстве, когда аграрные ресурсы боспорской хоры, включая конечно же сельскую округу города Тиритака, использовались для снабжения митридатовских войск хлебом и вином. Поэтому воздействие привнесенных малоазийско-египетских представлений на местный культ Диониса не изменило его аграрной сути, а только расширило хтонический аспект, придав богу виноделия и производительных сил природы функции спасителя и защитника, превратив его в синкретический образ Диониса-Гарпократа. Это полностью соответствовало политико-идеологической стороне этого культа на Боспоре, связанной с обожествлением Митридата Евпатора как Диониса.



Рис. 1. Тиритака, постройка СК-ІХ. Вид с юга.



Рис. 2. Костяной предмет с изображением Гарпократа.

А. В. Иванов

Южный региональный центр археологических исследований, г. Краснодар

Н. И. Сударев

Институт археологии РАН, г. Москва

Каменный склеп в кургане у хутора Розы Люксембург в Анапском районе

Территория Анапского района всегда привлекала внимание археологов благодаря ярким памятникам античной эпохи, к которым так же стоит отнести и курган, исследованный экспедицией ЮРЦАИ¹.

Курганный могильник «Розы Люксембург 1» находится чуть южнее одноименного хутора, расположенного в северной части Анапского района, и состоит из 5 насыпей, вытянутых цепочкой по водораздельному гребню. Высота и размеры, как и состояние курганов могильника, различны, но все сильно распаханы. На двух восточных, более крупных и самых высоких на могильнике курганах при их визуальном обследовании был обнаружен рваный местный камень, выпаханный из курганов – возможно, он принадлежит остаткам погребальных сооружений.

В сезон 2011 г. из состава могильника был раскопан курган № 2 (высота 0,40 м). Он насыпан в два приема и состоял из двух насыпей. Первая насыпь сооружена в эпоху бронзы, второй был перекрыт каменный склеп античной эпохи, материалам которого и посвящено сообщение.

Склеп впущен в центральную часть первой насыпи кургана и установлен на материке. Склеп имел прямоугольную вытянутую форму (рис. 1.1) и делился на четыре основные части: вход, заваленный большими плоскими камнями, под которыми находился аккуратно уложенный каменный заклад входа, короткий широкий дромос $(1,45 \times 1,85 \text{ м})$, вход в погребальную камеру, запертый крупной необработанной плитой, и погребальная камера $(3,07 \times 2,25 \text{ м})$. Внутри все пространство склепа было заполнено

 $^{^1}$ Работы велись отрядом экспедиции ЮРЦАИ под руководством М. А. Коваленко и А. В. Иванова.

рваным ракушечником – остатками перекрытия. Пол склепа покрывал известняковый раствор толщиной до 1 см. У входа в склеп и в центре камеры находились небольшие прокаленные пятна.

Склеп многократно ограблен (рис. 1.2). Были найдены: золотой листок от погребального венка (рис. 1.3), костяная и серебряная ворворки 600 железных наконечников стрел и около 20 костяных (рис. 1.4), железные подтоки и ножи, фрагменты железного панциря, костяные планки, ручка красноглиняной пелики, железные гвозди. Вещи были раскиданы по периметру склепа, однако стрелы в основной своей массе сосредоточенны в дромосе. Видимо, здесь находился один или несколько горитов. Для определения даты совершения погребения материал склепа малоинформативен. Целесообразно обратиться к сопутствующим склепу объектам обрядово-поминального комплекса.

Объекты располагались полукольцом, как бы огибая склеп с юга. Здесь находился двухступенчатый алтарь, рядом с которым был найден керамический бой, являющийся сбросом посуды после совершения ритуальных действий. Фрагменты чернолаковых сосудов из боя относятся к началу ІІІ в. до н. э. Конструктивно близкий двухступенчатый алтарь на Семибратнем городище, расположенном всего в нескольких километрах от кургана, был воздвигнут в пределах теменоса, сооруженного в первой половине ІІІ в. до н. э. [Горончаровский 2010, с. 55].

Еще один объект представлял собой локальное скопление трех битых амфор. Поминальный характер объекта определяет эсхара - установленная устьем вниз верхняя часть одной из амфор. Дата объекта определяется двумя амфорами производства Синопы. Первая из них относится к варианту II-С конца IV – начала III в. до н. э. [Монахов 2003, с. 158]. Вторая амфора (рис. 1.5) имела клеймо фабриканта Филократа (рис. 1.6). Имя этого фабриканта на синопских клеймах встречается с несколькими астиномами конца IV – начала III в. до н.э., такими как, например, Филон, Эсхин, Борий, Гекатей. Впрочем, клейма перечисленных астиномов оттиснуты иным штампом. Единственный на настоящее время аналогичный штамп происходит из фондов Керченского музея, по нему и дополняется легенда 2 – [Θ EY $\Delta\Omega$ РІ Δ H Σ]| $\Delta\Sigma$ ТYNO[MOY]|[Φ I] Δ OKPAT[OY Σ] герма, голова Геракла вправо. Клейма астинома Теодарида известны [IOSPE III № 4052], тем не менее, время работы этого должностного лица исследователями определяется по-разному. Так, Н. Ф. Федосеев датировал деятельноять астинома 315–307 гг. до н. э. [Fedoseev 1999,

² Сердечно благодарим А. Б. Колесникова за помощь в определении клейма.

р. 33, tbl. I]. Н. Коновичи отнес Теодарида к группе IIIс 295–280 гг. до н. э. [Conovici 1998, р. 49], а И. Гарлан – к группе IV В 288–285 гг. до н. э. [Garlan, Kara 2004, р. 82, 85, 96, 141, 142]. Необходимо также обратить внимание на мнение А. Б. Колесникова, высказанное в личной беседе, о том, что датировка Н. Ф. Федосеева, видимо, несколько занижена.

Таким образом, на основании приведенных сведений, наиболее вероятная дата совершение погребения в каменном склепе приходится на начало III в. до н. э. Он имеет целый ряд аналогий, но морфологически склеп наиболее близок гробнице, сооруженной приблизительно во второй половине IV – начале III в. до н. э. в Крымском Приазовье [Масленников и др. 2010, с. 185, 187, рис. 11]. Тем не менее, параллели в оформлении склепа, такие как покрытие пола известью, деревянное перекрытие с каменной наброской³, мы находим в гробнице кургана Карагодеуашх, датирующейся 340–320 гг. до н. э. [Вахтина 2009, с. 39; Монахов и др. 2019, с. 60].

Расположение в кургане, перекрытие собственной насыпью, архитектура сооружения, как и состав инвентаря (куда входят такие маркеры престижа, как панцирь и золотой погребальный венок), говорят в пользу того, что комплекс стоит причислять к группе элитарных погребений. Но говоря об элитарном характере склепа, необходимо иметь ввиду, что его «статус» вряд ли можно сравнить с грандиозными подкурганными каменными склепами Тамани и Анапы, каменными гробницами кубанских памятников, принадлежавших высшей знати. Мы не случайно обратили внимание на то, что исследованный курган является лишь частью могильника, в остальных курганах которого, вероятно, также содержатся каменные склепы. Но так ли это – покажут лишь новые раскопки.

Литература

Вахтина М. Ю. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуашх. В // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 204–208.

Горончаровский В. А., Иванчик А. И. Синды // Античное наследие Кубани / ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М., 2010. Т. 1. С. 219–234.

Масленников А. А., Ковальчук А. В., Супренков А. А., Бонин А. В. Исследования античных памятников Крымского Приазовья в 2008 г. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 179–187.

³ Видимо, именно такое перекрытие имел склеп.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов, 2019.

Conovici, Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). București; Paris, 1998. (Histria. VIII).

Garlan Y., Kara H. Les timbres ceramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Paris, 2004. (Varia Anatolica XVI. Corpus International des Timbres Amphoriques 10).

Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et Commerce des Amphores anciennes en Mer Noire / ed. Yvon Garlan. Provence, 1999. P. 27–48.



Рис. 1. 1 – каменный склеп, вид с севера; 2 – дромос и погребальная камера, вид с запада; 3 – золотой листик от погребального венка; 4 – костяные наконечники стрел; 5 – верхняя часть синопской амфоры с клеймом; 6 – клеймо фабриканта Филократа.

С. М. Ильяшенко, А. А. Волошинов, С. А. Буравлев Институт археологии РАН, г. Москва

Новая керамическая мастерская эллинистического времени на хоре Херсонеса Таврического

В ходе спасательных археологических работ 2020–2021 гг., проведенных ИА РАН в границах города федерального значения Севастополь на мысе Хрустальном, в районе улицы Капитанской¹, были открыты производственные гончарные комплексы IV–III вв. до н. э. Данный район относился к ближней хоре Херсонеса Таврического и расположен на расстоянии около 1,5 км к востоку от него. Выявленные объекты занимали склон, понижающийся с северо-запада на юго-восток, к обрезу берега Артиллерийской бухты, а также скальную террасу у его подножья. Несмотря на значительные повреждения античного культурного слоя при строительных работах конца XVIII – первой половины XX в., удалось выявить сохранившиеся участки, позволяющие судить об облике, назначении и хронологии древних объектов. Основным датирующим материалом служили магистратские и фабрикантские клейма на ручках херсонесских амфор, которых здесь было найдено более 750 единиц².

В производственный комплекс (керамические мастерские) входили, прежде всего, печи либо их остатки в виде сырцовых развалов и пятен на скальной поверхности (объекты 1.1, 1.2, 3, 4, 10, 35). Остатки бутовых кладок (стены № 63, 75, 77, 83, 84, 89) позволяют предположить, что мастерские представляли собой ряд крытых строений или навесов, рядом с которыми размещались печи, а также сопутствующие им элементы производства, например, ямы с пазами, вырубленные в скале (яма № 35). Максимальная длина кладок,

¹ Участок исследований находился на территории выявленного объекта культурного наследия ««Форт Меншиков» с системой внутрикомплексных объектов» (XIX в.). В XX в. здесь располагался 54-й механический завод.

² Здесь нужно отметить крайне малое присутствие среди найденного материала фрагментов амфор иных центров. Так, в коллекции имеется всего 4 ручки синопских амфор с клеймами магистратов. Их датировка также укладывается в общие хронологические рамки объектов, полученные при анализе херсонесских клейм.

сохранившихся на высоту 1–4 рядов, составляет 26,24 м, толщина – 0,85–0,95 м, высота – 0,62 м. Вероятно, с функционированием мастерских также были связаны вымостки 1 и 2, которые располагались вблизи печей, вдоль линии склона (СВ–ЮЗ). Они были сооружены на коричневом суглинке мощностью 0,05–0,40 м – стерильном в археологическом отношении слое погребенной почвы, залегающем непосредственно на скале. Обе вымостки могли использоваться в качестве производственных площадок.

Отметим, что сопоставление многочисленных клейм на ручках херсонесских амфор позволило выделить в границах исследованной территории два участка с комплексами различного времени³. Первый из них (ранний) находился в северо-восточном секторе работ и включал в себя прямоугольные в плане печи (объект 1 и объект 4), а также прилегавшие к ним производственные площадки (вымостка 1 и 2). Второй участок (поздний) располагался к юго-востоку от первого. К нему отнесены две округлые в плане печи (объекты 3 и 10), а также остатки построек с сохранившимися основаниями стен. Далее мы приводим краткую информацию о выявленных объектах.

Объекты первого участка

Объект 1 располагался в северной части исследованной территории. Он представлял собой технологическую площадку с сырцовыми развалами - подтрапециевидное в плане золистое пятно, ориентированное по оси СВ-ЮЗ. Общая длина – 18,5 м, ширина – 6,0-6,9 м, мощность слоя составляет до 0,5 м, мощность сырцовых раскатов с золистым суглинком и керамическим сбросом – 0,5–0,7 м. В границах объекта 1 выделялись развалы, вероятно, являвшиеся остатками двух отдельных конструкций. Так, в центральной части объекта 1 был выявлен объект 1.1, сооруженный на слое коричневого суглинка. Двухфасная кладка высотой 0,1-0,2 м состояла из поставленных на ребро сырцовых кирпичей толщиной 0,07-0,11 м и длиной до 0,26 м. Вероятно, конструкция имела подпрямоугольную в плане форму и была ориентирована сторонами по линиям СВ-ЮЗ (длина стороны – 3,3 м) и ЮВ-СЗ (длина – 3,2 м). В юго-восточной части объекта 1 располагался объект 1.2 – раскат сырцовой конструкции, перекрытый золистым суглинком с включением большого количества фрагментов амфор и столовой керамики. Мощность раската до-

³ В качестве базовой для датировки объектов использовалась уточненная хронология херсонесских магистратов, приведенная в работах В. И. Каца (Кац 1994; Кац 2007; Кац 2015).

стигала 0,3 м, ширина – 0,9 м. Общая длина объекта по оси север-юг составляла 4,9-5,7 м, по линии запад-восток - 1,9-2,0 м. В раскатах сырца, залегающих непосредственно на скальной поверхности, находилось большое количество крупных фрагментов херсонесских амфор, столовой посуды, мелких фрагментов лепной и чернолаковой (с росписью волютами) керамики. Среди индивидуальных находок значительный интерес вызывает конусовидный глиняный штампик с врезной монограммой. Здесь же найдено более 60 клейменых ручек херсонесских амфор. Среди них наиболее ранними являются ручки с клеймами астинома Кратона, 325-317 гг. до н. э. (I А ХГ; Кац 1994, ч. ІІ, табл. ХХХ, 1-68,1; Кац 2007, 326, прил. Х) (рис. 3.1), а самой поздней – ручка с клеймом Невмения, сына Филистия, отнесенного к концу первой четверти III в. до н. э. (2A XГ; Кац 1994, с. 58, табл. 1-81,1; Кац 2007, с. 442) (рис. 3.2). Судя по параметрам, вполне вероятно, что оба выявленных объекта являются остатками гончарных печей, почти полностью разрушенных при строительных работах на участке в XIX-XX вв. В подтверждение такого предположения можно отметить некоторое сходство их конструктивного облика с гончарной печью (объект 4), открытой северо-восточнее, ниже по склону.

Почти вплотную к южной и юго-восточной сторонам объекта 1, на участке скального склона, располагалась Вымостка 1. Она сохранилась фрагментарно на общую длину около 70 м и ширину до 13–14 метров. Полотно вымостки состояло из плотного горизонта мелкого известнякового бута и щебня, толщиной 0,15-0,40 м. Вдоль ее юго-восточного края, по линии СВ-ЮЗ, на расстоянии 1,18-7,80 м, находились крупные плоские камни, уложенные непосредственно на поверхность вымостки, либо впущенные в нее (базы для установки навеса?). В слое полотна найдены раковины Brephulopsis cylindrica и Ostrea edulis, а также окатанные фрагменты гончарной керамики, морская галька и кости животных. Кроме того, слой оказался насыщен большим количеством фрагментов эллинистической керамики, в котором преобладали фрагменты херсонесских амфор, керамид, столовых сосудов и пифосов. Набор клейм (65 единиц), обнаруженных здесь, во многом сходен с тем, что присутствовал в слое объекта 1 (рис. 3.3, 4). Самым поздним из них было клеймо Формиона, сына Аполлана, отнесенного В. И. Кацем к концу 70-х гг. III в. до н. э. (2A ХГ; Кац 1994, с. 58, табл. 1-123,3; Кац 2007, с. 442) (рис. 3.5).

<u>Объект 4</u> (печь) (рис. 2.2) располагался в северо-восточной части комплекса и был ориентирован по оси СЗ–ЮВ. Максимальная длина конструкции составляет 4,2 м. Обжиговая камера имела под-

прямоугольные в плане очертания и ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Стенки конструкции облицованы квадратными сырцовыми плитами, установленными на ребро с уклоном наружу. Стыки между плит промазаны глиной. Размеры обжиговой камеры по внешнему контуру сырцовой конструкции составляют 2,75-2,30 м, по внутренней облицовке – 2,3 × 1,9 м. Высота сырцовых плит внутренней облицовки составляет 0,45-0,48 м, ширина - 0,45-0,49 м, толщина -0,07-0,11 м. Северо-западная стенка обжиговой камеры сложена из сырцовых плит, установленных в два слоя, между ними зафиксирован слой отмученной прокаленной глины. В центральной части обжиговой камеры, по общей оси конструкции, сооружены две прямоугольные распределительные перегородки, установленные на ребро. Длина перегородок составляет 1,20 и 1,34 м, толщина – 0,30-0,42 м, высота – 0,45 м. Топочная камера перпендикулярна обжиговой и ориентирована устьем на юго-восток. Ширина топочной камеры по внешнему контуру обкладки составляет 0,85-0,90 м, длина - 2,0 м. В конструкции объекта и его заполнении найден фрагменты херсонесских амфор с клеймом астинома Аполлония, сына Пасиада, 2А хронологической группы (Кац 1994, с. 58, табл. 1-25, 3; Кац 2007, с. 442) (рис. 3.6; 4.4). Это позволяет отнести время сооружения конструкции ко времени не ранее второй половины 80-х гг. III в. до н. э.

К юго-западу от объекта 4, на расстоянии 1,10–1,15 м от внешнего его края выявлена большая площадка, состоявшая из мощного слоя сырцово-керамического выброса. Вероятно, она вместе с печью являлась частью производственного комплекса. В ходе исследований площадка получила условное название «вымостка 2».

Вымостка 2 представляла собой аморфное в плане пятно сырцово-керамического выброса, вытянутое по оси СВ-ЮЗ. Она была разделена на два разных по наполнению сектора – вымостки 2.1 и 2.2. Общая длина по линии 3-В составляет 14,4 м, ширина – 12,0 м. Вымостка 2.1 состояла из сплошного навала мелких обломков сырца, перемешанных с древесными углями. По линии СВ-ЮЗ этот выброс прослежен в длину на 4,7 м, по линии СЗ-ЮВ – на 5,0–9,7 м. Толщина достигала 0,25–0,30 м. Вымостка 2.2, мощность которой доходила до 0,55 м, располагалась к юго-западу от вымостки 2.1. Она представляла собой слой крупных фрагментов керамического боя (до 30 \times 20 см), обломков сырца (до 15 \times 25 см), мелкого бутового камня (до 20 \times 30 см) и известнякового щебня. Среди находок в слое обращает на себя внимание присутствие большого числа обломков херсонесских амфорных ручек с клеймами (более 200), а также фрагментов бракованных амфор и черепицы (рис. 4.5–7). Хронологиче-

ские рамки бытования вымостки определяются клеймами Ксанфа (1Б ХГ; Кац 1994, стр. 50, табл. 1-88, 8; Кац 2007, с. 442) (рис. 3.7) и Теогения, сына Аоллонида (2А ХГ; Кац 1994, стр. 58, 1-61, 2; Кац 2007, с. 442) (рис. 3.8). Клейма более поздних астиномов, выходящие за пределы конца 70-х гг. III в. до н. э., в слое отсутствовали.

В южной части вымостки 2.2, на краю скальной террасы, были обнаружены следы прокала скальной поверхности размерами $1,7 \times 1,5$ м и отдельные фрагменты сырцовых кирпичей размерами до $0,25 \times 0,22$ м. Вероятно, ранее здесь также располагалась печь, снесенная при позднейших перепланировках на участке. Она имела грибовидные в плане очертания и овальную в плане обжиговую камеру размерами $1,7 \times 1,0$ м, ориентированную длинной осью по линии C3–ЮВ.

Объекты второго участка

Объект 10 (печь) (рис. 2.1) располагался в южной части комплекса, в подрубленной скальной поверхности, вытянут по оси СВ-ЮЗ. Конструкция состояла из округлой в плане обжиговой камеры и овальной топочной камеры. Внутренний диаметр обжиговой камеры составлял 2,75 м, внешний - 3,1 м, дно вымощено стандартными сырцовыми прямоугольными плитами размерами 0,51 × 0,37-0,38 м. В центральной части обжиговой камеры сооружен округлый в сечении опорный столб диаметром 0,81-0,90 м, построенный из обломков сырца и сохранившийся на высоту 0,26 м. Стена обжиговой камеры, сохранившаяся на высоту 0,10-0,38 м и толщину 0,34 м, состояла из двух слоев сырцовых плит, установленных на ребро или положенных плашмя. Пространство между внутренним и внешним рядами кладки составляет 0,12 м, оно заполнено однородным суглинком. К северо-востоку от обжиговой камеры сохранились остатки высеченной в скале топочной камеры, длина которой достигала 2,6 м, а ширина – 1,15 м. За пределами северо-западной стенки топочной камеры в светло-коричневом суглинке находился выброс мощностью 0,20-0,25 м. Он состоял из углей, фрагментов глиняных сосудов, обломков сырцовых кирпичей, а также крупных (до $27 \times 26 \times 12$ см) фрагментов шлака. Кроме того, с севера к топочной камере печи примыкало золистое пятно (объект 13) подтрапециевидной в плане формы (длиной 2,8 м, шириной 1,85 м), которое также могло служить площадкой перед печью, сформированной из отходов производства. Объект 10, судя по обнаруженным в нем материалам, можно отнести к последней четверти - концу III в. до н. э.

Показательными в плане датировки являются клейма магистратов Никия, сына Никия (2Б ХГ; Кац 1994, с. 65, табл. 1-87, 1; Кац 2007, с. 442) (рис. 3.9) и Сокрита, сына Артемидора (2Г ХГ; Кац 1994, с. 66, табл. 1-111, 1; Кац 2007, с. 442) (рис. 3.10). Последнее из них обнаружено под горизонтом пола конструкции.

К югу располагалась еще одна печь, получившая индекс «объект 3». Объект 3 (печь) (рис. 1.1, 2). При сооружении печи в материковой скальной поверхности была вырублена яма полусферической формы диаметром не менее 4,0 м и глубиной около 0,9 м. Топочная камера, располагавшаяся с северо-восточной стороны, и юго-восточный край обжиговой камеры печи повреждены стенами здания, построенного в конце XIX – начале XX в. В конструкции обжиговой камеры печи можно выделить два строительных периода и функционирования объекта.

Второй строительный период. Обжиговая камера округлая в плане. Ее стенка, сложенная из вторично использованного сырцового кирпича размерами 0.16×0.3 м, сохранилась на высоту одного-двух рядов (0,24-0,30 м). Толщина стены составляет 0,20-0,24 м, диаметр стены по внешнему контуру – 2,8 м, по внутреннему – 2,4 м. Нижний ряд кладки состоял из крупных $(0.26 \times 0.17 \times 0.12 \text{ м})$ обломков сырцового кирпича, щели между которыми замазаны глиняным раствором либо заложены обломками черепицы. Дно вымощено плоскими подпрямоугольными сырцовыми плитами размерами $0,35 \times 0,25 - 0,46 \times 0,35$ м. В центральной части вымостки сохранились остатки подквадратного основания центрального столба, внешний периметр которого выложен из обломков сырца. Под вымосткой пола второго строительного периода прослежен слой прокаленного однородного суглинка (0,05-0,10 м) терракотового оттенка и слой рыхлого коричневого суглинка мощностью 0,3-0,5 м. Он перекрывал хаотичный развал фрагментов сырцового кирпича (от 0.05×0.05 до 0.18×0.27 и 0.34×0.16 м), мелкого известнякового бута $(0.07 \times 0.08 - 0.10 \times 0.20 \text{ м})$, черепицы, фрагментов херсонесских амфор, столовой керамики. На скальной поверхности в южной и северо-восточной части обжиговой камеры сохранился участок вымостки первого строительного периода. Вымостка сооружена из плоских плит сырца, обрамлявших распределительную перегородку (центральный столб?), вытянутую по центральной оси печи (СВ-ЮЗ). Перегородка длиной 0,87 м, шириной 0,40 м и высотой 0,14 м частично вырублена в скале. В заполнении конструкции обнаружены 13 ручек небольших по размеру херсонесских амфор с магистратскими и фабрикантскими клеймами, а также один фрагмент клейменой черепицы херсонесского производства (рис. 3.12). Кроме того, в юго-западной части обжиговой камеры найдено три глиняных пирамидальных грузила с оттисками овальных клейм (рис. 4.1–3). Два из них содержали одинаковые изображения кифареда. Датирующими для этого комплекса могут выступать 6 ручек с клеймами астинома Гимна, сына Скифа, отнесенного В. И. Кацем к 3A хронологической группе (Кац 1994, с. 67, табл. 1-119, 1–3; Кац 2007, с. 443) (рис. 3.11). На основании этих находок можно говорить о функционировании мастерской в последнем десятилетии III в. до н. э.

Таким образом, на северо-западной части побережья Артиллерийской бухты с последней четверти IV до конца III в. до н. э. существовал достаточно крупный производственный район, основной продукцией которого были амфоры и черепица. Слои эллинистического времени распространяются на восток и северо-восток, в сторону края Артиллерийской бухты, под современную улицу Капитанскую. Вполне вероятно, что на оставшейся – пока не исследованной - 40-метровой прибрежной полосе сохранились остатки еще нескольких керамических мастерских, а также сооружений, связанных с погрузкой и транспортировкой по морю готовой продукции. Археологический материал, обнаруженный в слоях, может указывать на два наиболее активных периода использования территории: 1-й – последняя четверть IV – 70-е гг. III в. до н. э.; 2-й – последняя треть III в. до н. э. Примечательно также и то, что среди обнаруженных клейм полностью отсутствуют магистратские оттиски середины III в. до н. э. Однако более уверенные выводы могут быть сделаны в случае продолжения исследований.

Литература

Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов, 1994.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. С. 1–480

Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Саратов, 2015.



Рис. 1. Печь (объект 3). 1 – зачистка конструкции второго строительного периода, 2 – зачистка конструкции первого строительного периода.

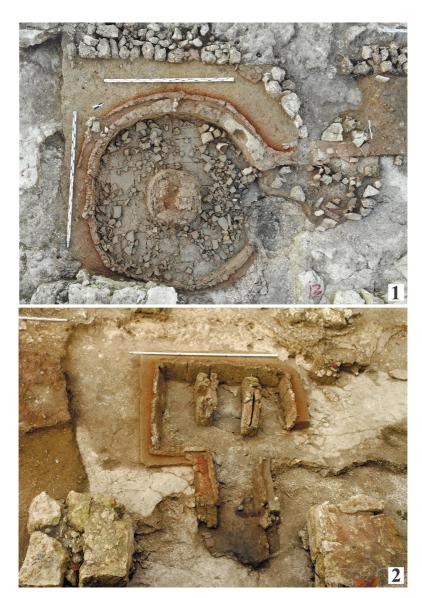


Рис. 2. 1 – печь (объект 10); 2 – печь (объект 4).

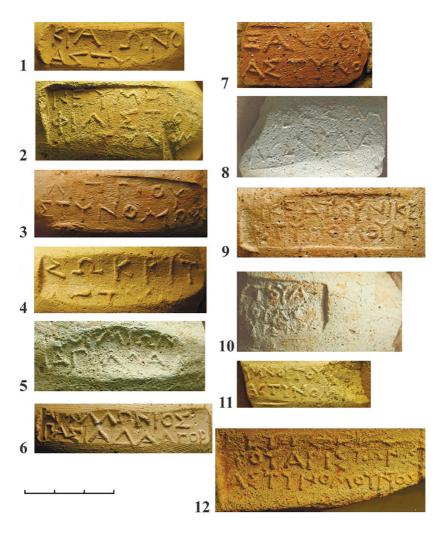


Рис. 3. Астиномные клейма на ручках херсонесских амфор (1-11) и черепице (12).



Рис. 4. Находки из слоев керамических мастерских: клейма на глиняных грузилах (1-3), горло херсонесской амфоры (4), образцы керамического брака (5-7).

Л. А. Ковалевская

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

К вопросу о системе водоснабжения античного Херсонеса и его сельской округи

Проблема водоснабжения античного Херсонеса и его хоры является темой довольно сложной и неоднозначной. Она давно привлекает внимание ученых, среди которых следует особо отметить Л. А. Моисеева, деятельность которого по исследованию Гераклейского полуострова пришлась на 20-е гг. XX в. Настоящий прорыв в изучении этой проблемы происходит в 80–90-е гг., когда были обнаружены и исследованы несколько участков водопроводов, состоящих из керамических труб в Сарандинакиной и Верхне-Юхариной балках на территории г. Севастополя.

Данный доклад посвящена итогам исследования водопровода в балке Сарандинаки, который является в настоящий момент самым изученным. В результате археологических раскопок и охранных наблюдений в Сарандинакиной балке прослежена трасса водовода длиной 6,5 км: от 7-го километра Балаклавского шоссе до здания АТС на проспекте генерала Острякова. На всех пяти участках линии водовода выявлены керамические трубы цилиндрической формы двух типов: короткие (длина 30 см) и длинные (47–52 см). Поверхность труб гладкая или слегка желобчатая. Соединенные между собой с помощью известкового раствора, трубы уложены в специально вырубленные траншеи. Имеются все признаки того, что система функционировала долго и неоднократно ремонтировалась. Попытаемся разобраться, насколько реальна вероятность снабжения Херсонеса водой из источников, расположенных в балке Сарандинаки. Действительно, благодаря рельефу местности, сарандинакский водопровод мог быть подведенным к Херсонесу, но при условии существования акведуков в низовьях Карантинной балки.

Рассмотрим существующие мнения исследователей сарандинакского водопровода.

– Л. А. Моисеев, изучив в 20-х гг. XX в. следы древних сооружений на Гераклейском полуострове, тщательно проработав имеющиеся архивные материалы, считает сарандинакский водопровод ше-

стой магистралью херсонесского, который начинался около хутора Максимовича и входил в Западные ворота Херсонеса [Моисеев 1926, с. 120].

- В 30-х гг. П. П. Бабенчиков утверждает, что остатки труб на склонах Сарандинакиной балке, которые видел Л. А. Моисеев, являются следами трубопровода, строительство которого было начато при адмирале П. П. Мекензи (80-е гг. XVIII в.). В качестве доказательства предоставляет карту с нанесенной на нее линией водовода до Севастополя [Бабенчиков 2019, с. 177 и рис. $\Pi.5.1$ на с. 286].
- В. В. Созник в неопубликованной статье по результатам исследования участка трубопровода в Сарандинакиной балке в 1984 г., соглашаясь с Моисеевым Л.А., также считает, что по выявленному водопроводу поставлялась свежая родниковая вода в древний город [Созник 1987].
- О. Я. Савеля, изучая находки труб линии водопровода на проспекте генерала Острякова, обнаруженных при ремонтных работах в 1992 г., высказывает осторожное предположение, что вода поставлялась не в Херсонес, а в какой-то другой древний населенный пункт [Савеля 1992, с. 37].
- К последнему мнению позднее присоединился автор данного доклада, суммируя итоги раскопок последних лет, а также архивные данные, допуская при этом, что траншеи, проложенные в древности, позднее могли быть использованы при замене труб для снабжения водой современного Севастополя [Ковалевская, Седикова 2005, с. 74–75].

Действительно, в 1784 г. началась прокладка керамических труб водопровода в специально вырытые траншеи для снабжения водой строящегося Севастополя [Ванеев 1983, с. 10]. Без сомнения, именно остатки этого водовода обнаружены на проспекте генерала Острякова, которые являются решающим доказательством принадлежности данного участка сооружения к системе водоснабжения г. Севастополя. Что касается остатков водопровода, обнаруженных в верховьях балки Сарандинаки, то ситуация здесь довольно сложная именно по причине большого количества накопленного материала. По дну и склонам балки в разное время было проложено много водоводов разных типов, которые для начала следует идентифицировать и каждый индивидуально изучить. Ясно, что сарандинакская водная артерия функционировала долго, она снабжала чистой питьевой водой не только древний Херсонес и его округу, но и современный Севастополь. Для получения четкой картины требуются более масштабные комплексные исследования, включающие не только археологические раскопки и работу в архивах, но, прежде всего, различные современные технологии неинвазивного характера.

Архивные материалы

Ковалевская Л. А. Отчет о раскопках водовода в Сарандинакиной балке и усадьбы надела 341 в 1993 году // HAO ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3203, 3204.

Ковалевская Л. А. Отчет об охранных исследованиях памятников археологии в Сарандинакиной балке. 1995–97 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3387.

Николаенко Г. М., Созник В. В. Раскопки древнего водовода в Сарандинакиной балке в 1984 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2508.

Савеля О. Я. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3123.

Созник В. В. Раскопки древнего водопровода в Сарандинакиной балке. 1987 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2795.

Литература

Бабенчиков П. П. Мнимые археологические памятники Гераклейского полуострова // «Гераклейский сборник» 1936 г.: коллективная монография. СПб., 2018. С. 172–185. (Гераклейский сборник. Вып. I).

Ванеев Г. И. Севастополь 1783–1983. Страницы истории. Симферополь, 1983. 208 с.

Ковалевская Л. А., Седикова Л. В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // МАИЭТ. 2005. Вып. ХІ. С. 71–93.

Моисеев Л. А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове // Записки Крымского общества естествознания и любителей природы. 1926. Т. IX. С. 116–120.

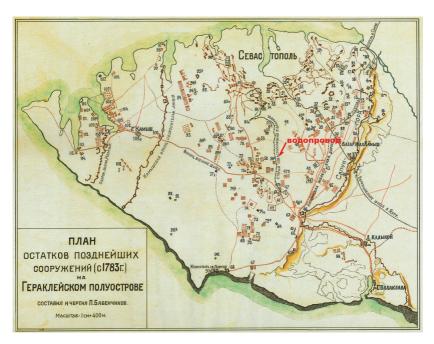


Рис. 1. План Гераклейского полуострова с трассой водопровода и других сооружений (с 1783 г). Составил П. Бабенчиков.

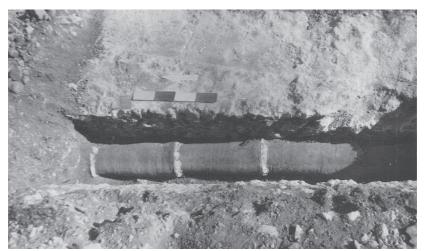


Рис. 2. Участок водопровода на склоне Сарандинакиной балки.

А. Н. Коваленко

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Амфорная тара Херсонеса Таврического из памятников Нижнего Дона второй половины IV – первой трети III в. до н. э.

К проблеме изучения связей Херсонеса Таврического с населением Нижнего Дона исследователи обращались неоднократно [Головкова, Лукьяшко 1980, с. 15-34; Щеглов 1973, с. 26-30; Данильченко, Марченко 1988, 33-34; Брашинский 1980; Губарев, Копылов 2020, с. 162-168 и др.]. При этом большая часть этих исследований была опубликована в 1970-1990-е годы, после чего долгое время данная тема не являлась предметом специального изучения. Позднее к данной проблеме обратились В. П. Копылов и Й. В. Губарев. [Губарев, Копылов 2020, с. 162-168], которые с учетом значительно возросшей источниковой базы детально рассматривают связи Херсонеса с населением Елизаветовского городища. Поскольку материалы этого узлового памятника скифо-античного времени на Нижнем Дону были разобраны достаточно подробно, настоящее исследование посвящено анализу материалов других памятников устьевой области Дона, синхронных Елизаветовскому городищу и содержащих продукцию Херсонеса второй половины IV – первой трети III в. до н. э.

Дельта Дона. Прежде всего следует обратить внимание на крайне редкие случаи находок херсонесских амфор в материалах обширного Елизаветовского курганного могильника, окружающего одноименное городище. За все время изучения могильника обнаружено лишь три неклейменые амфоры, отнесенные И. Б. Брашинским к продукции Херсонеса Таврического и датируемые им в рамках второй половины IV в. до н. э. [Брашинский 1980, с. 122]. Эти херсонесские амфоры относятся к одному из наиболее ранних типов I-А-2 по классификации С. Ю. Монахова [Монахов 1989, с. 47, 49, прилож. 2, табл. II]. Обращает на себя внимание, что помимо указанных находок из курганов Елизаветовского могильника, а также материалов самого Елизаветовского городища, где в последней трети IV в. до н. э. импорт из Херсонеса занимает одно из ведущих мест среди других

импортеров амфорной продукции [Кац 2007, с. 382], на территории других памятников дельты Дона, как погребальных, так и поселенческих, находки херсонесской амфорной керамики на сегодняшний день отсутствуют. Возможно, такая ситуация связана с общим запустением дельты Дона во второй половине IV в. до н. э. вследствие изменения военно-политической ситуации в регионе. Археологические материалы и исследования последних лет свидетельствуют о том, что в третьей четверти IV в. до н. э. местное население Нижнего Дона пережило мощное военное потрясение, нашедшее отражение в материалах Елизаветовского поселения [Копылов, Коваленко 2018, с. 88; 2020, с. 197-199]. Объемы поступления херсонесской амфорной продукции в дельту Дона существенно увеличиваются с появлением здесь т. н. Большой греческой колонии конца IV – первой трети III в. до н. э. [Кац 2007, с. 382-383]. Однако, за пределами этой колонии на территории дельты в этот период херсонесский керамический импорт также отсутствует, что, очевидно, связано с отсутствием здесь синхронных ей памятников.

Левобережье Дона. Если в дельте Дона, помимо Елизаветовского городища и его могильника, а затем Большой греческой колонии, памятники второй половины IV – первой трети III в. до н. э. отсутствуют, то иную ситуацию мы наблюдаем за пределами дельты. На сегодняшний день на левом берегу Дона выявлена целая группа памятников, как погребальных, так и поселенческих, дата которых определяется в рамках последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э. В материалах этих памятников обнаружена и херсонесская амфорная продукция. Так, серия находок херсонесских амфор и их фрагментов обнаружена в исследованных на левобережье Дона курганах кочевого скифоидного населения (Высочино V, к. 12; Новоалександровка I, к. 1 и 16; Красное Знамя, группа «Колдыри», к. 25, п. 1; Койсугский могильник, курганная группа «Радутка», к. 2, п. 32; Высочино VIII (VI) курган 4 (6)).

Отметим, что в непосредственной близости от указанных курганных групп были исследованы и памятники поселенческого типа, содержащие находки херсонесской амфорной тары. Так, амфорная продукция Херсонеса была обнаружена в материалах поселений Кулешовка [Гудименко 2000, с. 86–88] и Кулешовка II [Голда 2018, с. 248–252]. Для датировки поселения Кулешовка II важным является присутствие в керамическом комплексе этого памятника синопского клейма 90–80-х гг. III в. до н. э. [Голда 2018, с. 251, рис. 3.1; Монахов 1999, с. 484, табл. 207.1; Кац 2015, № 1292]. Близким по характеру и времени к указанным выше поселениям является также исследован-

ное в 2012 г. многослойное поселение «Свинячье озеро», расположенное к западу от г. Батайска. В материалах этого памятника также присутствует греческий керамический импорт последней четверти IV – начала III в. до н. э. Среди фрагментов керамической тары, обнаруженных на этом поселении, представлена продукция Гераклеи, Херсонеса и Синопы [Голда 2016, с. 288–293].

Правобережье Дона. На правом берегу Дона исследовано несколько погребальных комплексов кочевого населения, в материалах которых также обнаружена амфорная продукция Херсонеса. Так, в составе тризны кургана 71 могильника «Царский» последней четверти IV в. до н. э. обнаружены фрагменты не менее шести херсонесских амфор [Ильюков 1993, с. 85], одна из которых имела магистратское клеймо. Херсонесская амфора конца IV – начала III в. до н. э. [Полин 1992, с. 68] была обнаружена и в погребении, в 1973 г. случайно открытом в ходе строительных работ в г. Новочеркасске [Максименко, Савченко 1984, с. 156–160].

Миусский полуостров. На северном побережье Таганрогского залива в южной части Миусского полуострова херсонесская амфорная тара была обнаружена в погребальных комплексах Беглицкого некрополя (раскоп XI погребение 2 комплекс II и раскоп XII погребение 1), где ее датировка определяется в рамках последней четверти – конца IV в. до н. э. [Монахов 1999, с. 431-432, 440] и в материалах Новозолотовского городища [Каменецкий 1956; Панченко 1980; Далли, Ларенок, Шунке 2013, с. 82].

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что, херсонесская продукция в амфорной таре начинает поступать на Нижний Дон во второй половине IV в. до н. э. Наиболее массово эти товары поставляются в регион с последней четверти IV - первой трети III в. до н. э., что, очевидно, связано как с увеличением объемов производимой продукции в самом Херсонесе, так и с усилением греческого присутствия на Нижнем Дону. В период функционирования Большой греческой колонии конца IV - первой трети III в. до н. э. доля херсонесского импорта существенно возрастает, и он занимает одно из первых мест среди других поставщиков продукции в амфорной таре в дельту Дона. При этом основным потребителем этого товара, очевидно, являлись сами жители Елизаветовского городища и Большой греческой колонии, а также варварское население устьевой области Дона. Обращает на себя внимание отсутствие херсонесского импорта в дельте Дона за пределами Елизаветовского историко-культурного комплекса и в то же время наличие его в материалах погребальных памятников варварского населения и на поселениях за пределами донской дельты в последней четверти IV – начале III в. до н. э., что, очевидно, отражает новую ситуацию в регионе.

Литература

Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л., 1980.

Голда Н. Н. Амфоры IV в. до н. э. с поселения «Свинячье озеро» // ИАИ-АНД 2016. Вып. 29. С. 288–293.

Голда Н. Н. Керамический комплекс поселения «Кулешовка II» // ИАИ-АНД 2018. Вып. 30. С. 248–252.

Головкова Н. Н., Лукьяшко С. И. Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Ростов-на-Дону, 1980. С. 15–34.

Губарев И. В., Копылов В. П. Херсонесские транспортные амфоры на Европейском Боспоре и у скифов устьевой области реки Танаис // БФ. 2020. Т. 2. С. 162-168.

Далли О., Ларенок П., Шунке Т. Анализ керамики поселения Новозолотовка // АЗ. 2013. Вып. 8. С. 74–92.

Данильченко С. А., Марченко К. К. Новые данные о херсонесском импорте в дельту Дона // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. С. 33–34.

Ильюков Л. С. Скифские курганы Северо-Восточного Приазовья // ИАИАНД. 1993. Вып. 11. С. 78–96.

Каменецкий И. С. Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея. 1956 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Φ -1 P-1 № 1520; Φ -1 P-1 № 1521.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. (БИ. Вып. XVIII).

Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище: Каталог. Саратов, 2015.

Копылов В. П., Коваленко А. Н. Фортификация Елизаветовского городища и военные конфликты в дельте реки Танаис // Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики: тезисы докладов. Москва, 2018. С. 87–89

Копылов В. П., Коваленко А. Н. Заключительный этап истории в Восточном региональном образовании Скифии // Археологические вести. 2020. Вып. 29. С. 191–206

Максименко В. Е., Савченко Е. И. Раннесарматское погребение в Новочеркасске // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов, 1989.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II в. до н. э. Саратов, 1999.

Панченко Т. Е. Отчет об археологических раскопках Таганрогского краеведческого музея к. 1 у с. Дарьевка и Ново-Золотовского городища, 1980 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН Φ -1 Р-1 № 8386; Φ -1 Р-1 № 8386а.

Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Хьюи С., Ильяшенко С. Раскопки у Новозолотовки в 2008 году // АЗ. 2013. Вып. 8. С. 72–74

Щеглов А. Н. Херсонес и Нижний Дон в IV–III вв. до н. э. // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973. С. 26–30

Д. А. Костромичев, Е. С. Лесная, М. И. Тюрин,

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Н. Ю. Новоселова,

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург **О. В. Шаров**

Институт археологии РАН, г. Москва

Слои и находки эллинистического времени, открытые разведками 2020 года в Южном пригороде Херсонеса

В 2020 г. Комплексная Херсонесская археологическая экспедиция (ИА РАН, Государственный Эрмитаж, музей-заповедник «Херсонес Таврический») проводила разведки в низовьях Херсонесской балки, к югу от городских оборонительных стен. Работы были частью мероприятий по выявлению и сохранению памятников археологии в связи с предполагаемым строительством на этом месте археологического парка «Херсонес Таврический».

Результатом работ стало открытие в ближайшем пригороде культурных слоев и объектов, синхронных времени существования города Херсонес-Херсон. Наиболее ранние из выявленных слоев относятся к эллинистическому периоду. Предметный состав и характерные особенности эллинистических слоев пригорода полностью соответствуют синхронным слоям на Херсонесском городище. Прекрасная сохранность этих слоев и их широкое территориальное распространение стали одним из наиболее любопытных открытий на участке, который долгое время не подвергался археологическому изучению и считался полностью уничтоженным при строительстве и функционировании воинских частей. Эта преобладающая в научной среде точка зрения оказалась заблуждением, так как практически во всех шурфах был прослежен культурный слой эпохи эллинизма – римского времени – средневековья, частично разрушенный при строительстве военных зданий и сооружений, начиная с 1891 г. и заканчивая постройками начала XXI в. Слой современного мусора («техногенный слой») был встречен лишь спорадически на территории автобата (шурфы № 31, 45, 46) и школы водолазов (шурф № 16).

До начала работ самым примечательным из известных объектов эллинистического периода на обследуемой территории был участок херсонесского «Керамика», раскопанный В. В. Борисовой в 1955–1957 гг. [Борисова 1958]. Следует заметить, что к 2020 г. были неизвестны ни точное местоположение раскопа, ни состояние строительных остатков. Кладки стен «Керамика» удалось выявить в шурфе № 13 в северо-восточном углу обследованного участка, под навесами для стоянки грузовиков автобата. Обнаружение стен керамических мастерских позволило не только точно определить место их расположения, но также подтвердило сохранность объекта, имеющего, помимо прочего, экспозиционный потенциал.

Еще одним объектом, имеющим производственно-хозяйственное значение, стала обнаруженная в центре участка, в шурфе № 21, цистерна эллинистического времени, вырубленная в скале. Публикации материалов, найденных в цистерне, посвящена отдельная работа в этом сборнике. Здесь важно отметить, что цистерна была перекрыта культурным слоем мощностью 2,2 м. В нижней части этой насыпи содержались материалы исключительно эллинистического периода. Эллинистический слой, состоящий из коричневого суглинка, отделяется от вышележащих слоев прослойкой мелких камней на глубине 1,5–1,6 м от современной поверхности. Внутри слоя суглинка имеется прослойка серой глины, которая залегает на глубине 1,8 м, проседая до глубины 2 м над центром цистерны. Материалы, обнаруженные здесь, немногочисленны. Это фрагменты тарной, столовой и строительной керамики. Среди находок из слоя обращает на себя внимание светильник, сохранившийся практически полностью (рис. 1.1). Он изготовлен на гончарном круге из плотной серовато-бежевой глины с примесью известняка, песка и пироксена. Вероятно, светильник является продукцией местного производства. Он относится к типу ламп с уплощенным сферическим туловом. Светильники схожей конструкции относят ко второй половине IV-III в. до н. э. [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, p. 41, 42, cat. no. 8, 9]. После прекращения использования и засыпки цистерны над ней и вокруг нее не ранее второй половины III в. до. н. э. накопился культурный слой, сохранившийся непотревоженным до настоящего времени.

О площади распространения эллинистического слоя в районе открытой цистерны свидетельствуют материалы, полученные в шурфе \mathbb{N}^2 35, расположенном в 40 м к северу от шурфа \mathbb{N}^2 21. Здесь над поверхностью скалы слой эллинистического времени имел мощность 0,4 м.

Участок эллинистического культурного слоя также был обнаружен в юго-западном углу обследованной территории. Здесь, в верхней части склона Херсонесской балки, в отвале грунта из траншеи, прорытой для укладки электрокабеля, были обнаружены многочисленные обломки амфоры (рис. 2.1). Частично удалось собрать венец, плечи и придонную часть сосуда, который принадлежит продукции гончарных мастерских о. Хиос. Несмотря на сильную фрагментированность амфоры, ее можно уверенно отнести к сосудам с коническим туловом и колпачковой ножкой варианта V-В по С. Ю. Монахову и датировать серединой - третьей четвертью IV в. до н. э. [Монахов 2003, с. 21–22, табл. 12.4–6]. Около места обнаружения амфоры был заложен шурф № 28. В пределах шурфа, под рыхлым перемещенным культурным слоем, содержащим находки средневекового времени, был обнаружен культурный слой эллинистического периода. Верхняя часть слоя состояла из очень плотного желто-коричневого суглинка, насыщенного щебнем и желтым песком. Максимальная мощность суглинка составляла 0,75 м. Керамика, найденная на этом уровне, была сильно фрагментирована, но после камеральной обработки удалось собрать и склеить несколько крупных фрагментов столовых сосудов. Можно отметить верхнюю часть кувшина III в. до н. э. херсонесского производства (рис. 1.2), фрагменты кухонной крышки (рис. 1.5) и сероглиняного закрытого сосуда (рис. 1.4). Найдены ножки нескольких канфаров. Один из них относится к классической серии и датируется первой половиной III в. до н. э. (рис. 1.3), другой изготовлен из ярко-оранжевой глины и покрыт лаком красного цвета (рис. 1.7). Интересна находка фрагмента терракотовой протомы. На рельефе с плоской тыльной стороной, вероятно, изображена часть лба и головного убора (рис. 1.8).

Под желто-коричневым суглинком находился слой коричневого суглинка. Этот слой характеризуется присутствием желтого морского песка, мелких камней и редких углей. Мощность слоя 0,25 м. Коричневый суглинок заполнял траншею, вырубленную в скале. Траншея может представлять собой постель для сооружения стены. В нижней части заполнения встречались крупные камни, беспорядочно залегавшие в толще слоя. Находки в слое немногочисленны. Среди них следует отметить верхнюю часть небольшого кувшина, сформованного из светло-оранжевой глины с примесью известняковых частиц. Кувшин имеет сферическое тулово и узкое горло с утолщением в средней части (рис. 1.6). Также интересна железная накладка каплевидной формы с выпуклой поверхностью (рис. 1.10). На обороте накладки находится выступ крепления.

Слои в шурфе № 28 содержали материалы в основном конца IV-III вв. до н. э. Более поздним временем датируется фрагмент чернолакового кубка-канфара с биконическим туловом, украшенным процарапанным орнаментом, изображающим побег плюща (рис. 1.9). Такие кубки бытовали в начале II в. до н. э. [Егорова 2009, № 550, 551]. Самими поздними находками в слое являются фрагменты венчика и ручки гераклейских амфор типа С II по С. Ю. Внукову. Их вероятной датой является вторая половина I в. до н. э. [Внуков 2003, рис. 35, 2; Внуков, 2006, с. 169].

Кроме непотревоженных слоев эллинистического периода, многочисленные находки эллинистических предметов содержались в более поздних слоях. Такая ситуация полностью повторяет стандартную картину состава культурного слоя на **херсонесском городище**. Находки относительно более древнего времени всегда сопровождают предметы, попадавшие в слои римского периода и средневековой эпохи, составляя «примесь снизу».

Особенно следует обратить внимание на концентрацию эллинистических находок, содержащуюся в культурном слое, выявленном вблизи участка «Керамика», раскопанного В. В. Борисовой в 1955–1957 гг. Здесь, в шурфах № 8/11, 32, 43 и 44 (район в/ч автобата), находки эллинистического периода преобладали количественно, соседствуя в одних и тех же слоях с материалами поздней античности, средневековой эпохи и Нового времени.

Показательной для обозначенного участка является стратиграфия, выявленная в шурфе № 32. В верхней части под тонким (0,05-0,08 м) слоем асфальта и подсыпки из мелкого щебня и песка мощностью 0,12 – 0,22 м, залегал слой темно-серого суглинка с включениями известнякового щебня мощностью 1,75-2,05 м. Под ним исследован слой рыхлого темно-коричневого суглинка, лежащий на материковой скале. Толщина слоя рыхлого суглинка – 0,15–0,62 м. Материал, обнаруженный на всех уровнях фиксации, был хронологически однороден и состоял из находок эпохи эллинизма (IV-II вв. до н. э.) и рубежа эр. Основная масса предметов представлена фрагментами строительной и тарной керамики. Амфоры относятся к продукции херсонесских, родосских, синопских и гераклейских мастерских. Столовая керамика представлена многочисленными фрагментами рельефных чаш, большинство из которых были произведены в мастерских Эфеса. Особо следует отметить два фрагмента рельефной чаши с сюжетом, изображающим сцены охоты - в профиль представлена мужская фигура с копьем и бык (рис. 2.4). Бортик сосуда орнаментирован полосами ионийского киматия и жемчужника. Лак на поверхности сильно потерт. Из 2186 предметов, обнаруженных в шурфе № 32, лишь единицы относятся ко времени позже рубежа эр. Это фрагмент колотой плинфы, два фрагмента стеклянных браслетов и фрагмент ручки массивной амфоры III в. н. э. Попадание в слой этих предметов следует считать «примесью сверху». Скорее всего, мы имеем дело с мусорной свалкой эпохи эллинизма, расположенной вблизи квартала «Керамик».

Еще один комплекс предметов, сформировавшийся не позже I в. н. э. и содержавший подавляющее количество эллинистических находок, был обнаружен в объекте № 1 шурфа № 2. Этот объект, по всей вероятности, является разрушенным каменным склепом [Шаров и др. 2021, с. 306, 307]. Среди находок следует упомянуть антропоморфное надгробие (рис. 2.3). Многочисленная серия таких надгробий в Херсонесе датируется IV–II вв. до н. э. [Античная скульптура 1976, с. 80].

Среди фрагментов столовой керамики – чернолаковые тарелки и миски со штампованным орнаментом в виде пальметок, фрагменты ойнохой и кувшинов, которые датируются III–II вв. до н. э. Отдельно следует назвать фрагментированную чернолаковую тарелку с валикообразным венчиком, относящуюся к III в. до н. э. [Егорова 2009, с. 226; Rotroff 1997, No. 652, 655] (рис. 2. 5).

Представительная группа амфорных фрагментов относится к рубежу эр и представлена продукцией гераклейских и синопских мастерских. Здесь следует назвать фрагментированную верхнюю часть светлоглиняной амфоры типа С I по С. Ю. Внукову (рис. 2.2), которая относится к 50-м гг. I в. до н. э. – первой трети II в. н. э. [Внуков 2003, с. 202].

Кратко перечислим наиболее информативные индивидуальные находки эллинистического периода, обнаруженные на участке исследований в более поздних слоях.

В различных шурфах по всей территории было обнаружено 54 клейма на амфорах и черепице эллинистического времени. По центрам производства клейма распределяются следующим образом: на ручках и горлах амфор – Херсонес – 21 экз., Синопа – 19, Родос – 4; Гераклея – 2; Менда – 2; на черепице – Синопа – 3, Херсонес – 3.

Следует упомянуть фрагменты кувшинов херсонесского производства с клеймами и оттисками инталий. На ручке одного из сосудов присутствует неизвестное ранее немагистратское клеймо (рис. 3.2). Штамп оттиснут не полностью (монограмма из букв Ξ и O?) Морфологически близкие мерные кувшины с клеймами фабрикантов (?) известны в херсонесских комплексах III в. до н. э. В засыпи позднеан-

тичного склепа в шурфе № 5 была найдена ручка кувшина с оттиском геммы с изображением пчелы (рис. 3.3). Тело насекомого передано с большим мастерством и очень реалистично. Проработаны мелкие детали, видны прожилки крыльев, усики и жало. Рядом с этим оттиском расположен еще один смазанный оттиск схожих размеров. Изображение на нем не сохранилось. Еще один оттиск геммы был поставлен на ручку амфоры. Он содержит изображение Эрота с бабочкой (рис. 3.1) – один из наиболее популярных сюжетов в глиптике, распространенный в том числе и в Херсонесе [Краснодубец 2020, с. 17, 18].

Обращают на себя внимание многочисленные находки фрагментов терракотовых статуэток. В шурфе № 4 был найден фрагмент с изображением женского бюста и складок хитона, подпоясанного под грудью (рис. 3.5). Женские терракотовые фигуры с обнаженной грудью часто ассоциируются с образами херсонесской богини Девы. Близкий образ интерпретирован как фигурка Ники, эта терракота была найдена при раскопках в доме Аполлония. Датируются подобные терракотовые статуэтки ІІІ–ІІ вв. до н. э. [Шевченко 2016, кат. № 1, 288]. Фрагмент изображения мужского лица с проработанными деталями: гладким лбом, массивными надбровными дугами и глубоко посаженными глазами, может принадлежать образу Геракла – героя и покровителя Херсонеса (рис. 3.6) [ср: Шевченко 2016, кат. № 7, 8].

Возможно, статуэтке богини Афродиты принадлежит правый край фигурки, оттиснутой в форме (рис. 3.7). На внешней поверхности сохранилось изображение правой ноги женской фигуры, задрапированной тканью. Складки одежды переброшены через полусогнутое колено, оставляя обнаженной верхнюю часть бедра. Близкой аналогией служит статуэтка Афродиты из раскопок Херсонеса, хранящаяся в Эрмитаже [Шевченко 2016, кат. № 284]. Фигура какого-то божества была представлена стоящей на алтаре (рис. 3.8). От статуэтки сохранились лишь изображения двух ступней. Уцелевший алтарь выполнен достаточно условно. Четко различаются лишь карниз и база, подчеркнутая двумя горизонтальными желобками. Еще один предмет, представляющий собой терракотовый алтарь, оттиснутый в форме (рис. 3.4), находит многочисленные аналогии на памятниках Херсонеса и его хоры. Сохранился один из акротериев алтаря, выполненный в виде листа аканфа. Серия подобных алтарей датируется ІІІ-І вв. до н. э. [Шевченко 2016, с. 82-85].

Открытые разведками культурные слои, отдельные находки и ряд строительных комплексов не оставляют сомнений в интенсивном использовании примыкающего к городу пространства в эллинистическое время в качестве места размещения не только погребений, но

и инфраструктуры производственного характера. Точное разграничение функциональных зон для эпохи эллинизма пока остается неясным ввиду того, что нами были проведены лишь археологические разведки, а не раскопки.

Можно предварительно наметить для будущих раскопок четыре зоны, где сохранились эллинистические производственные, «жилые» и погребальные объекты:

- A производственная зона 1 («**Керамик**») (шурфы №№ 8, 11, 12, 13, 32, 42, 44);
 - B производственная зона 2 (**Цистерна**) (шурфы №№ 21, 35);
 - C зона некрополя 1 (**Каменный склеп**) (шурф № 2);
 - *D* «жилая» зона 1 (**Ров под фундамент**) (шурф № 28).

Детализация топографии Южного пригорода – задача будущих планомерных и тщательных археологических широкомасштабных исследований.

Литература

Античная скульптура Херсонеса: Каталог / сост. А. П. Иванова, А. П. Чубова, Л. Г. Колесникова [и др.]; общ. ред. С.Н. Бибикова. Киев, 1976.

Борисова В.В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955-1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С.144-153.

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н. э. (морфология). М., 2003.

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. 2: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006.

Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-западного Крыма. М., 2009.

Краснодубец Е. М. Оттиски эллинистических перстней-печатей с изображением Эротов на керамических изделиях из Херсонеса Таврического и его хоры // XC6. 2020. С Вып. XXI. 17–28.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.

Шаров О. В., Костромичев Д. А., Новоселова Н. Ю. Погребальные сооружения, открытые на территории Южного пригорода Херсонеса в 2020 году // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы V международной научной конференции (Севастополь, 2-6 июня 2021 г.) / отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. М., 2021. С. 305–309.

Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь, 2016.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. Roma, 1998.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, N.J., 1997. (The Athenian Agora. Vol. XXIX).



Рис. 1. Находки из слоев эллинистического времени в шурфах 21 (№ 1) и 28 (№ 2–10).1 – светильник; 2, 6 – кувшины; 3, 7, 9 – чернолаковые канфары; 4 – сероглиняный закрытый сосуд; 5 – крышка; 8 – фрагмент протомы; 10 – железная накладка.

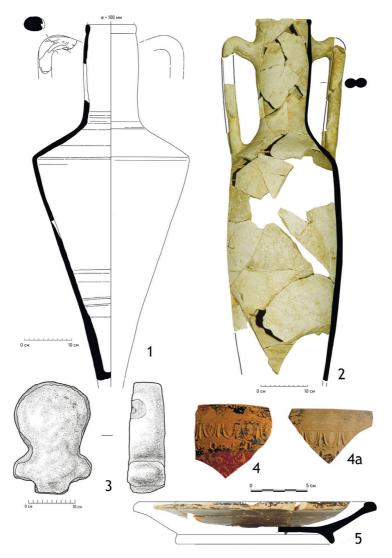


Рис. 2. Находки из траншеи для электрокабеля и из слоев эллинистического времени в шурфах № 2 и 32. 1 – амфора хиосского производства; 2 – амфора гераклейского производства; 3 – антропоморфное известняковое надгробие; 4, 4a – рельефная чаша; 5 – чернолаковая тарелка.

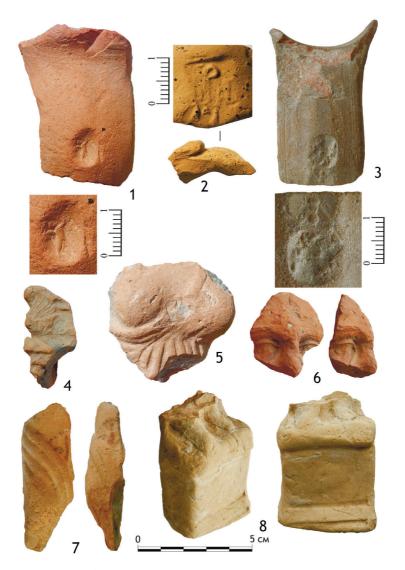


Рис. 3. Находки эллинистического времени из поздних слоев. 1 – ручка амфоры с оттиском инталии; 2, 3 – ручки кувшинов с клеймами и оттисками; 4–8 – терракотовые статуэтки.

А. В. Котина

Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра», г. Керчь

«Бог молчания» из Тиритаки (иконографический аспект)

В ходе исследования городища Тиритака в 2018 г., проводимого Боспорской охранно-археологической экспедиций под руководством В. Н. Зинько, были продолжены работы на западном участке городища (раскоп XXVII). При расчистке помещения СК ІХ был обнаружен необычный артефакт из кости (по определению А. К. Каспарова – это фрагмент большой берцовой кости, вероятно, быка). Он представляет собой удлиненный (12,4 см), округлый в сечении, полый предмет, по всей поверхности которого вырезана многофигурная рельефная композиция, центральным персонажем которой является Гарпократ [опубликована: Зинько 2020¹].

Данный предмет, безусловно, будет еще неоднократно привлекать внимание различных исследователей. На данном этапе, на наш взгляд, необходимо рассмотреть иконографию, которая представляет несомненный интерес в силу уникального сочетания признаков – синтез египетских и греческих атрибутов и черт. Стоит отметить, что изображение Гарпократа весьма характерно для мелкой пластики позднеэллинистического-римского периода, реже этот бог встречается во фресковой живописи. Исследователи выделяют различные иконографические типы бога-ребенка, однако в таком сочетании, как на найденном на Тиритаке предмете, детали и атрибуты композиции, по всей видимости, обнаружены впервые. Этот предмет отличает тщательная проработка деталей, которые и могут позволить нам проанализировать изображение.

Гарпократ представлен в виде обнаженного юноши, тело которого сохраняет еще детскую пухлость, характерную для изображений данного божества. Он стоит на полукруглой профилированной базе, срезанной сзади вертикально, между двумя колоннами, с листьями аканфа. Левой ногой Гарпократ опирается на гуся, который спокойно сидит, поджав лапы и подняв голову с широко раскрытым клювом,

 $^{^1}$ См. также рис. 2 в статье В. Н. Зинько и А. В. Зинько, опубликованной в данном сборнике. – *Ped*.

вероятно, смотрит на стоящее божество. Гусь - популярный атрибут богини Изиды, с которой часто изображали Гарпократа, а также Анубиса и его служителей. Фигура изображена с характерным для эллинского стиля наклоном вправо. На него же указывает и спускающийся складками с левого плеча плащ, а также рог изобилия с виноградом, который бог придерживает левой рукой, опираясь на профилированную колонну. Рог изобилия появляется в иконографии Гарпократа в процессе эллинизации его культа, начиная с III в. до н. э., как символ плодородия. Бог представлен с характерным для его иконографии жестом – пальцем у рта. В египетской традиции, восходящей к глубокой древности, Гарпократ – это «детская» ипостась бога Гора, сына богини Изиды, бог-ребенок. «Гарпократ - грецизированная форма древнеегипетского -Хор-па-херед, т. е. «Хор-ребенок». Божество с таким именем впервые появляется в Третьем Переходном периоде; культ его набирает популярность с конца Позднего периода и достигает своего пика в греко-римское время» [Васильева, Малых 2020, с. 187]. Характерной для восточной традиции является и пышная прическа изображенного божества: волнистые волосы обрамляют лицо и спускаются по плечам. На голове – двойная египетская корона пшент – также типичный атрибут Гарпократа, который весьма часто встречается, например, в терракотовой пластике. Лицо божества умиротворенное, с пухлыми щеками и губами, глаза большие, широко, по-детски раскрытые. Справа от центральной фигуры, на уровне плеча бога, на верхней части упомянутой выше профилированной колонны стоит еще один персонаж – судя по характерным атрибутам, служитель культа Гарпократа. Это обнаженный, улыбающийся карлик с большим фаллосом, грубыми чертами лица и в головном уборе в виде ленты и двух бутонов лотоса. В руках он держит систр, правая часть которого обломана. Подобные инструменты, как известно, использовались в ритуальных действах, посвященных различным божествам. Храмовые служители с систрами известны в изображениях и других египетских божеств, например, Анубиса. На оборотной стороне костяного предмета вырезан высокий прямоугольный профилированный алтарь, на вершине которого стоит третий персонаж, также служитель Гарпократа. Он гораздо крупнее предыдущего карлика, с мускулистым торсом и руками, изображен в набедренной повязке наподобие юбки, скрывающей нижнюю часть тела. Складки, передающие легкость ткани и движение, демонстрируют широко расставленные ноги персонажа, правая рука упирается в бок, а левой служитель прижимает к себе остродонную высокую амфору. На пышных волосах персонажа такой же, как у описанного выше карлика, головной убор в виде ленты и двух бутонов лотоса. Справа от служителя изображены колосья пшеницы. Считается, что в египетской традиции Гарпократ был тесно связан с богом зерна Непри, в соответствующем иконографическом типе Гарпократ-Непри изображался с колосьями [Васильева, Малых 2020, с. 184].

Прямых аналогий костяному артефакту из Тиритаки пока обнаружить не удалось. Наиболее близким является рукоять культового ножа из Пафоса (Кипр). Она была обнаружена в ходе раскопок так называемого Дома Диониса. Под его фундаментом было открыто небольшое помещение, относящееся к эллинистическому времени, вырубленное в скале, интерпретированное авторами раскопок как святилище, посвященное Гарпократу. На данной рукояти юный Гарпократ сидит на гусе. На голове с пышными волосами – двойная корона пшент, правая рука с характерно поднятым указательным пальцем поднесена ко рту, левой бог прижимает к себе рог изобилия. Справа от бога – профилированная колонна, на которой изображен сокол со сложенными крыльями. На оборотной стороне рукояти вырезан алтарь, на котором сидит змея [Daszewski, Michaelidis 1998, с. 12].

Если находку из святилища Пафоса исследователи однозначно интерпретируют как рукоять ножа, то вопрос о назначении костяного предмета из Тиритаки пока остается открытым. Возможно, он также является рукоятью культового ножа, хотя сложно представить технологию крепления к хвостовику клинка, учитывая относительную хрупкость материала и наличие многочисленных сквозных отверстий.

Таким образом, учитывая сказанное выше, на Тиритаке обнаружен действительно уникальный артефакт, наглядно иллюстрирующий синтез греко-египетских религиозных представлений. Как отмечает К. Г. Юнг, «Египет ... можно считать подлинной колыбелью религиозного туризма» [Юнг 2021, с. 27]. Загадочные египетские божества обогащали античную религию, давая ей новые импульсы развития.

Литература

Васильева О. А., Малых С. Е. Харпократ с горшком: египетские терракотовые статуэтки греко-римского времени из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 178–190.

Зинько В. Н., Зинько А. В. Уникальный предмет косторезного искусства из раскопок боспорского города Тиритака // БЧ. 2020. Вып. XXI. С. 114–117.

Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М., 2021.

Daszewski W. A., Michaelidis D. Guide to the Paphos Mosaics. Bank of Cyprus cultural foundation. 1998

Е. М. Краснодубец

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Ткацкие грузила из гончарных мастерских Херсонеса, открытых В. В. Борисовой в 1955–1957 гг.

Находки грузил для вертикальных ткацких станков с утяжелением основы широко представлены в комплексах Херсонеса эллинистического времени. При этом обращает на себя внимание некоторая разнородность даже тех изделий, что могут быть отнесены к единому ткацкому набору. Грузила в пределах одного типа варьируются по размеру, составу керамического теста и нанесенным маркировкам (граффити либо оттиски перстней, реже - иных изделий). К одной «серии», как правило, удается отнести не более нескольких экземпляров, что, безусловно, не является достаточным. При среднем оптимальном натяжении нитей основы 10-20 г¹, на 1 грузик приходится 10-25(30) нитей [Andersson et al. 2009, p. 392-394; Enegren 2015, p. 129, 147]. Этот диапазон учитывает использование нитей различной толщины животного и растительного происхождения, полотняное либо саржевое переплетение. При таком соотношении среднее количество грузил для одного ткацкого набора должно было варьироваться от 40 до 100 единиц, учитывая, что греческие станки были довольно широкими. Износостойкость ткацких грузил очень высокая, поэтому мы бы не стали предполагать регулярное поэтапное обновление наборов. За исключением редких примеров домашнего обжига², большая часть сохранившихся изделий была изготовлена в мастерских.

В ближайшем предместье Херсонеса известно три керамических эргастерия эллинистического времени. Первый из них был открыт

¹ Эксперименты, предпринятые мастерами с репликами ткацких грузил, показали, что диаметр нити является решающим фактором при определении натяжения основы. Нить, требующая натяжения основы 10 г на нить, будет иметь диаметр ≤ 0,3 мм, в то время как нить, требующая натяжения основы 40 г имела бы диаметр 0,8−1,0 мм [Enegren 2015, p. 133].

 $^{^{2}}$ Например, грузила Митины из дома за театральной амфилеммой Херсонеса.

К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1900 г. у башни Зенона, между 19-й куртиной и протейхизмой, перекрывающими неисследованную часть комплекса. В 1955–1957 гг. В. В. Борисовой были открыты две смежные мастерские за внешней линией оборонительных стен к юго-западу от башни Зенона, а в 1958 г. А. М. Гилевич были раскопаны остатки 4 печей на участке у 17-й куртины оборонительных стен Херсонеса. К сожалению, депаспортизированность предметов из дореволюционных раскопок и специфика составления коллекционных описей А. М. Гилевич не позволяют соотнести имеющиеся предметы с полевым отчетом. Отметим только, что во всех печах присутствовали находки керамических грузил, в том числе – слипшегося брака.

Таким образом, грузила из гончарных печей, исследованных В. В. Борисовой, на данный момент представляют собой единственную доступную для изучения выборку изделий такого рода, найденных непосредственно в производственном комплексе.

Всего исследовано 74 грузила, значительная часть которых происходит из утрамбованного пола площадки между печами № 7 и 8 II мастерской, устроенной над более ранней печью 9 (рис. 2), предназначенной для обжига столовой посуды [Борисова 1958, с. 155; Борисова 1966, с. 25, 26]. Суммарное описание слоя в тексте отчета (НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. № 733/2, л. 5) не позволяет разделить продукцию из этих трех печей. Вероятнее всего к продукции печи 9, прекратившей свое существование около 320 г. до н. э. [Кузнецова 2017, с. 123], принадлежит усеченно-призматическое грузило (весом 273 г), поскольку эта форма пока не зафиксирована в комплексах моложе IV в. до н. э. Прочие пирамидальные грузила в равной степени могли быть обожжены в печах 7 и 8, функционировавших до конца 290-х - первой половины 280-х гг. [Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, с. 45]. Среди них выделяется 12 серий³ обжига, наибольшая из которых (14 грузил) разделяется по весовым параметрам: 9 (331–348 г) и 5 экземпляров (121, 132, 218–223 г). Вес грузил серии из 7 изделий – 326–350 г. Вес фрагментированного грузила с парой отверстий – 1,127 кг (вес полной формы составлял ок. 1,5 кг).

К периоду функционирования двух мастерских относятся сохранившиеся грузила из смежных печей \mathbb{N}_{2} 1 и 2 I мастерской, предна-

³ «Серии» грузил определяются прежде всего составом глиняной массы и параметрами размеры/вес, поскольку цвет поверхности и закал зависит от положения в печи и значительно варьируется, но состав примесей остается неизменным (за исключением бракованных изделий, имеющих форму оплавленных оливково-серых остекленевших масс вследствие значительной концентрации известковых примесей, подвергшихся длительному перегреву, с локальными вздутиями и вспениванием).

значавшиеся для обжига амфор, и печи 8 ІІ мастерской, в которой обжигались некрупные столовые сосуды и терракоты.

В печи № 1 было выделено два строительных периода, к первому из которых (последняя четверть IV — начало III в. до н. э. [Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, с. 18]) относятся пять грузил (194–207 г) двух серий обжига с оттисками одного овального щитка металлического перстня с изображением высокогорлой амфоры с яйцевидным туловом (рис. 1.1–5). Идентичный оттиск на депаспортизированном изделии происходит из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича. Нет ничего удивительного в том, что изображения амфор встречаются как на амфорных клеймах [Koehler 1982], так и на личных печатях фабрикантов [Федосеев 2017, с. 392, рис. 5.5, 6]. Однако, морфологическое определение изображенного сосуда весьма затруднительно ввиду плохой сохранности оттиска и вероятной условности изображения.

В слое второго строительного периода печи № 1 (до конца 290-х или первой половины 280-х гг. [Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, с. 18–19, 45]) было обнаружено более 50 ткацких грузил, едва упомянутых в тексте отчета (НАО ГМЗХТ Ф. 1. Д. № 710/1, л. 8). В коллекцию была включена лишь серия из 6 сильно фрагментированных грузил (восстановленный примерный средний вес серии – ок. 250 г).

На двух других грузилах из предтопочного помещения I мастерской и печи № 8 нанесены оттиски со стертыми изображениями иных перстней (рис. 1.7–8). На вершине бракованного грузика из цистерны «К» – крестообразное граффито (рис. 1.9), подобное часто встречающимся на ткацких подвесках раннеэллинистического времени. Природа маркировки грузил различными оттисками и граффити – предмет пока неразрешенной научной дискуссии. Однако гипотеза о функциональном их назначении для обозначения порядка нитей в узорном плетении кажется вполне вероятной [Enegren 2015, р. 134, 149].

25 грузил, среди которых можно выделить 16 серий обжига, происходят из засыпи цистерны (в работах разных лет кодировавшейся как «А» или как «К»), содержавшей продукцию обеих мастерских — как бракованные, так и целые, пригодные к использованию изделия. 4 грузила различных серий — усеченно-призматической формы (243—276 г) — с большой долей вероятности стоит отнести к производству печи № 9, а грузило (190 г) с оттиском перстня с амфорой идентично происходящим из слоя первого строительного периода печи № 1.

В ряде исследований, посвященных глиняным грузилам, отмечается их унифицированная форма и незначительные расхождения весовых характеристик вследствие формовки в простых деревянных

матрицах [Бутягин 2008, с. 116; Enegren 2015, р. 132; Quercia, Foxhall 2014, р. 94]. Способ изготовления херсонесских грузил преимущественно отличается. Формованные образцы встречаются, но довольно редко. Очевидно, что рассматриваемые грузила из печей формировались лепкой с простейшей доработкой: основания всех грузил ровные, размеры и угол граней несимметричны и не имеют повторений, а легкие деформации и трещинки на поверхности – следствие проделывания сквозного отверстия и использования остатков уже чуть подсохших глиняных масс, предназначенных для тарных и столовых сосудов, реже – терракот. Разница в весе грузил одной серии обычно незначительна, в пределах 10–30 г, средние весовые диапазоны: 175–200, 220–250, 245–275, 330–350. Грузила небольшого (120–130) и максимального (ок. 1,5 кг) веса являются единичными находками.

Недостаточное (для полного набора) количество однотипных изделий говорит о комбинации в одном наборе грузил из разных партий⁴, подтверждение чему мы находим среди материалов из комплексов жилых домов Херсонеса. Однако при использовании на одном станке грузил различной массы натяжение нитей основы полотнища будет неравномерным, что неизбежно приведет к снижению качества ткани. Для оптимального решения этой проблемы от ткачихи требовались бы дополнительные практические расчеты, поскольку количество нитей на 1 грузило будет варьироваться пропорционально его весу.

Отсутствие больших серий стандартизированных грузил косвенно указывает на частный характер текстильного производства в эллинистическом Херсонесе, а вариативность форм говорит о разнообразии их применения не только для ткачества одежных тканей (с использованием грузил «стандартного» веса 200–300 г), но также мешковины и парусины (для которых, вероятно, предназначались массивные грузила весом более 1 кг), и даже, возможно, для плетения канатов, веревок из растительного сырья.

Архивные документы

Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных печей и склепа в 1955 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. № 710/1. 35 л.

Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных печей и склепа в 1955 г. Альбом // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. № 710/2. 39 л.

 $^{^4}$ Схожую тенденцию определил А. М. Бутягин, анализируя набор из 71 грузила III в. н.э. с акрополя Мирмекия, исследователь выделил в нем от 15 до 20 серий обжига [Бутягин 2008, с. 112].

Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя в 1956 г. // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. № 730/1. 25 л.

Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарной мастерской в 1957 г. в северо-западном и юго-восточном районе // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. № 733/1.

Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных мастерских Херсонеса Таврического в 1957 г. на юго-востоке и в северо-западном районе. Иллюстрации // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. № 733/2.

Борисова В. В. Полевые описи раскопок гончарной мастерской в Херсонесе // НАО ГМЗХТ. Ф. 1. Д. № 1041.

Борисова В. В. Полевые описи находок в гончарных мастерских Херсонеса (раскопки В. В. Борисовой в 1955–1956 гг.) // НАО ГМХТ. Ф. 1. Д. № 1001. 28 л.

Литература

Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144–153.

Борисова В. В. Херсонес // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М., 1966. С. 13–17. (САИ. Вып. Г1-20).

Бутягин А. М. Комплекс керамических грузил из усадьбы на акрополе Мирмекия // Античный мир. Искусство и археология: посвящается памяти Софьи Павловны Борисковской (1937–2001). СПб., 2008. С. 108–123. (Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XLI).

Кузнецова Е. В. О гончарных мастерских Херсонеса Таврического, исследованных В. В. Борисовой // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 118–127.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов, 2017. 208 с.

Федосеев Н. Ф. О характере клеймения керамики // ДБ. 2017. Т. 21. С. 384–397.

Andersson E., Mårtensson L., Nosch M.-L.B. Shape of things: Understanding a loom weight // Oxford Journal of Archaeology. 2009. Vol. 28 (4). P. 373–398.

Enegren H. L. Loom weights in Archaic South Italy and Sicily: Five case studies // Opuscula. 2015. Vol. 8. P. 123–155.

Koehler C. G. Amphoras on amphoras // Hesperia. 1982. Vol. 51. Iss. 3. P. 284–292.

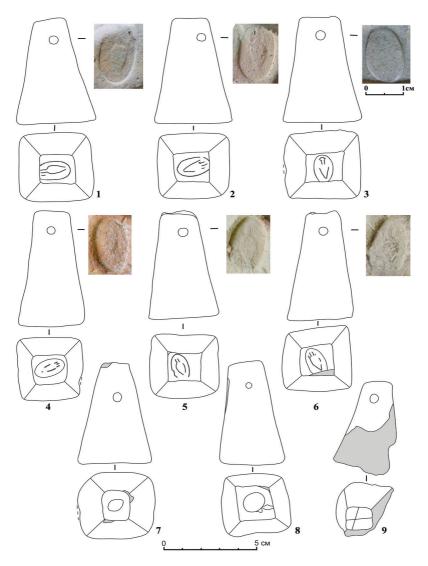


Рис. 1. Грузила с маркировками: 1–6 с оттисками щитка перстня с изображением амфоры (печь № 1, 1-й строительный период); 7–8 неясные оттиски (предтопочная площадка печей № 1–2 и печь № 8), 9 – крестообразное граффито (заполнение колоколовидной цистерны).

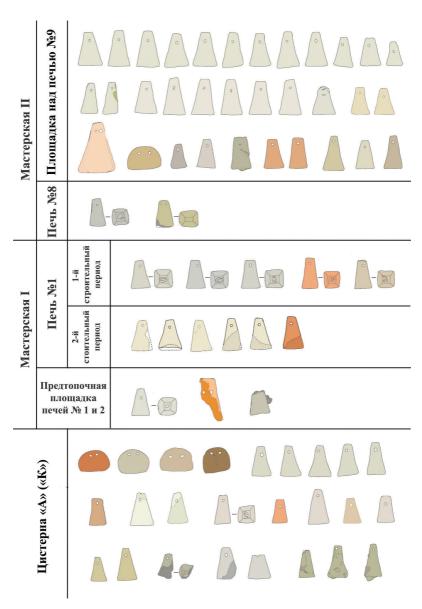


Рис. 2. Грузила из гончарных печей, открытых В. В. Борисовой в 1955–1957 гг.

В. В. Кропотов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь И. В. Толочко

Археологический музей-заповедник «Танаис», г. Ростов-на-Дону

Шарнирная брошь в форме рыбки из Танаиса¹

В 2001–2002 гг. в ходе охранных исследований, проводившихся отрядом Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН (начальник экспедиции – Т. М. Арсеньева, руководитель отряда – И. В. Толочко), на западном участке некрополя Танаиса на месте планируемого нового здания музейного комплекса было открыто не потревоженное в древности детское погребение 16, содержавшее яркий и выразительный набор инвентаря.

Данное захоронение располагалось в центре раскопа XVI, на границе площадей XVI и XVII и было впущено в предматериковый суглинок на глубину 0,40-0,45 м от уровня современной дневной поверхности. В качестве погребального сооружения использована подпрямоугольная в плане грунтовая могила со скругленными углами, ориентированная по оси BCB – 3iO3. Размеры сооружения $0,65-0,76 \times 1,82$ м. Покойный (ребенок в возрасте 1-2 лет) 2 располагался на дне могилы вытянуто на спине головой на BCB. Поверх его останков прослежен ряд поперечно расположенных деревянных плах, вероятно, составлявших могильное перекрытие.

При погребении обнаружены: в изголовье, над деревянными плахами – гончарный сероглиняный кувшин с черным матовым покрытием (рис. 1.1); в области шеи и грудной клетки – бусы из гагата и разноцветного стекла, а также бронзовый полусферический колокольчик (рис. 1.7, 8); под черепом – железное украшение со стеклянной вставкой и две проволочные серьги: серебряная и бронзовая (распались при зачистке); близ правой ключицы – шарнирная

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения научных исследований по темам НИР Института археологии Крыма РАН «Археологические культуры Крыма в эпоху бронзы, раннем железном веке и античности» и Южного научного центра РАН «Население Нижнего Дона в межэтнических и межкультурных коммуникациях: история и современность».

 $^{^2}$ Определение научного сотрудника ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» Е. Ф. Батиевой.

брошь в форме рыбки (рис.1.6); рядом с ней – бронзовая проволочная гривна с нанизанной на нее бусиной из глухого синего стекла со слоистыми глазками (рис. 1.5); на правом предплечье – бронзовый проволочный браслет (рис. 1.2), на запястьях обеих рук – низки мелких стеклянных бусин (рис. 1.7); на безымянных пальцах – два бронзовых перстня со стеклянными вставками (рис. 1.3, 4); у щиколоток – обломок антропоморфной подвески из египетского фаянса и мелкие стеклянные и гагатовые бусы (рис. 1.7); поверх голеней – краснолаковая тарелка (рис. 1.9). В тарелке находилось розовое порошкообразное вещество, слежавшееся в комочки.

Среди перечисленного инвентаря наибольшего внимания, безусловно, заслуживает бронзовая шарнирная брошь. Она имеет плоский щиток, оформленный в виде небольшой рыбки (плотвы?) с тремя выступами-плавниками по бокам. Лицевая поверхность изделия покрыта врезными окружностями, имитирующими чешую; в окружностях в нескольких местах сохранились следы черной эмали (?). Голова и хвост «рыбки» отделены от туловища прямыми врезными линиями, такой же линией обозначен и рот. Шарнирный механизм образован из двух стоек, вертикально закрепленных на обратной стороне. Игла – прямая, круглая в сечении. Общая длина украшения 4,1 см, ширина 0,6–1,3 см, толщина щитка 0,2 см (рис. 2).

Бронзовые шарнирные броши со щитками, оформленными в виде плоских, полурельефных или рельефных фигурок разнообразных рыб, птиц, зверей и пр. - один из наиболее популярных видов украшений у населения западной части Европейского континента в период расцвета Римской империи. На территории бывших западных римских провинций их находки исчисляются сотнями [см., например: Böhme 1972, Taf. 27; Ettlinger 1973, Taf. 13-14; Riha 1979, Taf. 66-68; 1994, Taf. 45-46; Feugere 1985, fig. 58-61; Hattat 1994, fig. 69; Bayley, Butcher 2004, fig. 150]. В более восточных областях число таких изделий заметно сокращается. В Северном Причерноморье находки фигурных шарнирных брошей вовсе единичны и тяготеют в основном к крупным торговым центрам - Ольвии, Херсонесу, Пантикапею и др. [Кропотов 2010, рис. 93]. Танаис – один из самых удаленных пунктов их распространения. Далее к востоку подобные украшения известны только на Нижне-Гниловском городище, расположенном в 20 км от Танаиса [Кропотов 2010, с. 320, рис. 92.1, 2].

Публикуемый образец является третьей находкой такого рода изделий в Танаисе и пятой – на Нижнем Дону. В типологическом плане он ближе всего к экземплярам типа 29a1a по классификации М. Фужера [Feugere 1985, р. 382, fig. 58.1a], отличаясь от них лишь

некоторыми особенностями в орнаментации щитка. Сходные предметы присутствуют также в типологических схемах А. Бёхме (тип 43g), Э. Эттлингер (тип 48) и Э. Рихи (тип 7.25), но последние имеют больше отличий в декоре и нередко украшены цветной эмалью [Böhme 1972, S. 40, Taf. 27.1054; Ettlinger 1973, S. 126, Taf. 8.48; Riha 1979, S. 202, Taf. 67.1741-1742; 1994, S. 172-173, Taf. 46.2917-2918].

В зарубежной литературе фигурные шарнирные броши принято делить на несколько подгрупп. Рассматриваемый образец относится к наиболее ранней из них – простым брошам с гравированным орнаментом, иногда заполненным черной эмалью, которые относят ко второй – третьей четвертям I в. н. э. [Feugere 1985, р. 393] или ко второй половине этого столетия [Ettlinger 1973, S. 125], отмечая бытование отдельных экземпляров также в более позднее время [Riha 1994, S. 169–170]. Брошь из Танаиса, благодаря наличию в комплексе с ней низкой краснолаковой тарелки с вертикальным бортиком (тип 3, 1-я группа по классификации А. А. Труфанова), может быть уверенно датирована в пределах второй половины I – начала II в. н. э. [Труфанов 2005–2009, с. 154].

Интересно отметить, что большинство фигурных шарнирных брошей, найденных как на Нижнем Дону, так и в Северном Причерноморье в целом, относятся ко второй половине I – началу II в. н. э. [Кропотов 2010, с. 305–308]. Этот факт, несомненно, свидетельствует о расцвете торгово-экономических отношений Припонтийского региона с удаленными западными провинциями Римской империи именно в данный период.

Литература

Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4. С. 117–328.

Bayley J., Butcher S. Roman brooches in Britain. London, 2004. 298 p.

Böhme A. Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel // Saalburg Jahrbuch. 1972. T. XXIX. 112 S.

Ettlinger E. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern, 1973. 242 S.

Feugère M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris, 1985. 668 p. (Revue Arhéologique de Narbonnaise. Supplément 12).

Hattatt R. Ancient and Romano-British Brooches. Ipswich, 1994. 228 p.

Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst // Forschungen in Augst. 1979. Bd. 3. 302 S.

Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit $1975 \, // \,$ Forschungen in Augst. $1994. \,$ Bd. $18. \, 256 \,$ S.

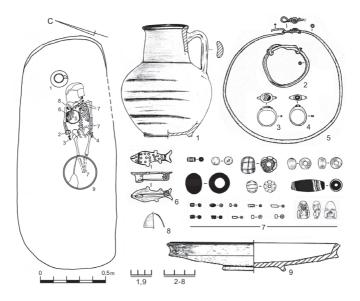


Рис. 1. Погребение 16 из раскопа XVI некрополя Танаиса, план и находки.



Рис. 2. Шарнирная брошь в форме рыбки (АМЗТ, КП 267/255, АН 39).

Е. В. Кузнецова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Особенности работы с амфорным материалом Прикубанского некрополя¹

В 1998–2001 гг. в ходе новостроечных работ Краснодарской археологической экспедиции Кубанского госуниверситета была раскопана часть меотского могильника около хутора Прикубанский (Красноармейский район Краснодарского края), расположенного в пойменной части правого берега р. Кубань, в нижнем ее течении. Всего за эти четыре года было вскрыто 429 погребений, в которых обнаружено больше двух с половиной тысяч предметов инвентаря. Среди них присутствовали: меотская гончарная и лепная керамика, предметы конской упряжи, украшения, оружие и большое количество импортной керамической продукции – амфор, расписной и чернолаковой керамики. Материал частично публиковался авторами раскопок – Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, В. В. Бочковым. Работа с амфорным материалом этого некрополя является продолжением большого проекта по изданию амфорных собраний различных музеев [Монахов и др. 2016; 2017; 2019; 2020].

Одной из особенностей исследованного участка могильника являются его достаточно узкие хронологические рамки – с рубежа V– IV вв. по начало III в. до н. э. В ходе раскопок было обнаружено 335 амфор разной степени сохранности. Что для нас более важно – было зафиксировано сто керамических комплексов! В это число вошли не только погребения, содержавшие 2 и более амфор (чаще всего две), но и погребения, в которых помимо керамической тары присутствовала чернолаковая керамика, позволяющая уточнить датировку тары. Наличие импорта особенно важно для определения хронологии местной меотской керамики (лепной и кружальной), предметов вооружения и т. д. Необходимость установления возможно более узких датировок этих категорий инвентаря наложило дополнительную ответственность на точность датировки и амфорной тары. Особенно это относится к сосудам, происходящим из погребений, не со-

 $^{^1}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

державших иного импорта. Для обеспечения точности их датировки был использован алгоритм построения хронологических рядов.

Первоначально были детально рассмотрены комплексы, содержавшие клейменые сосуды. Несколько клейм из-за плохой сохранности восстановить не удалось, в большинстве же случаев они были прочитаны и дали надежную датировку. К примеру, установлены узкие хронологические рамки для ранних синопских сосудов, изготавливавшихся до начала систематического клеймения. Ранее, не имея надежных комплексов, С. Ю. Монахов широко датировал первые выпуски синопской тары первой третью IV в. до н. э. [Monachov 1993, fig. 1.1-4]. Прикубанские погребения № 22 и № 150 позволяют повысить эту дату до конца 380-х гг. до н. э. благодаря присутствию в них гераклейских амфор с клеймами магистрата Этера (рис. 1.1, 4). Погребение № 8 кургана № 3 показывает, что в это же время начинается изготовление синопских амфор и второго, «пифоидного» типа. Вместе с синопской была обнаружена гераклейская амфора с клеймом Аристона (рис. 1.7–9). Это не исключает вероятность изготовления синопских сосудов и в более раннее время, однако комплексов, подтверждающих это, на данный момент у нас нет. Можно уверенно говорить о том, что изготовление тары происходило в рамках двух параллельных типов, условно названных «коническим» (тип I) и «пифоидным» (тип II) по характерным особенностям тулова. Очевидно, что прототипом для сосудов послужила форма амфор Фасоса первой трети IV столетия.

Далее, по степени надежности датировок, следуют комплексы, содержавшие помимо амфоры чернолаковый сосуд (редко два). Сочетание тарной и аттической керамики позволяет взаимно уточнить их датировки. В уже упомянутом погребении № 8 кургана № 3 помимо амфор присутствовала чернолаковая лекана (рис. 1.9). Такие сосуды крайне редки в материалах Северного Причерноморья. Лекана из Прикубанки датируется не позднее 370-х гг. до н. э., хотя имеющиеся на ней следы потертости могут говорить и о более ранней дате изготовления [Лимберис, Марченко, 2010, с. 338, рис. 5.16].

В качестве еще одного примера можно привести погребение № 171, где наряду с амфорой обнаружен поддон чернолакового канфара. И хотя поддон датируется в широком диапазоне второй – третьей четвертей IV столетия, он позволяет установить датировку неклейменой амфоры Аканфа (см. подробнее статью С. Ю. Монахова в этом сборнике).

В погребениях № 186 и № 262 помимо амфор Менды и Книда (рис. 2) были обнаружены краснофигурные скифосы и, в одном

случае, поддон чашевидного скифоса, а в другом – чернолаковая солонка (рис. 2.3, 4; 2.7, 8). Благодаря комплексам, где возможна перекрестная датировка, удалось скорректировать даты изготовления синопской тары в период до появления систематического клеймения. Кроме того, в связи с привлечением материалов из других меотских некрополей были уточнены датировки отдельных типов и вариантов книдских амфор, выпускавшихся в IV в. до н. э.²

Установление точных датировок погребений позволило выстроить хронологические ряды для тары основных производственных центров, чья продукция представлена среди импорта Прикубанского могильника. Опорными реперами в них послужили сосуды из узкодатированных комплексов. Остальные амфоры, происходящие из погребений с более широкими хронологическими рамками, подставлялись в данные ряды, исходя из их морфологических особенностей. Благодаря такому подходу удалось установить достаточно надежные даты и для амфор, происходящих из погребений, не содержавших иного импорта. Выстроенные подобным образом типологические линейки позволят в дальнейшем более надежно определять датировку и тарных сосудов из раскопок иных памятников.

Литература

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2005. Вып. 5. С. 219–325.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов, 2016.

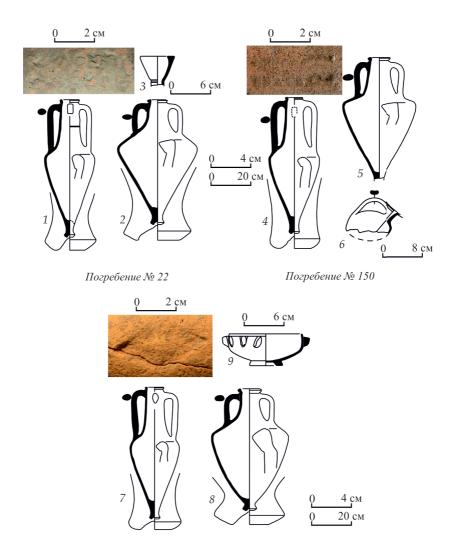
Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 2017.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 2019.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 2021.

Monachov S.J. Les amphores de Sinope // Anatolia Antiqua. 1993. Vol. II. P. 107–131.

 $^{^{2}}$ Статьи, посвященные обоим сюжетам, будут опубликованы в ближайшее время.



Курган № 3, погребение № 8

Рис. 1. Керамические комплексы Прикубанского некрополя: 1, 4, 7 – амфоры Гераклеи; 2, 5, 8 – амфоры Синопы; 3, 6, 9 – чернолаковая керамика.

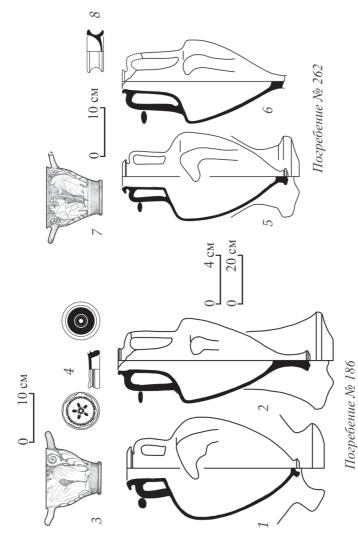


Рис. 2. Материалы погребения № 262: 1, 5 – амфоры Книда; 2, 6 – амфоры Менда; 3, 7 – краснофигурные скифосы; 4 – поддон чашевидного скифоса; 8 – чернолаковая солонка.

С. Б. Ланцов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Терракотовые фимиатерии из руин провинциального городка Херсонесского государства эллинистического времени

Давно, хорошо и широко известные керамические алтари, жертвенники, или фимиатерии, как их называют исследователи [см., например, Шевченко А. В., 1995, с. 156], были обнаружены в 2020 г. и на Кульчукском городище (рис. 1–3) античного времени, иначе называемом городище «Красный курган», определенно имеющем в общей фортификационной системе, в планировке кварталов и других каменных строительных остатков древних построек элементы урбанистической структуры. Некоторые современные специалисты в области изучения античных сюжетов и отдельных мифологических изображений на предметах материальной культуры предпочитают называть эллинистические керамические алтарики, типологически идентичные одному из ниже публикуемых (рис. 1, 2), латинским термином «арулы» (arulae, ед. ч. arula) [Шевченко Т. М., 2021, с. 32–36], обозначающим маленькие алтари, но не соответствующим времени их фактического использования.

Городище Кульчук (в переводе с тюрского языка на русский – «Пепельный холм») расположено в 2,5 км южнее нынешнего села Громово Окунёвского сельского поселения Черноморского района Республики Крым на подверженном интенсивной абразии черноморском глиняном береговом клифе высотой около 11 м. По аналогии с военно-административно-территориальным устройством античной Гераклеи Понтийской – одной из метрополий Херсонеса Таврического – Кульчукское поселение городского типа, предположительно, было центром одной из крупнейших и основных херсонесских фрурархий на дальней хоре в Северо-Западной Тавриде.

Древнее укрепление на территории, в настоящее время отождествляемой с Кульчукским городищем, отмечено на трехверстовой карте 1865 г. Впервые Кульчукское городище открыл для науки, сделал первый глазомерный план [Моисеев 1929] и исследовал в 1929 г. Л. А. Моисеев [Моисеев 1929а; Эрнст 1931], бывший на тот момент

директором Херсонесского музея. В 1933 г. указанный археологический памятник осматривал П. Н. Шульц. Он оставил восторженное описание городища и сделал его схематический план и общий разрез [Шульц 1933, л. 90, 91; фотоархив Института археологии Крыма РАН], а также предположительно локализовал здесь древнегреческий городок Тамирака [Шульц 1937, с. 253; 1941, с. 270–271]. Впоследствии небольшие работы были произведены А. Н. Щегловым (1959 и 1965 гг.), О. Д. Дашевской и А. С. Голенцовым (конец 60-х – 70-е гг. ХХ в.).

Наиболее активные археологические раскопки здесь изначально осуществлялись отрядом Донузлавской экспедиции АН СССР под руководством А. С. Голенцова с 1985 по 1995 г., работавшего первоначально от Института археологии СССР (Москва), а затем от Ленинградского отделения этого института и его правопреемника – возрожденного Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Исследовательскую эстафету приняла в 2006 г. сначала Донузлавская экспедиция Института археологии НАН Украины, а с 2014 г. Института археологии Крыма РАН, работающая ежегодно под руководством автора данной заметки и поныне.

Кульчукское городище, как сейчас представляется по ряду аргументов, но что пока уверенно не доказано, основано на рубеже V–IV вв. до н. э., синхронно времени возведения первых античных жилых структур на Тарханкутском полуострове – поселении Панское I и усадьбе у бухты Ветреная, а также недавно открытой ранней античной фактории на Тарханкутском мысу (поселение Караджа 3) [Ланцов 2017, с. 146–154], а, возможно, и в городе Калос Лимен. Пока неясно, с каким (ионийским или дорийским) этапом колонизации Северо-Западного Крыма связано основание Кульчукского поселения, но оно произошло несколько раньше, чем в других местах Тарханкута, кроме вышеперечисленных.

Наиболее активно поселение на Кульчуке функционировало в составе Херсонесского государства во второй половине IV – первой половине II в. до н. э. (учитывая небезызвестный и небесспорный хиатус, протяженностью около трети столетия, в III в до н. э.). Около середины II в. до н. э. греческие поселения Херсонеса в северо-западной части Крыма были захвачены поздними крымскими скифами, которые жили здесь до конца I в. до н. э. Как выяснилось в результате многолетних полевых работ, резко угасающая с этого времени жизнь на них теплилась вплоть до III в. н. э. и даже позже, судя по находкам некоторых амфор и монет, – до IV, V и даже первой половины VI в. н. э. В IX–X вв. н. э. здесь точно жили носители салтово-маяцкой культуры (видимо, протоболгары в составе Хазарского

каганата), но незначительные масштабы использования территории прежней поселенческой структуры абсолютно несопоставимы с эллинистическим временем. В ходе исследований 2019–2020 гг. на основании обнаружения почти на уровне современной дневной поверхности хлипких строительных остатков, возможно, культового характера и синхронных им фрагментов керамической транспортной тары выяснилось, что и в XIII–XIV вв. тут жили или изредка появлялись люди, очевидно, половцы.

Раритетные артефакты (керамические алтарики) найдены в многочисленном керамическом развале на вымостке северо-восточного помещения № 2 кульчукской башни № 3 с рустованными внешними поверхностями блоков наружных фасадов, открытой в 2019 г. и изучаемой поныне. Указанный развал посуды на каменной вымостке двух северных (северо-восточного и северо-западного) помещений этой башни соответствовал времени скифского захвата поселка. Развал был перекрыт глинобитной древней дневной поверхностью позднескифского периода эксплуатации башни. Среди фрагментов разнообразной керамической продукции рядом обнаружены обломки двух различных профилированных керамических алтарей (рис. 1, 2); все эти обломки удалось склеить, хотя полные формы алтарей восстановить так и не получилось. Не обнаружены фрагменты их оснований. Заслуга в обнаружении осколков этих алтарей в первую очередь принадлежит сотрудникам Института археологии Крыма РАН С. В. Сёмину и К. С. Коршуну. За реставрацию их приношу большую благодарность сотрудникам этого же института С. В. Придневу и А. Е. Соломоненко, которым принадлежат, наряду с В. В. Масякиным, первые устные интерпретации рельефных изображений божественных фигур на одном из алтариков (рис. 1, 2).

Данный артефакт, обнаруженный Донузлавской экспедицией Института археологии Крыма РАН в 2020 г., на основании многочисленных аналогий широко датирован второй половиной ІІІ – ІІ в. до н. э., отформован, квадратный в поперечном сечении, внутри полый, база не сохранилась, на поверхности боковых сторон с изобразительными сюжетами до реставрации хорошо были видны остатки белого ангоба (грунтовки для последующей росписи красками поверху) (рис. 1).

Реставрация этой находки происходила в несколько этапов. Сначала многочисленные фрагменты были просушены без мытья и предварительно в полевой камеральной обстановке склеены (рис. 1). Удалось уверенно зафиксировать белый ангоб на боковых стенках и незначительные нестойкие остатки красной и, как представляется,

синей или голубой краски для сцены Посейдона с женской фигурой (см. ниже) (рис. 1). Позже алтарик был разобран, мягкой кистью удален лишний мусор, в основном на швах осколков, а затем он был опять склеен, более тщательно и с большим количеством подобравшихся составных элементов (рис. 2).

На уцелевшей верхней площадке, судя по хорошо различимой копоти, отразились следы ритуального горения. Высота сохранившейся части алтаря – 83 мм в отсчете от верха двух из оставшихся акротериев или сфинксов на верхних углах этого терракотового изделия [см.: Шевченко А. В., 1995, с. 156], размер поперечного сечения квадрата – 55 мм без выступов акротериев или сфинксов (рис. 2). Эти детали верха алтарика выполнены весьма условно или даже примитивно, изображения сфинксов здесь не разглядеть.

Характеризуемый алтарик, очевидно, херсонесского производства, изготовлен из хорошо отмученной слоистой светлой коричневой глины с немногочисленными включениями белого песка, пироксена, возможно, извести, а также с четко прослеживающимися белыми блестками.

Верхний пояс (фронтон) состоит из двух рельефных орнаментальных рядов. Верхний представлен пальметтами и растительными розетками, а нижний – валютообразными завитками. Верхний пояс сохранился значительно хуже нижнего. Под «фронтоном» располагается профилированный трехступенчатый карниз. Его центральная часть орнаментирована «сухариками». От верхней части ступенчатой базы алтаря сохранился очень маленький фрагмент, но на нем прослеживается орнамент овами, как и на всех аналогичных изделиях, в точности копирующих орнамент фриза Парфенона, где овы разделены узкими рельефными листьями, острыми концами обращенными вниз, как обычно считается, имеющими отношение к определенному виду морских водорослей.

На всех четырех вертикальных боковых прямоугольных стенках расположены рельефные изображения разных мифологических сцен. Абсолютно идентичные синхронные небольшие терракотовые алтарики известны по всему античному миру, в разных центрах Греции, Южной Италии, Пропонтиды, Причерноморья (Амис, Калатис, Томы), включая его северный берег (в Тире, Ольвии, Херсонесском государстве и на Боспоре Киммерийском – в Пантикапее, Мирмекие и Горгиппии) [см.: Нессель, Демьянчук 2005, с. 87–88; 92–93; Шевченко Т. М., 2021, с. 32, с. 33, рис. 1; с. 34].

Изобразительные сюжеты Кульчукского алтаря сохранились на всех четырех сторонах более полно, чем на всех других аналогич-

ных вещах, известных в Херсонесском государстве, судя по опубликованным фрагментам в каталогах А. В. Шеченко (19 экземпляров) из Херсонеса и его ближайшей хоры на Гераклейском полуострове [Шевченко А.В. 1995а, с. 160−166; 2016, № 467−494]. Охарактеризуем упомянутые изображения кульчукского экземпляра последовательно слева направо. Отметим, что их последовательность не соответствует исконным эллинским образцам (рис. 2), что современными исследователями объясняется, как признак местного, например, херсонесского производства [Нессель, Демьянчук 2005, с. 92−94].

- 1. Женщина с венком (Ника?) около трофея, состоящего сверху вниз из позднеэллинистического, так называемого псевдоаттического, шлема (по П. Динцису) [Dintsis 1986] или «аттического с козырьком» (по Г. Ваурику) [Waurick 1988, S. 169—176], влево, круглой гоплитской эгиды, расположенной, как мне кажется по нашему экземпляру, на алтаре или капители дорийской колонны (сохранилась лишь верхняя часть). Обычно основанием, на котором размещены изображения шита и шлема трофея, считают верх ствола дерева. Крылья в рельефе едва прослеживаются (во всяком случае, создается впечатление, что они изображены). Это обстоятельство заставляет многих авторов не проявлять излишней категоричности при идентификации этого мифологического персонажа. Изображение копья под шлемом трофея, которое обычно отмечают исследователи, я не заметил или не понял.
- 2. Три фигуры. Охмелевший обнаженный (?) Дионис в центре. Слева обнимающая его женщина (менада) или Ариадна в профиль, стремящаяся к поцелую. Справа поддерживающий Диониса Силен или Сатир, фигура которого сохранилась хуже других (как из-за повреждения вещи в целом, так и из-за качества оттиска).
- 3. Сидящий (вправо) Аполлон с кифарой. Перед ним справа, лицом к нему, стоящая фигура женщины, возможно, матери (?) Лето в длинном складчатом одеянии (хитон или гиматий) с посохом в правой руке. Посох, по всей видимости, имеет прямое перекрестие сверху. Некоторые исследователи считают, что здесь изображена Артемида с факелом [см., например, Шевченко А. В., 1995а, с. 157], другие видят здесь Орфея и Кору Персефону [см.: Шевченко Т. М., 2021, с. 35]. Препятствия для идентификации женского изображения в качестве девушки Артемиды с факелом, на мой взгляд, кроются в явной возрастной, слегка согбенной фигуре богини и подчеркнутой строгости удлиненного верхнего одеяния. Факел слишком длинный, больше похож на посох матери божественных детей-близнецов (брата и сестры Аполлона и Артемиды).

4. Посейдон, облаченный в гиматий, в рост, справа. Фигура изображена фронтально с повернутой влево головой (от зрителя), с трезубцем в левой руке. Хорошо видны правый и укороченный центральный зубцы трезубца, левый зубец поврежден сколом и трещиной. Его правая рука положена на левое плечо нимфы (наяды), возможно, Амфитриты или Амимоны (согласно мнениям разных авторов), изображенной слева от него. Она представлена в длинном одеянии (пеплосе, подпоясанном под грудью) с сосудом в опущенной вдоль тела правой руке. А. В. Шевченко, как и многие другие, вслед за первым издателем широко известной ольвийской ситулы с подобным изображением [Штерн 1902, с. 101-112], которое воспринимается сейчас чуть ли не в качестве оригинала для всех копий в терракотовом решении многочисленных стереотипных алтариков, рассчитанных на широкое потребление демосом, видит Зевса и Гебу и аргументирует подобную позицию [Шевченко 1995, с. 157]. Кажется, такой интерпретации противоречит четко различимое на нашем экземпляре изображение трезубца в левой руке божественного владыки водной среды.

Т. М. Шевченко вслед за П. Гулдагер-Билде связывает подобные алтари с культом героизированных предков [см.: Шевченко Т. М. 2021, с. 34–35]. А. В. Шевченко видит в сюжетном многообразии таких алтарей отражение практики отправления разнообразных культов, принятых на Делосе [Шевченко А. В. 1995, с. 157], одном из двух центров, основавших Херсонес Таврический (наряду с Гераклеей Понтийской). Не вдаваясь в дискуссию на эту мало мне знакомую тему, лишь отмечу, что все сюжетное мифологическое многообразие, учитывая мой ориентир на трактовку одинаковых мифологических образов на алтарях и синхронных мегарских чашах, принятых в современной западной научной литературе (вполне кондиционный обзор которой представлен в статье В. А. Нессель и С. Г. Демьянчука) [Нессель, Демьянчук 2005, с. 89-94], в частности Посейдона со спутницей, позволяет мне высказать лишь одну догадку об общем замысле, связанном с водной стихией. Аполлон, пусть даже будучи кифаредом, как в данном случае, а не в характерной ипостаси Дельфиния или Врача, всегда был одним из главных покровителей мореплавания и колонизации, наряду с Ахиллом. Артемида, или скорее Лето, связаны тесными семейными узами с Аполлоном и с островом Делос, попадавшим в зону божественной ответственности Посейдона. Сцены с дионисийским трио и победоносной Никой не противоречат колонизационной и морской тематике. Рельефный декор верхнего ступенчатого профиля основания алтаря из ов и листьев

водорослей также может быть связан с морской тематикой. Мне кажется, такие алтари ставились в домашних святилищах в надежде на то, что обращение к изображенным на них мифологическим персонажам поможет препятствовать трагедиям кораблекрушений и гибели в них близких людей.

В северо-западной части херсонесского государства подобные «вотивные» предметы встречены не впервые. В 1992 г. отдельные (не собирающиеся в контакте) фрагменты жертвенника, аналогичного публикуемому, но значительно худшей сохранности, были обнаружены Западно-Крымской экспедицией Института археологии НАН Украины, возглавляемой моим учителем, коллегой и другом В. А. Кутайсовым при раскопках города Калос Лимена (Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен», КП-7150 А-357), о чем мне любезно напомнила главный хранитель Историко-археологического музея-заповедника «Калос Лимен» в поселке Черноморское Республики Крым О. Г. Панасевич. Относительно полно сохранилось рельефное изображение только одной фигуры Артемиды или ее матери Лето.

Другой кульчукский керамический алтарь (курильница) гончарного производства представлен в вышеупомянутом контексте находок фрагментированным экземпляром из хорошо отмученной светлой коричневой глины (рис. 3). Все найденные фрагменты (4) склеены. Алтарь круглый в поперечном сечении, цилиндрический, полый. База отсутствует. У подобного типа алтарей она бывает как квадратной, так и круглой [Шевченко А. В. 2016, № 497–499]. В отличие от нашей находки, в Херсонесе попадались только нижние части. Высота сохранившейся от верха части кульчукского цилиндрического алтаря 2020 г. – 105 мм. Диаметр венчика составляет 100 мм. Диаметр рельефного плеча (ребра) – 80 мм. Диаметр горла – 65 мм. В Херсонесе подобные алтарики датируются I в. до н. э. - началом новой эры, но в нашем комплексе алтари были обнаружены рядом, следовательно, оба датируются временем около середины II в. до н. э. и использовались совместно в одном домашнем святилище (помещение 2 первого этажа 2 строительного периода башни № 3) для отправления культовых ритуалов в религиозной жизни обитателей этого жилиша.

Следует отметить, что очень похожие на кульчуксий экземпляр цилиндрические гончарные жертвенники использовались для осуществления каких-то своих культов эллинизированным населением Крымской Скифии. В частности, они представлены в хорошо датируемом комплексе пожара, относимом к периоду Е1 –

135–131 гг. до н. э., в столице поздних скифов – Неаполе скифском [Зайцев 2003, с. 14; с. 86, рис. 16.24, 28; с. 132, рис. 62.2, 3, 5, 8, 11; с. 137, рис. 67.7].

Литература

Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н.э
 – III в. н. э.). Симферополь, 2003. 210 с.

Ланцов С. Б. Херсонесские усадьбы вблизи Караджинского городища (начало исследований) // АРХОНТ. 2017. С. 146–154.

Моисеев Л. А. Дневник экспедиции в Ак-Мечеть 1929 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1590.

Моисеев Л. А. Отчет руководимой им экспедиции в Ак-Мечеть в 1929(а) г. // НАО ГМЗ ХТ, 1929а. Ф. 1. Д. 1588, 1589, 1590.

Нессель В. А., Демьянчук С. Г. К вопросу об интерпретации изображений на одной группе эллинистических алтарей // Сборник научных трудов по материалам VI Международной Крымской конференции по религиоведению (Севастополь, 2004). Севастополь, 2005. С. 87–94.

Шевченко А. В. Терракотовые алтарики из Херсонеса // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. —1995. Вып. 3. С. 156—159.

Шевченко А. В. Каталог терракотовых алтариков с рельефными украшениями на стенках // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. – 1995а. Вып. 3. С. 160–166.

Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней античной округи. Симферополь, 2016. 352 с.

Шевченко Т. М. Моделі жертовників з Ольвії // LAUREA IIII. Античний світ і Середні віки: Читання пам'яті

професора Володимира Івановича Кадєєва. Харків,

2021. C. 32-36.

Штерн Э. Р. Ваза с рельефными украшениями из Ольвии // ИИАК. 1902. Вып. 3. С. 93–113.

Шульц П. Н. Дневник полевых исследований 1933 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130.

Шульц П. Н. О работах евпаторийской экспедиции // СА. 1937. № 3. С. 252–254.

Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 265–277.

Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) // ИТОИАЭ. 1931. Вып. IV. С. 1–13.

Dintsis P. Hellenistische Helme. Roma, 1986. 399 S. (Archaeologica. Vol. 43).

Waurick G. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Bottini A. (Hrsg.). Antike Helme. Mainz, 1988. S. 151–180. (Monographien. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz. Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 14).





Рис. 2. Керамический прямоугольный алтарь с рельефными мифологическими сценами по сторонам из помещения 2 башни № 3 Кульчуского городища после реставрации.

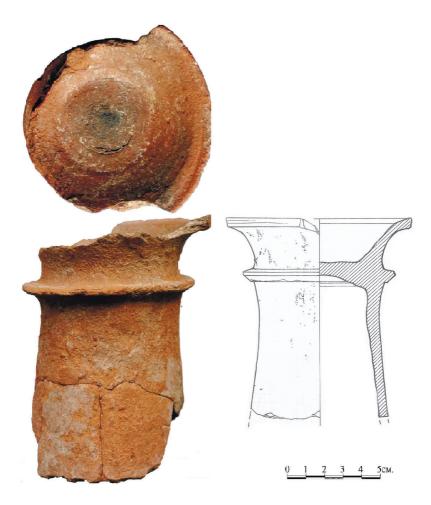


Рис. 3. Керамический цилиндрический алтарь из помещения 2 башни № 3 Кульчукского городища.

В. В. Масякин

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

О паноплии, изображенной на надгробии первого архонта Херсонеса Газурия

Мраморная надгробная стела первого архонта Херсонеса Газурия, сына Метродора, представляет собой редкий пример погребального памятника, который может быть соотнесен с высшим должностным лицом города (рис. 1.2) [IOSPE I² 471; Античная скульптура Херсонеса 1976, с. 100, № 316]. Кроме того, надгробие содержит единственное для погребальных памятников Херсонеса римского времени изображение доспехов и оружия¹, в связи с чем неоднократно привлекалось исследователями для сопоставления представленных деталей паноплии с археологическими находками, происходящими с территории Северного Причерноморья в целом (см., например, Новиченкова 1988, рис. 4.1; Масленников, Трейстер 1997, с. 147, рис. 7; Раев, Симоненко 2015, с. 237-256; Зайцев 2018, с. 313, рис. 22.13). Надгробие датируется временем не ранее второго десятилетия II в. н. э. [Кадеев 1985, с. 69] и относится к варианту 2.2. по классификации А. В. Буйских, охватывающий стелы с изображениями стоящих задрапированных фигур в архитектурно оформленной эдикуле [Буйских 2008, с. 236]. Под эдикулой справа в низком рельефе изображены элементы паноплии (рис. 1.4). Доспехи представлены псевдоаттическим шлемом [Dintsis 1986, S. 113-133] или, по другой терминологии, аттическим шлемом с козырьком [Waurick 1988, S. 169–176; Дедюлькин 2016, с. 169–196], овальным щитом типа тюреос (θυρεός) или скутум (scutum) с продольным ребром и веретеновидным умбоном, поножами. Набор оружия состоит из длинного меча с навершием, перекрестием и трапециевидной бутеролью, копья с петлей для метания на древке, горита с луком и стрелами. Особенностью изображенного комплекта вооружения является хронологическое несоответствие представленных типов доспехов, с одной стороны, и оружия – с другой. Если меч «восточного» типа, воспроизводящий ханьские образ-

 $^{^1}$ На одном из фрагментов стенки мраморного саркофага из некрополя сохранилось изображение рукояти меча [Античная скульптура Херсонеса 1976, с. 151, № 474].

цы, и горит имеют иконографические (рис. 1.5, 6) и археологические параллели, соответствующие датировке надгробия [Трейстер 2010, с. 488, 522, рис. 5.2; 8; 9], то типы доспехов характерны главным образом для эллинистического времени [Dintsis 1986, S. 113–133; Waurick 1988, S. 169–176; Дедюлькин 2016, с. 169–196; Stary 1981, S. 289–306]. В связи с этим обстоятельством исследователями были высказаны различные точки зрения о соотношении верхней хронологической границы использования изображенных типов доспехов и даты надгробия. Так, по мнению А. А. Масленникова и М. Ю. Трейстера, изображение на стеле Газурия может свидетельствовать об использовании шлемов псевдоаттического типа с гребнем и во II в. н. э. в виде парадных регалий [Масленников, Трейстер 1997, с. 147]. Противоположной точки зрения придерживаются Б. А. Раев и А. В. Симоненко, которые, пытаясь объяснить изображение доспехов архаического типа на стеле, предположили, что эпитафия Газурия была вырезана на более раннем надгробии, к которому и относится паноплия [Раев, Симоненко 2015, с. 249].

Действительно, на некоторых надгробиях эллинистического времени встречаются наборы доспехов (речь идет именно об изображении паноплии, а не отдельных предметов защитного вооружения) тех же типов, что и на стеле Газурия. В качестве примера можно привести погребальные рельефы ІІ в. до н. э. из Даскилеона в Малой Азии и с о. Кос (рис. 2.3, 6), на которых изображены щиты типа тюреос и, возможно, псевдоаттические шлемы вместе с другими предметами вооружения [Pfuhl, Möbius 1979, Taf. 208.1429; 226.1571]. При этом, на надгробии с о. Кос, так же как и на стеле Газурия, меч расположен диагонально по отношению к щиту. Однако необходимо учитывать существенное композиционное отличие изображений паноплии на надгробиях классического и эллинистического времени от таких изображений на погребальных памятниках римского времени, имевшее смысловое значение. В ранний период наборы доспехов и оружия изображены почти исключительно на погребальных рельефах в сценах загробной трапезы в эдикуле (так называемые «Totenmahlreliefs»). Учитывая, что основой композиции в этих сценах является интерьер жилища, в котором происходит загробный пир, предметы вооружения, включенные в общую структуру изображения, представлены на заднем плане, висящими над клинэ на воображаемой стене (рис. 2.3, 6) или, реже, стоящими на полке. В некоторых случаях изображены слуги, вешающие доспехи на стену (рис. 2.8) [Pfuhl, Möbius 1979, Taf. 220.1524]. Изображения этого типа появляются в конце позднеархаического периода (самые ранние - на о. Фасос и Парос), но наибольшее распространение получают в позднеэллинистическое время в Малой Азии и особенно на о. Самос [Fabricius 2016, р. 33–69]. Таким же образом, висящими на стене, представлены наборы доспехов и оружия в македонских и этрусских камерных гробницах [Polito 1998, р. 73–76; 103–111, fig. 3, 4; 40–42]. В этот период в погребальной иконографии паноплия является символом посмертной героизации умершего [Fabricius 2016, р. 33].

В римское время на погребальных рельефах элементы паноплии чаще всего изображаются отдельно, в виде фризов, расположенных в нижней части или на фронтоне надгробия (рис. 1.9). Доспехи и оружие, наряду с военными наградами (dona militaria), становятся показателями военной карьеры, заслуг и статуса погребенного [Polito 1998, р. 156]. Вероятно, в таком контексте необходимо рассматривать и изображение паноплии на стеле Газурия, командовавшего херсонесским ополчением.

В связи с этим заслуживает внимания типологически очень близкое рассматриваемому памятнику мраморное надгробие Асклепиада, сына Апеллы, третьей четверти II в. н. э., происходящее из Одесса (совр. Варна) на территории провинции Нижняя Мёзия (рис.1.3) [Conrad 2004, S. 147, Taf. 55.1]. Стела принадлежит к варианту 2 типа В 3 (рис. 1.1) по классификации надгробий этой провинции С. Конрада; к данному варианту можно отнести и стелу Газурия [Conrad 2004, S. 36, Taf. 9]. На надгробии, ниже эдикулы с основным рельефом, в той же технике низкого рельефа и в таком же масштабе, что и на стеле Газурия, изображены элементы паноплии (рис. 1.7). Доспехи – шлем с гребнем, вероятно, также аттического типа, круглый щит – парма или клипеус, анатомическая кираса, поножи – характерны для эллинистического времени. В то же время, изображенный меч – гладиус, как и оружие на стеле Газурия, синхронен надгробию. В эпитафии сообщается, что Асклепиад занимал магистратские должности архиатра (главы городских врачей), гимнасиарха, был жрецом Великого Бога (Θεὸς Μέγας) [Conrad 2004, S. 147]. Изображение паноплии на надгробии, по мнению исследователей, свидетельствует о том, что до этого он служил в римской армии, возможно, в качестве военного врача [Aparaschivei 2012, p. 77]. Отметим, что изображение круглого щита в сочетании с расположенным по диагонали копьем, протомой коня, шлемом, анатомическим панцирем и поножами в иконографии погребальных памятников рассматривается в качестве офицерского или всаднического статуса погребенного (Polito 1998, р. 215–216). Сходство двух хронологически близких надгробий из греческих городов - Херсонеса и Одесса, принадлежавших лицам,

занимавшим магистратские должности, очевидно, не случайно и отражает общую тенденцию. В этом отношении представляются справедливыми выводы А. В. Буйских о стилистической близости надгробных памятников Херсонеса и Нижней Мёзии [Буйских 2008, с. 236–237].

Необходимо обратить внимание на еще один погребальный памятник середины II в. н. э, представляющий собой нижнюю часть мраморного рельефа, происходящий из г. Дион в провинции Македония (римская колония Dium, совр. Caritza в Греции), с изображением копья и набора доспехов, аналогичных представленным на стеле Газурия (рис. 2.2) [Παπαγιάννη 2012, σ. 385–398, εικ. 7; Papagianni 2013, S. 15-16, Abb. 15; Cowan, O'Brógáin 2014, p. 41]. Кроме паноплии на рельефе присутствуют слуга с лошадью и военные награды (dona militaria) – два венка, фалеры, торквес, браслет. Из частично сохранившейся надписи следует, что погребенный являлся ветераном, происходившим из Пицена в центральной Италии, служил сигнифером в V когорте преторианской гвардии, достиг, судя по характеру и количеству военных наград, должности центуриона примипила и, вероятно, получил всаднический статус. После отставки он занимал магистратские должности эдила и дуовира в г. Дион. По мнению Е. Папагианни, отметившей определенное сходство изображений на этом рельефе с изображениями на отдельных надгробиях преторианцев и центурионов, памятник в целом не имеет прямых аналогий. Своеобразие рельефа объясняется сочетанием характерных для иконографии воинских надгробий Италии и западных провинций схем с местной греческой традицией [Παπαγιάννη 2012, σ. 393-397; Papagianni 2013, S. 811-812]. Архаичный облик паноплии в данном случае соответствует представлениям о защитном снаряжении преторианцев, которое долгое время оставалось традиционным и воспроизводило доспехи эпохи республики, восходившие к эллинистическим прототипам (рис. 2.4) [D'Amato, Sumner 2009, р. 200-209; Коннолли 2001, с. 226]. Такая же паноплия была характерна и для солдат городских когорт. В этом отношении представляет интерес надгробие М. Цинция Нигрина времени правления императора Траяна (98–117 гг. н. э.), найденное в г. Византий, с изображением доспехов и меча (рис. 2.5) [Ricci 2011, p. 138–139, fig. 4 a, b]. Памятник композиционно близок погребальным стелам Газурия и Асклепиада. Вероятно, к этому же типу надгробий относится нижняя часть стелы с изображением доспехов и меча из г. Томы (совр. Констанца) в Нижней Мёзии [Pfuhl, Möbius 1979, Taf. 321, 2276; D'Amato, Sumner 2009, fig. 88].

Паноплия преторианцев и солдат городских когорт, представленная аттическими шлемами с гребнем, овальными щитами республиканского типа, мускульными кирасами, поножами, должна была демонстрировать их особый статус и связь с древней традицией. Такая особенность, по замечанию П. Коннолли, имеет исторические аналогии в виде парадной формы современных королевских гвардейцев [Коннолли 2001, с. 226] или швейцарской гвардии Ватикана. Вероятно, это наблюдение применимо и для изображений доспехов на погребальных стелах из Херсонеса и Одесса. Рассмотренные памятники близки в хронологическом отношении, принадлежали лицам, занимавшим магистратские должности в греческих городах; из этих лиц двое ранее служили в римской армии и преторианской гвардии. Создание этих погребальных рельефов относится ко времени расцвета римского искусства, основанного на возрождении интереса к греческому классическому наследию, что было обусловлено во многом филэллинскими взглядами императора Адриана (117–138 гг. н.э.). Это явление нашло отражение и в представлениях о военном искусстве, рассматривавших Александра и эллинистические армии в качестве идеального образца, с чем, очевидно, связана реминисценция изображений доспехов эллинистических типов в военной иконографии. Одним из ярких проявлений этой тенденции являются императорские статуи в доспехах. В качестве примера можно привести статую Адриана с овальным щитом того же типа, что и на стеле Газурия, из театра г. Сесса-Аурунка в Кампании (рис. 2.9), близко воспроизводящую фрагментированную статую, которую идентифицируют с пергамским царем Эвменом II (197–159 гг. до н. э.) из святилища Диониса на о. Кос, с изображением двух трофейных щитов типа тюреос (рис. 2.7) [Cadario 2004, p. 371, tav. VII. 1–3; LIV.2].

Отдельные находки свидетельствуют, что изображенные доспехи архаичного облика существовали в реальности, возможно, в виде парадного варианта [D'Amato, Sumner 2009, р. 208– 209]. Можно предположить, что это относится и к доспехам на надгробии Газурия. Такое предположение основано на реалистичном изображения оружия, в котором учтены такие мелкие детали, как декор ножен меча, имеющий иконографические аналогии (рис. 1.5, 6), и петля для метания (amentum) на древке копья, которое может быть сопоставлено с типами, известными в изобразительных (рис. 1.8) и письменных источниках [Bishop, Coulston 1993, р. 76; D'Amato, Sumner 2009, р. 72; Перевалов 2010, с. 219].

В заключение отметим, что состав паноплии на стеле Газурия в значительной степени соответствует описанию снаряжения лонхо-

форов, одного из видов римских кавалеристов, содержащемуся в трактате Арриана «Тактическое искусство», написанном в 136/137 гг.: «У римлян ... конники ... имеют копья-ланцеи (лонхи). Большой и широкий меч (спата) свисает у них с плеч, они носят широкие и продолговатые щиты (тюреосы), железный шлем, кованый панцирь и маленькие поножи. Копья (лонхи) носят для обеих целей: как для того, чтобы метать их издали, когда это нужно, так и для того, чтобы сражаться вблизи, [держа их] в руке, а если потребуется сойтись [с противником] вплотную врукопашную, то сражаются мечами (спаты)» (Арриан. Тактика. IV.7–9; цит. по изд.: Перевалов 2010, с. 151).

Литература

Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008.

Дедюлькин А. В. Шлемы аттического типа с козырьком и вотивные клады III–I вв. до н. э. // Stratum plus. 2016. № 3. С. 169–196.

Зайцев Ю.П. Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь, 2018. С. 289–318.

Кадеев В.И. Новый надгробный памятник $\check{\rm II}$ в. н. э. из Херсонеса // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 66–69.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001.

Масленников А. А., Трейстер М. Ю. Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу // Археологія. 1997. № 1. С. 144–149.

Новиченкова Н. Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1988. № 2. С. 51-67.

Перевалов С. М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М., 2010.

Раев Б. А., Симоненко А.В. Псевдоаттический шлем из хутора Апостолиди: историко-археологический контекст // Stratum plus. 2015. № 4. С. 237—256.

Трейстер М. Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в І–ІІ вв. н. э. // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 484–561.

Aparaschivei D. Healthcare and Medicine in Moesia Inferior. Iași, 2012.

Bishop M.C., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment, from the Punic Wars to the Fall of Rome. London, 1993.

Cadario M. La Corazza di Alessandro. Loricati di Tipo Ellenistico dal iv Secolo a. C. al II d. C. Milano, 2004.

Conrad S. Die Grabstelen aus Moesia inferior. Untersuchungen zu Chronologie, Typologie und Ikonografie. Leipzig, 2004.

Cowan R., Ó'Brógáin S. Roman Guardsman 62 BC-AD 324. Oxford, 2014.

D'Amato R., Sumner G. Arms and Armour of the Roman Imperial Soldier: From Marius to Commodus 112 BC-AD 192. London, 2009.

Dintsis P. Hellenistische Helme. Roma, 1986. (Archaeologica. Vol. 43).

Fabricius J. Hellenistic Funerary Banquet Reliefs – Thoughts on Problems Old and New // Dining and Death: Interdisciplinary Perspectives on the 'Funerary Banquet'. Leuven; Paris; Bristol, 2016. P. 33–69.

Παπαγιάννη Ε. Ταφικά ανάγλυφα ρωμαίων στρατιωτών στη Μακεδονία // Κλασική παράδοση και νεωτερικά στοιχεία στην πλαστική της ρωμαϊκής Ελλάδας. Θεσσαλονίκη, 2012. Σ. 385–398.

Papagianni E. Grabreliefs römischer Soldaten aus Griechenland: Beobachtungen zu ihrer Typologie und Ikonographie // Sepulkrana skulptura zapadnog Ilirika I susjednih oblasti u doba rimskog carstva. Funerary Sculpture of the Western Illyricum and Neighbouring Regions of the Roman Empire. Split, 2013. S. 795–813.

Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz am Rhein, 1979. Tafelband II.

Polito E. Fulgentibus armis. Introduzione allo studio dei fregi d'armi antichi. Roma, 1998. (Xenia Antiqua. Monografie 4).

Ricci C. Note sull'iconografia dei soldati delle cohortes urbanae // Sylloge epigraphica Barcinonensis. 2011. Núm. 9. P. 131–48.

Stary P.F. Ursprung und Ausbreitung der eisenzeitlichen Ovalschilde mit spindelförmigem Schildbuckel // Germania. 1981. 59. S. 289–306.

Waurick G. Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme. Mainz, 1988. S. 151–180. (Monographien. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz. Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 14).





– схема надгробий Нижней Мёзии типа В 3.2 по классификации С. Конрада; 2, 4 – надгробие первого архонта Херсонеса Газурия; 3, 7 – надгробие Асклепиада из Одесса; 5, 6 – золотая диадема из Кобяковского кургана № 10 и деталь; 8 – копье с петлей для метания на древке. Деталь Александровой мозаики из Помпей; 9 – деталь надгробия солдата V преторианской когорты, Монселиче, Италия.



Puc. 2.

1 – надгробие первого архонта Херсонеса Газурия; 2 – надгробие сигнифера V преторианской когорты из Диона, Греция; 3 – надгробие из Даскилеона; 4 – надгробие всадника V преторианской когорты, Рим; 5 – надгробие солдата городской когорты из Византия; 6 – надгробие, о. Кос; 7 – детали статуи пергамского царя Эвмена II, о. Кос; 8 – надгробие, о. Самос; 9 – статуя Адриана из театра города Сесса-Аурунка в Кампании.

Г. В. Медведев

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Юго-Восточный участок античной усадьбы поселения Вилино (Рассадное). Исследования 2013–2014 гг.

Поселение Вилино (Рассадное) расположено на обрывистом мысу левого берега р. Альмы, в 3,5 км выше ее устья и в 1,0 км к юго-западу от с. Вилино Бахчисарайского района (рис.1.I). В 2013–2014 гг. исследования проводились на юго-восточном участке поселения. Раскопы были разбиты на месте разведочного шурфа 1990 г. у дороги (рис. 1.II).

На памятнике зафиксировано четыре строительных горизонта (A, B, C, D). Первый (D) связан со временем функционирования греческой укрепленной усадьбы херсонесской хоры – это конец IV – начало III в. до н. э. Через некоторое время поселение было разрушено и оставлено. После перерыва на нем снова появляется население – это следующий период (С) (реколонизации), датируемый концом III – началом II в. до н. э. В это время проходят перестройки [Пуздровский, Медведев, Ляшук, Масюта 2014, с. 72; Медведев 2020, с. 110].

Следующие два периода (В и А) связаны с познескифской культурой, но слои и строительные остатки были нарушены плантажной вспашкой и грабительскими ямами.

Помещение № 1. К востоку от разведочного шурфа 1990 г. выявлены цокольные ряды помещения (кладки № 3 и 4), ориентированные по линиям С–Ю и 3–В и образующие юго-западный угол (башни). Сохранившаяся длинна кладок – 3,6 и 7,0 м, толщина – 0,7–0,8 м, высота – 0,5–0,6 м. Кладки состояли из обработанных известняковых блоков размерами 0,9–1,4 × 0,7–0,8 м, что характерно для античного периода. В юго-восточной части сохранились остатки кладок № 5 и 6 (рис. 2). Кладка № 5 (длинной 1,0 м) примыкала в перевязь к кладке № 6 (длинной 1,9 м). Эти две кладки образовывали северо-восточный угол помещения № 1 (внутри башни) и юго-восточный угол помещения № 3. Частично кладки были разобраны, возможно, при перестройках в позднескифское время (рис. 2).

В юго-восточной части помещения, над развалом сырцовой кладки, исследован участок золистого слоя (пожара) с включением

обожженного грунта. Под сырцовой кладкой, выявлен участок каменной вымостки размерами около 3,2 \times 2,2 м. В заполнении обнаружены фрагменты синопских и херсонесских амфор, гончарных и лепных сосудов, чернолаковой посуды, кровельной черепицы. У подошвы кладки № 4 обнаружен фрагмент ручки с клеймом херсонесской амфоры: [HPO] \pm E NOY [A \pm T]YNOMOY, относиться к XГ IБ \pm 315 \pm 300 гг. до н. э. или к IB \pm 325 \pm 287 гг. до н. э. [Кац, 1994, с. 98, табл. XXVI, 58, 3; 2007, с. 442]. По В. Ф. Столбе \pm 321 \pm 304 гг. до н. э. [2005, с. 168, tab. 2.58].

Помещение № 2. Выявлен угол помещения (двора?) – ряды кладок (№ 1–2), ориентированных по линиям С–Ю и 3–В. С восточной стороны кладка № 2 примыкает к углу помещения № 1 (башни). Внутри находилась хозяйственная яма (рис. 2). Кладки состояли из обработанных известняковых блоков прямоугольной формы, плотно подогнанных друг к другу. Кладка двухслойная однолицевая, сложенная иррегулярно. Внешние фасады стен сооружены из крупных блоков известняка и плоских плит, поставленных на ребро. Толщина стен – 0,6 м. Длинна кладок: № 1 – 3,2 м; № 2 – 5,5 м. На восточном участке кладки № 2 (длинной 2,2 м) первоначально имелся проход (ворота), который был заложен при позднейших ремонтных работах.

Исследован ненарушенный участок золистого слоя (пожара) с включением обожженного грунта в северном борту раскопа, под ним – развал сырцовой кладки камней и золистого гумуса, перемешанного при выборке камня из кладок и при нивелировках поверхности. В заполнении слоя обнаружены фрагменты синопских и херсонесских амфор, гончарных, лепных сосудов, кровельной черепины.

Строительство помещения № 2 относится к последней трети/ концу ІІІ – началу ІІ в. до н. э. Это подтверждается находкой магистратского херсонессского клейма, обнаруженного в заполнении западной части кладки № 2 (рис. 2): $\Delta \text{Е} \Lambda \Phi \text{OY} | \text{TOY} [\text{I} \Sigma \text{TP} \Omega \text{NOC}]|$ $\Delta \Sigma \text{TYNOMOY}[\text{NTO}\Sigma]$. Клеймо относят к ІІГ ХГ и датируют 237–230 или 239–228 гг. до н. э. По В. Ф. Столбе – к 205–196 гг. до н. э. [Кац 1994, с. 66, таб. XV: 1-34; 2007, с. 442; Stolba 2005, с. 170].

Появление помещения N_0 2, вероятно, связано с приходом нового населения.

В позднескифский период производится нивелировка поверхности строительных остатков двух более ранних периодов (D и C).

Археологический материал (в том числе и клейма) и строительные остатки помещений, исследованные на юго-восточном участке памятника, подтверждают дату возникновения и функционирова-

ния античной усадьбы – конец IV – начало III в. до н. э. (помещение № 1, башня). А в последней трети – конце III в. до н. э. (после перерыва) появляется новое население, и возрожденная усадьба функционирует в течение первой половины II в. до н. э. (помещение № 2). Позднее, во второй половине II в. до н. э., на памятнике появляются поздние скифы.

Литература

Колтухов С. Г., Зубар, В. М., Миц, В. Л. Новий район хори Херсонеса елліністичного періоду // Археологія. 1992. Вип. 2. С. 85–94.

Медведев Г. В. Керамические клейма и монеты из раскопок поселения Вилино (Рассадное) // ПИФК. 2020. Вып. 4. С. 110–127.

Пуздровский, А. Е., Медведев, Г. В., Ляшук, П. М., Масюта, Д. А. Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное) // Археологія і давня історія України в 2013. Київ, 2014. С. 71–72.

Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. (БИ. Вып. XVIII).

Stolba V. F. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // Chronologies of the Black Sea Area in the period c.400–100 BC. Aarhus, 2005. P. 153–322.

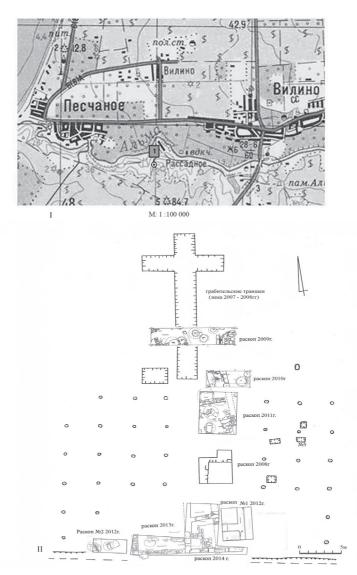


Рис. 1. I – Географическое положение поселения Вилино (Рассадное) Бахчисарайский район. II – Схематический план поселения Вилино (Рассадное) с раскопами 2008–2014 гг. и грабительскими шурфами.

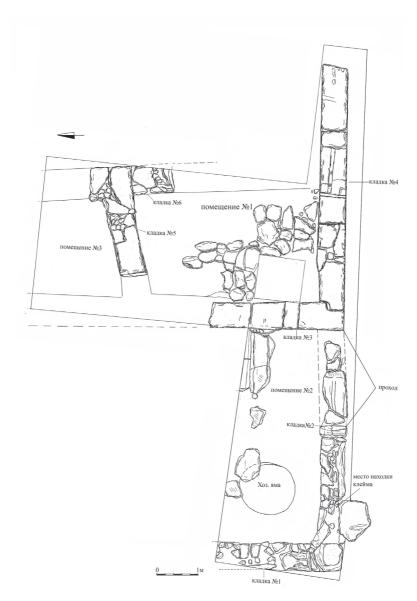


Рис. 2. План помещений № 1 и 2 в юго-восточной части поселения Вилино (Рассадное) (исследования 2013–2014 гг.).

М. Ю. Меньшиков, Ж. А. Юнкин, С. Ю. Внуков Институт археологии РАН, г. Москва

Поселение Тууш 3. Раскоп 3. Объект 40: святилище или погребальная конструкция?

Поселение Тууш 3 было выявлено в 2016 г. в ходе археологических разведок проектируемой трассы Таврида в Кировском районе Республики Крым. Поселение может быть датировано концом II тыс. до н. э. – VIII/VII в. до н. э. В 2017 г. на памятнике были проведены широкомасштабные спасательные археологические раскопки. Работы на памятнике велись двумя отрядами ИА РАН на трех раскопах. Основная жилая часть памятника была исследована в раскопах 1 и 2. Раскоп 3 исследовался под руководством авторов данной публикации и позволил изучить периферию поселения. Вероятно, в древности данный участок примыкал к р. Мокрый Индол и был отделен от жилых построек системой хозяйственных ям. На момент проведения археологических раскопок древнее русло, как и вся территория памятника, было перекрыто массивным аллювиальными отложениями (первый аллювиальный слой), и современная река протекала на значительном удалении к западу от раскопов. На наш взгляд, именно то, что исследованный участок в древности являлся окраиной поселения, близкой к воде, объясняет наличие на 3-м раскопе признаков производства и отсутствие жилищ.

В процессе работ на раскопе 3 было выявлено два периода освоения территории в кизил-кобинское время и изучено 56 объектов, представленных в основном ямами различного назначения. Были выделены два культурных слоя, которые на западном и центральном участках раскопа были разделены аллювиальной прослойкой (второй аллювиальный слой), ее мощность достигала 20–30 см. Максимальная толщина аллювиальных отложений прослеживалась в западной – ближней к древнему руслу реки – части раскопа. К востоку данная прослойка выклинивалась и в восточной части раскопа уже полностью исчезала. В восточной части раскопа культурные слои первого и второго этапов освоения лежали на одном подстилающем материковом аллювиальном горизонте с признаками почвообразования (третий аллювиальный слой) и были значительно переработаны распашкой античного или раннесредневекового времени.

Среди исследованных на раскопе объектов отдельный интерес представляет объект 40 (рис. 1), располагавшийся на самой окраине поселения, в юго-западной части раскопа 3. Данный объект был выявлен после снятия второго аллювиального стерильного слоя. В зоне расположения объекта 40 второй аллювиальный слой имел максимальную мощность, что позволяет высказать предположение, что объект 40 являлся ближайшим к реке антропогенным объектом на раскопе 3. Объект частично был перекрыт погребенной почвой, которая сформировалась уже в процессе первого этапа освоения территории. Это говорит о том, что данный объект являлся одним из наиболее ранних на поселении. Объект представлял собой подокруглую выкладку диаметром около 5,5 м. Кладка состояла из хаотично лежащих камней фракцией до 60 см. Центральная часть кладки имела превышения над краями до 30 см. В южной части кладки у ее полога в небольшом углублении был расчищен развал из трех крупных сосудов – два представляли собой археологически целые формы и один был представлен полным профилем. Целые сосуды были помещены один в другой и поставлены внутрь полного профиля третьего сосуда, лежащего на стенке (рис. 2). Два целых сосуда имеют под венчиком орнаментацию в виде валика со спускающимися вниз «усами», третий сосуд тоже орнаментирован валиком с «усами», но валик дополнительно орнаментирован защипами. Следует отметить, что близкий по морфологии и орнаментации сосуд был также обнаружен в заполнении объекта 49, который относится к вышележащему более позднему культурному слою памятника. В самом возвышенном месте, близком к центру объекта 40, был расчищен квадратный ящик 70×70 см, выполненный из вертикально стоящих каменных плиток, высотой до 15 см. Основание плиток фиксировалось мелкими бутовыми камнями фракцией до 7 см. После снятия заплывшего в ящик стерильного вышележащего грунта выяснилось, что ящик до половины высоты заполнен прокаленной глиной, на которой лежат несколько отдельных фрагментов костей животных со следами горения. При выполнении разреза ящика в самом центре была выявлена яма диаметром около 30 см и глубиной до 22 см. Заполнение ямы было представлено фрагментами древесного угля и перемещенной прокаленной глиной. Конструкция объекта 40 была сложена на материковом плотном суглинке. После разборки камней был выполнен контрольный прокоп и зачистки под объектом, но никаких признаков могильных ям, других форм погребений и иных перекопов выявлено не было. Похожая, на наш взгляд, конструкция, содержавшая близкую по орнаментации и форме керамику, была исследована в 2002 году у с. Мельники [Колотухин, Колтухов 2016, с. 121–122]. По мнению авторов публикации, объект представлял собой погребение, которое изначально содержало сосуд, аналогичный найденным в объекте 40 поселения Тууш 3. Данное погребение было разрушено более поздними впускными погребениями, а сосуд был переотложен. В нашем случае объект 40 не может быть интерпретирован как погребальное сооружение, вместе с тем определить данный объект как бытовой тоже не представляется возможным. В связи с этим объект 40 предварительно может быть трактован как сакральная конструкция, воздвигнутая на самом раннем этапе существования поселения. Наличие связанных с данным объектом лепных сосудов, орнаментированных валиком с «усами», позволяет уверенно говорить о том, что и объект 40 (самое раннее сооружение на раскопе 3) и существовавший на позднем этапе бытования поселения объект 49, в котором был найден сосуд со схожей орнаментацией, относятся к одной этнокультурной традиции, несмотря на наличие стерильной аллювиальной прослойки, разделяющей два культурных слоя.

Литература

Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Несколько погребений I тыс. до н. э. Из восточной части горного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 117-133.

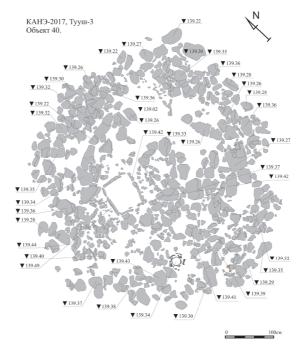


Рис. 1. Поселение Тууш 3. Раскоп 3. Объект 40. План.



Рис. 2. Комплекс сосудов в южной части объекта 40. Фото. Вид с юга.

Е. А. Молев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Лепные светильники из раскопок Китея 2010–2017 гг.

Общее число целых и фрагментированных светильников, обнаруженных в сезонах 2010–2017 гг., невелико. В целом они несколько изменили прежнее соотношение находок разных групп и типов, но ненамного. По-прежнему преобладают фрагменты гончарных светильников. Их соотношение с другими категориями несколько уменьшилось (с 68,7 % до 63,3 %) за счет роста числа лепных светильников (с 21,3 % до 24,5 %); соотношение их со светильниками, изготовленными в форме, практически не изменилось (с 13,9 % до 14,4 %). Среди лепных находок нами выделены три новых типа (в группе А тип 5 и в группе Б типы 7 и 8), отсутствующие в находках прошлых лет.

Общее соотношение по слоям раскопам выглядит теперь несколько иначе. При небольшом сокращении в общем соотношении числа артефактов наиболее раннего периода истории города (с 30 % до 26,8 %), почти настолько же возросло число находок в слое I–II вв. н. э. (с 17,8 % до 19,8%). Но абсолютное преобладание светильников в слоях V–III вв. до н. э. остается прежним (было 62,6 % – стало 61,1 %). И найдены они, опять-таки, в большинстве своем на центральном городском святилище (II раскопе: было 67,8 % – стало 68,9 %).

Кроме светильников, представленных в каталоге, найдены еще два неопределенных фрагмента в слое IV–III вв. до н. э., один фрагмент – на раскопе I в слое III–VI вв. н. э., один светильник – в слое I–II вв. н. э. и четыре – в слое III–VI вв. н. э. на некрополе. Общую картину соотношения они не меняют.

Таким образом, по результатам исследования общего количества находок светильников в Китее можно лишь подтвердить указанное ранее преобладание среди названных находок импортных изделий [Молев 2010, с. 208] и отметить более значительное их местное производство в римское время. Последнее обстоятельство, вероятнее

всего, связано с общим сокращением внешних торговых связей города и варваризацией его населения, что прослеживается и по материалам некрополя города.

Каталог

Группа А. С закрытым резервуаром

Тип 1

1. Светильник лепной. Отбита часть заливного отверстия.

Материал и техника: глина коричнево-серая с включением толченой ракушки. Лепка.

Размеры: $10 \times 5,3 \times 5,3$ см.

Дата: слой I-II вв. н. э.

Китей 2010. І,27/7. П/о 8. К/о 8.

Аналогии: Арсентьева, 1988. С. 85. Табл. XXIX,1; Молев 2010. С. 223, табл. 81,4 82,1.

Группа Б. С открытым резервуаром

Тип 2

2. Фрагмент лепного ладьевидного светильника.

Материал и техника: глина коричнево-серая с толченой ракушкой. Лепка. Группа Б Тип. 2.

Размеры: $8,6 \times 7 \times 3$ см.

Дата: дата помещения III–IV вв. н. э.

Китей 2012. II,23/пом. «З». П/о 11.

Аналогии: Молев 2010. С. 250. Табл. 84.5; с. 251. Табл. 85.1.

Тип 4

3. Часть лепного ладьевидного светильника: рожок, часть боковых стенок и плоское дно. Рожок и все стенки закопчены.

Материал и техника: Глина серая, грубая, с шамотом, песком и белыми включениями. Лепка. Группа Б. Тип 4.

Размеры: 12×5 см.

Дата: слой I-II вв. н. э.

Китей 2017. IV, Γ 1/ у кладки 100. Π /о 26.

Аналогии: Молев 2010. С. 251. Табл. 85, 5. Гаврилюк, Молев 2013. С. 102. Рис. 22.6. I–II вв. н. э.

4. Передняя часть лепного сероглиняного ладьевидного светильника. Покрыта черным нагаром.

Материал и техника: глина серая, слоистая. Лепка. Группа Б. Тип 4 (наиболее вероятен).

Размеры: $9 \times 6,7$ см.

Дата: III-IV вв. н. э.

Китей 2017. І, 37/8. П/о 54.

Аналогии: Молев 2010. С. 251. Табл. 85.

Тип 6

5. Светильник лепной открытый ладьевидный.

Материал и техника: глина серая с толченой ракушкой. Лепка. Группа Б. Тип 6.

Размеры: $9 \times 8,5 \times 3,5$ см.

Дата: слой I-II вв. н. э.

Китей 2010. II, 22/в кладке 96. П/о 14. К/о 14.

Аналогии: Арсентьева 1988. С. 118. Табл. XXXVI.1. I–III вв. н. э.; Молев, 2010. С. 252. Табл. 86.2, 3.

6. Фрагмент лепного открытого ладьевидного светильника.

Материал и техника: глина серая с толченой ракушкой. Лепка. Группа Б. Тип 6.

Размеры: $7,3 \times 6 \times 3,3$ см.

Дата: дата ямы IV-II вв. до н. э.

Китей 2012. II, яма 100.

Аналогии: Аналогии: Арсентьева 1988. С. 118. Табл. XXXVI.1. I— III вв. н. э.; Молев 2010. С. 252. Табл. 86.2, 3.

7. Светильник лепной с ручкой в виде прилепа. Поверхность слегка бугристая светло-серого цвета. Внутри тонкий слой нагара. Часть ручки отбита.

Материал и техника: Глина грубая-серовато-коричневая. Лепка. Группа Б. Тип 6.

Размеры: $8,4 \times 5,3 \times 2,2$ см.

Дата: Слой I-II вв. н. э.

Китей 2016. I, 34/5. Π /о 213.

Аналогии: Масленников 2007. С. 86. Рис. 42.3. Молев 2010. С. 252. Табл. 86.5.

8. Светильник лепной открытый, округлой формы с ручкой выступом. Весь закопченый

Материал и техника: Глина темно-серая.

Лепка. Группа Б. Тип 6.

Размеры: 7,5 × 5 см.

Дата: Слой I–II вв. н. э.

Китей 2017. IV, Д1/7-8. Π/o 23.

Аналогии: Молев 2010. С. 252. Табл. 86.3; Гаврилюк, Молев 2013. С. 102. Рис. 22.3, 4. I–II вв. н. э.

Тип 8 (новый)

9. Курильница лепная на ножке с полусферической чашей, завершающейся тремя заостренными лепестками и граненым венчиком. Внутри нагар. Нижняя часть ножки отбита.

Материал и техника: глина серовато-коричневая. Лепка.

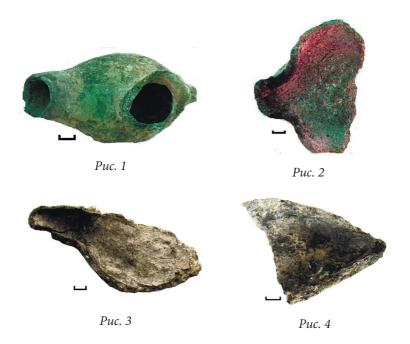
Размеры: $9 \times 9 \times 3$ см. Дата: слой I–II вв. н. э. Китей 2017. I, 37/8. Π /о 35. Аналогии: не найдено.

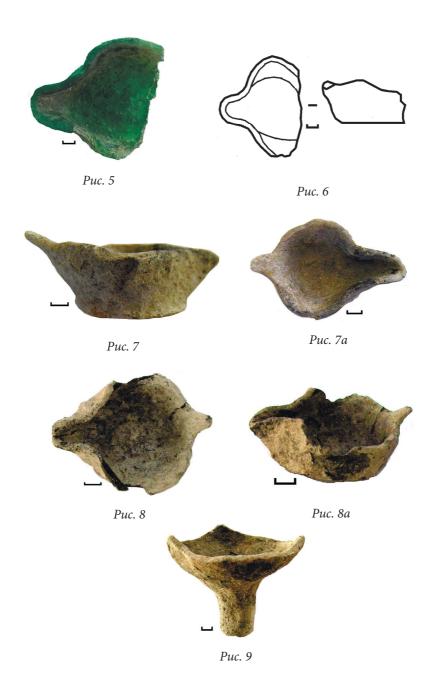
Литература

Арсентьева Т. М. Светильники Танаиса. М., 1988. Гаврилюк Н. А., Молев Е. А. Лепная керамика Китея // ДБ. 2013. Т. 17.

C. 66-110.

Масленников А. А. Сельские святилища европейского Боспора. М., 2007. Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь, 2010.





С. Ю. Монахов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Новые материалы к хронологии и типологии амфор Аканфа¹

Своеобразные «колесовидные» клейма в виде кружка, разделенного на несколько секторов, в каждый из которых вписаны отдельные буквы, были выделены еще в начале XX столетия, большинство исследователей считали, что это особая группа фасосских клейм. Лишь Е. М. Штаерман предположила, что наиболее вероятными центрами могут быть Аканф, Месембрия или Менда, а В. И. Кац по результатам сравнительного анализа выборок фасосских и «колесовидных» клейм показал, что удельный вес тех и других по наиболее крупным памятникам кардинально отличается, а это означает, что «колесовидные» клейма никак не связаны с Фасосом [Штаерман 1951, с. 46; Кац 1979, с. 180].

Открытие в окрестностях Аканфа нескольких амфорных мастерских, производивших тару с «колесовидными» (и другими) клеймами, поставило точку в вопросе о локализации таких клейм. В свою очередь эти открытия способствовали появлению целой серии работ, где был осуществлен анализ материалов керамической эпиграфики, которые отныне уверенно отождествлялись с продукцией Аканфа [Амперер, Гарлан 1992; Empereur, Garlan 1992; Garlan 2000; 2004; 2006; 2014; Filis 2012a; 2012b; 2013; 2020].

Существенный вклад в изучение аканфского амфорного производства в последнее десятилетие внес К. Филис. Он начал, наконец, публикацию коллекции амфор разных центров из раскопок аканфского некрополя, в том числе и местного производства. Им же изданы сосуды из открытых ранее гончарных мастерских Аканфа, кроме того, им же была намечена и примерная типологическая схема аканфских амфор.

Целые амфоры Аканфа известны и в причерноморских материалах, и мне также пришлось обращаться к этому сюжету по мере новых открытий [Монахов 1999b; 2003; 2013b; 2013c; 2015]. Однако

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

появились новые находки, в связи с чем типологическая схема развития амфорного производства в Аканфе в IV столетии².

В І типе аканфских амфор можно выделить по меньшей мере два варианта: І-А и І-В. К варианту І-А, видимо, можно отнести опубликованную К. Филисом неклейменую амфору из аканфского некрополя (рис. 1.1). По его утверждению этот тип тары был самым распространенным, амфоры обычно имеют на ручке «колесовидные» клейма, разделенные на 3 или 4 сектора, что он иллюстрирует фотографией верхней части такой же амфоры с «колесовидным» клеймом, где в четырех секторах стоят буквы A|K|A|N (рис. 1.2). Обе находки он датирует первой половиной IV в. [Filis 2012a, р. 71 ff., fig. 2, 6; 2013, р. 72 ff., fig. 15b, c.]. Наконец, к этому же варианту І-А аканфской тары, как мне представляется, можно отнести 3 горла аналогичных амфор из раскопок Амфиполя, которые имеют те же морфологические признаки (рис. 1.3–5).

Вариант I-В включает уже значительно больше известных сосудов. Прежде всего, это амфора с пола землянки 1972 г. на Лузановском поселении с ретроградным клеймом «МЕ» в прямоугольной рамке (рис. 1.6) [Монахов 1999а: с. 398; 2015: 107, рис. 1.4]. В целом по своей профилировке она ближе всего к фасосским «протобиконическим» амфорам конца V — самого начала IV в. Клейма «МЕ» встречены в Западном и в Северном Причерноморье [Сапагасе 1957, р. 308; Василенко 1972, с. 92; Garlan 2012—2013, р. 334; Кац 2015, № 1546]. Несколько экземпляров найдены и в керамической мастерской Аканфа. Наиболее вероятной датой комплекса Лузановской землянки следует считать 330-е гг. [Монахов 1999а, с. 398, 399]. Еще одна неклейменая аканфская амфора точно такой же морфологии найдена в помещении № 12 пригорода Ольвии за Заячьей балкой в 2008 г. (рис. 1.7). У этой амфоры хороший хронологический контекст, в частности, гераклейские клейма магистратов Ликона и Спинтара (не позднее 340-х гг.).

К этому же варианту I-В, по моим представлениям, можно отнести три *амфоры из погребений* № 142, 147 и 171 Прикубанского некро-поля (рис. 2), которые по своим метрическим параметрам практически идентичны амфорам из лузановской землянки и ольвийского помещения № 12/2008 года. Анэпиграфное клеймо с рельефным изображением кубка в обрамлении жемчужин присутствует на амфоре из погр. № 142 (рис. 2.8). В погребении № 171 (рис. 2.10) помимо амфоры обнаружен поддон чернолакового аттического канфара, который использовался как солонка. Такие канфары известны по материалам Афинской агоры, встречены они также в Причерноморье

² Все датировки археологического материала – до н. э.

[Лимберис, Марченко 2017, с. 183 сл., рис. 1–3], и датируются они второй – третьей четвертями IV в.

II тип аканфских амфор (рис. 3.11) известен по единственной находке из погребения № 412 Прикубанского некрополя. Это крупная амфора с коническим туловом, которая по своей морфологии напоминает фасосские амфоры серии «топраисара» первой половины IV в., а также синопские амфоры типа I того же времени [Монахов 2003, табл. 48, 100]. На обеих ручках амфоры стоят круглые клейма одного штампа, разделенного на 4 сектора, в двух верхних – буквы РО(--) (имя магистрата), а в двух нижних – указание на ёмкость сосуда МЕ(--) (метрет). Хронология амфоры уверенно определяется в пределах первой половины – не позднее середины IV в.

III тип аканфских амфор. Он очевидным образом также копирует фасосскую тару, на этот раз биконические амфоры первых трех четвертей IV в. до н. э. В его рамках можно выделить по меньшей мере три варианта.

Первый из них (вариант III-A) представлен амфорой из кургана N^0 4 у с. Богачевка Красноперекопского района Крыма (рис. 3.12). Это биконический сосуд, копирующий фасосскую тару «раннебиконической» серии 390–380-х гг. [Монахов 2013b; 2013c]. На одной из ручек не очень четкое «колесовидное» клеймо с 4 секторами, в двух верхних ясно читается сокращенное начало магистратского имени ΛA (---), а внизу – цифровое обозначение фракции стандарта XII (или ПХ). Амфора датируется не позднее конца второй четверти – середины IV в. [Монахов 2015, с. 112].

Вариант III-В известен уже по нескольким экземплярам, которые также копируют фасосский, но на этот раз «позднебиконический» вариант тары. Амфора из Ялты (рис. 3.13) имеет на обеих ручках колесовидные клейма одного штампа с четырьмя секторами, в каждый из которых вписано по букве: в двух верхних секторах сокращенное имя магистрата (фабриканта) РО(--), а в двух нижних – указание на ёмкость сосуда в 3 хоя. Несколько таких амфор из некрополя Аканфа опубликовал К. Филис [Filis 2012a, р. 73, fig. 6], на некоторых из них также стоят колесовидные клейма (рис. 3.14). Хронология сосудов этого варианта может быть определена приблизительно в пределах середины – третьей четверти IV в.

Хронологические рамки аканфского клеймения. И. Гарлан считает, что вся группа «колесовидных» клейм датируется в пределах последней трети IV в. [Garlan 2004; 2006; Гарлан 2010, с. 382]. Примерно так же датирует эти клейма Ч. Цочев [Balkanska, Tzochev 2008, р. 190 ff.]. Однако комплексы с аканфскими клеймами из Северного

Причерноморья не позволяют с этим согласится. Так, комплекс засыпи балки при строительстве театра в Херсонесе дает основание определять верхнюю его границу не позднее начала – середины 320-х гг. [Монахов 2003, с. 86; Кац 2007, с. 311 сл.]. Засыпь так называемого «нимфеума» в юго-восточной части Херсонеса произошла до начала 330-х гг. [Иващенко 2014, с. 278]. Курган у с. Богачевка в Крыму надежно датируется в пределах середины IV в. Лузановская замлянка не может датироваться позднее 330-х гг., точно так же как и комплекс из помещения № 12 в Ольвии. Третий нижний (надскальный) слой на III поперечной улице в Херсонесе также датируется первой половиной IV в. [Золотарев 1978, с. 11, рис. 24].

Таким образом, очевидно, что аканфские амфоры разных типов, копирующих фасосские тарные образцы так называемых серий «топраисара», «раннебиконическая», «развитая биконическая» и «позднебиконическая», выпускались достаточно продолжительное время с первой по третью четверти IV в. (380–330-е гг.) и в разных фракциях стандарта. По данным И. Гарлана для всей выборки аканфских «колесовидных» клейм насчитывается 21 магистрат, имена которых в сокращенной форме присутствуют в верхней части легенды клейм [Garlan 2004, р. 184]. В связи с этим, если согласится, что это имена магистратов, как и на соседнем Фасосе, то весь период клеймения «колесовидными» клеймами охватывает примерно четверть столетия [Мопаkhov, Kuznetsova 2017, р. 72, fig. 4.4, 4.5].

Литература

Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры / В. И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.). Саратов, 1992. С. 8–31.

Василенко Б.А. Давньогрецьки керамічні клейма з Одеси // Археологія. 1972. № 5. С. 87–95.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1978 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 8735. 28 л.

Иващенко М. В. Керамические клейма из херсонесского «нимфеума» // Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 2014. Вып. 6. С. 273–281.

Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса // АМА. 1979. Вып. 4. С. 176–191.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 480 с.

Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Ч. І. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Саратов, 2015. 180 с.; электр. каталог.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2017. (3). С. 181–198.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999а. 679 с.

Монахов С. Ю. Заметки по локализации керамической тары. II. Амфоры и амфорные клейма полисов Северной Эгеиды // АМА. 1999b. Вып. 10. С. 129–148.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.352 с.

Монахов С. Ю. Амфоры Аканфа, новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / И.И. Марченко (ред.). Краснодар, 2013b. С. 294–300.

Монахов С. Ю. Еще одна находка аканфской амфоры и некоторые размышления о характере аканфского амфорного производства // ДБ. 2013с. Т. 17. С. 258–269.

Монахов С. Ю. Новые находки аканфских амфор и коррективы к их типологии и хронологии // ПИФК. 2015. Вып. 3. С. 105–119.

Штаерман Е.М. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 31–49.

Balkanska A., Tzochev C. Amphora Stamps from Seuthopolis – Revised // Phosphorion. Studia in honorem Mariae Čičikova / D. Gergova (ed.). Sofia, 2008. P. 188–205.

Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. București, 1957. 446 p., ill. Filis K. Transport Amphorae Workshops in Macedonia and Thrace during the Late Classical and Hellenistic Times // Topics on Hellenistic Pottery in Ancient Macedonia / S. Drougou, I. Touratsoglou (eds.). Athens, 2012a. P. 60–85.

Filis Κ. Ιωνικοί εμπορικοί αμφορείς στο Βόρειο Αιγαίο // Archaic Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (700–480 BC) / M. Tiverios, V. Misailidou-Despotidou, E. Manakidou, A. Arvanitaki (eds.). Thessaloniki, 2012b. P. 265–280.

Filis K. Transport Amphorae from Akanthos // Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Patabs III) / L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu (eds.). Constanta, 2013. P. 67–87.

Filis K. The production of North Aegean amphorae: morphology – properties – purpose // Pottery Workshops Craftsmen and Workshops / S. Drougou (ed.). Athens, 2020. P. 156–196.

Empereur J.-Y., Garlan Y. Bulletin archeologique. Amphores et timbres amphoriques (1987–1991) // REG. 1992. Vol. CV. P. 176–220.

Garlan Y. Amphores et timbres amphoriques grecs : entre érudition et ideologie / Paris, 2000. 210 p., 113 fig. (Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. NS. XXI).

Garlan Y. Η ανάγνωση των σφραγισμάτων αμφορέων «με τροχό» από την Άκανθο // Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και τη Θράκη. 2004. Τ. 18. P. 181–190.

Garlan Y. L'interpretation des timbres amphoriques «a la roue» d'Akanthos» // BCH. 2006. Vol. 130. P. 263–291.

Garlan Y. La distinction des fabricants homonymes sur les timbres amphoriques grecs // BCH. 2012–2013. Vol. 136–137. P. 319–338.

Garlan Y. Métrologie et épigraphie amphorique grecque. Le cas des timbres akanthiens «à la roue» // Dialogues d'histoire ancienne supplément. 2014. Suppl. 12. P. 185–200.

Monakhov S. Ju., Kuznetsova E.V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period // The Northern Black Sea in Antiquity / V. Kozlovskaya (ed.). Cambridge, 2017. P. 59–99, 294–298, 318–360.

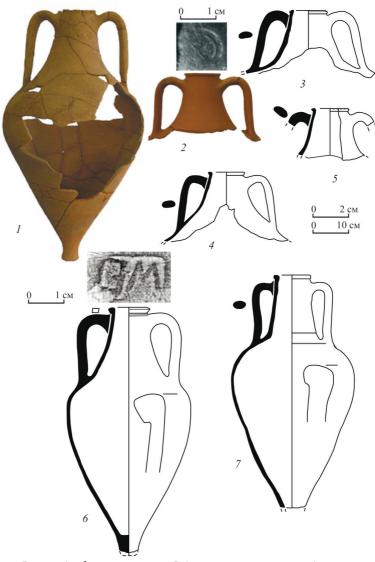


Рис. 1. Амфоры варианта I-A: 1, 2 – из некрополя Аканфа (по: Filis 2013, 72 ff., fig. 15c; 2020, fig. 5, 10); 3–5 – из раскопок Амфиполя (по: Nicolaidou-Patera 1986, 489) (без масштаба). Амфоры варианта I-B: 6 – из лузановской землянки; 7 – из пом. 12/2008 года из Ольвии.

7

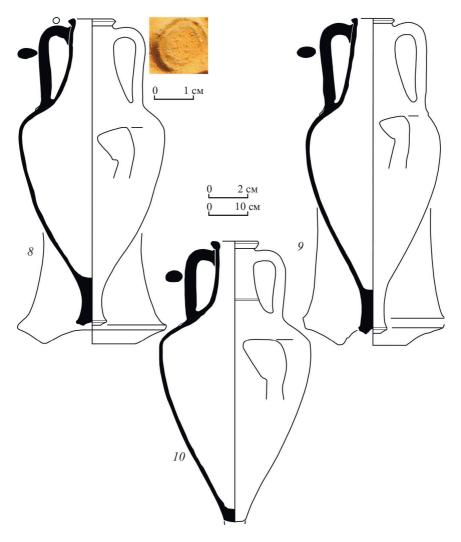


Рис. 2. Амфоры варианта І-В: 8 – из погребения № 142, 9 – из погребения № 147, 10 – из погребения № 171 Прикубанского некрополя.

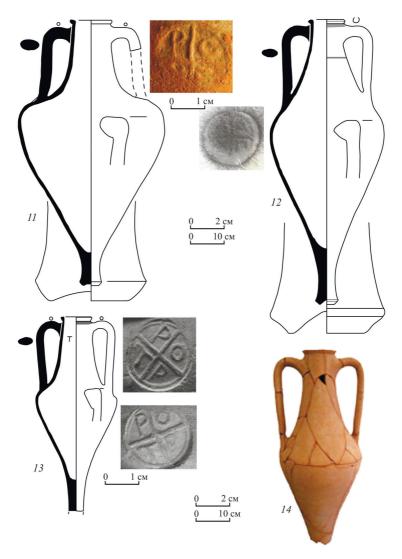


Рис. 3. Амфора типа II из погребения № 412 Прикубанского некрополя(11); амфора варианта III-А из кургана у с. Богачевка (12); амфоры варианта III-В: 13 – из Ялтинского музея; 14 – из некрополя Аканфа (по: Filis 2020, fig. 5, без масштаба).

В. А. Нессель, Е. С. Лесная, К. С. Ушакова

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

О характере сооружения древних дорог на Гераклейском полуострове: некоторые наблюдения по результатам исследований 2018 и 2020 гг.

История изучения хоры Херсонеса Таврического насчитывает более 200 лет. За это время были сняты планы античной межевой системы, исследованы усадьбы, поселения, святилища, могильники, участки виноградных полей и другие объекты древней инфраструктуры [Николаенко 2001; Николаенко и др. 2020]. На фоне постоянно пополняющихся знаний о характере и особенностях хозяйственной деятельности на хоре Херсонеса в различные исторические периоды археологическое изучение одного из важнейших элементов херсонесской кадастровой системы – древних дорог – ведется сравнительно медленно. Несмотря на то, что «...основные усилия при создании херсонесского кадастра были уделены построению прямоугольной сети земельных участков, которые разделялись 22 поперечными и 24 продольными дорогами, не считая дорог в северной прибрежной части Гераклейского полуострова...» [Николаенко 2004, с. 187; Николаенко и др. 2020, с. 87], собственно дороги, характер и специфика их сооружения чаще всего остаются вне зоны интереса исследователей. В единственной на сегодняшний день работе, посвященной древним дорогам на хоре Херсонеса, основное внимание уделено их назначению и суммарному описанию, в отдельных случаях - с перечислением примыкающих к ним усадеб [Николаенко 2004, с. 187–195]. Счастливым исключением можно считать лишь объекты, расположенные в западной и северо-западной частях Гераклейского полуострова, на которых в разные годы велись археологические изыскания [Аржанов и др. 2020, с. 27–28]. Здесь прежде всего нужно выделить участок между бухтами Камышовой и Омега. Согласно земельному кадастру Херсонеса IV-III вв. до н. э., по этой территории проходило несколько дорог: поперечные дороги I и II, и продольные дороги H,

I, J, K [Николаенко 1999, с. 52–53, рис. 35; Николаенко 2001, вклейка; Николаенко 2004, с. 188–189, рис. 3]. В силу внешних факторов, а именно стремительно развивающегося современного строительства, археологические исследования последних десятилетий XX — первых десятилетий XXI в. были сконцентрированы на трассе прохождения поперечной дороги II, а также на участках примыкающей к ней продольной дороги I.

Поперечная дорога II в древности связывала северо-западную часть ближней хоры Херсонеса с внешними гаванями, в данном случае – со Стрелецкой бухтой, не входя при этом, по предположению Г. М. Николаенко, в число основных транспортных магистралей данного района Гераклейского полуострова [Николаенко 2004, с. 187–188, рис. 3]. Протяженность этой дороги на пространстве между бухтами Камышовой и Омега (Круглой) составляет 1354 м [Нессель 2019, с. 231-233]. Работами 1991 г. было открыто место пересечения II поперечной дороги с продольной дорогой I – т. н. Т-образный перекресток и исследовано дорожное полотно на протяжении 28 м. Было установлено, что первоначально (по мнению автора раскопок - в III в. до н. э.) ширина дороги составляла 5-6 м, затем (в римский период) произошло сужение до 2-3 м, причем в это время дорога использовалась с разваленными стенами. Исследование самого полотна выявило неоднократные подсыпки земли и мелкого известняка, необходимые для удобства передвижения, поскольку изначально пространство между стенами-оградами представляло собой бугристую поверхность.

В 2006–2009 гг. на расстоянии примерно 515 м к северо-востоку от Т-образного перекрестка экспедицией под руководством Г. М. Николаенко велись работы по изучению и музеефикации другого фрагмента II поперечной дороги, прилегающего к усадьбе участка № 11 [Николаенко 2009, с. 303]. Было раскрыто 160 м дорожного полотна и стен, служивших одновременно оградами участков № 6 и 10. Стены-ограды толщиной от 1,20-1,30 м до 1,65-1,95 м сохранились на 1-2 ряда кладки, высотой до 0,5 м. Кладка двухлицевая, фасы сложены из больших камней, с мелкой забутовкой на земляном (грязевом?) растворе. Нижний ряд кладки был уложен на плотную земляную подсыпку, насыщенную известняковой крошкой, в отдельных местах в подсыпке находились мельчайшие фрагменты керамики. Само полотно дороги шириной около 5 м выложено мелкими камнями, сверху которых находился древний грунт мощностью 0,10-0,12 м. К дороге со стороны участка № 10 примыкала плантажная стенка виноградника [Николаенко, Шевченко 2009, л. 4–5].

В 2012 г. в результате раскопок, которые экспедиция музея-заповедника проводила на территории земельного участка № 6 (современный микрорайон «Омега-2А»), примерно в 270–280 м к северо-западу от Т-образного перекрестка был открыт отрезок продольной дороги I^1 . В результате этих работ исследованы стены-ограды древней дороги, сложенные в двухслойной двухлицевой технике. Стены шириной 1,1-1,3 м сохранились на 2-3 ряда кладки высотой 0,3-0,4 м. Фасы сложены из крупных, слабо обработанных известняковых камней на грязевом растворе с использованием мелких камней в качестве распорок. Размеры камней: $0,40 \times 0,23 \times 0,36$. Стена лежит на грунтовой подушке толщиной около 0,5 м, перемешанной со щебнем и камнями, под которой залегает материковая скала.

С 2018 г. спасательные археологические раскопки музея-заповедника «Херсонес Таврический» сосредоточены на примыкающей к комплексу будущего Фондохранилища территории поперечной дороги I и продольной дороги II [Нессель 2019, с. 231–233]. Наши исследования позволили изучить технику сооружения дорожных оград и полотна на нескольких участках этих древних дорог.

В 2018 г. вдоль линии прохождения продольной дороги I на расстоянии 80—90 м к северу от Т-образного перекрестка были заложены 4 пары раскопов, которые выявили картину строительства стен-оград дороги на данном ее отрезке. Так, стены шириной 1,0–1,1 м были уложены на слой предскального суглинка, перемешанного со щебнем и мелкими камнями, мощностью до 0,45—0,50 м. Стены, сохранившиеся на высоту до 0,45 м, сложены из бутового камня средних и крупных размеров, с мелкой забутовкой между фасами.

В 2020 г. в непосредственной близости от Т-образного перекрестка, в 7,7 м к востоку от раскопа 1991 г., на трассе прохождения II поперечной дороги нами был заложен один из раскопов, площадью 480 кв. м (рис. 1). Дорога на этом участке пересекает ложе древней балки, которая полого спускается с юго-запада на северо-восток. В процессе раскопок нами было изучено 40 м древней дороги. Стены — северная и южная ограды дороги — являются здесь одновременно границами между земельными участками № 6 и 10. Стены сложены в двухлицевой технике из средних и крупных необработанных камней, с мелкой забутовкой, на земляном растворе. Ширина стен-оград составляет 1,1—1,5 м, дорожного полотна — 4,65—4,7 м; степень сохранности стен и полотна на протяжении всего исследованного участка дороги заметно варьируется. Подошва кладки стен-оград лежит на мощной земляной прослойке (до 1,1 м толщиной), состоящей из чистого, без бута и щебня,

¹ Благодарим за консультацию руководителя работ С. Г. Демьянчука.

грунта, который подстилает слой предматериковой глины. И земляная подушка, и слой глины археологически абсолютно стерильны. Для более точного изучения укладки дорожного полотна нами был заложен контрольный шурф 1 × 1 м возле внутреннего фаса северной стены-ограды. В результате удалось выяснить, что на перекрывавший неровную поверхность скалы желто-коричневый суглинок мощностью 0,10-0,15 м сверху были уложены плохо подогнанные друг к другу уплощенные бутовые камни среднего и мелкого размера, верхний ряд которых был выровнен плотно утрамбованным коричневым грунтом. Толщина дорожного полотна составляет 0,25— 0,30 м. Единичные находки керамических и стеклянных изделий, в основном античного и раннесредневекового времени, встречались, главным образом возле развала стен. Отдельного внимания заслуживает пирамидальное глиняное грузило херсонесского производства IV-III вв. до н. э., обнаруженное среди камней дорожного полотна. Данную находку можно вполне обоснованно считать маркером первоначального этапа существования этой транспортной магистрали.

На расстоянии 170 м к востоку от этого раскопа в сезоне 2020 г. был исследован еще один участок II поперечной дороги длиной 8 м (рис. 2). В связи с тем, что на этом участке планируется примыкание к развязке транспортной магистрали по проспекту Античный, данный отрезок дороги после исследования и фиксации был разобран. Это, в свою очередь, позволило более подробно изучить ее стратиграфию.

В целом, археологическая ситуация, зафиксированная в раскопе 2, аналогична описанной для раскопа 1. Стены-ограды дороги шириной 1,3—1,4 м сохранились на 1—2 ряда кладки, нижний ряд уложен на подсыпку стерильного грунта. Однако, поскольку рельеф местности на этой территории заметно выше, чем на раскопе 1, то слой подсыпки значительно тоньше и составляет 0,2—0,4 м. Дорожное полотно, представляющее собой хаотичный наброс бутового камня толщиной 0,3—0,7 м, выровненный сверху утрамбованным грунтом, очевидно, имело целью снивелировать неровную скальную поверхность.

В поисках параллелей устройству дорог, выявленных в микрорегионе между бухтами Камышовой и Омегой, мы обратились к участку в западной части Гераклейского полуострова, на водоразделе Стрелецкой и Нижне-Юхариной балок, где в 2018–2019 гг. к югу от современной Фиолентовской развязки был частично исследован перекресток древней продольной дороги J и поперечной дороги IX [Аржанов и др. 2020, с. 27–28, рис. 9.5]. В результате раскопок были открыты две стены-ограды, выполненные из рваных известняковых

блоков, поставленных на ребро в траншею, прорытую в надматериковой глине. По мнению авторов раскопок это – границы-ограды участка 178, которые одновременно являются частью древних дорог. На месте прохождения древней продольной дороги Ј было исследовано собственно дорожное полотно в виде навала бутового камня шириной не менее 6 м, который нивелировал естественное понижение рельефа на данном участке. Время сооружения этого отрезка дороги определяется находкой монеты рубежа IV/III вв. до н. э. [Аржанов и др. 2020, с. 28, рис. 9.6]. При визуальном сравнении техники строительства полотна продольной дороги Ј и исследованной на участке поперечной дороги II можно определенно увидеть некоторое сходство, а именно – очень неровную верхнюю поверхность, передвигаться по которой крайне неудобно даже пешком, не говоря уже о гужевом транспорте.

Вероятно, полотно дороги требовало постоянного ухода, подсыпок и трамбовок, делавших передвижение по дорогам не только удобным, но и вообще возможным. Такой уход мог быть обеспечен при одновременном существовании находившейся рядом усадьбы. В случае запустения усадьбы, в негодность приходила и примыкающая к ней дорога. Скорее всего, отрезки дорог, расположенные на отдаленном от действующих усадеб расстоянии, ремонтировались нерегулярно, о чем свидетельствует открытый нами фрагмент II поперечной дороги. Именно исходя из качества дорожного покрытия можно судить о направлении и интенсивности движения на Гераклейском полуострове, связанном с перевозкой продукции как к портам в бухтах в северной части полуострова, так и в Херсонес. Поскольку, и поперечная дорога II, и продольная дорога J не являлись, по мнению Г. М. Николаенко, основными транспортными магистралями Гераклейского полуострова, движение по ним, вероятно, осуществлялось от случая к случаю. Хотя к настоящему времени накопленных данных о характере дорожного строительства на хоре Херсонеса крайне мало, можно с осторожностью высказать следующее предположение: дороги, будучи одним из главных элементов размежевки, в значительной степени зависели от местности, по которой они были проложены, от своего предназначения (основные или второстепенные) и, что не менее важно, от владельцев расположенных рядом земельных участков. Возможно, именно этим можно объяснить различия в способе сооружении дорожного покрытия и стен-оград, выявленные при исследовании II поперечной дороги.

Литература

Аржанов А. Ю., Тюрин М. И., Лесная Е. С. Охранные работы на усадьбе участка 177 (178) на Гераклейском полуострове в 2018–2019 гг. // ИАКр. 2020. Вып. XIII. С. 25–38.

Нессель В. А. Археологические исследования в микрорайоне «Омега-2A» в г. Севастополе в 2018 году // ИАКр. 2019. Вып. XI. С. 231–234.

Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Севастополь, 1999. Ч. І. 83 с.

Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Севастополь, 2001. Ч. II. $164 \, c$.

Николаенко Г. М. Дороги на городской хоре Херсонеса // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 187–195.

Николаенко Г. М., Смекалова Т. Н., Терехин Э.А., Пасуманский А. Е. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. СПб., 2020. Т. 1. 292 с., 449 илл.

Николаенко Г. М., Шевченко А. В. Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне прокладки коммуникационного коридора к корпусам 18–19 в микрорайоне «Омега-2А» в 2009 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3996. 14 л.



Рис. 1. Исследования дороги II в 2020 г. Раскоп 1.



Рис. 2. Исследования дороги II в 2020 г. Раскоп 2.

Н. Г. Новиченкова

Ялтинский историко-литературный музей, г. Ялта

Об античных геммах из святилища у перевала Гурзуфское Седло

Группа элитных гемм из камня и стекла периодов позднего эллинизма и раннего Принципата происходит из святилища у перевала Гурзуфское Седло на Главной гряде Крымских гор, исследовавшегося экспедицией Ялтинского историко-литературного музея в 1981–1993 гг. под руководством автора. Геммы, использовавшиеся в обрядах жертвоприношений, представленные девятью образцами, найдены в культурном слое периода расцвета святилища последней трети I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. Шесть изделий выполнены из камня, три – из опакового стекла.

Пять (приведенных ниже) каменных гемм-инталий вырезаны из сердолика, оправы отсутствуют.

- 1. Одним из наиболее выразительных образцов искусства глиптики периода позднего эллинизма является вставка-инталия овальной формы из сердолика с изображением головы Гелиоса в профиль влево [Novičenkova 2013, S. 274, Kat. IV.34]. Размер: $0.9 \times 0.7 \times 0.3$ см. В образе солнечного божества, по всей видимости, представлен портрет Александра Великого [Novichenkova 2021, p. 76].
- 2. Вставка-инталия овальной формы с уплощенной нижней стороной и выпуклой внешней, с изображением стоящей женской фигуры в короткой тунике, возможно, Артемиды. Волосы на затылке собраны. В левой руке, отведенной назад, девушка держит одноручный сосуд (кувшин). Размер: $1,1\times0,8\times0,3$ см.
- 3. Вставка-инталия в виде круглого тонкого диска со слегка закругленными краями, с изображением в профиль головы с крупными чертами лица [Novičenkova 2013, S. 274, Kat. IV.35]. На голове, вероятно, шлем с нащечником. Перед лицом помещено изображение ветви, возможно, пальмовой, как символа победы. Размер: $1.3 \times 1.2 \times 0.2$ см.
- 4. Вставка-инталия овальной формы из светло-оранжевого сердолика, с изображением рога изобилия, в обрамлении пышных растительных побегов. Размер: $1.4 \times 1.0 \times 0.3$ см, край обломан.

5. Инталия в форме зерна злака с изображением хлебного колоса с вызревшими, спелыми зернами (рис. 1). Размер: $1,3 \times 0,6 \times 0,3$ см.

Иконография изображения относится к периоду активизации политики Рима в Таврике, важным средством которой являлась политическая пропаганда, о чем свидетельствуют многочисленные находки монет из святилища с портретами Октавиана Августа. Такие символы как рог изобилия, хлебные колосья и другие играли важную роль в политической пропаганде и утверждении государственного культа в Риме в период правления Августа, начало которого ознаменовало победу в гражданских войнах и наступление эпохи процветания [Абрамзон 1993, с. 63; Milovanović 2018, р. 101–141]. Изображения данных символов присутствуют также на реверсах кистофоров из Малой Азии, найденных в святилище на Гурзуфском Селле.

6. Инталия из граната овальной формы, с изображением летящей пчелы с поднятыми крыльями является вставкой золотого перстня (рис. 2). Размеры: 0.7×0.6 см. Пчеловодство играло значительную роль в экономике в античном мире. Согласно греческим мифам, пчела была кормилицей Зевса.

Следующие три геммы выполнены из глухого стекла.

7. Вставка-инталия из полихромного многополосного стекла зеленого, молочно-белого и синего цветов, овальной формы (размер: $1,5 \times 1,0$ см), с изображением бородатого воина-всадника, помещена в оправу серебряной овальной подвески [Новиченкова 1998, рис. 12.2; Новиченкова 2020, с. 31-32]. В правой руке всадник держит овальный щит кельтского типа с продольным ребром (spina), за спиной воина два копья. Инталия принадлежит к категории редких работ античного прикладного искусства римского времени.

Подобные вставки-инталии известны в коллекциях Британского музея и Музея Пола Гетти [Spier 1992, р. 145, 148–150]. В основном на них изображены различные мифологические персонажи, при этом соблюдается устойчивая комбинация цветов – зеленого, белого и голубого. Наиболее близка данной находке с Гурзуфского Седла стеклянная инталия, хранящаяся в Британском музее, с фигурой стоящего обнаженного бородатого воина с копьем и щитом. Возможно, это изображение галльского воина и инталия с Гурзуфского Седла созданы одним мастером. Стеклянная овальная вставка из полос белого, зеленого и синего цвета с портретом юного Октавиана использовалась в оформлении бронзового перстня одного из погребений в некрополе Золотое Европейского Боспора [Корпусова 1983, с. 64].

- 8. Вставка овальной формы из бледно-голубого стекла с изображением фигуры лежащего животного, видимо, льва. Размер: $1,3 \times 1,7$ см.
- 9. Камея в бронзовой оправе, с изображением мчащейся на бите и управляющей лошадьми богини (Виктории, Эо, Авроры). Рельефная композиция из молочно-белого стекла, контуры которой подсвечены охристой краской, размещена на гладком фоне темно-фиолетового цвета [Новиченкова 1998, рис. 11.4; Новиченкова 2000, рис. 1.6]. Возможно, являлась частью ожерелья. Размеры камеи: 1,8 × 2,5 см. Камея и инталия римского времени из полихромного стекла являются замечательными изделиями из художественного стекла и относятся к разряду редких произведений античного прикладного искусства.

Распространение стеклянных камей в Италии относится к последней трети I в. до н. э. [Harden 1987, р. 91; Chase 1950, р. 168]. Камеи из двухслойного стекла известны в коллекции Эрмитажа [Неверов 1988, с. 49–50, кат. № 35–38]. В Британском музее хранится коллекция стеклянных камей, близких по иконографии изображению на камее с Гурзуфского Седла.

Данная группа античных гемм принадлежит к категории элитных предметов, поступавших в святилище у перевала Гурзуфское Седло на рубеже эр. Символика изображений на инталиях из святилища выражала идеи победы, мира, процветания и почитания, ассоциируемые с эллинистически-римской эстетикой. Становление нового, «золотого» века нашло отражение в искусстве малых форм с эпохи эллинизма и особенно ярко в период раннего Принципата, в течение правления Августа.

Литература

Абрамзон М. Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1993.

Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 1983.

Неверов О. Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог. Л., 1988. Новиченкова Н. Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–67.

Новиченкова Н. Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло // PA. 2000. № 1. С. 154–166.

Новиченкова Н. Г. Об изделиях из художественного стекла: камея и инталия римского времени из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Международная научная конференция памяти Ю. Л. Щаповой. Тезисы докладов. Москва, 2020. С. 31–32.

Chase G. H. Greek and Roman Antiquities. Museum of fine arts. A Guide to the Classical Collection. Boston, 1950.

Harden D.B. Glass of the Caesars. Milan, 1987.

Milovanović M. Jewellery as a Symbol of Prestige, Power and Wealth of the Citizens of Viminacium. Vivere Militare Est. From Populus to Emperors – Living on the Frontier. Belgrade, 2018. Vol. I.

Novičenkova N. Das Heiligtum am Pass Gurzufskoe Sedlo // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn, 2013. S. 260–275.

Novichenkova N.G. Late Hellenistic and Roman engraved gems from the sanctuary near the pass Gurzufskoe Sedlo in the Crimean Mountains // Ancient Greek, Roman and Byzantine engraved gems in the eastern Mediterranean and Black Sea area. An international e-conference on archaeological and archaeogemological approaches. May 11–12, 2021. Izmir, Turkey. Edited by Ergün Laflı, Alev Çetingöz, Enver Melih Veziroğlu, Hugo Thoen. Izmir, 2021. P. 76.

Spier J. Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum. Malibu, 1992.



Рис. 1. Инталия из сердолика с изображением хлебного колоса. І в. до н. э. – І в. н. э. Святилище у перевала Гурзуфское Седло.





Рис. 2. Золотой перстень со вставкой-инталией из граната с изображением летящей пчелы. I в. до н. э. – I в. н. э. Святилище у перевала Гурзуфское Седло.

К. В. Новиченкова-Лукичева

Ялтинский историко-литературный музей, г. Ялта

О римском литом оконном стекле из святилища у перевала Гурзуфское Седло

Римское оконное стекло относится к довольно редкой категории находок и встречается на таких археологических объектах, как античные города и поселения, римские лагеря и крепости, начиная со второй половины I в. до н. э. До момента обнаружения фрагментов оконного стекла в святилище у перевала Гурзуфское Седло на Главной гряде Крымских гор отсутствовала информация о выявлении подобных изделий в других культовых памятниках.

Из этого памятника происходят фрагменты шести бесцветных оконных стекол с различными оттенками. Они найдены в культурном слое периода расцвета святилища последней трети I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. Оттенки стекла можно объяснить не намеренным его окрашиванием, а наличием примесей в составе песка, из которого оно изготовлено. Все стекла прозрачные на сколе, но из-за обработки поверхности – в основном при помощи шлифовки вкруговую – имеют матовую поверхность и кажутся полупрозрачными на просвет. Изделия имеют равномерную толщину от 0,3 до 0,7 см как в центральной части, так и по краям. Как и другие вотивы, предметы были повреждены при совершении ритуалов. Ни одна стеклянная пластина полностью не восстанавливается.

- 1. Пластина из бесцветного стекла с зеленовато-серым оттенком состоит из четырех фрагментов. Сохранившийся размер пластины $10,40\times7,05$ см, ее толщина 0,65-0,70 см. Поверхность изделия матовая, что является результатом шлифовки с обеих сторон, стекломасса с мелкими пузырьками. Пластина имела прямой зашлифованный край. В сечении пластины можно увидеть, что край слегка закруглен к лицевой ее поверхности, а на стыке с оборотной стороной образует четкий прямой угол.
- 2. Пластина из бесцветного стекла с зеленовато-желтым оттенком из одиннадцати фрагментов, из которых десять подходят друг к другу. Судя по зигзагообразным трещинам на пластине, она повре-

ждена от воздействия огня. Размер сохранившейся части $11,9 \times 11,3$ см; отдельного фрагмента: $8,7 \times 5,9$ см. Толщина пластины 0,41-0,45 см. Ее поверхность матовая, гладко зашлифована вкруговую. Сохранился прямой угол изделия с зашлифованными краями.

- 3. Пластина из бесцветного стекла с легким серым оттенком, к которой относятся пять фрагментов. Размеры сохранившихся частей: 10.1×4.9 см (из двух фрагментов); 7.7×7.3 см (из трех фрагментов), толщина 0.4 см. Поверхность матовая, отшлифована вкруговую с обеих сторон. Стекломасса с мелкими пузырьками внутри. Сохранился прямой край плитки с шершавой поверхностью, который, вероятно, получился таким при отливке. Следов шлифовки края не видно.
- 4. Пластина из бесцветного стекла с легким серым оттенком, сохранился один фрагмент размером $6,05 \times 3,05$ см и толщиной 0,3-0,5 см. Поверхность слегка матовая, тщательно отшлифована.
- 5. Пластина из бесцветного стекла с легким серым оттенком, сохранился один фрагмент размером 7,9 × 5,1 см и толщиной 0,3 см. Стекло прозрачное, с мелкими пузырьками, поверхность чуть матовая, гладко зашлифована вкруговую.
- 6. Пластина из бесцветного стекла с желтовато-серым оттенком, сохранилась часть размером $10,5 \times 11,5$ см, которая подобрана из восьми фрагментов, имеющих внутренние трещины. Поверхность изделия матовая, зашлифована вкруговую. У пластины сохранились два прямых параллельных друг другу зашлифованных края, расстояние между которыми равняется 11,5 см, что позволяет судить об одном из изначальных размеров оконной плитки.

Стекла для окон римляне стали изготавливать в конце I в. до н. э. для использования в банях [Harden 1958, р. 39–63; Grose 1979, р. 17–18; Grose 1989, р. 357–358]. Самые ранние находки происходят с Римского форума, из лагеря легионеров Магдаленсберг в Австрии, из Помпей [Czurda-Ruth 1973, р. 223–224] и из святилища Гурзуфское Седло [Новиченкова 2015, с. 98]. В Северном Причерноморье применение оконных стекол начинается гораздо позже – во II–IV вв., когда их стали изготавливать методом дутья [Цветаева 1979, с. 70; Сорокина 1962, с. 234–235; Островерхов 2010, с. 95; Дорошко 2016, с. 149].

Морфологические признаки оконных стекол конца I в. до н. э. – рубежа н. э. из святилища у перевала Гурзуфское Седло отличают их от пластин для окон, производившихся в более позднее время, начиная со II в. н. э., часто из стекла зеленоватых и голубоватых оттенков, и крайне редко – из бесцветного стекла.

Стекломасса, из которой производились оконные плитки II–IV вв. н. э., включала эллипсоидной формы пузырьки, вытянутые при

раскатывании пластин от центра к краям в процессе производства. В результате готовые изделия имели неравномерную толщину, слоистую структуру, грубую нижнюю поверхность, иногда неровные края и скругленные углы [Boon 1966, P. 41–45].

Характерными особенностями оконных пластин из святилища у перевала Гурзуфское Седло являются следующие их отличия: в тоне стекла (бесцветные с желтоватым, зеленовато-серым, серым оттенками); пузырьки в стекломассе очень мелкие и округлой формы; равномерная толщина в центральной части и у краев; прямые ровные края; обработка обеих поверхностей и краев при помощи шлифовки вращением.

Литература

Дорошко О. П. Оконное стекло римского времени из раскопок Херсонеса Таврического и его округи // Записки ИИМК РАН. 2016. № 14. С. 149–158.

Новиченкова Н. Г. Горный Крым. II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь, 2015.

Островерхов А. С. Віконне скло з античних міст Північного Причорномор'я // Археологія. 2010. № 3. С. 95–110.

Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 210–236.

Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979.

Boon G. Roman Window Glass from Wales // JGS. 1966. Vol. 8. P. 41-45.

Czurda-Ruth B. Die romischen Glaser vom Magdalensberg. Kladenfurt, 1973. Grose D.F. Early Blown Glass: The Western Evidence // JGS. Vol. 19. 1979. P. 9–29.

Grose D.F. Early Ancient Glass. The Toledo Museum of Art. N.-Y., 1989.

Harden D.B. Domestic Window Glass, Roman, Saxon and Medieval // Studies of Building History: Essays in Recognition of the Work B. H. S. U. O' Heil. London, 1958.

В. В. Панченко

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

О проявлениях патриотизма херсонеситов в первые века нашей эры

Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», патриотизм – это любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам [Философский энциклопедический словарь 1983, с. 484]. С. Г. Карпюк считает, что это определение вполне подходит для Греции классического периода. Но если в современном понимании понятие «патриотизма» связано с национальными государствами, в античности речь могла идти о патриотизме полисном [Карпюк 2010, с. 101]. В русскоязычной историографии проблемы патриотизма в классической Греции были рассмотрены такими авторитетными специалистами, как С. Г. Карпюк [Карпюк 2010; Карпюк 2014] и Х. Туманс [Туманс 2012]. Теме греческого полисного патриотизм в римский период посвящена работа А. В. Махлаюка, в которой автор отмечает, что любовь и привязанность к родине относится к числу основополагающих ценностей античного общества, основанного на гражданской общине полисного типа [Махлаюк 2018, с. 117].

К числу самых ярких памятников античного патриотизма принадлежит присяга граждан Херсонеса второй половины IV – начала III в. до н. э. (IOSPE I² 401; IOSPE³ III 100). Она проникнута любовью к Херсонесу, готовностью действовать во благо полиса, препятствовать любым попыткам нанести ему вред, защищать его территорию, государственный строй и урожай, который являлся основой благосостояния города. В качестве примера: «...Я буду врагом злоумышляющему и предающему или отторгающему Херсонес, Керкинитиду, Прекрасную гавань или укрепления и землю херсонеситов...» (перевод с древнегреческого И. А. Макарова) (IOSPE³ III 100).

На протяжении I в. до н. э. – III в. н. э., когда Херсонес находился под покровительством Боспорского царства (периодически) или Римской империи, а защиту города обеспечивали римские и, возможно, боспорские войска, значение воинских ценностей и самопожертвования среди граждан снизилось. Вместе с тем Херсонес обла-

дал собственными вооруженными силами, основу которых, как и ранее, составляло городское ополчение и которые возглавлял первый архонт. Их характер на различных этапах римского периода менялся в зависимости от внешних обстоятельств и присутствия/отсутствия римского гарнизона в городе, но для нас важен факт их существования [Панченко 2020, с. 234]. При возникновении внешней опасности граждане вставали на защиту полиса. Об этом красноречиво свидетельствует стихотворная эпитафия Ксанфа, сына Лагорина, которая датируется концом I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. (IOSPE I², № 482; IOSPE³ III, № 195). «...Чтимый средь юношей всех, светлой звездой красоты, В битве за Родину был он завистливым стублен Ареем...» (перевод с древнегреческого К. М. Колобовой) [Соломоник 1990, с. 87].

В І в. до н. э. – II в. н. э. патриотизм херсонеситов проявлялся в упорной борьбе за независимость от Боспорского царства. С этим длительным процессом связано посольство в Рим почетного гражданина города Гая Юлия Сатира в 46–45 гг. до н. э. В результате дипломатической миссии Херсонесу была дарована элевтерия, и он освободился от боспорской зависимости (IOSPE I², № 691) [Кадеев 1981, с. 13–14; Зубарь 2004, с. 37]. Видимо, элевтерии добивалось посольство во главе с Аристоном, сыном Аттины, который провел в Риме шесть лет, ходатайствуя до «изнеможения». Посольство относится ко второй четверти ІІ в. н. э. (IOSPE I², № 423) [Кадеев 1981, с. 25; Зубарь 2004, с. 66]. Вероятно, отголоски противостояния Херсонеса с Боспором нашли отражение в местных легендах, в частности в эпизоде о спасении города Гикией, дочерью Ламаха, который сохранился благодаря Константину Порфирородному (Const. Porth. *De adm. Imp.*, 53).

Херсонес получил желанную элевтерию в первом (ненадолго) и во втором случае (надолго), гордился этим новым статусом и всячески подчеркивал его на монетах [Туровский, Горбатов 2013, с. 22–23, 28–29]. Город с момента получения «второй элевтерии» вплоть до прекращения монетной эмиссии практически на всех монетах чеканил девиз ХЕРСОNНСОУ ЕЛЕУФЕРАС в разных вариантах написания [Туровский, Горбатов 2013, с. 29, № 289–317, 320–337а].

Херсонеситы, пребывая в зависимости от могущественной Римской империи, тем не менее твердо и настойчиво отстаивали свои права в случае нарушения их со стороны представителей римских властей. Об этом свидетельствует объемная переписка по поводу проституционной подати, которая относится к концу ІІ в. н. э. Переписка свидетельствует о произволе командования римского гар-

низона и грубом нарушении предписаний императора и наместника провинции Нижняя Мёзия. Городская община вступила в противостояние с гарнизонным начальством, не побоялась вынести конфликт на уровень императора и в конечном итоге добилась удовлетворения своих требований (IOSPE I^2 , № 404) [Ростовцев 1916; Соломоник 1983, с. 20–27; Зубарь 2004а, с. 89–91].

Свидетельством патриотизма может служить использование термина ФІЛОПАТРІХ - «любящий отечество» (перевод с древнегреческого В. В. Латышева). Этот термин фигурирует в текстах трех почетных надписях, начертанных на постаментах статуй, установленных в честь упоминавшегося выше Аристона, сына Аттины (IOSPE I², № 423), а также Демократа, сына Аристогена (IOSPE I², № 425), и некоего гражданина, сына Папия [Соломоник, 1964, № 13]. Аристон исполнил множество должностей, в том числе несколько дипломатических на Боспоре и в Риме. Демократ также исполнил ряд должностей, в том числе за собственный счет совершил посольства к Августам ради пользы для родины. Сын Папия являлся проксеном города Тия и верховным жрецом. Таким образом, все перечисленные лица занимали высокое общественное положение. В. И. Кадеев считает, что Φ I Λ ОПАТРІ Σ – почетный титул, который присваивался отличившимся гражданам Херсонеса за заслуги перед государством, предположительно, на дипломатическом поприще. [Кадеев 1981, с. 40-41].

Любовью к городу проникнут посвященный Гермесу гимн, относящийся к концу I – первой половине II в. н. э. и высеченный на мраморной плите. В заключительной части текста звучит призыв, обращенный к богу: «Приди милостивым ко всем тем, которые населяют славный город Дора, никогда не забывая блаженных богов. Сын Феофила гимнасиарх Димотел поставил сей победный дар. Спаси же изрядно этот город!» (IOSPE I^2 , № 436; IOSPE³ III, № 172) [Русяева, Зубарь 2004, с. 349–350].

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что даже в первые века нашей эры, когда Херсонес частично утратил свою независимость и перешел под покровительство Римской империи, а представители высших и средних слоев населения охотно приобретали римское гражданство, херсонеситы культивировали патриотизм в качестве одной из основных полисных ценностей [сравни: Махлаюк 2018, с. 118–119].

Литература

Зубарь В. М. Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н. э. – первой половине II в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 31–72.

Зубарь В. М. Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II – третьей четверти III вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004а. С. 73–182.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.

Карпюк С. Г. Два патриотизма в «Истории» Фукидида // Вестник РГГУ. 2010. Вып. 10 (53). С. 101–116.

Карпюк С. Г. Взгляды Ксенофонта на патриотизм // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. Вып. 14. С. 347–356.

Махлаюк А. В. Греческий патриотизм в контексте pax Romana – полисные традиции и имперские реалии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Вып. 18.2. С. 116–141.

Панченко В. В. О военной организации Херсонеса в I в. до н. э. – III в. н. э. // XC6. 2020. Вып. XXI. С. 227–240.

Ростовцев М. И. Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИИАК. 1916. Т. 60. С. 63-69.

Русяева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировозрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 333-430

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.

Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.

Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990.

Туманс X. Сколько патриотизмов было в Древней Греции? // Studia historica. 2012. Вып. XII. С. 3–32.

Туровский Е. Я., Горбатов В. М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. Симферополь, 2013.

Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева и др. М., 1983.

Л. Г. Печатнова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Погребальный обряд спартанских царей

В этом докладе перед нами стоит вполне конкретная задача – оценить одну из важных деталей спартанской общественной жизни – царский погребальный обряд.

Идея равенства, доведенная до своего логического завершения, привела в Спарте к обезличиванию рядовых могил, на которых отсутствовали имена умерших (Plut. *Lyc.* 27.2). Подобной практики не было ни в одном греческом полисе, хотя в период архаики погребальный обряд и был упрощен во многих из них [Garland 1989, р. 1–15], в том числе в Афинах при Солоне (Plut. *Sol.* 12.8). В Спарте также еще в период архаики были значительно сокращены похоронные процедуры. У Плутарха мы находим список предпринятых мер, унифицирующих и упрощающих погребальные практики (Plut. *Mor.* 238d). Автором закона о погребении традиция называет Ликурга (Xen. *Lac. Pol.* 15.9). Впрочем, спартанцы любые преобразования, имевшие место в архаический период, связывали с именем Ликурга.

Но, возможно, погребальный кодекс, упрощающий захоронения рядовых граждан, был принят не в рамках Ликургова законодательства, а несколько позже, в начале или середине VI в. до н. э. как часть законов о роскоши. Нельзя исключить, что руку к этому закону приложил эфор Хилон [Nafissi 1991, р. 430] – единственная известная нам, помимо царей, крупная политическая фигура той эпохи. Возможно, именно при нем был введен запрет на чрезмерное проявление скорби и траура [Petropoulou 2009, р. 593].

Таким образом спартанцы были лишены права на сохранение своих имен на надгробиях. Исключение было сделано только для двух категорий спартиатов. Первая категория – это те, кто погиб в сражениях (Plut. *Lyc.* 27.2; *Mor.* 238d). А вторая категория – это спартанские цари. Они сохраняли не только свои имена на надгробиях, но и удостаивались необычайно пышных для аскетичной Спарты похорон. Так что Спарта и здесь оказалась исключением из правил. В прочих полисах принятие ограничительных мер коснулось всех

граждан без исключения и свидетельствовало о движении общества в сторону демократизации. А в Спарте этот закон действовал выборочно и никак не затронул царей.

Поскольку похороны царей в Спарте – особенный феномен, пребывающий в резком контрасте со скромными погребальными обрядами остальных спартанцев, мы позволим себе подробнее его рассмотреть. Обратимся прежде всего к источникам.

Наиболее подробно описал процесс погребения царей Геродот (VI.58). Этот обряд, видимо, привлек Геродота своей явной экзотичностью. Недаром он говорит, что «обычаи лакедемонян при кончине царей такие же, как и у азиатских варваров» (VI.58.2)¹. Важной является информация Геродота, что на царских похоронах должны были присутствовать не только спартанские граждане, но также периеки и илоты (ibid).

Никаких точных цифр Геродот не приводит. Он просто указывает, что в траур должно было облечься все взрослое гражданское население. Видимо, все они принимали участие и в погребальном обряде [Petropoulou 2009, р. 591]. В те времена, когда писал Геродот, численность граждан уже сократилась до нескольких тысяч. В любом случае, периеков и илотов было на порядок больше [Figueira 2003, р. 193–239; Scheidel 2003, р. 240–247].

Слова Геродота об обязательном присутствии на похоронах определенного числа периеков можно понимать как наличие для них квоты. Возможно, подобная квота существовала и для илотов. Она могла быть введена для того, чтобы ограничить количество присутствующих на погребении периеков и особенно илотов. Сами же периеки и илоты, скорее всего, воспринимали приглашение прибыть в столицу вместе с женами и принять участие в торжественной церемонии как знак избранности.

Нам кажется, что присутствие илотов и периеков можно объяснить, прежде всего, религиозным фактором. Совместное участие представителей всех групп населения в погребальной церемонии, видимо, должно было напомнить всем, и особенно подчиненным классам, что спартанские цари являются общими для них полубожественными предками и покровителями. Погребение царей становилось таким образом объединяющим моментом для всех групп населения: граждан, периеков, илотов. А для подчиненных классов царское тело становилось символом авторитета Спарты и спартанцев [Parker 1989, р. 153]. В литературе высказывается и несколько иная точка

¹ На спартано-скифский параллелизм погребальных царских ритуалов обращает внимание А. В. Зайков [см.: Зайков 2004, с. 18].

зрения на характер участия периэков в похоронной процессии. Так, А. В. Зайков на основании Геродотова словоупотребления и иных аргументов доказывает, что периэки – в отличие от илотов – участвуют в данном обряде, погребении β в сложе β слож

Кроме мужского населения в похоронной процедуре самое активное участие принимали женщины. Именно с них начинался погребальный обряд (V.58.1). Предание свидетельствует, что в архаической Греции женщины традиционно играли важную роль в траурных ритуалах. Но с упрощением траурной церемонии эта роль уменьшилась. Так, в Афинах именно женщины сильно пострадали от ограничительных мер Солона (Plut. Sol. 12.8) [Alexiou 2002, р. 15]. Но в Спарте роль женщин в царской погребальной церемонии, видимо, никогда не подвергалась какому-либо умалению.

Геродот, описывая процесс погребения царей, обращает внимание своего читателя на многолюдность и экзальтированность толпы, чьи проявления скорби, видимо, не только не сдерживались, но даже поощрялись как обязательные. По его словам, «много тысяч периэков, илотов и спартанцев вместе с женщинами ... яростно бьют себя в лоб, поднимают громкие вопли и при этом причитают, что покойный царь был самым лучшим из царей» (VI.58.3).

Подобные экстравагантные признаки траура, видимо, были пережитками еще гомеровской эпохи (Hom. *Il.* XVIII.23–35) и сохранялись в Спарте исключительно ради похоронной церемонии царей, и только царей. Остальные члены царской семьи в этом отношении были приравнены к рядовым гражданам. Их, как и всех остальных спартанцев, провожали или в полном молчании, или при сдержанных выражениях скорби ближайшими родственниками.

Геродот упоминает еще одну особенность царской погребальной практики: «Если же смерть постигнет царя на поле брани, то в его доме устанавливают изображение (εἴδωλον) покойного и на устланном [цветами] ложе выносят [для погребения]» (58.3). М. Тохер, посвятивший статью анализу традиции об εἴδωλον, делает вывод, что εἴδωλον должен был присутствовать на похоронах любого спартанского царя, погибшего в бою, вне зависимости от наличия или отсутствия трупа [Тоher 1999, р. 115]. Однако в науке давно утвердилось мнение, что появление эйдолона при погребении спартанских басилевсов могло быть новацией, введенной специально для царя Леонида [Schaefer 1965, S. 324–325; Scott 2005, р. 360; Richer 2007, р. 249], чье тело и отрубленная голова остались, видимо, в руках пер-

сов (Her. VII.238). Думают, что кенотаф Леонида был сооружен среди царских могил Агиадов специально для помещения туда эйдолона. Εἴδωλον спартанского царя, вероятно, был важным материальным символом, обозначающим произошедшую со смертью царя метаморфозу – обретение им героического культа.

Что касается царя Леонида, то предполагаемые его останки были похоронены в Спарте спустя сорок лет после гибели царя в гробнице, специально для того построенной и расположенной недалеко от театра (Paus. III.14.1). Спартанцы хорошо понимали значение визуальной пропаганды и умело ее использовали. Размещение могил в центре города было разрешенным актом, санкционированным, согласно традиции, еще Ликургом (Plut. Mor. 238d). Возможно, Леонид был первым спартанцем, удостоившимся такой чести. Традицию «хоронить мертвых в самом городе и ставить надгробия близ храмов» Плутарх объясняет необходимостью усилить наглядную агитацию и приблизить ее к спартанской молодежи. Вообще, в исследовательской литературе не раз отмечалось, что в погребальной практике спартанских царей на первом месте было зрелище, а не речи (в отличие от афинян) – визуальный ряд был гораздо важней звукового ряда [см., например: Зайков 2004, с. 18, со ссылками].

* * *

Мы знаем, что ко времени Геродота власть спартанских царей была подвергнута значительной эрозии. Они оставались верховными главнокомандующими, но все остальные функции им пришлось передать или разделить с эфорами и геронтами. Однако их хоронили и почитали после смерти как гомеровских героев. Погребальный обряд, видимо, оставался в неизменном виде с очень ранних времен. Своей восточной пышностью и сложным ритуалом он не соответствовал всем остальным сторонам жизни спартанского общества. Более того, он не соответствовал и статусу спартанских басилевсом. Их царской власти не были присущи какие-либо атрибуты восточных монархий.

Царский похоронный ритуал в Спарте был искусственно сохранен в своем псевдо-архаичном виде, поскольку выполнял важную государственную функцию – передачу сакральной власти от умершего царя к его законному наследнику. Как сакральные фигуры цари оставались очень значимы для общины даже после своей смерти. Так, Ксенофонт, желая оправдать столь нехарактерные для Спарты варварские излишества при похоронах басилевсов, объясняет их

тем, что «лакедемонских царей чтили не как обыкновенных людей, но как героев» (*Lac. pol.* 15.9).

Сама похоронная церемония выполняла важную идеологическую и пропагандистскую функцию: служила объединению всех сословий и напоминала о важности сохранения царской власти как обязательной компоненты спартанской государственности.

На примере царской погребальной церемонии, совершаемой на «варварский» манер, эксклюзивность спартанской царской власти в рамках общегреческого контента выступает в высшей степени рельефно.

Литература

Зайков А. В. Периэки в структуре спартанского полиса // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. 1988. [Вып. 24]. С. 19–28.

Зайков А. В. Спартано-скифские параллели в античной литературе и вопрос о причинах их появления // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 5–24.

Зайков А. В. К вопросу о статусе лакедемонских периэков. II // Исседон. 2005. Т. III. С. 69–85.

Alexiou M. The Ritual Lament in Greek Tradition. 2nd ed. N. Y.; Oxford, 2002. Figueira T. The Demography of the Spartan Helots // Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures / eds. N. Luraghi, S. E. Alcock. Cambridge, 2003. P. 193–239.

Garland R. The Well-Ordered Corpse: An Investigation into the Motives behind Greek Funerary Legislation // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1989. Vol. 36. P. 1–15.

Nafissi M. La nascita del kosmos. Studi sulla storia e la società di Sparta. Napoli, 1991.

Parker R. Spartan Religion // Classical Sparta: Techniques behind her Success / ed. A. Powell. London, 1989. P. 142–172.

Petropoulou A. The Spartan Royal Funeral in Comparative Perspective // Honouring the Dead in the Peloponnese / eds. H. Cavanagh, J. Roy. Nottingham, 2009. P. 583–612.

Richer N. The Religious System at Sparta // A companion to Greek religion / ed. D. Ogden. Oxford, 2007. P. 236–252.

Schaefer H. Probleme der Alten Geschichte. Göttingen, 1965.

Scheidel W. Helot Numbers: A Simplified Model // Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures / eds. N. Luraghi, S. E. Alcock. Cambridge, 2003. P. 240–247.

Scott L. Historical Commentary on Herodotus. Book 6. Leiden; Boston, 2005. Toher M. On the EI $\Delta\Omega\Lambda$ ON of a Spartan King // Rheinisches Museum für Philologie. 1999. Bd. 142. Nr. 2. P. 113–27.

А. В. Подосинов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

О названиях античных городов Северного Причерноморья (к истории переименований)

В докладе речь пойдет об истории названий греческих городов Северного Причерноморья в античную эпоху с особым упором на проблему их переименований. В частности, исследуется вопрос о названиях Херсонеса, как они отразились в античной литературе (Мегарский Херсонес, Гераклейский Херсонес). Интерес вызывают история названия Ольвии (Ольвиополя), которая называлась также Борисфеном (Борисфенидой) и Милетополем; переосмысление названия боспорского города Киммерий как Керберий или Химерий; варианты названия Керчи – Пантикапей, Боспор, Кесарея, Кареон; переименование Офиусы в Тиру, Фанагории в Агриппею, Феодосии в Ардабду, Диоскуриады в Севастополь. Типологически сходно переименование древних городов Западного Причерноморья: Кербатиса в Каллатис, Круна в Дионисополь.

Помимо вопроса о времени функционирования старых и новых названий, их распространенности и особенностях бытования среди жителей города и за его пределами (особенно в исконной Греции), особое внимание в докладе уделяется причинам переименований городов. Таковыми могут быть: память о матери-колонии (Херсонес -Мегарика, Гераклея; Ольвия – Мелитополь); перенос города на новое место (Диоскуриада - Севастополь (?); Борисфен - Ольвия, Офиуса - Тира); переименование города в связи с политической борьбой в метрополии (Гераклея – Херсонес); смена этносов (Феодосия - Ардабда); превращение эпитета в название (Борисфен - Ольвия = «Счастливый [город]»); этимологизирование мифических названий (Киммерий - Керберий или Химерий); переименование в честь римских правителей (Пантикапей - Кесарея, Фанагория - Агриппея, Диоскуриада - Севастополис). Наряду со случаями, когда при основании греческой колонии происходит замена исконного, местного, «варварского» названия поселения на новое греческое (Кербатис –

Каллатис), существуют и случаи противоположной направленности, когда город меняет свое греческое название на «варварское», отражая новые геополитические реалии (греческая Феодосия – аланская Ардабда).

Что касается Херсонеса, то о других его именах мы знаем только по известному пассажу Плиния Старшего (вторая половина I в. н. э.), который писал в своей «Естественной истории» (NH IV.85) об этом городе: «Гераклейский Херсонес, которому римляне даровали свободу; прежде его называли Мегарским (Heraclea Cherronesus, libertate a Romanis donatum; Megarice vocabatur antea)». Существует мнение, что здесь говорится о трех различных названиях города – Мегарика, Гераклея и Херсонес, сменявших друг друга. Более того, предлагалась и хронология смены этих названий (V–IV вв. до н. э.). Представляется, однако, что речь у Плиния идет не о смене названия, а о его уточнении.

Плиний привел название города Гераклейский Херсонес (по-гречески это звучало, очевидно, как Ἡρακλεία Χερρόνησος), и это, с одной стороны, помогало отличать этот город от других греческих колоний с тем же наименованием (существовали Херсонесы в Африке, в Испании, на Крите, на Книдосе, во Фракии), с другой, указывало на метрополию города. Как известно, Херсонес был колонией Гераклеи Понтийской, основанной в свою очередь Мегарой. Этим объясняется и второе определение нового города гераклеотов – «мегарский» (Мεγαρικὴ πόλις). По-видимому, правы те, кто предполагает, что Херсонес назван Плинием Мегарским потому, что Плиний воспользовался источником, который содержал список черноморских колоний в сопоставлении их с метрополиями.

Обратим внимание на то, что Плиний в своем свидетельстве явно воспроизводит греческую терминологию, и его «Гераклея» и «Мегарика» – это прилагательные (первое в латинской форме Heracleus, -а, -um, согласованное в женском роде с Chersonesus, -i f, второе – в греческой форме также в ед. числе женского рода), а вовсе не самостоятельные топонимы. Об этом свидетельствует и другое место из Плиния, где он называет Херсонес «городом гераклеотов» (NH IV.78): «М. Варрон измеряет таким образом: от устья Понта до Аполлонии – 187,5 мили, столько же до Каллатиса, до устья Истра — 125 миль, до Борисфена – 250 миль, до Херсонеса, города гераклейцев (Cherronesum Heracleotarum oppidum), – 375 миль...».

Важно отметить, что Плиний пересказывает здесь Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н. э.), что свидетельствует о постоянном интересе римских авторов к вопросу о метрополии городов-коло-

ний; называя Херсонес «городом гераклеотов», Плиний косвенно свидетельствует, что он не назывался «Гераклеей», а был «Гераклейским».

Как известно, Гераклея Понтийская имела еще одну колонию в Черном море – это Каллатис в Добрудже. И что же пишет про нее Плиний? NH IV.44: Thracia ... pulcherrimas in ea parte urbes habet, Histropolin Milesiorum, Tomos, Callatim, quae antea Cerbatis vocabatur, Heracleam – «Во Фракии... есть прекраснейшие города: Истрополь, [колония] милетян, Томы, Гераклейский Каллатис, который прежде назывался Кербатис». Издатели Плиния, отрывая слово Heracleam от Callatim, уже много десятилетий ломают голову над тем, что за неизвестный из других источников город Гераклея находился в Добрудже рядом с Каллатисом, не видя здесь такого же, как и в случае с Херсонесом, указания на метрополию города, выраженную также в форме эпитета. Если учесть, что среди большинства греческих городов, основанных в Черном море ионийским Милетом, лишь два были основаны дорийской Гераклеей, подчеркивание ее роли в основании Херсонеса и Каллатиса не выглядит излишним.

Вообще, в характеристику каждого географического района у Плиния входило, как установлено, несколько структурных элементов. Среди них выделяются сведения антикварного характера (например, города Пирра и Антисса близ Меотиды погрузились некогда в Понт Эвксинский – II.206), легенды об основании городов (Пантикапей основан милетянами – IV.87) и сообщения о переименованиях различных географических пунктов (Ольвия – прежде Милетополь и Ольвиополь – IV.83; Киммерий – прежде Керберий или Химерий – IV.18).

Приложение эпитетов «мегарский» и «гераклейский» к названию города Херсонеса у Плиния, очевидно, отвечало всем этим элементам, свойственным «Естественной истории».

Т. А. Прохорова

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Материалы о жизни и деятельности Н. М. Печёнкина в архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»

Ровно 150 лет тому назад, 17 июля 1871 г., в семье потомственных дворян родился Николай Михайлович Печёнкин – полковник, видный археолог и краевед, сыгравший значительную роль в деле изучения Юго-Западного Крыма. Несмотря на успешную военную службу, Н. М. Печёнкин увлекся археологией и сделал ряд интересных открытий в Крыму. Столь значимый юбилей со дня его рождения заставляет в очередной раз обратиться к личности исследователя, тем более что имя Николая Михайловича прочно вошло и в летопись археологических раскопок Херсонеса.

Биографических сведений о нем сохранилось крайне мало. Это послужило причиной тому, что статей, посвященных Н. М. Печёнкину, немного и они не дают полной картины его жизни и деятельности. И все же сегодня ни один очерк по истории изучения Херсонеса и Юго-Западного Крыма не обходится без упоминания имени этого исследователя, который, по его собственным словам, «не претендуя на звание писателя или ученого, [...] тем не менее [...] своими усилиями оставил небольшой след в науке» [Тункина 2014, с. 234].

Ранняя историография жизни и деятельности Н. М. Печёнкина представлена краткими сообщениями в обобщающих трудах по истории и исследованию Херсонеса, авторы которых ссылаются на результаты его трудов или же ограничиваются только упоминанием его полевых работ. Н. М. Печёнкин, который в 1904 и 1905 гг. осуществлял поиски некрополя на западном склоне Казачьей балки, а в 1910–1911 гг. производил раскопки усадеб IV–II вв. до н. э., оставил небольшое, но ценное в научном отношении наследие в виде отчетов, дневников, а также планов раскопанных памятников, что позволило впоследствии опираться на эти материалы при изучении хоры

Херсонеса [Гриневич 1931, с. 14; Суров 1942, с. 96; Блаватский 1953, с. 26; Стржелецкий 1961, с. 17-18; Шеглов 1993, с. 12-13; Шеглов 1994, с. 14–15; Кругликова 1981]. На результаты раскопок Н. М. Печёнкина впервые обратил внимание М. И. Ростовцев, который посетил Маячный полуостров в 1911 г. и высоко оценил итоги его работ [Щеглов 1993, с. 12]. Опыт археологических изысканий Н. М. Печёнкина на Маячном полуострове привлек внимание К. Э. Гриневича, который посвятил его памяти свою статью «Страбоновский Херсонес в свете новейших археологических открытий (памяти Н. М. Печёнкина)» [Гриневич 1928]. В дальнейшем на его труды ссылались и продолжают ссылаться при освещении истории исследования Юго-Западного Крыма, причем имя Н. М. Печёнкина ассоциируется с начальным этапом археологического изучения Маячного полуострова [Зедгенидзе 2015; Николаенко 2018, с. 10-13; Смекалова 2020], продолжают вводиться в научный оборот предметы из его раскопок [Вдовиченко, Николаенко 2011].

Ряд исследователей посвятили Н. М. Печёнкину биографические работы. Отметим статьи Л. П. Рудаковой, которая одной из первых обратилась к составлению жизнеописания исследователя [Рудакова 2003; Рудакова 2012; Рудакова 2012а], а также появившиеся сравнительно недавно публикации А. А. Непомнящего [Непомнящий 2010; Непомнящий 2012] и И. В. Тункиной [Тункина 2014]. Благодаря этим исследователям были обработаны и впервые опубликованы биографические источники, которые хранятся в личном архивном фонде Н. М. Печёнкина в Отделе рукописей Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге и в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Отдельные копии этих документов были переданы Херсонесскому музею-заповеднику заведующей архивом Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи И. А. Вознесенской в 2010 г. [Документы из Личного фонда Н. М. Печёнкина. Копии 1901–1905]. Некоторые материалы его научной деятельности сохранились также в HAO ГМЗ XT: отчеты, рукописи, фотодокументы.

Основные этапы жизни героя нашего повествования в сжатом виде могут быть представлены следующим образом. Н. М. Печёнкин родился в Женеве 17 июля 1871 г. в семье потомственных дворян Келецкой губернии. Согласно «Памятной книжки Келецкой губернии», отец Николая Михайловича полковник Михаил Алексеевич Печёнкин служил в губернском правлении и состоял штаб-офицером для особых полицейских поручений и инспектирования команды Зем-

ской Стражи при Министерстве внутренних дел [Памятная книжка 1877, с. 6]. Начальное образование Николай получил в Орловском кадетском корпусе, затем продолжил учебу в Петербурге, в Первом Павловском военном училище. По окончании училища в 1891 г. начал службу в Варшавской крепостной артиллерии. В следующем году был переведен в корпус, расквартированный в Киевском военном округе. Уже тогда Н. М. Печёнкин был отмечен рядом наград: в 1896 г. был награжден орденом св. Станислава 3 ст., а в 1897 г. за участие в трудах по проведению первой всеобщей переписи населения Российской империи – темно-бронзовой медалью. В мае 1900 г. был прикомандирован к Главному артиллерийскому управлению (ГАУ).

В Петербурге Николай Михайлович поступил в Императорский Археологический институт. Вскоре последовали и первые самостоятельные раскопки Н. М. Печёнкина, которые состоялись осенью 1901 г. на Северной стороне Севастополя, на месте могильника первых веков н. э. Работы были продолжены им в 1903–1904 гг. в районе реки Бельбек. Раскопки 1903 г. оказались свернуты на несколько недель раньше в связи с внезапным отъездом Н. М. Печёнкина в Санкт-Петербург. Об этом он писал в своем письме К. К. Косцюшко-Валюжиничу 18 июля 1903 г. [Письмо 18 июля 1903 г.]. В научном архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» среди документов по научной переписке К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1903 г. сохранилось еще одно письмо Николая Михайловича, датированное 9 октября 1903 г., в котором исследователь упоминает о монете Гордиана III из раскопок упомянутого выше могильника, обещанной музею Косцюшко-Валюжинича [Письмо 9 октября 1903 г.].

Работы по доследованию большого кургана на Северной стороне производились Н. М. Печёнкиным в 1905 г., итоги которых были описаны в соответствующем отчете. Этот документ сохранился НАО ГМЗ ХТ. Отчет на двух листах содержит краткие сведения о характере произведенных работ (было заложено два раскопа в виде узких траншей) и основных находках (отмечены амфоры, краснолаковая чашечка, два серебряных височных кольца, фибулы, монеты, бусы) [Печёнкин 1905]. Итоги этих раскопок были опубликованы в 1905 г. [Печёнкин 1905а]. Эти труды не остались незамеченными, и начинающий археолог был избран сотрудником Императорского Археологического института в 1904 г., а в 1908 г. по представлению Н. И. Веселовского, А. А. Спицына и Б. В. Фармаковского стал членом Императорского Русского археологического общества (ИРАО).

В 1910–1911 гг. Н. М. Печёнкин вновь проводил археологические исследования в Крыму, но уже на территории так называемого

Страбонова Херсонеса, в ходе которых была открыта уникальная по сохранности херсонесская межевая система IV в. до н. э. на Маячном полуострове. В НАО ГМЗ ХТ сохранился дневник этих работ [Печёнкин 1910]. Документ на 34 тетрадных листах формата А5 содержит описание хода раскопок с 9 сентября по 8 октября 1910 г. и с 30 августа по 17 сентября 1911 г. Раскопки сопровождались фотофиксацией, которую, судя по записям в дневнике, осуществлял Н. И. Репников. Альбомы с фотографиями сохранились не полностью – 14 фотографий из 19 (пять не сохранилось) в четырех фотоальбомах с видами раскопов «Страбонова Херсонеса», улиц и дорог, а также построек, открытых в 1910 г. Все фотографии очень плохой сохранности [Альбомы фотографий 1910].

Как отмечал сам автор раскопок, поиски предполагаемого древнейшего Херсонеса занимали его давно, поэтому у Казачьей бухты он бывал почти ежегодно с 1904 г. Работы велись в зоне хуторских хозяйств на территории имений Е. Д. Вяземской, А. К. Аметистова, В. О. Губера и М. Я. Баля [Печёнкин 1911, с. 109]. С последним - капитаном I ранга Митрофаном Яковлевичем Балем (а, быть может, и с другими владельцами) – был заключен договор, согласно которому Н. М. Печёнкин получал право производить археологические работы на территории имения Баля при условии согласования места работ. Раскопки производились за счет собственных средств археолога и должны были иметь строгий научный подход. Найденные предметы надлежало делить на две категории: имеющие высокую научную и материальную ценность, с одной стороны, и, с другой, имеющие научную ценность, но не представляющие материальной стоимости. Предметы первой категории после оценки их Императорской археологической комиссией переходили Н. М. Печёнкину при выплате М. Ю. Балю четверти от их стоимости. Договор был заключен сроком на два года и действовал до 20 сентября 1907 г. [Договор 1905]. Работы 1905 г. описаны в отчете, сохранившемся в НАО ГМЗ XT [Печёнкин 1905–1907]. Итоги раскопок были опубликованы в 1911 г. Печёнкин 1911] и в 1912 г. заслушаны на заседании разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО).

Исследования древностей Херсонеса становятся для офицера серьезным увлечением. В 1911 г. он посетил склеп, расположенный на земле Н. И. Тура, с целью изучения фресковой росписи. Итоги этих изысканий нашли отражение в опублиованной им статье «Роспись христианской катакомбы, находившейся близь Херсонеса на земле Н. И. Тура» [Печёнкин 1912]. В 1914 г. были опубликованы результа-

ты исследования «Шверинского кургана», доследованием которого Н. М. Печёнкин занимался в 1908 г. [Печёнкин 1914].

В 1914 г. Н. М. Печёнкин становится признанным специалистом в области истории и археологии, ему даже было поручено рецензировать труд М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России». Однако развернувшиеся военные события прервали научную и творческую деятельность ученого. С вступлением России в Первую мировую войну полковник Печёнкин был призван в действующую армию. Н. М. Печёнкин участвовал в военных действиях на различных фронтах. В 1916 г. был назначен начальником 6-го отделения ГАУ, занимавшегося заготовкой и снабжением артиллерии боеприпасами, порохом и взрывчатыми веществами. В сентябре 1917 г. Печёнкин был назначен исполнять обязанности начальника Артиллерийского исторического музея, занимался организацией вывоза музейных предметов.

В мае 1918 г. Н. М. Печёнкин вновь предпринимает попытку продолжить исследование Херсонеса. В Археологической комиссии он поднимает вопрос о необходимости проведения раскопок и уже в конце июля получил открытый лист, выданный Археологической комиссией, разрешающей в течение года проводить раскопки в районе Севастополя. В начале августа были оформлены командировочные документы на право выезда из Петрограда, вскоре Печёнкин отправился в Крым. С этого момента дальнейшая судьба полковника Н. М. Печёнкина не известна. На заседании Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины от 11 июля 1919 г. было принято решение: не отчислять Н. М. Печёнкина, не вернувшегося к месту службы в Петроград, от должности начальника Артиллерийского исторического музея до выяснения обстоятельств, препятствующих его возвращению [Непомнящий 2012].

К сожалению, в научном архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» не имеется документов, способных прояснить дальнейшую судьбу Н. М. Печёнкина. В архиве музея хранятся исключительно документы по его научной деятельности, представляющие собой отчеты и дневники раскопок, а также фотодокументы, и охватывающие период с 1901 по 1911 г. Эти материалы, вне всякого сомнения, заслуживают отдельной публикации и являются дополнительными источниками по истории изучения Херсонеса и его округи в начале XX в.

Литература

Альбомы фотографий раскопок Н. М. Печёнкина в «Страбоновом Херсонесе». 1910 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 209–212.

Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

Вдовиченко И. И., Николаенко Г. М. Античная расписная керамика с хоры Херсонеса Таврического // XC6. 2011. Вып. XVI. С. 41–56.

Гриневич К. Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка. М., 1931.

Гриневич К. Э. Страбоновский Херсонес в свете новейших археологических открытий (памяти Н.М. Печёнкина) // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 (59). С. 86–92.

Договор о предоставлении Н. М. Печёнкину права на производство археологических изысканий на территории имения М. Я. Баля у Казачьей бухты. 20 сентября 1905 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 182. Л. 12, 12 об., 13.

Документы из Личного фонда Н. М. Печёнкина. Исторический архив АИМ ААН г. С.-Петербург. Копии. 1901–1905. Переписка. 2003–2010 // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4108/1–6.

Зедгенидзе А. А. Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона // ВДИ. 2015. № 2 (293). С. 40–55.

Кругликова И. Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9–16.

Непомнящий А. А. К биографии Н. М. Печёнкина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2012. Т. 25 (64), № 1. С. 119–128.

Непомнящий А. А. Материалы личного архивного фонда Н. М. Печёнкина – неизвестный источник об охране историко-культурного наследия в Крыму в начале XX века // Праці Центру пам'яткознавства. 2010. Вип. 17. С. 198–205.

Николаенко Г. М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь, 2018.

Памятная книжка Келецкой губернии на 1877 год. Кельцы, 1877.

Печёнкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИИАК. 1911. Вып. 42. С. 108–126.

Печёнкин Н. М. Дневник раскопок «Старого Херсонеса» в 1910 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 184. Л. 1–34.

Печёнкин Н. М. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 году, по доследованию большого кургана на Северной стороне г. Севастополя, вблизи братского кладбища // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 183. Л. 1, 2.

Печёнкин Н. М. Разыскание на местности предполагаемого древнего Херсонеса. 1905–1907. // НАО ГМХ ХТ. Ф. 1. Д. 182. Л. 1–16.

Печёнкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905а. Вып. 38. С. 29–37.

Печёнкин Н. М. Роспись христианской катакомбы, находившейся близь Херсонеса на земле Н. И. Тура // ИТУАК. 1912. Вып. 48. С. 145–149.

Печёнкин Н. М. Шверинский курган // ИТУАК. 1914. Вып. 51. С. 186–194. Рудакова Л. П. Имя в истории. К 140-летию со дня рождения Николая Михайловича Печёнкина // Отчет Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи. 2011 г. СПб., 2012. С. 21–23.

Письмо Н. М. Печёнкина К. К. Косцюшко-Валюжиничу о раскопках на Бельбеке и охране могильника. 18 июля 1903 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 44. Л. 26, 26 об.

Письмо Н. М. Печёнкина К. К. Косцюшко-Валюжиничу о передаче для коллекции музея монеты. 9 октября 1903 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 44. Л. 261, 261 об., 262, 262 об.

Рудакова Л. П. Николай Михайлович Печёнкин: штрихи к портрету // ВИМАИВиВС. Бранденбурговские чтения. СПб., 2003. Вып. 1. С. 28–30.

Рудакова Л. П. Полковник Николай Михайлович Печёнкин: страницы биографии // Военная история России XIX–XX вв. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб., 2012а. С. 192–201.

Смекалова Т. Н. Обзор междисциплинарных исследований античной межевой системы хоры Херсонеса Таврического // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 449–492.

Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 1961. Вып. 6. С. 5–247.

Суров Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. 1942. Т. 28, Вып. 1. С. 93–128.

Тункина И. В. К биографии Николая Михайловича Печёнкина. Новые архивные материалы // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб., 2014. С. 233–238.

Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10–38.

Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 8–42.

А. А. Русакова, О. В. Кладченко

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Краснофигурный лекиф из погребения скифского времени Доно-Кагальницкого водораздела¹

В 2020 г. Приморской археологической экспедицией ЮНЦ РАН и ДГТУ был исследован курган 1 из группы Высочино IX, расположенной в Азовском районе Ростовской области на территории Доно-Кагальницкого водораздела. Курган был возведен в эпоху средней бронзы, а затем нивелирован и использован для сооружения насыпи скифского времени.

Основное погребение скифского этапа существования кургана по меркам нижнедонских степных памятников можно смело отнести к элитарным. Оно было совершено на глубине около 6 м от уровня дневной поверхности в большой яме подбойного типа, практически полностью ограбленной. В оставшейся нетронутой восточной части погребения были обнаружены бронзовый котел с горизонтальными ручками, бронзовая жаровня с отверстиями, а также пять транспортных амфор, комплекс которых датирован С. Ю. Монаховым концом V – началом IV в. до н. э. За амфорами открывалась боковая ниша, в которой было совершено сопутствующее погребение.

Погребение в боковой нише представляет особый интерес, поскольку осталось нетронутым грабителями. Помещенный в нишу мужчина 35–45 лет² был захоронен с набором вооружения: двумя копьями, длинным мечом с плакированной золотом рукоятью, колчанным набором из более чем 200 бронзовых и железных наконечников стрел. На шее у него располагалось золотое колье. В изголовье, возле наконечников копий, стоял краснофигурный лекиф с изображением женской головки. Это первая находка расписного лекифа в степных нижнедонских комплексах за пределами Елизаветовского могильника.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

² Антропологическое заключение выполнено А. Н. Абрамовой, зав. отделом археологических фондов Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына.

Краснофигурный арибаллический лекиф, обнаруженный в сопутствующем погребении, имеет устье лотосовидной формы с уклоном, уплощенную петлевидную ручку и шарообразное тулово на кольцевом поддоне. Лак плохой сохранности, местами тусклый, с пятнами коричневого и оливкового цвета. На поверхности лекифа изображена обращенная вправо женская головка с высокой прической и бусами на шее. Правее располагается пальметта. Снизу изображение ограничено пояском овоидного орнамента.

Сюжет с изображением женской головки в профиль часто встречается на аттических краснофигурных лекифах: нам известно около 100 подобных сосудов. Особняком стоит небольшая группа с изображением богинь (Афины, Артемиды, Афродиты), отличить которых несложно по их атрибутам. Остальные изображения достаточно типовые и различаются в основном наличием или отсутствием головных уборов разных видов.

Все лекифы с изображениями женской головки по своим стилистическим особенностям достаточно четко распадаются на две хронологические группы - V и IV вв. до н. э., причем высочинский лекиф сложно отнести к одной из них. Отличительными его чертами являются наличие пояса овоидного орнамента и сложной пальметты. При этом в V в. до н. э. пальметт на лекифах с женской головкой нам не известно, а овоидный орнамент встречается лишь на трех лекифах из 68 изученных, причем все они датируются последней четвертью – концом V в. до н. э. В IV в. до н. э. декор становится богаче, однако все лекифы с пальметтами, за исключением одного, содержат профили сразу двух женских головок, а овоидный орнамент есть как снизу, так и сверху изображения, в месте перехода горла в тулово. Кроме того, достаточно часто в исполнении лекифов IV в. до н. э. появляется белая краска, которой изображается кожа женщин. Таким образом, лекиф из высочинского погребения выглядит неким промежуточным звеном между двумя этапами развития изображения женской головки, что позволяет датировать его рубежом V-IV вв. до н. э. с учетом того, что ближе он все-таки к группе более поздних сосудов. Такая датировка подтверждается и датой транспортных амфор из основного погребения.

В научной литературе предпринимались неоднократные попытки дать интерпретацию изображенным на расписных сосудах женским головкам. Так, болгарская исследовательница Л. Конова связывает подобные сюжеты с культом Деметры, основываясь, с одной стороны, на соседстве женской протомы с растительными мотивами и на частом нахождении сосудов с подобными изображениями

в погребальных комплексах, с другой [Копоva 2006]. Оригинальную трактовку женским образам предложила М. Фишер: она связала женские головные уборы с профессией жриц любви [Fischer 2008]. Здесь нужно отметить, что 84 % всех женских изображений на известных нам лекифах представлены в головных уборах. Как тогда интерпретировать девушек с непокрытой головой, остается неясным. Кроме того, даже если греки и вкладывали подобный смысл в женские образы в митрах и саккосах, варварское население явно воспринимало их иначе. И. И. Вдовиченко полагает, что «женские головки на расписных вазах могли восприниматься как обозначение одной из богинь скифского пантеона» [Вдовиченко 2008, с. 113].

Говорить о семантике изображений на лекифах в контексте погребального обряда нижнедонского населения скифского времени преждевременно ввиду небольшой выборки. В Елизаветовском могильнике нам известно 6 лекифов, только 2 из которых расписные – на одном изображен лебедь, на другом лань. От погребения в кургане Высочино IX их отличает не только выбор сюжета, но и место в погребальном обряде: чаще всего они располагаются в ногах погребенного вместе с амфорами. Положения данного исследования будут дополнены в ходе анализа синхронных памятников других регионов Северного Причерноморья.

Литература

Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). Симферополь, 2008.

Fischer M. The Prostitute and Her Headdress: the Mitra, Sakkos and Kekryphalos in Attic Red-figure Vase-painting ca. 550–450 BCE. Calgary, 2008.

Konova L. Goddesses or Mortals. Some Remarks on the Iconography and Symbolism of the Female Heads on Red Figure Vases from the Necropolis of Apollonia Pontica // The Society of the Living – the Community of the Dead (from Neolithic to the Christian Era). Proceedings of the 7th International Colloquium of Funerary Archaeology. Sibiu, 2006. P. 115–125. (Bibliotheca Septemcastrensis, XVII).



Рис. 1. Краснофигурный лекиф из кургана 1 Высочино IX.

С. Г. Рыжов, М. И. Тюрин

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Фрагмент пунической амфоры с клеймом из позднеэллинистического комплекса в Северном районе Херсонеса

В 1985 г. в ходе раскопок квартала VIII Херсонесского городища С. Г. Рыжовым был исследован подвал дома эллинистического периода. Сооружение расположено в западной части квартала, частично вырублено в материковой скале. В средневековое время подвал был перекрыт более поздними помещениями, получившими условные номера 6 и 7а [Рыжов 1985, л. 25], из-за чего точные размеры постройки установить не удается (не менее 4,0 × 4,5 м). Засыпь подвала (слой II) содержала выразительный материал IV – третьей четверти II в. до н. э., причем большинство находок относились к концу этого отрезка. Отдельные предметы из заполнения подвала (амфоры [Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, с. 108], мерные кувшины, рельефные чаши [Хлыстун 1996]) уже привлекали внимание исследователей. Несомненно, богатые материалы комплекса заслуживают полной публикации.

Среди амфорного материала из засыпи подвала выделяются два стыкующихся фрагмента венца сосуда большого диаметра (рис. 1.1). Венец отогнутый, с внешней стороны профилирован широкими невысокими валиками. Поверхность изделия имеет бежевый цвет (7.5 YR 7/2), местами переходящий в светло-розовый (2.5 YR 7/6) (рис. 1.3). Черепок на сколе розовый (2.5 YR 7/6), с включениями кварцевого песка, единичных крупных коричневых частиц (рис. 1.4). Максимальный диаметр венца составляет около 25,5 см. Фрагмент принадлежит пунической амфоре¹; среди существующих классификаций этой группы тарных сосудов наиболее разработанной является типология Дж. Рамона Торреса [Ramón Torres 1995, р. 209–210], согласно которой фрагмент из Херсонеса должен быть отнесен к варианту Т-7.4.2.1. Подобные амфоры имеют короткое узкое горло, высокое цилиндрическое тулово, коническую ножку, оканчивающуюся плоским стаканообразным дном, миниатюрные овальные в сечении

¹ Авторы приносят благодарность А. Ромеро (Antonio Saez Romero), Университет Севильи, Испания, за консультации и предоставленную литературу.

ручки (рис. 1.7). Высота их составляет около 1,0–1,1 м. Производство этих сосудов охватывает первую половину II в. до н. э.; данная тара является массовым материалом в слоях разрушения Карфагена 146 г. до н. э. Подобные амфоры изготовлялись в самом Карфагене (вероятно, в мастерских в районе Дермех-Бен Аттар), однако могли производиться и в других пунических центрах северного Туниса [Ramón Torres 1995, р. 210]. Содержимое сосудов составляли преимущественно оливковое масло и соленая рыба.

На внешней поверхности венца в области широкого горизонтального валика нанесено клеймо (рис. 1.2). В округлую рельефную рамку помещены три символа:

(читая справа налево): апл, эмблема – диск, бет ['b].

Точная аналогия (рис. 1.6) клейму происходит из сборов последней четверти XIX в., хранившихся в музее Ш. Лавижери при соборе Св. Людовика в Тунисе и изданных в 1900 г. [Berger 1900, р. 54, рl. 7.11]². Ядро коллекции составили 45 клейм, обнаруженных А. Л. Делаттром на склонах холма Бирса, затем к ним добавились экземпляры из других районов Карфагена. Таким образом, точный контекст данной находки, по всей видимости, утерян, однако не вызывает сомнений ее происхождение из Карфагена или его пригородов. В новейшее время клеймо переиздано (рис. 1.7) в общем своде пунических амфор и клейм на них как происходящее из Бирсы [Ramón Torres 1995, р. 581, № 540].

Интерпретация эпиграфных пунических клейм остается предметом дискуссии, однако, как правило, считается, что за буквенными сокращениями скрываются личные имена. Так, на близком по содержанию клейме из трех буквенных знаков [l'b] X. А. Замора Лопез предлагает читать антропоним, например, Абибаал или Адонибаал [Zamora López 2010, р. 341]. Диск в центре клейма, очевидно, следует рассматривать как солярный символ — в противоположность лунарным знакам на других пунических штампах (эмблемы в виде полумесяца [см. Ramón Torres 1995, № 677, 776]).

Учитывая общую датировку данного типа амфор и особенно факт обнаружения аналогичного клейма в Карфагене, нашу находку следует датировать в пределах первой половины – второй четверти II в. до н. э., а даты осады и гибели Карфагена должны быть приняты в качестве terminus ante quem для публикуемой находки.

² Учитывая то, что опубликована прорисовка клейма, а в последующих изданиях выполнена ее копия, не исключено, что мы имеем дело с одним и тем же штампом, а незначительные отличия связаны с сохранностью карфагенского экземпляра и качеством прорисовки.

Обычный ареал распространения сосудов данного типа — Западное Средиземноморье: Африка, Мавретания, Испания, Галлия, Сардиния, Сицилия, Балеарские острова, реже — порты Италии. В Восточном Средиземноморье находки подобной продукции немногочисленны. Тем не менее, известны случаи обнаружения фрагментов подобных сосудов и в Северном Причерноморье. Так, венцы амфор близкого варианта происходят из нижнего города Ольвии [Lawall et al. 2010, р. 33], причем известен один клейменый экземпляр [Ibid., р. 397, L-309]. Исследователи предлагают использовать данные находки как своеобразный хронологический индикатор, учитывая обилие этих сосудов в комплексах разрушения Карфагена, датированных 146 г. до н. э. [Lawall et al. 2014, р. 33].

Для датировки комплекса засыпи подвала в квартале VIII решающее значение имеет коллекция амфорных клейм. Найденная здесь родосская амфора поздней серии варианта «Вилланова» содержит штампы эпонима Ейбаµо ς (рис. 2.1) (IV b XГ, ок. 152–146 гг. до н. э. [Finkielsztejn 2001, р. 193]) и фабриката Вро́µю ς (рис. 2.2) [Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, с. 108]. На фрагментах родосских сосудов присутствуют имена эпонимов Ξενόστρατο ς (рис. 2.3) (IIb XГ, ок. 218–210 гг. до н. э. [Finkielsztejn 2001, р. 191]) и Пαυσανία ς 3 (рис. 2.4) (IV b XГ, ок. 152 г. до н. э. [Ibid., р. 193]), а также фабрикантов Афробібю ς III (рис. 2.5) (V XГ), Δ ракоνтіδа ς (IV–V XГ) (рис. 2.7), Нрµі α (IV XГ) (рис. 2.8), и еще одно клеймо фабриканта Вро́µю ς (рис. 2.6). Отметим клеймо на книдской амфоре с именем магистрата Ейфра́vоро ς (рис. 2.9) (VI ХГ, 146–115 гг. до н. э. [Yefremoff 1994, s. 88]).

В целом для комплексов Херсонесского городища позднеэллинистического периода характерны широкий хронологический диапазон находок и наличие «примесей снизу». Прекращение функционирования подвала в квартале VIII одновременно финалу целого ряда объектов на городище. По всей видимости, время формирования слоя засыпи подвала следует отнести к третьей четверти II в. до н. э. Публикуемая находка, таким образом, синхронна основной массе материала из комплекса.

Очевидно, доля пунической продукции в импорте Херсонеса эллинистического периода была незначительной. Однако представительная выборка североафриканских амфор эллинистического времени из Ольвии позволяет ожидать новых находок западносредиземноморской тары как в материалах новых полевых исследований, так и в фондах Херсонесского музея-заповедника. Можно предположить, что, единичные сосуды или небольшие партии с оливковым маслом из Северной Африки спорадически поступали в Причерноморье благодаря посредничеству торговцев из Эгейской Греции. Более надежно определить место карфагенской и, шире, пунической тары в керамическом комплексе Херсонеса позволят дальнейшие исследования.

Литература

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. (БИ. Вып. XVII).

Лейпунская Н. А. О связях Ольвии с италийским регионом Средиземноморья в позднеэллинистическое время // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII международной научной конференции (17–21 мая 1994 г.) Ростов-на-Дону, 1994. С. 61–62.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: каталог. Саратов, 2017.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса в 1985 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2613.

Хлыстун Т. Г. Мифологические образы в рельефах мегарских чаш Херсонеса // XC6. 1996. Вып. VII. С. 153–159.

Berger Ph. Musée Lavigerie de Saint-Louis de Carthage. Collection des Pères Blancs formée par le R. P. Delattre, correspondant de l'Institut. Paris, 1900.

Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford, 2001.

Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. München, 1995.

Lawall M. L., Guldager Bilde P., Bjerg L., Handberg S., Højte J.M. The Lower City of Olbia Pontike: Occupation and Abandonment in the 2nd Century BC // Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Aarhus, 2014. P. 29–46. (Black Sea Studies. 16).

Lawall M. L., Lejpunskaja N. A., Diatroptov P. D., Samojlova T. L. Transport amphoras // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD / eds. N.A. Lejpunskaja, P.G. Bilde, J.M. Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij. Aarhus, 2010. Vol. 1. P. 355–406.

Ramón Torres J. Las Ánforas Fenicio-Punicas del Mediterráneo Central y Occidental. Barcelona, 1995.

Zamora López J. A. Poenica Hispana I: documentos epigráficos feniciopúnicos inéditos, mal conocidos o sujetos a nuevo examen procedentes de la Península Ibérica y su entorno // Mainake. Los Púnicos de Iberia: Proyectos, Revisiones, Síntesis. 2010. No 32. P. 335–353.

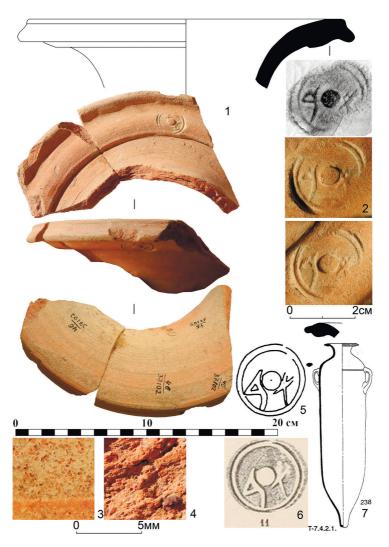


Рис. 1. Фрагмент пунической амфоры из заполнения подвала в VIII квартале Херсонеса (1), клеймо (2), поверхность (3) и скол черепка (4), аналогии клейму по [Ramón Torres 1995, fig. 215.540] (5) и [Berger 1900, р. 54, рl. 7.11] (6), форма амфоры по [Ramón Torres 1995, fig. 175.238].



Рис. 2. Прочие клейма на амфорах из заполнения подвала в VIII квартале Херсонеса.

О. Я. Савеля, Д. Ю. Савеля

г. Севастополь

Археологические памятники Варнутской долины (к археологической карте Севастополя и его окрестностей)

Варнутская долина примыкает к Байдарской долине, от которой на востоке она отделена невысоким узким хребтом Домуз-Аран, соединяющим горные массивы Кокия-Бель и Бьюк-Коль-Бурун. На седловине Бьюк-Куль-Буруна и Домуз-Арана обе долины соединяет перевал Домуз-Аран (пер. Перовского). Являясь, по сути, частью Байдарской долины, весьма относительно изолированной от нее низким узким хребтом Домуз-Арана, Варнутская котловина в миниатюре как бы повторяет Байдарскую долину по основным ландшафтным, геологическим, гидрологическим и климатическим характеристикам.

Как и Байдарская долина, Варнутская котловина представляет собой межгорную депрессию с плоским дном, окаймленную со всех сторон горными хребтами. Только на севере горную гряду, ограничивающую Варнутскую долину, прорезает каньон речки Сухой (Куру-Узень, Ксера) – левого притока р. Черной (Чоргуна, Казыклы-Узень), по которому поверхностные воды сбрасываются из Варнутской долины в р. Черную у горы Гасфорта. Горные водотоки, образующие Сухую речку, в основном, падают в Варнутскую долину по балкам, рассекающим северный склон хребта Кокия-Бель. Они получают преимущественно дождевое питание и имеют сезонный характер.

У подножия гор Биюк-Коль-Бурун и Кильсе-Баши (Караллы-Бурун) в Варнутской котловине расположены селения Гончарное и Резервное, стоящие на месте старых, существовавших еще до присоединения Крыма к России (1783 г.) деревень Варнутки и Кучук-Мускомия. Леса Варнутской долины и котловины Кокия-Бель несут отчетливый вторичный, антропохорный характер, а в рельефе видны следы длительной человеческой деятельности: признаки искусственного террасирования, следы поселений, заглохших дорог и т. д., свидетельствующих о том, что селения Гончарное (Варнутка) и

Резервное (Кучук-Мускомия) стоят на остатках более древней, довольно сложной и развитой инфраструктуры.

До середины 20-х гг. ХХ в. Варнутская долина пристального внимания исследователей не привлекала. Первое систематическое обследование археологической разведкой Варнутской долины и прилегающих к ней горных массивов предприняли юные краеведы Севастопольского музея краеведения (СМК) под рук. В. П. и П. П. Бабенчиковых в 1922–1927 гг. В 1926 г. проф. Н. И. Репников (ГАИМК) дополнительно отметил признаки средневекового поселения близ юго-западной окраины дер. Варнутка и признаки большого плитового могильника в устье балки Аджа-Малык-Дере. В те же 1922–1926 гг. параллельно и частично совместно с СМК разведки в Варнутской долине и ее окрестностях вел Л. Н. Соловьев (Херсонесский музей).

Основные результаты археологических исследований в горном и южнобережном Крыму, полученные к середине 30-х гг. ХХ в., в конце того же десятилетия суммировал Н. И. Репников в своих фундаментальных работах «Археологическая карта юго-западного нагорья Крыма» и «Археологическая карта Южного берега Крыма». В 1948—1949 гг. разведки в Варнутской долине провел С. Ф. Стржелецкий (Херсонесский историко-археологический музей). А. И. Якобсон (ЛО ИА АН СССР) в 1962—1964 гг. осуществил раскопки на поселении, которое находится в 0,5–0,7 км к югу от пос. Гончарное.

В 1983–1991 гг. изучение рассматриваемой территории разведками продолжила Севастопольская археологическая экспедиция Херсонесского заповедника (О. Я. Савеля), которая на склонах и вершинах гор, окаймляющих Варнутскую долину, открыла до десятка неизвестных ранее средневековых поселений и отметила следы развитой древней сети дорог.

В 1996–1999 гг. в ходе археологических изысканий в связи со строительством собирательного солдатского немецкого кладбища у с. Гончарное экспедицией (О. Я. Савеля) выявлены признаки трех земледельческих террас, скорее всего позднеантичного/ранневизантийского времени и бесспорные следы поселения времени финальной бронзы.

В 2015 г. на юго-западном склоне высоты Биюк-Коль-Бурун над немецким кладбищем открыт и обследован могильник – поле кремаций I в. до н. э. – I / II вв. н. э. Это стало финальным аккордом многолетних изысканий Севастопольской археологической экспедиции (О. Я. Савеля) в Варнутской долине.

По результатам археологических исследований Варнутская долина и ее окрестности представляются чрезвычайно плотно насыщен-

ными разновременными археологическими памятниками и объектами. Большинство известных сейчас (более 20) памятников – это поселения, остатки аграрных структур и дорог средневекового времени. Сложнее обстоит дело с могильниками всех эпох, а также памятниками эпохи бронзы, раннего железа, античной поры, которые в силу отсутствия внешних признаков обнаруживаются чаще всего случайно, при строительных работах, распашке земель или по следам грабительских раскопок. Археологические памятники Варнутской долины представляют достаточно уверенно хронологический спектр от II тыс. до н. э. по XIV–XV вв. н. э., а на территории пос. Гончарное и Резервное – и по более позднее время.

Высокая насыщенность Варнутской долины и прилегающих к ней территорий археологическими объектами делает необходимым при разработке проектов и программ землеустроительных, лесотехнических работ, застройки и освоения территорий предусматривать включение мероприятий по археологическому изучению данного микрорегиона, освоению и сохранению памятников. Хорошая сохранность и транспортная доступность делают многие из этих памятников после соответствующей подготовки прекрасными объектами для включения в туристско-экскурсионные маршруты и рекреационные зоны.

Е. А. Савостина

Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова, г. Москва

Т. С. Тихонова

ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар

Находка 2020 года в Горгиппии: мастерская коропласта и ее продукция

В Северном Причерноморье найдено большое количество античных терракот – разнообразных фигурок из обожженной глины. Известны они и на Боспоре. Несложность их производства предполагала возможность копирования привозных оригиналов местными мастерами путем простого изготовления оттиска с «модели» (прототипа) и ее повторения. Разумеется, воспроизводиться могли и «местные» образцы. Местонахождение мастерских, где занимались этим древним художественным ремеслом, определяется обычно по найденным формам для оттиска – матрицам, реже – по заготовкам, оттиснутым в форме, но еще не обожженным (Фанагория). Еще реже обнаруживаются остатки гончарных печей. Однако бывают и совершенно исключительные случаи, когда находят и остатки печи, и обжигавшуюся в ней продукцию, как это произошло при археологических раскопках на территории античной Горгиппии в 2020 году, когда Археологическим отрядом «ДиЛуч» ООО «Кубаньархеология» была раскрыта небольшая полуразрушенная печь, содержавшая обжигавшиеся в ней терракоты: две одинаковых полых протомы-бюста и одностороннюю протому-маску, представляющие изображения Коры-Персефоны и богини Деметры (рис. 1, 2).

Большая удача, что эти фигурки стали известны в контексте позднеклассической эпохи, городской жизни, ремесленного производства Горгиппии. Об особенности технологии их изготовления говорят одинаковые лица терракот обоих типов: можно предполагать, что горгиппийский коропласт готовил модель для последующего тиражирования в несколько этапов. Сначала, как это практиковалось с VII в. до н. э., использовалась форма для оттиска лиц (и в ней не убрали глиняную крошку, проявившуюся далее во всех вариантах продукции как врожденная отметина), а остальная часть статуэток

исполнялась свободной лепкой. Так были созданы новые модели терракот двух типов, с которых уже снимали новые производственные формы.

Особенно интересен тот факт, что продукция из этой мастерской была известна исследователям и ранее. Так, в некрополе Горгиппии среди других приношений обнаружена подобная полуфигура Коры-Персефоны (1954) [Кругликова 1982, с. 122]. В том же районе древнего города, недалеко и от найденной ныне печи, и от некрополя, при строительных работах (1965) было зафиксировано скопление чернолаковых сосудов и терракот, истолкованное исследователями как храмовый сброс, связанный со святилищем Элевсинских богинь [Салов 1968; Цветаева 1968]. Несколько терракот из этой группы аналогичны односторонней протоме, извлеченной из печи в 2020 году.

При изучении античной коропластики обычно возникают проблемы, касающиеся идентификации образа, датировки, определения места производства, технологии изготовления и применения статуэток. Благодаря новому открытому комплексу, связанному с мастерской коропласта, многие вопросы, включая проблему циркуляции отдельных элементов и трансформации образа женского божества, могут быть прояснены.

Литература

Кругликова И. Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954—1964 гг. // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982. Вып. ІІ. С. 117—147.

Салов А. И. Случайные находки в Анапе и ее окрестностях // СА. 1968. № 3. С. 202–206.

Цветаева Г. А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968. N 1. С. 138–148.



Рис. 1. Горгиппия. 2020 г. Остатки гончарной печи.



Рис. 2. Протомы Коры-Персефоны и Деметры, найденные в разрушенной печи.

Н. Г. Свиркина, М. В. Добровольская, А. В. Мастыкова, И. О. Гавритухин, А.Н. Свиридов, С. В. Язиков Институт археологии РАН, г. Москва

Хронологическая динамика демографических показателей населения, оставившего могильник Фронтовое 3¹

Могильник Фронтовое 3 представляет особый интерес для исследователей древностей Крымского полуострова в позднескифский период. Памятник был полностью раскопан силами Крымской новостроечной экспедицией ИА РАН в 2018 г. Могильник обошли стороной масштабные разрушения, связанные с деятельностью мародеров, что позволило получить богатейший пласт археологических находок. Значительный объем собранного антропологического материала (около 420 костяков) из погребений в сочетании с четким археологическим контекстом открывает широкие возможности для изучения населения, оставившего могильник.

Вместе с тем фрагментарная сохранность материала, обусловленная спецификой грунтов и погребальным обрядом, ограничивает перспективы классических морфологических исследований. В связи с этим возрастает значение методик, применимых к останкам неполной сохранности. Одним из наиболее оптимальных методов работы с подобной категорией материала является палеодемографический анализ. Как известно, значительная численность индивидов повышает достоверность результатов данного метода. Таким образом, многочисленные материалы из могильника перспективны для анализа демографических параметров населения позднескифского времени.

Археологическое изучение могильника выявило несколько хронологических зон существования памятника, поэтому мы имеем возможность наблюдать динамику демографических параметров у культурно единого населения [Гавритухин и др. 2020].

Основные палеодемографические параметры, включенные в анализ, следующие: процент детских костяков, средний возраст смерти

¹ «Исследование выполнено при поддержке фонда РНФ, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

без учета детей, процентное соотношение мужчин и женщин и процент индивидов старше 50 лет.

Первый период существования могильника приходится на последнее десятилетие I – середину III в. н. э. В выборку этого периода входят 304 костяка. Детские скелеты составляют 11 %. Соотношение мужских и женских костяков в процентном выражении составляет 56,9/43,1. Средний возраст смерти составляет 37,2 года, у мужчин 39,1 лет, у женщин 34,8 лет. Процент мужчин старше 50 лет без учета детской смерти составляет 9,6. В мужской части выборки этот показатель достигает 14,8 %, у женщин - 6,2%. Самый ранний этап (последнее десятилетие I – первая половина II в. н. э.) отличается более выраженной диспропорцией мужчин и женщин (63,3/36,7, общий размер выборки 72 костяка), несколько большим процентом детей (15,3 %). Показатели среднего возраста смерти и процента индивидов старше 50 лет также незначительно выше. Второй период приходится на вторую половину III в. – начало V в. н. э. Выборка этого периода составила 109 костяков. Все показатели в этой выборке ниже, чем в выборке первого периода: процент детей 10,1, средний возраст смерти 35,6 лет, у мужчин 38,1 лет, у женщин 31,7 лет, процент индивидов старше 50 лет составляет 6,5, у мужчин 11 %, у женщин 5,2 %. Соотношение мужских и женских костяков в процентном выражении составляет 58,2/41,8.

Данное исследование демонстрирует изменчивость основных палеодемографических параметров выборок из могильника Фронтовое 3, которое выражается в снижении процента детей, среднего возраста смерти и процента индивидов старше 50 лет. Другая особенность – преобладание мужчин среди половозрелых индивидов, в частности, в грунтовых склепах, которые появляются на могильнике во второй период. Схожие показатели демографических параметров были зафиксированы на нескольких синхронных памятниках Северного Причерноморья: Неаполь Скифский (1-й этап), Александровские скалы, Восточный некрополь Фанагории [Алексеева и др., 2003; Добровольская, Свиркина 2018; Бейлин, Рукавишникова 2018].

Варьирование значений демографических параметров выборок может быть связано с изменением условий, определяющих качество жизни населения, оставившего могильник Фронтовое 3. На данный момент остается открытым вопрос, являются ли описанные выше характеристики типичными для позднескифского времени или они обусловлены локальными обстоятельствами.

Литература

Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропоэкологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003. 131 с.

Бейлин В. Д., Рукавишникова И. В. «Александровские скалы 1» – курганная группа и античный некрополь // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / отв. ред. А. В. Энговатова. М., 2018. С. 20–31. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С 91–110.

Добровольская М. В., Свиркина Н. Г. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам) М. 2018. 233 с.

Н. Г. Свиркина, М. В. Добровольская

Институт археологии РАН, г. Москва

Преднамеренная деформация головы в среде позднескифского населения (по материалам могильника Фронтовое 3)¹

Уникальный своей сохранностью археологических материалов некрополь Фронтовое 3 открывает широкую перспективу изучения позднескифского населения Крыма. В отличие от богатейшего вещевого сопровождения, сохранность самих останков людей плохая. Большая часть индивидов из 328 захоронений представлена фрагментами скелетов, по которым не всегда можно сделать уверенное половозрастное определение классическими палеоантропологическими методами. Общее число погребенных, выявленных при анализе останков, составляет около 415. Доступных для оценки присутствия следов деформации около 50 % черепов.

Наиболее ранний интерес к палеоантропологическим материалам и связан с «макроцефалами» [Богданов 1884]. Еще Карл фон Бэр опубликовал работу, посвященную описанию деформированных черепов из памятников Крыма и Австрии [Baer 1860]. За этим следуют многочисленные исследования, включавшие десятки памятников и сотни черепов со следами преднамеренной деформации с территории Северного Причерноморья [например, Батиева 2006, 2011; Герасимова и др. 1987; Иванов 2003, 2016]. Большинство авторов рассматривают форму головы как культурный код. Также высказывается мнение, что наложение деформирующей повязки проводилось женщинами, поэтому «традиции деформации стоит уподобить исследованию митохондриальной ДНК» [Медникова 2017, с. 68]. М. А. Балабанова считает, что «обычай искусственной деформации головы у разных народов являлся коммуникативным знаком - сигналом, передающим информацию об объекте, событии или состоянии [Балабанова 2016, с. 191].

В ходе исследования скелетных останков из могильника Фронтовое 3 были выявлены шесть индивидов со следами деформации го-

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РНФ, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

ловы. Сопоставление сагиттальных обводов черепов позволило увидеть, что у пяти из шести индивидов выражен сходный тип деформации и лишь у одного индивида – другой (илл. 1.). Пять индивидов со сходным типом деформации – мужчины. Планиграфическое положение этих захоронений позволяет отнести их ко всем периодам существования могильника [Гавритухин, Свиридов, Язиков 2020]. Индивиды были погребены в подбоях. Степень выраженности следов преднамеренной деформации преимущественно слабая и проявляется в позадивенечном понижении. Подобный тип деформации встречается среди черепов многих краниологических серий, например: недатированные черепа Херсонеса античного времени [Иванов 2016], черепа из погребений римского времени на территории полуострова Абрау [Медникова, Балуева 2009], среди индивидов из погребений Фанагориии [Герасимова и др. 1987, с. 56].

Череп со следами кольцевой деформации принадлежит женщине из грунтовой могилы № 168 и внешне отличается от мужских краниумов (илл. 1).

Можно констатировать, что традиция преднамеренной деформации головы устойчиво бытовала в среде позднескифского населения (согласно материалам из могильника Фронтовое 3), однако, она не имела широкого хождения. Это контрастирует с памятниками нижнедонского региона, где в позднесарматское время искусственно деформированные черепа встречаются в 55 % случаев [Батиева 2006, с. 55]. Также важно отметить, что степень деформации головы, полученная в результате использования повязок, была минимальна. Ближайшие аналогии способа наложения повязок и частоты встречаемости деформированных черепов можно найти в сериях, происходящих из Фанагории и полуострова Абрау. Мы предполагаем, что ограниченное распространение изучаемой традиции в среде позднескифского населения отражает значительное культурное взаимодействие с носителями античной культуры, которые не практиковали деформацию головы младенца.

Литература

Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Анучин Д. Н. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России. М., 1887. 72 с.

Балабанова М. А. Модификация головы как невербальный код коммуникации в традиционных культурах народов мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. 2016. \mathbb{N} 4 (34). С. 188–195.

Батиева Е. Ф. Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 53–72

Батиева Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, 2011.

Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму. // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1982. Ч. 2. С. 31–39.

Богданов А. П. О черепах из Крымских могил, могил Херсонеса и Инкермана // ИОЕЛАЭ. Антропологическая выставка. М., 1884. Вып. 1. Ч. 1. С. 123144.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.

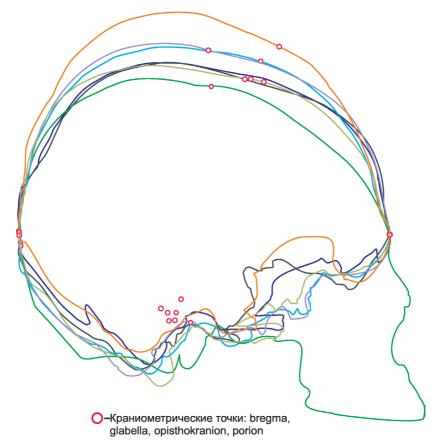
Иванов А. В. О практике искусственной деформации головы на территории Крымского полуострова // Вестник антропологии. 2003. Вып. Х. С. 75–90.

Иванов А. В. Население античного Херсонеса Таврического – византийского Херсонеса по данным антропологии. Севастополь, 2016. 352 с.

Медникова М. Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М., 2017. 223 с.

Медникова М. Б., Балуева Т. С. Новые данные к краниологии населения полуострова Абрау // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / под ред. А. А. Малышева. М., 2009. С. 108–148.

Baer K.E. Die Makrokephalen im Boden der Krym und Österreichs. St.-Pétersbourg, 1860. 89 p.



Илл. 1. Сагиттальные обводы черепов со следами преднамеренной деформации черепа: погребение 43, мужчина 50–55 лет (оранжевый); погребение 87, мужчина 30–39 лет (черный); погребение 96, мужчина 40–49 лет (голубой); погребение 106, мужчина 40–49 лет (лиловый); погребение 168, женщина 25–35 лет (зеленый); погребение 183, мужчина старше 45 лет (фиолетовый); погребение 214, мужчина 45–55 лет (салатовый).

О. А. Скуридин

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Памятники олимпионикам как символы полисного патриотизма

Спорт как феномен культуры зародился в античности и был возрожден в Новое время. Обращение к истокам спортивного движения позволит глубже понять принципы олимпизма, а также дать образцы для подражания современным атлетам.

Целью данной работы является рассмотрение памятников выдающимся атлетам античности как воплощение символов-ориентиров полисного патриотизма.

Исходным пунктом такого исследования служит тезис о том, что спортивные соревнования представляли возможность простому человеку достигнуть признания личных заслуг и прославить родной полис во всей греческой ойкумене, поэтому победа на общеэллинских играх (Олимпийских, Пифийских, Немейских, Истмийских) являлась патриотическим поступком [Зайцев 1985, с. 102].

Особая слава доставалась победителю на Олимпийских играх (олимпионику): он автоматически включался в элиту своего государства, получал знаки уважения со стороны чужеземцев [Зельин 1962, с. 22]. Кроме того, в Олимпии была придумана хронологическая система, которой могли пользоваться совместно несколько государств: годы, в которые проводились игры, были пронумерованы и поименованы в честь того атлета, который победил в беге – с обязательным упоминанием родного полиса победителя. Например, 1-я олимпиада – это олимпиада Кореба из Элиды [Хэммонд 2007, с. 322–383].

Олимпионик мог воздвигнуть статую на месте соревнования и в родном полисе [Hyde 1921, p. 30]. Такие статуи воспроизводили его индивидуальные черты, вызывая у зрителя ассоциации с высокими достижениями атлета, прославившего свой родной полис.

Многие олимпионики после спортивных побед продолжили деятельность как военно-политические лидеры своих полисов. Это утверждение хорошо иллюстрирует жизнь олимпионика

VI в. до н. э. Милона Кротонского. Известно, что под его предводительством граждане Кротона в решающем сражении победили сибаритов (510 г. до н. э.) (Диодор Сицилийский. XII.9.5). Образ прославленного борца передавала статуя работы мастера Дамея, установленная в Олимпии (Павсаний. VI.14.2).

Среди олимпиоников известны ойкисты (основатели городов). Одним из них был бегун лаконец Хионид, который участвовал вместе с Баттом из Феры в основании горда Кирены (ок. 630 г. до н. э.), а также в походах против ливийцев (Павсаний. III.14.3). Этот атлет удостоился высокой чести, которая заключалась в том, что стела с перечнем его спортивных побед была воздвигнута рядом с надгробиями спартанских царей (Павсаний. III.14.3).

В качестве примера олимпионика-патриота общеэллинского масштаба назовем борца Хилона из Патр, сына Хилона (вторая половина IV в. до н. э.). Этот выдающийся атлет погиб в одной из битв за свободу Эллады, за что был похоронен за государственный счет (Павсаний. VI.4.4). Образ Хилона отражала статуя, которую граждане заказали известному скульптору Лисиппу. В надписи на постаменте перечислены основные вехи его жизни: победы на всех общеэллинских состязаниях и доблестная гибель на войне (Павсаний. VI.4.4).

Памятник-статуя многократному победителю в Олимпии панкратисту Промаху (V в. до н. э.) был расположен в гимнасии Пеллены, где использовался для воспитания молодых воинов (эфебов) (Павсаний. VII.27.2). Известно, что этот атлет прославился во время войны между родным городом и Коринфом (Павсаний. VII.27.2). Подчеркнем, что гимнасии имели важное значение для тренировки защитников полиса, о чем свидетельствует тот факт, что среди гимнасиархов Херсонеса Таврического был известный государственный деятель Агасикл (III в. до н. э.) [Соломоник 1988, с. 48].

Подведя итог вышеизложенному, отметим, что статуи и другие памятники атлетам-победителям, установленные в Олимпии и в родном полисе, отражали не только выдающиеся спортивные достижения, но и военно-политические заслуги во благо своего государства. Они являлись символами-ориентирами для сограждан, использовались для воспитания молодежи в духе патриотического служения родине.

По нашему мнению, патриотические образы античных атлетов, воплощенные в их памятниках, могут служить образцами для современных спортсменов, приобщению их к истокам олимпизма. Возрождение духа последнего позволит поднять на новый уровень значение современного спорта высших достижений.

Литература

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Перевод [с англ.] Д. В. Мещанского. [Электронный ресурс] // Симпосий Συμπόσιον. URL: http://www.simposium.ru/ru/node/9069 (Дата обращения: 30.05.2021).

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. 208 с.

Зельин К. К. Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29.

Павсаний. Описание Эллады: в 2 томах. Т. 1 / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева. М., 2002. 492 с.

Павсаний. Описание Эллады: в 2 томах. Т. 2 / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева. М., 2002. 503 с.

Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. 108 с.

Хэммонд Н. Дж. Л. Пелопоннес // Расширение греческого мира. VIII–VI века до н. э. М., 2007. С. 282–429. (Кембриджская история древнего мира. Т. III, ч. 3).

Hyde W. W. Olympic victor monuments and Greek athletic art. Washington, D.C., 1921. 406 p.

Т. Н. Смекалова

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», г. Москва

Э. А. Терехин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

Новые данные о древнейшей античной межевой системе Херсонеса. Дистанционные методы изучения¹

По мнению многих исследователей, наиболее раннее херсонесское размежевание земель было проведено в первой половине IV в. до н. э. на Маячном п-ве (рис. 1.а) [Николаенко 2018]. На перешейке Маячного п-ва, господствующего над всей прилегающей территорией Гераклейского п-ва, не позднее конца первой – начала второй четверти IV в. до н. э. было возведено укрепление, образованное двумя линиями крепостных стен с башнями [Щеглов 1993].

Топографический план остатков античных межевых сооружений Маячного полуострова был снят Л. Серристори в 1825 г. [Николаенко 2018]. Следующим этапом стало помещение схемы античных земельных наделов на полуверстовую карту 1886 г. В 1911 г. Н. М. Печёнкин по рекомендации М. И. Ростовцева выполнил съёмку плана выявленных здесь античных участков [Смекалова, Виноградов 2020]. В 1960-е гг. С. Ф. Стржелецкий совместно с А. Н. Щегловым, Г. М. Кутыкиной (Николаенко) и Е. Н. Жеребцовым сделали полевые чертежи блоков 49–54 на Маячном полуострове [Николаенко 2018]. Позднее, в 1969–1983 гг., собрание детальных натурных чертежей пополнили выполненные Е. Н. Жеребцовым топопланы нескольких блоков на юге Маячного полуострова [Жеребцов 1985].

Переломный момент в изучении античного межевания на Гераклейском полуострове, включая Маячный, наступил с получением доступа к коллекции трофейных немецких аэрофотографий 1941–1944 гг., хранящейся в Национальном архиве США (NARA II). На основании моза-

 $^{^1}$ Исследование проведено при поддержке проекта РФФИ № 18-09-40037-Древности «Неопубликованное научное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

ики геореферированных аэрофотоснимков 1941–1944 гг., а также космического снимка 1966 г., были построены сетка античного межевания в точных географических координатах и детальные чертежи внутреннего межевания блоков участков для всего Гераклейского полуострова, включая Маячный, и выявлены основные принципы херсонесского межевания (рис. 1.а) [Смекалова, Терёхин, Пасуманский 2018; Смекалова 2019]. Кроме того, изучение детальной аэрофотосъёмки 1940-х гг. позволило вернуться к вопросу о начальном этапе античного межевания, что и является предметом данной статьи.

Как видно из конфигурации построенной сетки земельных наделов (рис. 1.*a*), направление осей межевания, а также размеров блоков наделов на Маячном и Срединном полуостровах (блоки состояли из 4-х гражданских наделов-*гекаторюгов*²) отличаются от всей остальной территории Гераклейского п-ва, где блоки включали по 6 *гекаторюгов* (рис. 1.*б*). Это позволяет сделать предположение, что не только Маячный, как считали практически все исследователи [Николаенко 2018], но и Срединный п-в, были в числе первых размежеванных территорий.

Более того, изучение аэрофотоснимков 1940-х гг. позволило также сделать вывод о том, что по «начальной» сетке была разделена земля *перед* укреплением на перешейке Маячного полуострова с юго-восточной стороны и на стыке Маячного и Срединного полуостровов (рис. 2.*a*, *б*). Здесь мы видим кардинальное отличие направления границ блоков 42, 44, 43, 43a, 138 от всей остальной обширной территории Гераклейского п-ва. В то же время, ориентация межевания этих «пограничных» блоков совпадает с направлением стен укрепления на перешейке Маячного п-ва (рис. 1.*a*, 1.*б*).

Следовательно, территория, примыкающая к внешней стороне укрепления, была, вероятно, размежевана одновременно с построением крепости на перешейке. Крайний – юго-западный с морской стороны – блок 44 примыкает к стенам укрепления. Блок 42 примыкает одной стороной к укреплению, а другой – к Большой Херсонесской дороге (рис. 1.а и 1.б). Находящиеся к югу от этой дороги блоки 43 и 43а повторяют ориентацию стен блоков 44 и 42. Особенно ярко отличие «начальной» планировки участков от последующей тотальной размежевки Гераклейского п-ва видно на примере схемы детального внутреннего межевания блока 138 (рис. 2.б). Внешние и внутренние границы блока, а также плантажные стены виноградников были выявлены по немецкому трофейному аэрофотоснимку 1944 г. (рис. 2.а). Блок 138 размежеван

 $^{^2}$ Гекаторюг – или сто-оргиевый участок, квадрат со стороной в 100 оргий или 209,4 м. Первоначально гекаторюг был единичным гражданским наделом [Смекалова, Терехин, Пасуманский 2019].

по системе, соответствующей направлению стен укрепления на перешейке Маячного п-ва, а также блоков 44 и 42 (рис. 2.6). В местах стыков блока 138 с размежеванными по «новой» схеме блоками 45, 137 и 139 мы видим резкий обрыв внутренних границ и межевых стен виноградников (рис. 2.6). Вероятно, граница между «начальным» и «новым» межеванием проходила так, как показано на рис. 1.6.

По «старому» принципу были размежеваны пограничные блоки 42, 44, 138, 43, 43а. По «новым» правилам прошло размежевание блоков 45, 137 и 139. Возможно, что площадь «начального» межевания простиралась также и на территорию, которая позже стала блоками 45, 46 и 137, но впоследствии, при глобальном размежевании всего Гераклейского полуострова, эти блоки были решительно перепланированы на новый манер.

Что заставило оставить на блоке 138 старое внутреннее межевание, неясно. Возможно, сыграла роль близость к морскому берегу, имеющему неправильные очертания, что в случае перепланировки вынудило бы землемеров решать сложную задачу межевания краевых участков. Также не исключено, что блоками 42, 44, 138 и другими, примыкающими к Маячному и Срединному полуостровам, владели какие-то влиятельные граждане, не пожелавшие перепланировать свои уже хорошо обустроенные виноградники. Об этом косвенно свидетельствует известная херсонесская надпись IOSPE I² 403, в которой перечисляются крупные участки, вероятно, располагающиеся в районе Маячного полуострова. Так, землевладение Пасихара составляло более 22 гекаторюгов или 96 га; у Проматия, сына Дионисия, был тоже очень большой участок, составляющий более 20 гекаторюгов или 91 га; у какого-то неизвестного, сына Нанона – участок более 11 гекаторюгов (48 га) [Смекалова 2020].

Межевание Срединного полуострова, очевидно, началось от Большой херсонесской дороги, о чем говорит параллельная ей ориентация и правильная квадратная форма примыкающих к дороге блоков 35 и 36, а также блоков «второго ряда» 34 и 37 (рис. 2.6). Только краевые блоки 32 и 32а имеют неправильную форму, обусловленную, очевидно, сложной формой берега Стрелецкой бухты. Поэтому следует признать высокий статус и значение Большой херсонесской дороги, соединяющей кратчайшей и наиболее удобной сухопутной трассой длиной около 8,5 км поселение на перешейке Маячного полуострова с Херсонесом.

Итак, в результате детального анализа архивных аэрофотографий 1940-х гг. и космического снимка 1966 г. удалось показать, что раннее межевание коснулось не только территории Маячного п-ва, как это

считалось ранее, но и соседнего Срединного п-ва, а также территории к юго-востоку от укрепления на перешейке с внешней стороны. То есть укрепления на перешейке защищали не только сам Маячный п-в, но и близлежащие территории к юго-востоку и востоку от него. В случае опасности люди, работающие на этих наделах, могли найти убежище за стенами укрепления на перешейке, так же как и жители участков на самом Маячном полуострове. Таким образом, можно заключить, что площадь начального межевания была не 460–470 га, как предполагалось ранее [Щеглов 1993], а почти в два раза больше – 930–940 га.

В то же время наличие наделов на перешейке на подступах к укреплению с внешней, юго-восточной, стороны усиливало его защитные свойства, так как создавало дополнительное препятствие для нападающего неприятеля. Противник, попав на виноградник, покрытый плантажными стенами и стелющимися или вьющимися по деревьям виноградными лозами, с трудом мог из него выбраться. Если же он попадал на участок, где плантажные стенки одного располагались перпендикулярно по отношению к плантажным стенкам соседнего поля, то в такой ловушке он окончательно терял ориентацию. По свидетельству Аристотеля, в целях безопасности так «поступают сельские жители при посадке виноградных лоз, располагая их перекрестными рядами» (Arist. *Pol.* VII.X.5).

Литература

Жеребцов Е. Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 38–45.

Николаенко Г. М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь, 2018. 344 с.; ил.

Смекалова Т. Н. Социально-экономические изменения на хоре Херсонеса Таврического в III в. до н. э. по данным эпиграфики и дистанционного зондирования // ПИФК. 2020. № 4. С. 128–145.

Смекалова Т. Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. 2019. № 1. С. 58–76.

Смекалова Т. Н., Терехин Э. А., Пасуманский А. Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования // ВДИ. 2018. № 2. С. 306–332.

Смекалова Т. Н., Виноградов Ю. А. История археологического изучения и современные исследования Маячного полуострова // Археологические труды Н. М. Печёнкина: монография. СПб., 2020. С. 39–54. (Серия: Гераклейский сборник. Вып. IV).

Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10–38, 298–317.

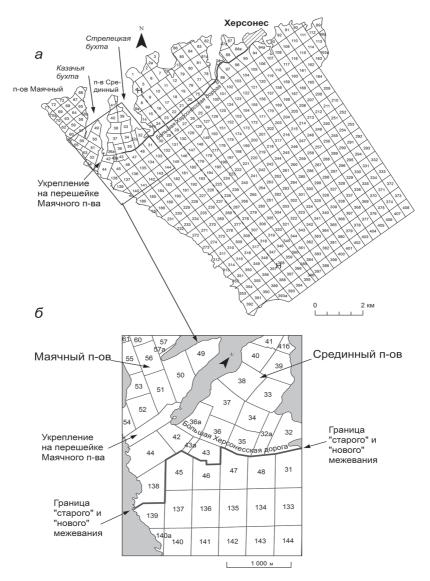


Рис. 1. а – План размежевания Гераклейского n-ва, построенный по данным архивных аэрофотоснимков 1940-х гг. и космической фотографии 1966 г.; 6 – Увеличенная часть плана размежевания в районе Маячного и Срединного полуостровов.

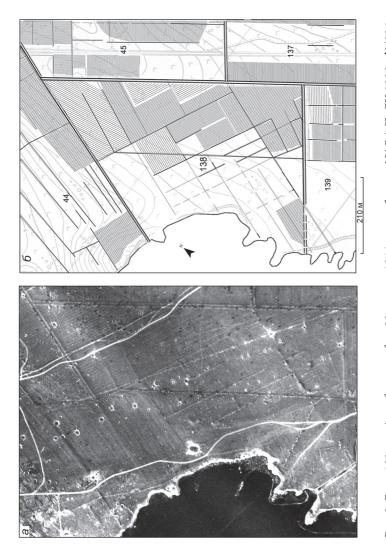


Рис. 2. Блок 138. а – Аэрофотография 23 апреля 1944 г. из собрания NARA II. GX 1893 sd2/994; 6 – Чертеж внутреннего межевания блока 138 на фоне релъефа местности.

Р. В. Стоянов

Центр античной и восточной археологии Высшей школы экономики, г. Москва

Архитектура Шверинского кургана

Шверинский курган, находившийся на южном берегу Стрелецкой бухты, – единственный греческий монументальный погребальный памятник V в. до н. э. на территории ближней хоры Херсонеса. Изучение кургана и связанные с ним вопросы привлекали внимание многих исследователей [Stoyanov 2009, р. 199–214].

Особенности архитектуры кургана обусловлены тем, что его насыпь была полностью сложена из бутового камня в виде холма правильной конической формы высотой ок. 15 м, диаметром ок. 26,6 м. В центральной части насыпи был найден установленный вертикально кипарисовый столб, диаметром у основания – 26,7 см. Этот столб был извлечен из кургана и хранился до 1905 г., когда его разрубили на дрова и сожгли [Юргевич 1875, с. 404]. По всей видимости, он использовался в процессе сооружения курганной насыпи для контроля ее высоты и угла наклона бортов (рис. 1).

В результате раскопок 1890 г., проводившихся под руководством К. К. Косцюшко-Валюжинича, была удалена вся насыпь кургана (1942 м³) и полностью открыта крепида диаметром около 25 м, сложенная из 63 рустованных блоков. Пространство внутри нее было расчищено до скалы, где обнаружены «следы кострища» [Бертье-Делагард 1893, с. 55]. К сожалению, размеры и характер зольного пятна указаны не были.

В 1908 г. доследованием Шверинского кургана руководил Н. М. Печёнкин. В тщетном поиске погребальной камеры он заложил вокруг крепиды круговую траншею шириной около 2 м, которая была доведена до материковой скалы. Печёнкин отметил, что часть блоков была установлена на дневной поверхности времени сооружения кургана, на это указывал растительный тлен, находившийся под их основанием. Кладка состояла из двух рядов прямоугольных блоков. Высота блоков нижнего ряда составляла 0,45 м, верхнего – 0,7 м [Печенкин 1914, с. 192]. Р. Х. Лёпер обмерил один из блоков крепиды – $1,88 \times 0,70 \times 0,38$ м – и указал, что ширина обработанного края на лицевой поверхности блока составляла 8-10 см [Лёпер

1910, л. 43 об.]. А. Л. Бертье-Делагард указывал, что к наружной стене с внутренней стороны примыкала еще одна стена, сложенная на глиняном растворе из необработанного камня. Ширина основания стены была ок. 1 м, а ее высота составляла 2,3 м. Эта стена возвышалась над наружной стеной крепиды, перекрывая ее верхнюю часть. А. Л. Бертье-Делагард объяснил подобную конструкцию необходимостью дополнительного укрепления внешнего панциря крепиды, сдерживавшей давление курганной насыпи [Бертье-Делагард 1907, с. 94].

Помимо этого, под руководством Печенкина были разобраны отвалы раскопок Косцюшко-Валюжинича, располагавшиеся с внешней части крепиды. В результате были найдены две тщательно обработанные каменные плиты одинаковой прямоугольной формы размерами $1,136\times0,450$ м, толщиной 0,160 см. Угол одной из продольных сторон у каждой плиты был стесан таким образом, что при соединении этих сторон плиты образовывали прямой угол. Вероятно, плиты составляли часть конструкции каменного ящика, в который была помещена урна с кремированным прахом [Печенкин 1914, с. 192].

Приведенные данные позволяют восстановить процесс сооружения кургана, особенности его архитектуры и процесс совершения захоронения. На выбранной площадке был произведен обряд кремации на месте. Остатки кремации были захоронены в бронзовой урне, установленной в каменном ящике или в углублении в скале с двускатным плитовым перекрытием. Вокруг места кремации была возведена крепида, состоявшая из двух рядов массивных рустованных прямоугольных блоков высотой до 1,15 м. При этом блоки нижнего ряда кладки были почти вдвое уже верхних. Судя по фотографии, рустованные поверхности нижнего и верхнего рядов также имели существенные отличия. Необработанные поверхности блоков верхнего ряда кладки, окаймленные неширокими (8-10 см) обработанными секторами, составляли прямоугольные сегменты, занимающие основную площадь лицевой поверхности блоков. Блоки нижнего ряда кладки были оформлены иначе. Сплошная горизонтальная полоса необработанной поверхности разделяла каждый блок на три приблизительно равные части, образуя непрерывный пояс в нижнем ряду кладки (рис. 2). За крепидой располагалась не отдельная вторая стена, а внутренний панцирь, вплотную примыкавший к лицевым блокам. Таким образом, крепида Шверинского кургана представляла собой массивную двухслойную кладку толщиной до 1,38 м, общей высотой до 2,3 м. Внешний панцирь крепиды

был выполнен из рустованных блоков, уложенных насухо в псевдоисодомной технике, а внутренний – из бутового камня, уложенного иррегулярно. Внутренний панцирь кладки был выше внешнего на 0,8 м. Крепида образовывала кольцо, ограничивающее и сдерживающее нижнюю часть каменной насыпи. Помимо этого, курганная насыпь сохраняла коническую форму благодаря тому, что бутовый камень, из которого она состояла, вероятно, был уложен в определенном порядке, изучить который, к сожалению, было невозможно уже во временя исследования этого памятника Печёнкиным.

Литература

Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. Лёпер Р. Х. Дневник раскопок 1909, 1910 г. // НА ГИАМЗ ХТ. Ф.1. Д. 71/І. Печёнкин Н. М. Шверинский курган // ИТУАК. 1914. № 51. С. 186–194. Юргевич В. Новейшие археологические открытия в Крыму // ЗООИД. 1875. Т. IX. С. 403–409.

Stoyanov R.V. The Shverin Burial-Mound // ACSS. 2009. 15 (3-4). C. 199-214.

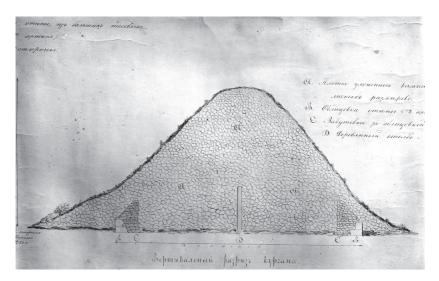


Рис 1. Схематический план Шверинского кургана, рисунок П. Кикина, 23 марта 1873 г. [НА ИИМК РАН, ФА нег. III. 11575].



Рис. 2. Шверинский курган, фото 1908 г. [HAO ГИАМЗ XT. нег. 941, 988].

А. А. Строков

Институт археологии РАН, г. Москва **М. В. Калашников**

Независимый исследователь

Могильник римской и позднеантичной эпох Красноармейский I: вопросы хронологии¹

В 1986—1987 гг. Запорожский отряд Таманской экспедиции (позднее – Запорожская экспедиция) ИА АН СССР под руководством М. В. Калашникова исследовал комплекс памятников у пос. Красноармейский Темрюкского района, в том числе некрополь Красноармейский І, где было изучено 7 грунтовых склепов. Вопросам их датировки посвящена данная работа.

Первоначально при подготовке отчета склепы были датированы достаточно широким временным интервалом – I–VI вв. Эту же датировку повторил В. Н. Чхаидзе при публикации тезисов, посвященных этому памятнику [Чхаидзе 2007, с. 247]. Повторное обращение к материалам могильника Красноармейский І позволяет уточнить и несколько сузить предложенный первоначально временной интервал. Выделяются две группы склепов – римской эпохи ІІ–ІІІ вв. (№ 93, 95, 107) и позднеантичные IV – первой половины V в. (№ 92, 106, 113, 120).

Основными хроноиндикаторами первой группы захоронений являются находки пряжек, краснолаковой керамики, светильников, а также стеклянных сосудов и бус. В склепе 107 обнаружены две бронзовые ажурные пряжки с пельтовидной рамкой типа А1 и В1 (рис. 1.1), которые могут быть датированы II – первой половиной III в. [Костромичев 2015, с. 312, 318–319]. А также простая бронзовая пряжка с овальной рамкой, несколько спрямленной в тыльной части, и подвижным плоским язычком (рис. 1.2), которая может быть отнесена к группе IIа позднесарматских ременных гарнитур, датирующихся первой половиной III в. [Малашев 2000, с. 199, рис. 1]. В этом же склепе были обнаружены краснолаковая тарелка и кубок/

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 21-18-00026.

чаша наиболее распространенных форм понтийской сигиллаты Северного Причерноморья – миска формы 3 или 4, чаша – формы 30 (рис. 1.4, 5)², которые датируются II–III вв. [Журавлев 2010, с. 48–49, 60–61; Kühnelt 2008, S. 128–134]. В предложенные датировки укладываются находки светильников типа 25 (рис. 1.6), относящиеся ко II в. [Журавлев и др. 2010, с. 242]. Интересна находка округлой бусины глухого темного стекла с волнистыми линиями в погребении 107 (рис. 1.3), относящаяся к типу 307в и датирующаяся IV в. [Алексеева 1978, с. 51], что, возможно, говорит более длительном использовании этой гробницы.

Для захоронений второй группы основными хроноиндикаторами являются находки краснолаковой керамики, прежде всего типа PRSW 1 (рис. 2.1) (склепы 106 и 120) и 4 (рис. 2.2) (склеп 92), которые датируются серединой IV – серединой V в. и концом IV – серединой V в. соответственно [Arsenèva, Domžalski 2002, S. 426–437]. Примечательна находка меча с вырезами у рукояти (погр. 92). Подобные мечи появляются в Северном Причерноморье в IV в. и наибольшее распространение получают в гуннскую эпоху [Казанский 2014, с. 107]. Также отметим находку хоботковых пряжек с округлой рамкой (рис. 2.5, 6) (погр. 120), датируемых на Боспоре концом IV – первой половиной V в.

В склепах этой группы также встречаются краснолаковые светильники типа Loeschcke VIII, датирующиеся довольно широко с I по IV в. [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, р. 79-80, № 32]. В нашем случае мы, очевидно, должны исходить из их более поздней даты, в совокупности с датами краснолаковой керамики и ременных гарнитур. К тому же схожие светильники встречаются в позднеантичных склепах на Боспоре [Масленников 1997, рис. 8.1]. Следует упомянуть, что в склепе 120 также найдены краснолаковая посуда группы понтийской сигиллаты А (тарелка формы 7.2 и канфар формы 34.1) (рис. 2.3, 4), которые датируются концом I – первой половиной II в. и второй половиной II – первой половиной III в. соответственно [Журавлев 2010, с. 50-51, 64-65]. Однако в этом же склепе, как уже говорилось выше, были найдены тарелки PRSW 1 и хоботковые пряжки V в. Следует отметить, что данные сосуды встречаются в могильниках Крыма и в IV в. К примеру, схожая тарелка найдена в Инкерманском могильнике в погр. 6(37) вместе с типичной для IV в. пряжкой и монетой Константина I [Веймарн 1963, с. 17–19]. В склепе

 $^{^2}$ К сожалению, точное типологическое определение сосудов затруднено, так как мы располагаем только фотографиями из полевой документации, а сами находки безвозвратно утеряны.

3(40) могильника Черная речка аналогичный сосуд датируется первой половиной IV в. [Бабенчиков 1963, с. 117; Айбабин 1990, рис. 2, 8; рис. 5, 1]. В Совхозе-10 такие тарелки относятся к типу II варианта 6 и встречаются в захоронениях с монетами первой половины IV в., а также с типичными для IV в. вещами (пряжками, янтарными грибовидными бусами [Стржелецкий и др. 2005, с. 85, табл. 26, 6–9]). Погр. 4 могильника Чатыр-Даг содержало схожий канфар с монетой Максимина Дазы (308–313 гг.) [Мыц и др. 2006, табл. 8Б, 8]. Таким образом, мы вряд ли можем предполагать лакуну в 200 лет между совершаемыми в склепе 120 захоронениями, скорее всего, эти краснолаковые сосуды могли попасть в погребение не ранее IV в.

Таким образом, склепы некрополя Красноармейский I могут быть датированы более узким промежутком времени – со II по первую половину V в. Это один из редких могильников Тамани с хорошо документированными погребениями позднеантичной эпохи. Наши наблюдения подтверждаются и планиграфическими соображениями. Склепы, датирующиеся более ранним римским периодом, находятся к северу от тех, которые мы относим к позднеантичным. Наиболее поздние находки (хоботковые пряжки в сочетании с краснолаковыми мисками PRSW 1) обнаружены в склепе 120, который находился в самой южной точке раскопа.

Литература

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. І. С. 5–86.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. Т. 1. 96 с.; ил. (САИ. Вып. Г1-12/1).

Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 90–89.

Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 15–89.

Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010.

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники второй половины III в. до н.э. – IV в. н.э.: импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического и римского времени. Киев, 2010. 336 с.; ил. (Серия: Коллекция светильников. Т. II).

Казанский М. М. Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов // Stratum Plus. 2014. № 6. С. 105–111.

Костромичев Д. А. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum Plus. 2015. № 4. С. 299–356.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.

Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. 108 с.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. 208 с.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.

Чхаидзе В. Н. Позднеантичные склепы у пос. Красноармейский на Таманском полуострове // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Ч. 1. С. 247–253.

Arseneva T., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. S. 415–491.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. Rome, 1998. 213 p.; pl.

Kühnelt E. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Berlin, 2008. 475 S.



Рис. 1. Инвентарь склепа 107 римского времени.



Рис. 2. Инвентарь склепов позднеантичной эпохи: 1, 3-6 – погр. 120; 2 – погр. 92.

А. А. Супренков, М. А. Топоривская

Институт археологии РАН, г. Москва

Архитектурное погребение с кремацией на некрополе Капканы Северный 1 на востоке Керчи

В 2020 г. отряд Восточно-Крымской археологической экспедиции под руководством авторов проводил охранно-спасательные археологические работы на востоке Керчи, к северу от микрорайона Капканы. Данный район, расположенный к западу от «малых» городов Боспора Порфмия и Парфения и к востоку от Мирмекия крайне насыщен погребальными памятниками археологии.

В ходе работ 2020 года, помимо протяжённых объектов, так называемых межевых стен, на площади около 2000 кв. м был исследован участок эллинистического некрополя. Всего было выявлено 12 грунтовых погребений в обряде ингумации, различных по типологии, 10 из них датированы IV–II вв. до н. э. [Столяренко, Супренков, Топоривская 2020, с. 133–136], два захоронения отнесены к эпохе бронзы.

Наиболее же ярким из исследованных объектов стал курган с каменной архитектурой, расположенный в северо-восточной части раскопа. При работах на этом сооружении обнаружены частично сохранившиеся конструкция каменного панциря на грунтовой насыпи, кромлех, а также погребальная камера (склеп) с дромосом и заклад в ней, сложенные из крупных необработанных каменных плит (рис. 1). Под закладом было выявлено погребение, совершенное по обряду кремации. Диаметр погребального сооружения составил около 16 м, а общая высота сохранившейся насыпи – до 1,27 м, первоначально, вероятно, до 2 м.

Итак, курган представлял собой земляную насыпь, плотно обложенную камнями маленького и среднего размера, формирующими достаточно плотный каменный панцирь. В центре под насыпью на горизонтально выровненной, слегка заглубленной в материк площадке была устроена погребальная камера в виде каменного склепа, окруженная на некотором расстоянии кольцом кромлеха. Склеп, сложенный в иррегулярной кладке из крупных и средних необработанных

камней, с южного торца имел оформленный невысокими стенками короткий неширокий дромос. В центре зафиксировано крупное зольное пятно подпрямоугольной в плане формы – следы совершенного обряда кремации. Под ним обнаружена глубокая яма, заполненная грунтом, сильно насыщенным золой с большим количеством керамических обломков. Нижний горизонт ямы был забутован несколькими крупными известняковыми камнями.

Каменный панцирь с кромлехом наиболее хорошо сохранился в восточной части. Общий размер крупного восточного участка панциря составил 6.5×3.6 м (по осям сторон света). Еще один участок зафиксирован на юго-западе насыпи, его общие размеры составили около 7×6 м, однако плотность камней здесь гораздо меньшая – целостность панциря, очевидно, была нарушена. Несколько отдельных участков панцирной обкладки меньшего размера выявлено на юге, юго-западе, севере и северо-западе.

Непосредственно над погребальной камерой панцирь, очевидно, был разрушен, возможно, при совершении повторного обряда захоронения.

Конструкция *кромлеха*, окружающая камеру, располагалась на расстоянии 2,0–2,2 м от внешнего края стен камеры и предположительно имела диаметр около 9 м. Кромлех сохранился лишь в некоторых местах – к северу и востоку от камеры. С южной стороны, где он должен был иметь логическое продолжение, фиксируется развал крупных известняковых камней – очевидно, разрушенный участок кромлеха. С запада он не сохранился.

Погребальная камера с закладом, окружённая кромлехом и панцирем располагалась в центральной части кургана. Она имела подпрямоугольную в плане форму с нечетко оформленными внутренними углами. Размеры внутреннего пространства камеры, образованного стенами, составили $3.8-4.0\times3.3$ м, при максимально сохранившейся высоте её стен до 1 м. Склеп был обустроен на выровненной грунтовой площадке, расположенной по уровню ниже материковых скальных плит.

В середине южной торцевой стены оформлен вход в камеру в виде короткого *дромоса*. Он облицован с двух сторон двумя уплощенными подтесанными плитами, поставленными «на ребро». Его длина составила 0,85 м, ширина – 0,85 м, размеры плит – 0,80 \times 0,45 \times 0,20 м, 0,30 \times 0,65 \times 0,30 м. У левой стенки дромоса, ближе к внутренней части камеры, находилась каменная приступка из подработанного подпрямоугольного каменного блока размером 0,65 \times 0,30 \times 0,20 м.

В центре погребальной камеры был расчищен заклад в виде навала из нижних – уложенных плашмя, и верхних – установленных под углом 30–50°, крупных и очень крупных известняковых уплощенных камней различной формы. Углы у некоторых из них были подтёсаны. Общий размер навала составил 3,4 × 3,5 м, размеры наиболее крупных камней составили 1,50 × 1,00 × 0,12 м, 1,30 × 1,10 × 0,10 м, 1,10 × 0,65 × 0,10 м. Высота навала превышала 0,8 м.

Под каменным закладом выявлено кремационное *погребение*. Захоронение представляло собой довольно мощное, около 0,4 м, пятно золистого грунта, перемешанного с пеплом и ссыпанного в центре склепа на поверхность. Количество пепла позволяет предположить, что обряд кремации мог быть массовым(?). Образовавшееся таким образом золистое скопление имело подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами, его размеры составили $2,05 \times 1,25$ м. В золе были обнаружены отдельные мелкие фрагменты обгоревших костей. В качестве погребального инвентаря найдены бронзовый наконечник пояса и бронзовая гарда предположительно от ножа. Под золистым скоплением фиксировалось небольшое пятно прокаленного материкового грунта мощностью 0,01-0,02 м.

В целом же археологический инвентарь, обнаруженный при исследовании кургана, был разновременным и представлен двумя бронзовыми монетами, фибулой II – первой половиной III в. н. э., фрагментом терракотовой статуэтки, ременной бронзовой пряжкой I–II вв. н. э., бронзовой иглой, ножкой буролакового сосуда с граффито III–II вв. до н. э. и фрагментами керамических сосудов (рис. 2).

Наиболее «необычным» в данном погребальном комплексе было наличие круглой в плане ямы непосредственно под кремацией, диаметром около 0,7 м и глубиной до 1,4 м, заполненной золой, но по форме типично «поселенческой» хозяйственной. Либо мы имеем дело с периферийным участком какой-либо усадьбы более раннего времени, впоследствии ставшей частью погребального комплекса, либо с обрядом захоронения, ранее не встречавшимся авторам.

Литература

Столяренко П. Г., Супренков А. А., Топоривская М. А. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции в первом полугодии 2020 г. // Таврические студии. 2020. № 22 (2020). С. 133–141.



Рис. 1. Курган после снятия земляной насыпи до разбора каменного заклада над погребени-ем. Вид с юга.

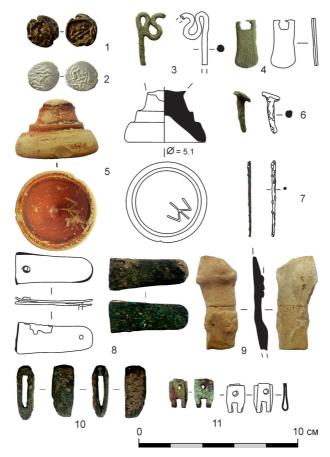


Рис. 2. Находки из курганного могильника. 1. Монета бронзовая, каменный панцирь. Л. с. не читается. О. с.: Лук, стрела. 2. Монета серебряная, каменный панцирь – Османская / Крымское ханство, XV–XVII вв. (?). 3. Фрагмент проволочного бронзового изделия, каменный панцирь. 4. Наконечник пояса бронзовый, курганный могильник, над закладом. 5. Ножка буролакового сосуда с граффито, каменный панцирь – III–II вв. до н. э. Монограмма МР (?) на внутренней полости ножки. 6. Гвоздь бронзовый фрагментированный, заполнение камеры. 7. Игла бронзовая, каменный панцирь. 8. Наконечник пояса бронзовый. Погребение. 9. Статуэтки терракотовой боковой части фрагмент, над закладом – Изображение рельефной розетки. 10. Гарда ножа (?) бронзовая. Погребение. 11. Пряжка ременная бронзовая, заполнение камеры – I–II вв. н. э.

И. Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва

Некоторые проблемы творчества Гелланика Лесбосского – одного из древнейших греческих историков¹

Гелланик – фигура весьма значимая в истории ранней греческой исторической науки, а в то же время его творчество изучено явно в недостаточной степени. Тем не менее все, в общем, согласны с тем, что в V в. до н. э. Гелланик являлся одним из трех самых крупных эллинских историков; два остальных – это, само собой, Геродот и Фукидид. Гелланик написал очень большое количество трактатов. Ф. Якоби более века назад [Jacoby 1912, Sp. 112–113] предложил делить его наследие на три тематические группы: сочинения по мифографии, хорографии, хронологии. Эта классификация произведений интересующего нас автора остается общепринятой.

Самый значительный вклад Гелланика в развитие древнегреческой историографии всеми справедливо связывается с его исследованиями в области хронологии [Möller 2007]. Здесь он был в полном смысле слова первопроходцем, а появление его трактата «Жрицы Геры, что в Аргосе» стало, несомненно, этапной вехой. Новшество Гелланика заключалось в том, что он начал проводить синхронизацию эпонимных магистратов различных государств греческого мира, а в качестве «камертона» для такой синхронизации выбрал список верховных жриц аргосского Герайона, ведшийся со времен незапамятных. Подобную «эпонимную хронологию» Гелланика впоследствии критиковал Фукидид (Thuc. I.97.2), противопоставляя ей собственное изобретение – «сезонную хронологию» [Lendle 1968; Smart 1986]. Тем не менее для своего времени разработки лесбосского историка явились весьма значимым достижением.

Итак, крупный масштаб личности и деятельности этого ученого – вне каких-либо сомнений. А в то же время он относится к авторам, скорее пренебрегаемым в антиковедческой литературе. Во всяком

 $^{^1}$ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «"Праотцы истории": древнейшие представители античной исторической науки».

случае, о нем написано гораздо меньше, чем он заслуживает. В частности, нет ни одного монографического исследования. По сути, самыми пространными текстами о Гелланике во всем мировом антиковедении и поныне остаются два весьма давних материала – энциклопедическая статья Ф. Якоби [Jacoby 1912] и глава в книге Л. Пирсона «Ранние ионийские историки» [Pearson 1939, р. 152–235]. А из относительно недавнего можно упомянуть главы в книгах [Lendle 1992, S. 63–71; Fowler 2013, р. 682–695].

Биографических данных о Гелланике больше, чем почти о любом другом представителе первых поколений историков. Но в данных этих много путаницы, противоречий, «нестыковок»; некоторые из приводимых о нем сведений производят впечатление совершенно невозможных, то есть являются откровенно ошибочными. Возникает желание разобраться со всеми этими неувязками и попытаться реконструировать (насколько это вообще возможно) жизненный и творческий путь интересующего нас автора.

Как нам представляется, наиболее достоверная датировка рождения Гелланика содержится в свидетельстве (Gell. XV.23), восходящем к прославленному эрудиту Аполлодору Афинскому: «Гелланик, Геродот, Фукидид, авторы исторических сочинений, пользовались огромной славой примерно в одни и те же времена и относились к не слишком отдаленным друг от друга поколениям. Ведь, кажется, Гелланику в начале Пелопоннесской войны было шестьдесят пять лет от роду, Геродоту – пятьдесят три, Фукидиду – сорок». Согласно этим данным, Гелланик родился в 496 г. до н.э. В других источниках также указывается, что он был старше Геродота (см. напр.: Dion. Hal. Epist. ad Pomp. 3.7). А в то же время Гелланик пережил своего галикарнасского коллегу. Для определения времени его смерти ключевое значение имеет то обстоятельство, что в двух фрагментах принадлежащего ему трактата «Аттида» упоминаются события 407/406 г. до н.э. (Hellan. FGrHist. 4. F171, F172). Таким образом, в этом году Гелланик был еще жив и работал над «Аттидой». Иными словами, тут мы имеем важный terminus post quem как для кончины историка, так и для завершения «Аттиды» - одного из самых важных его сочинений, созданием которого он положил начало аттидографическому жанру.

Итак, жизнь Гелланика продолжалась не менее 90 лет, что вполне согласуется с огромным объемом оставленного им наследия. Крайне интересный и сложный вопрос – последовательность написания его сочинений. Наша концепция заключается в следующем. Как отмечалось выше, сочинения Гелланика тематически достаточно четко делятся на три группы: мифографические, хорографические, хро-

нологические. Мы считаем, что они и создавались именно в таком порядке. В начале карьеры приоритетной тематикой историка была мифография (примерно до середины V в. до н. э.), затем он увлекся хорографией, а в конце жизни (с 420-х гг. до н. э.) стал серьезно заниматься проблемами хронологии.

Если предлагаемая нами схема имеет право на существование, она позволяет высказать некоторые выводы более общего порядка. Творчество долгожителя Гелланика претерпевало вполне четко намечающуюся эволюцию, и в эволюции этой, как в зеркале, отразился общий процесс развития греческого историописания в V в. до н. э.

Процесс, о котором идет речь, прошел три этапа, представленные, соответственно, тремя «знаковыми фигурами»: Ферекидом Афинским (по 450-е гг. до н.э.), Геродотом (по 420-е гг. до н.э.), Фукидидом (по рубеж V–IV вв. до н. э.). У первого наблюдаем внимание исключительно к мифографии (что и позволило ему создать, видимо, лучший компендиум на эту тему); интерес к хорографии и вообще к современным или недавним реалиям отсутствует, тем паче – интерес к хронологической точности.

С Геродотом ситуация становится совсем иной. Интереса к мифографии у галикарнасца уже практически нет, его труд посвящен близким по времени событиям. Зато чрезвычайно много хорографии: в совокупности она занимает, наверное, около половины геродотовского труда. С другой стороны, в хронологической сфере «отец истории» всё еще, как правило, довольствуется генеалогической хронологией с поколенным счетом, что в большинстве случаев исключает точные датировки. Специалистам прекрасно известно, сколько путаницы с хронологией у Геродота.

Наконец, Фукидида тоже совсем не привлекает мифография, он пишет только о близких событиях (и в этом отношении следует Геродоту); а в то же время совершенно не привлекает его и хорография (и в этом отношении он Геродоту не следует). Еще одна яркая черта его труда – самое пристальное внимание к хронологии, стремление сделать ее максимально точной и конкретной. Фукидида уже не устраивает не только генеалогическая, но и эпонимная хронологическая система, тем временем предложенная Геллаником; он идет дальше – к системе сезонной.

И на протяжении всего этого временного отрезка продолжал работать Гелланик. В результате получилось так, что три обозначенные стадии он на протяжении своей жизни прошел индивидуально. Вначале вместе с Ферекидом штудировал древние мифы. Затем вместе с Геродотом описывал различные города, страны, народы. Наконец,

вместе с Фукидидом начал вырабатывать инструменты хронологической акрибии. Ни на одном из этих поприщ первым он не стал. Однако заслуживает внимания сам факт этого своеобразного развития Гелланика как автора, демонстрирующий его, во всяком случае, недюжинное умение улавливать новые веяния и, следуя им, менять писательскую манеру, «идти в ногу со временем».

Литература

Fowler R. L. Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford, 2013.

Jacoby F. Hellanikos // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hbd. 15: Helikon – Hestia. Stuttgart, 1912. Sp. 104–153.

Lendle O. Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos // Thukydides / Hg. von H. Herter. Darmstadt, 1968. S. 661–682.

Lendle O. Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992.

Möller A. The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai //* The Historian's Craft in the Age of Herodotus / Ed. by N. Luraghi. Oxford, 2007. P. 241–262.

Pearson L. Early Ionian Historians. Westport, 1939.

Smart J.D. Thucydides and Hellanicus // Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / Ed. by I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman. Cambridge, 1986. P. 19–35.

М. Ю. Трейстер

Независимый исследователь, г. Бонн, Германия

Клад позднеэллинистических фаларов из окрестностей Таганрога (1897 г.): новые данные

Из коллекционеров конца XIX – начала XX вв., активно формировавших свою коллекцию на юге России, в том числе имевших контакты с авторами грабительских раскопок в Нижнем Подонье и Прикубанье, выделялась фигура Ф. С. Романовича. Он занимался книжной, картинной и писчебумажной торговлей, был владельцем книжного магазина в Ростове-на-Дону и имел тесные контакты с Археологической комиссией в Петербурге, неоднократно предлагая для покупки древности [Алексеев 1997, с. 29-30; Бойко, Толочко 2016, с. 45-48]. Среди прочих важных комплексов через руки Ф. С. Романовича прошел клад из шести серебряных с позолотой фаларов, найденный, по слухам, в 1897 г. при распашке земли в районе Таганрога [Спицын 1909, с. 27, 41-42, рис. 51-55, 57; Смирнов 1984, с. 74-75, рис. 29.5; Mordvinceva 2001, S. 77, Nr. 45-50, Taf. 22-25]. A. A. Спицын указывал, что фалары находятся в собрании Романовича [Спицын 1909, с. 27], вместе с тем, очевидно, что к этому времени фалары уже сменили владельца, причем есть все основания предполагать, что это произошло еще при жизни коллекционера, то есть не позднее 1906-1907 гг.

Таганрогский клад занимает важное место в ряду кладов с фаларами II–I вв. в Северном Причерноморье. Четыре из шести фаларов полусферической формы с отогнутым краем украшены в центральной части розеттами различных форм (рис. 1.2–5) [Спицын 1909, рис. 51–53, 57; Смирнов 1984, с. 74–75, рис. 29.1–4; Mordvinceva 2001, S. 77, Nr. 46, 48–50, Taf. 22, 24–25]. Другие два фалара оформлены значительно более редкими мотивами: протомой коня (рис. 1.6) [Спицын 1909, 27, рис. 55; Смирнов 1984, с. 74–75, рис. 29.5; Mordvinceva 2001, S. 77, Nr. 47, Taf. 23] и предположительно изображением Дио-

 $^{^1}$ В информации, приведенной В. И. Мордвинцевой, имеются следующие ошибки: клад был найден не в 1887 г., а в 1897 г., а судя по тому, что фалар поступил в Берлинские музеи через Маврогордато, он не мог находиться в ростовской коллекции, как пишет исследовательница, до 1917 г., тем более, что Φ .С. Романович скончался не позднее 1906–1907 гг.

ниса на пантере (рис. 1.1) [Спицын 1909, с. 27, рис. 54; Смирнов 1953, с. 32–37, табл. 8; Treister 1999, р. 567–571, fig. 2; Mordvinceva 2001, 77, Nr. 45, Taf. 22], отчасти по сюжету сопоставимый [Трейстер 2001, с. 170] с изображением на золотом фаларе из Северского кургана в Прикубанье [Спицын 1909, с. 25, № 30, рис. 41; Mordvinceva 2001, 76–77, Nr. 43, Taf. 21], а по обрамляющему декору – с фаларом с изображением двух пар противостоящих животных из Старобельского клада [Спицын 1909, с. 43, рис. 58; Тревер 1940, с. 51–53, № 6, табл. 7–8; Смирнов 1984, с. 86, 87, рис. 39.1; Мордвинцева 1999, с. 168–170, рис. 1–2; Mordvinceva 2001, S. 77, Nr. 51, Taf. 27], на что уже также обращалось внимание [Тревер 1940, с. 53, прим. 2]. В. И. Мордвинцева определяет стиль фаларов как «причерноморский графический», характерный для различных комплексов, датирующихся в широких рамках II–I вв. до н. э. [Мordvinceva 2001, S. 37]

По крайней мере один из фаларов Таганрогского клада был «обнаружен» ровно через сто лет после этого А. М. Лесковым (рис. 2.3). Через коллекцию П. А. (Пьерра) Маврогордато, родившегося в 1870 г. в Николаеве, переехавшего в 1906 г. в Германию и умершего в 1948 г. в Ремхильде в Тюрингии [см. о многогранной деятельности Маврогордато как члена Одесского общества, коллекционера и торговца древностями: Schörner 2009, S. 119-129; Schörner, Schörner 2010, S. 181–187; Айсфельд 2014, с. 40–53; Горская, Медведева 2015, с. 409-422], он поступил в 1907 г. в Берлинский музей доисторического периода и ранней истории (Museum für Vor-und Frühgeschichte) (Leskov 2008, р. 197–198, no. 267). Речь идет о фаларе с профильным изображением протомы коня (рис. 1.6; 2.3) [Спицын 1909, 27, 42, рис. 55; Mordvinceva 2001, 77 Nr. 47 Taf. 23]. Очевидно, что уже на момент публикации статьи Спицына (1909 г.) этот фалар находился в Берлине. Вызывает удивление, почему М. Наврот в 2011 г., публикуя фалар и относя его ко II в. до н. э., предполагает его происхождение из Майкопа ("vermutlich Maikop"), указывая при этом на близость фалару из утраченного клада из Таганрога ("aus dem verschollenen Schatz von Taganrog")² [Nawroth 2011, S. 161, 162, Abb. 108]. Предположение о близости «берлинского» фалара находке из Таганрогского клада при всей логичности - естественно, у этого фалара был парный - не учитывает, что в случае с парными фаларами, украшенными профильными изображениями, они изготавливались по принципу зеркальной симметрии, здесь же в обоих случаях кони обращены влево. Я уж не говорю о том, что и детали изображения, и контуры

 $^{^2}$ Фалар был помещен и на фронтиспис, и на титул берлинского каталога выставки 2011 г. со статьей М. Наврота, в этот раз с датировкой I–II вв. н. э.

утрат на фаларах совпадают, а отличие заключается лишь в том, что диагональная трещина на хранящемся в Берлине фаларе реставрирована, что хорошо видно на фотографии (рис. 2.3–4).

У нас нет никаких оснований сомневаться в подлинности сведений и контактов Ф. С. Романовича и П. А. Маврокордато. В Античном собрании музеев Берлина имеется небольшое золотое навершие с изображением процессии животных и вставками [Greifenhagen 1969, S. 49–52, Abb. 1–3, 1970, S. 61, Taf. 36.6–8]. Четыре аналогичных предмета хранятся в коллекции Эрмитажа (Думберг 1901, 95, рис. 2a-6; Гущина, Засецкая 1989, с. 115, № 119, табл. XI; Treister 2005, 240 с лит., fig. 15.2; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, № В13.5 с лит., табл. 9; 51; рис. 47а]. Они происходят из раскопок мещанина Забродина 1899 г. у х. Зубова в районе ст. Тенгинской в Закубанье [Думберг 1901, с. 91–100; Гущина, Засецкая 1989, с. 114–118, № 113–134]. К. Е. Думберг отмечает, что из пяти наверший одно было приобретено ростовским коллекционером Романовичем [Думберг 1901, с. 95, прим. 1; Гущина, Засецкая 1989, с.127]. Этот факт подтверждает также фотография из фотоархива Императорской археологической комиссии, на которой изображены некоторые находки из кургана у Зубовского хутора и рукой секретаря Комиссии, И. Суслова, написано, что это вещи, приобретенные Ф. С. Романовичем из числа найденных в 1899 г. в кургане у Зубовского хутора (рис. 3). Нет сомнения, что рассмотренное навершие именно от Романовича попадает вначале к Маврогордато, а от него в собрание фон Ганса и далее – в Берлинский музей.

До недавнего времени было неизвестно, где находятся остальные фалары Таганрогского клада, но мне удалось идентифицировать еще один из них. Это смятый фалар, украшенный розеттой (рис. 1.3) [Спицын 1909, 27, рис. 51; Mordvinceva 2001, S. 77, Nr. 46, Taf. 22]. Чрезвычайно редко тулово фаларов в верхней части украшалось фризом расположенного горизонтально растительного орнамента, например, трилистников, как на одном из фаларов Старобельского клада [Спицын 1909, с. 44, рис. 59; Тревер 1940, с. 53–55, № 7, табл. 9.1-2; Смирнов 1984, с. 86, 87, рис. 39.6; Mordvinceva 2001, S. 77-78, Nr. 53, Taf. 29], и лишь в одном случае, именно на этом фаларе из Таганрогского клада, это был декор из листьев плюща, изображенных вместе с длинными изогнутыми дугой черенками. Рассматриваемый фалар, принадлежащий Замку Элизабетбург в Майнинге, находится в настоящее время на временном хранении в Замке Глюксберг в Ремхильде и входит в коллекцию П. А. Марогордато (рис. 2.1). Не менее интересно и то, что авторы каталога коллекции Маврогордато не смогли правильно не только сопоставить предмет с фаларами Таганрогского клада, но вообще определили его не как фалар, а как внешнюю оболочку «римской» чаши, при этом датируя предмет III–II вв. до н. э. [Ветмапп et al. 2012, S. 212, Nr. 307; 247, Abb. 72: дл. 11,6 см, шир. 6,9 см]. Взгляд на опубликованную в 2012 г. фотографию при сравнении с отпечатком негатива из собрания ИИМК (рис. 2.1–2) не оставляет никаких сомнений – очевидно, что этот смятый фалар до сих пор находится в том же состоянии, в каком он был обнаружен.

Таким образом, из собрания Ф. С. Романовича как минимум два фалара попали в коллекцию П. А. Маврогордато – один из них вскоре оказался в Государственных музеях Берлина, а второй – по-прежнему входит в бывшее собрание Маврогордато.

Литература

Айсфельд О. В. Коллекция П. Маврогордато: пути античных артефактов из Причерноморья в зарубежные музейные и частные собрания // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2014. № 13. С. 40–53.

Бойко А. Л., Толочко И. В. Криминальный антикварный рынок на юге России в конце XIX – начале XX века: «agente recitatore» Ф.С. Романович и «tombarolo» А. А. Смычков // БЧ. 2016. Вып. XVII. С. 43–56.

Горская О. В., Медведева М. В. Коллекция П. А. Маврогордато в Отделе античного мира Эрмитажа: история поступления и проблемы атрибуции // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 409–422.

Гущина, И. И., Засецкая, И. П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 71–141. (Труды ГИМ. Вып. 70).

Думберг K. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 94–103.

Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Симферополь; Бонн, 2007. Т. 1–3.

Смирнов К. Ф. Северский курган. М., 1953. (Памятники культуры. Вып. XI).

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Спицын А. А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 18-53.

Тревер К. В. Памятники Греко-Бактрийского искусства. М.; Л., 1940.

Трейстер М. Ю. Заметки по поводу дискуссии «Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия» // ВДИ. 2001. № 4. С. 168–174.

Bemmann J., Schörner G., Schörner H. Pierre Mavrogordato und seine Antikensammlung: Der Bestand in Römhild (Teil 2) // JbHFG. 2012. Bd. 27. S. 193–264.

Greifenhagen A. Ein skythisches Zierstück // AA. 1969. S. 49–52.

Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Berlin, 1970.

Leskov A. M. The Maikop Treasure. Philadelphia, 2008.

Mordvinceva V. I. Sarmatische Phaleren. Rahden, 2001. (Archäologie in Eurasien 11).

Nawroth M. Die Sarmaten am Schwarzen Meer // Das silberne Pferd. Archäologische Schätze zwischen Schwarzem Meer und Kaukasus. Berlin, 2011. S. 159–162.

Schörner G. Von Odessa nach Römhild: Pierre Mavrogordato und seine Antikensammlung // Jenaer Hefte zur klassischen Archäologie. 2009. Bd. 7. S. 119–130.

Schörner G., Schörner H. Pierre Mavrogordato und seine Antikensammlung: Der Bestand in Römhild (Teil 1) // JbHFG. 2010. Bd. 25. S. 181–250.

Treister M.Yu. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the Origin of Phalerae) // Ancient Greeks West and East. Leiden, 1999. P. 567–605.

Treister M. Yu. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the "Ampsalakos School" // ACSS. 2005. Vol. 11.3–4. P. 199–255.



Рис. 1. Фалары Таганрогского клада по негативам фотоархива ИИМК. 1 – III-7295; 2–6 – III-7032 (инв. № 1132).



Рис. 2. Современные публикации фаларов из Таганрогского клада в сопоставлении с изображениями по негативам фотоархива ИИМК.1 – коллекция Замка Элизабетбург в Майнинге (по: Веттапп et al. 2012, 247, Abb. 72);2 – фалар, рис. 1.2;3 – Берлин. Музей доисторического периода и ранней истории, инв. № IIId 7109 (по: Leskov 2008, 197, по. 267); 4 – фалар, рис. 1.5.



Рис. 3. Находки 1899 г. из раскопок курганов у хут. Зубова, приобретенные Ф. С. Романовичем. Фото с заметками И. Суслова, секретаря Императорской археологической комиссии. Фотоархив ИИМК, Q.950.29, инв. \mathbb{N}^{0} 1756.

Е. Я. Туровский

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Легенды на греческих монетах как отражение политического режима в полисе на примере Херсонеса Таврического в V-I вв. до н. э.

Для Древней Греции характерно большое разнообразие политических режимов: монархические, демократические, олигархические и тиранические. Каждому из них соответствовала своя традиция выпуска монеты. Прежде всего следует подчеркнуть, что любое государство, независимо от формы правления, сталкивалось с необходимостью контроля над выпуском монеты, чтобы избежать злоупотреблений в этой сфере. А в том, что таковые имели место с самого начала монетной чеканки, как и изготовление фальшивых денег, сомневаться не приходится. Согласно древнему анекдоту, отец философа Диогена Синопского (по другим данным, и сам философ) портили монету, за что подверглись изгнанию [Диоген Лаэртский VI.20–83].

Наблюдения над эмиссионной практикой во многих демократических полисах показывает, что в них обычной формой контроля было назначение специального должностного лица, избираемого сроком на один год, для наблюдения за процессом. Как правило, этот магистрат по окончании срока своей деятельности отчитывался перед народным собранием, которое выносило оценку его деятельности. Нужно отметить, что усиление контроля над магистратом достигалось включением его личного имени в легенду монеты (здесь несущественно, включались эти имена в виде монограмм, сокращений, в полной форме или в виде эмблем, за которыми выступали конкретные люди).

Если обратиться к афинской практике эпохи после Персидских войн V в. до н. э., то следует сказать, что основным платежным средством здесь становится тетрадрахма типа: л. с. голова Афины вправо; об. с. сидящая сова с головой in face – $A\ThetaH$ (рис.1.1). Легенды этих монет, выпускавшихся на протяжении всей истории демократической «империи», архе, не содержали имена контролирующих маги-

стратов. Означало ли это, что над монетными выпусками в данный период времени специально выбранные должностные лица контроль не осуществляли? В этом убеждают более поздние афинские тетрадрахмы «нового стиля» (ІІ–І вв. до н. э.). Тип монеты остался прежним – Афина, сова, но на оборотной стороне монеты появились имена четырех магистратов, из которых трое избирались сроком на один год, а четвертый – сроком на один месяц (рис. 1.2) (Kroll 1993). Такая сложная система отражала, очевидно, необходимость контроля над выпуском монеты в таком мегаполисе как Афины, с их многими тысячами жителей. В других более скромных по размеру городах столь серьезная система контроля, очевидно, не требовалась.

Хорошим примером контроля над выпуском монеты в эллинских демократиях на раннем этапе чеканки может служить город Абдеры во Фракии. Здесь представляется полезным остановиться на некоторых моментах истории этого города. Еще в первой половине VI в. до н. э. то место, на котором позднее появятся Абдеры, пытались освоить выходцы из ионийских Клазомен, но их вскоре заставили оттуда уйти воинственные фракийцы. Город Теос, метрополия Абдеры, был важным торговым и ремесленным центром Ионии, и находился он рядом с упомянутыми Клазоменами. Около середины VI в. до н. э. из-за персидской угрозы большая часть жителей города решила покинуть родину и основать новый город. Может быть, среди колонистов были и жители Клазомен, которые указали удачное место для новой колонии. Теос, выведший Абдеры, был одним из первых эмитентов серебряной монеты в античном мире, поэтому абдериты начали свою чеканку с первых лет основания города. Уже ранние выпуски здесь имели магистратские эмблемы: амфора, виноградная лоза и прочие (рис. 1.3). Позднее их заменили личные имена уже в легенде монеты (рис.1.4). Такая практика существовала вплоть до захвата города Филиппом, когда полисная чеканка в Абдерах была прекращена [Мау 1966].

Что касается Херсонеса, то тут получается примерно та же история, но с существенными оговорками. Херсонес был основан в V в. до н. э., а по другой версии – еще во второй половине VI в. до н. э. Не будем подробно останавливаться на этом дискуссионном вопросе, хотя, на наш взгляд, более вероятной датой следует считать первую половину V в. до н. э., когда археологический материал на городище становится массовым. В любом случае к последней четверти V в. до н. э. (мы относим время появления первых херсонесских монет ко второй половине этой четверти) полис накопил определенный экономический потенциал, позволивший приступить к чеканке суверенной монеты. Первые херсонесские серебряные и медные вы-

пуски (медные появляются уже в начале IV в. до н. э.) имели один и тот же монетный тип: л. с. голова Девы в кекрифале влево; об. с. ХЕР, рыба, палица. В легенде, как видно, только имя города в сокращении, что не дает никаких оснований для суждений о политическом режиме в полисе в эти времена (рис. 2.1). Примерно к середине IV в. до н. э. тип меняется от выпуска к выпуску, от номинала к номиналу. Можно ли считать это признаком того, что новые типы означали личные эмблемы ежегодно сменяемых магистратов? На наш взгляд, однозначно «нет». Магистратские эмблемы всегда служили лишь дополнением к основному монетному типу. Переменчивость монетных типов – это лишь способ различить отдельные выпуски и номиналы, она не указывала на общественный строй в полисе.

«Переломной» серией, указывающей на важное для херсонесского монетного дела обстоятельство, является серия третьей четверти IV в. до н. э., состоящая из монет двух типов: (1) л. с. квадрига, управляемая Девой с факелом в руке; об. с. коленнопреклоненный воин со щитом и копьем (тетрахалк) и (2) л. с. диморфный Дионис; об. с. сцена терзания (дихалк, появляется на завершающих этапах выпуска). Много внимания этому выпуску уделил в своё время В. А. Анохин. Его основные выводы таковы. Серия выпускалась на протяжение двух десятилетий. В начале серии был выпуск с монетами, в легенде которых только имя города. Затем последовали три выпуска со слогами из двух букв. И, наконец, осуществляется последовательный выпуск монет только старшего номинала с маркировкой каждого годового выпуска буквами греческого алфавита от A до Σ (рис. 2.2). Появление такой практики маркировки монет В. А. Анохин, по аналогии с выпуском монет Самоса при олигархах [Barron 1966, р. 89–93], связывал с кратковременной утверждением в Херсонесе олигархического режима [Анохин 1977, с. 48].

В этой гипотезе можно согласиться только с двумя положениями: во-первых, что выпуск монет квадрига-воин осуществлялся на протяжение двух десятилетий, и, во-вторых, что выпуск начинается с монет без дополнительных букв в легенде. Всё остальное оставим на совести исследователя, поскольку наличие олигархии в Херсонесе IV в. до н. э. не подтверждается никакими другими свидетельствами. Вызывает большие сомнения и тот факт, что маркировали свои монеты буквами только тираны. Так, свои последние литые ассы тип: голова Деметры – орел на дельфине в первой половине IV в. до н. э. маркировала буквами от А до Е демократическая Ольвия [Карышковский 1988, с. 55–59], а также два других города Северо-Западного Причерноморья – Истрия и Тира [Загинайло, Нудельман 1971, с. 22–24].

Предложим собственное понимание последовательности выпусков внутри серии. Первоначально - выпуск без дополнительных элементов в легенде; затем – выпуски, маркируемые буквами; и завершают серию выпуски со слоговыми сокращениями имен. Появление этих сокращений является знаковом событием: не вызывает сомнения, что эти сокращения представляют собой первые слоги хорошо известных в Херсонесе имён - НР- (имена типа Героник, Геродот, Герок и др.), ЛҮ– (типа Ликон), ΣА– (типа Сатад) (рис. 2.3). Все названные имена известны и среди херсонесских астиномов ранних групп хронологической классификации по В. И. Кацу [Кац 2007, 442, 443]. Представляется справедливым заключение Ю. Г. Виноградова, согласно которому свержение ольвийской тирании вместе с установлением скифского протектората имело место на рубеже V и IV или в начале IV в. до н. э. [Виноградов 1989, с. 141, 142]. Мы пришли к аналогичному заключению на основании анализа выпусков первых ольвийских монет с магистратскими именами (в данном случае не столь важно, в какой форме - в сокращенной, полной форме или в виде монограммы) [Туровский 2015, с. 421-420], которые означают установление в полисе развитого демократического правления.

В Херсонесе со времени появления первых выпусков с магистратскими именами (вторая половина третьей четверти IV в. до н. э.), скрывающемуся за первыми слогами, и до какого-то момента в первой половине II в. до н. э. все выпуски – и серебряные (за единственным исключением), и медные – маркировались личными именами (рис. 2.4). Затем эта практика внезапно прекратилась. По нашим данным, во II в. до н. э. было выпущено около пятнадцати медных выпусков и один серебряный, на которых отсутствует в легенде личное имя (рис. 2/5) [Туровский, Горбатов 2013, №№203-216]. Как известно, такие явления просто так не происходят, и, безусловно, они указывают на устранение от власти демократов. Новый режим (к сожалению, на его форму ничто не указывает) изменил правила контроля над выпуском монеты – в легенде осталось только имя города в сокращении.

Возврат к демократии в Херсонесе в последней четверти II в. до н. э. вновь знаменовался возвратом к прежней практике маркировки монет личными именами контролирующих выпуск монеты магистратов (рис.2.6). Существование демократического строя в полисе в это время фиксирует и лапидарная эпиграфика, в частности, такие памятники, как почетный декрет в честь Менофила сына Менофила из Синопы (IOSPE, I²,351) и декрет в честь полководца Диофанта сына Асклепиодора (IOSPE, I²,352). Однако прежняя политическая

система существовала в Херсонесе только в первые десятилетия зависимости города от царя Митридата, вскоре она сменяется режимом большей зависимости полиса от царской власти. Монетная регалия была сохранена за Херсонесом, что свидетельствует об определенной внутренней автономии полиса, но способ контроля над чеканкой становится иной. В легенде монеты кроме имени города в сокращении появляется монограмма верховного городского божества – Девы-Партенос в форме ПАР (рис. 2.7). Практически та же система, что и при Митридате, сохраняется при Фарнаке II, легенды монет ничем не отличаются (рис. 2.8). Оболы периода так называемой «первой элевтерии» имеют ту же монограмму ПАР, но вместо имени города в обычном сокращение появляется девиз ЕЛЕҮӨЕ XEPCONEC (свободный Херсонес) (рис. 2.9). После восстановления относительной независимости полис, очевидно, вернулся к режиму умеренной демократии, однако возврата к маркировке монет именами магистратов не происходит.

В достаточно длительный период тирании в Херсонесе, которая приходит на смену «первой элевтерии», характер легенды вновь становится иным. На оболах этой эпохи оборотная сторона меняется местами с лицевой (относительно предыдущего этапа), на лицевой стороне сохраняется девиз – свободный Херсонес; на оборотной имя тирана – Аполлонид (рис. 2.10). Свержение тирании в Херсонесе знаменовалось, скорее всего, введением в полисе городской эры, года́ которой отражены на многих монетах I-II вв. н. э.

Литература

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

Загинайло А. Г., Нудельман А. А. Дорецкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н.э. // МАСП. 1971. Вып. 7. С. 122–124.

Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985.

Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994.

Туровский Е. Я. Актуальные вопросы нумизматики Ольвии (IV–III вв. до н.э.) // ПИФК. 2015. 1(47). С. 421–430.

Barron J.P. The Silver coins of Samos. London, 1966.

May J.M.J. The Coinage of Abdera (540-345 BC.). London, 1966.

Kroll J.H. The Greek Coins. Princeton, N.J., 1993. (The Athenian Agora. Vol. XXVI).

С. В. Ушаков

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

О нижней хронологической границе истории Херсонеса Таврического

Время основания и ранняя история Херсонесского полиса [см.: Золотарёв 2005] – одна из «вечных» дискуссионных его проблем [напр.: Буйских 2008, с. 27-87; Зубарь 2010; Суриков 2019, с. 215–217]. Целые когорты исследователей обращались к истории ее изучения [см.: Виноградов, Золотарёв 1999, с. 91–99], поэтому нет необходимости вновь их специально рассматривать. Обращу внимание на главное. Ю. Г. Виноградов выделил здесь четыре основные историографические направления (поменяю немного их порядок).

Первое из них связано с признанием историчности сообщения писателя II в. до н. э.¹ Псевдо-Скимна, который в своем труде «Землеописание» или «К царю Никомеду» сообщал: «Полуостров же, именуемый Таврическим, прилегает к этим [варварам-таврам], располагая эллинским городом, который основали гераклеоты и делосцы согласно некоему прорицанию, данному гераклеотам, живущим в Азии по сю сторону Кианей, заселить полуостров вместе с делосцами» (Рѕ.-Ѕсуmп. 822–830). В данном случае – это реальное событие (с участием делосцев) с конкретной, хотя и не названной точно датой (концепция Шнайдервирта/Тюменева).

Второе направление – отрицание историчности этого события, что в итоге приводит к полному произволу в логических спекуляциях (и определении его датировки) (Кёне, Нойман, Беккер, Киперт, Тирион, Шнайдервирт – в более позднем варианте, Штерн и др.).

Третий случай – трактовка источника таким способом, что делосцы превращаются в дельфийцев, теосцев и т. п., с полной утратой в результате хронологического репера событий (Брандис, Миннз, Жебелёв).

Четвертое направление – поправка на археологический материал с последующим созданием концепции о реколонизации региона дорийцами (Миннз, Ростовцев, Виноградов/Золотарёв, Сапрыкин) [Виноградов, Золотарёв 1999, с. 96].

¹ Далее все даты до н.э.

Таким образом, время и обстоятельства основания Херсонеса определяются двумя группами источников, во-первых, письменными (например, сообщением Псевдо-Скимна), и, во-вторых, археологическими материалами [основная современная историография: Лесная 2016]. Историчность сообщения Псевдо-Скимна о том, что новую колонию основали дорийские апойки из Гераклеи вместе с переселенцами из Делоса, подвергнуть сомнению нельзя. Остается ответить на вопрос – когда это произошло?

Ответ на него может быть как будто только «археологический» (в определенном временном интервале). И нужно ответить на вопрос о хронологических рамках самой ранней истории Херсонесского полиса.

В настоящее время есть несколько вариантов ответа на этот вопрос. Первый из них - «традиционный», в рамках концепции Шнайдервирта – Тюменева (422/423 гг.). Этой точке зрения, впрочем, сейчас придерживаются только школьные учителя, экскурсоводы, авторы популярных изданий (но не все) и Е. Колышницина. Но оснований для этого практически нет: сам Герман Шнайдервирт, во-первых, определял эту дату без каких-либо ссылок, а, во-вторых, через несколько лет отказался от этой идеи. И разорение хоры Гераклеи Понтийской афинским отрядом для взимания фороса под командованием Ламаха произошло в 424 г., на что обращал внимание Я. В. Доманский; к тому же афинский флот был разбит штормом [Доманский 1974, с. 39-42]. Доказательства А. И. Тюменева [Тюменев 1938, с. 362–264] основывались не только на аргументах немецкого преподавателя гимназии, но и на уровне исследованности археологического материала в 20-30-х гг. XX в. Таким образом, в настоящее время эта концепция прочно остается только в анналах историографии.

Другой ответ основывается на сопоставлении хронологии комплекса ранних археологических находок с датой начала херсонесской истории. Так, у Г. Д. Белова (на основании датировки ионийской керамики), это V в. (а сам Херсонес пока не как колония, а как эмпорий); по А. В. Буйских (который также основывается преимущественно на материалах столовой керамики) это событие произошло не ранее середины первой четверти V в. [Буйских 2006, с. 276]; самые ранние амфорные комплексы относятся ко второй четверти – середине V в. [Монахов и др. 2017, с. 24–25]; дата серии находок у Е. С. Лесной – конец VI или рубеж VI–V вв. [Лесная 2020, с. 109].

К этому перечню стоит добавить древнейшую группу керамических находок в Херсонесе – фрагменты чернофигурной керамики середины VI – второй четверти V в., составляющие до 7 %

находок на городище [Вдовиченко и др. 2019, с. 31], а также учесть и другие материалы. Среди самых ранних сосудов, например, – фрагмент горла предположительно коринфской ойнохои конца VI в. до н. э. [Там же, с. 37]. Находок, датируемых концом VI в. до н. э., в Херсонесе не так уж и мало [см.: Зубарь, 2010, с. 75–77]. Часть находок может относиться к предметам, попавшим в Херсонес с самой ранней волной колонизации, как, например, крышка беотийской леканы середины VI в. до н. э. [Золотарев 1993, табл. XXI]. Добавлю еще характерные находки. В 2017 г. в Северо-восточном районе Херсонеса были найдены фрагменты двух ручек от одной амфоры с широкими полосами темно-коричневого лака на их внешних сторонах из Клазомен VI – начала V в. до н. э. [Монахов 2003, с. 50–55].

Имеются и экстровагантные суждения, не видящие разницы в дате основания полиса и начала строительства регулярного города (С. Г. Рыжов). Также нельзя прямо соотносить основание Херсонеса с началом чеканкой его монеты [см.: Суриков 2019].

Подводя краткие итоги, заключаем, что определить нижнюю хронологическую границу истории Херсонесского полиса (при признании историчности сообщения Псевдо-Скимна) нужно как период от середины VI до начала V в. Затем наступает период «развертывания» его античной истории [краткая хронология: Ушаков 2020; подробнее: История города Севастополя. 2021, т. І, с. 157–158, 165–182 и далее] (см. табл. 1).

Литература

Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // Труды ГЭ. 1972. Т. 13. С. 17–26.

Буйских А. В. Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 263–277.

Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху Симферополь, 2008. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5).

Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 гг. Севастополь, 2019.

Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 91–129.

Доманский Я. В. К предыстории Херсонеса Таврического // АМА. 1974. Вып. 2. С. 37–46.

Золотарёв М. И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993.

Золотарёв М. И. Херсонес Таврический: основание и становление полиса // XC6. 2005. Вып. XIV. С. 13-44.

Зубарь В. М. Ещё раз о времени основания Херсонеса Таврического // БИ. 2010. С. 63-89.

История города Севастополя в трех томах. Т. І: Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М., 2021. С. 147–221.

Лесная Е. С. Ранняя история Херсонеса Таврического в современной историографии // Известия Саратовского университета. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 416–420.

Лесная Е. С. Восточногреческая керамика из раскопок Херсонеса Таврического // Археологические вести. 2020. № 27. С. 99–112.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Каталог. Саратов, 2017.

Суриков И. Е. К полемике о времени основания Херсонеса Таврического (с акцентом на археологическую аргументацию) // XC6. 2019. Вып. XX. C. 215-221.

Тюменев А. И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 3(2). С. 245–275.

Ушаков С. В. О периодизации и хронологии истории Херсонеса Таврического в доримскую эпоху и позднеантичный период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 6 (72). № 3. 2020. С. 127-148.

Таблица1. Периодизация истории Херсонеса Таврического

Века	Исторические эпохи	Периоды	Этапы	Название этапов
VI	Архаическая эпоха	I. Основание и ранняя история Херсонеса Таврического	1.	1.1. Основание полиса
V	Классическая эпоха			1.2. Становление полиса
IV		II. Образование и расцвет Херсонесского территориального государства	2. Херсонесский полис на пути превращения в территориальное государство	
III -	Эллинистическая эпоха		3. Время наивысшего расцвета Херсонесского государства	
II		III. Херсонес Таврический в эпоху потрясений	4. Херсонес, сарматы и «поздние» скифы: войны, победы и крушение экономики	
I			5. Херсонес в Митридатовскую эпоху	
I	Римская эпоха		6. Херсонес между Римом и Боспором	
II		IV. Херсонесский полис под протекторатом Рима	7. Херсонесский полис под протекторатом Рима	
IV		V. Херсонес в позднеантичную эпоху	8. Херсонес и Юго-Западный Крым в начале переходного (пост-римского) периода	
v	Позднеантичный (ранневизантийский) период		9. Позднеантичный Херсонес	
VI			10. Завершение позднеантичной- ранневизантийской (переходной) эпохи в Херсонесе	

А. А. Филиппенко-Коринфский

независимый исследователь, г. Севастополь

О строительстве батарей № 12, 13 и разрушении Херсонеса в конце XIX в.

Уже в начале XIX в. русский историк Н. М. Карамзин писал, что «когда наши войска заняли Крым, многие стены были совершенно целы, вместе с прекрасными городскими воротами и двумя башнями; теперь они уже не существуют: из них брали камень для строения домов в Севастополе» [Карамзин 1989, с. 286 прим. 449. См. также рис. 1, 2: Тункина 2002, рис. 122]. Солидарны были с ним Паллас и Кларк [Pallas 1801, S. 51, 73, 74; Clarke 1816, p. 134, 172, 207 etc.]. Такими их увидел в 1833 г. ученый-путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере. Стена (рис. 3 [Тункина 2002, с. 481, рис. 120]), защищавшая город со стороны суши, начиналась за версту от входа в Карантинную бухту, его главный порт; поднимаясь далее на плато перешейка, она заканчивалась в верховьях другой бухты, имея около версты с тремя четвертями в длину; она была сложена из известняковых грубо отесанных блоков, скрепленных известью, ее толщина составляла 5-6 футов. Три главные башни увеличивали ее силу (Феофан упоминает две башни Херсонеса - башню Centenaresium и башню Synagrus, положение которых уже невозможно определить). Первая занимала угол первого поворота от Карантинной бухты. Две другие, помещенные на углу самой выдвинутой в сторону перешейка части стены, защищали главные ворота - массивное, перекрытое сводом сооружение с помещением для стражи. Пространство между башнями образовало внешний двор, прикрытый вторыми воротами на уровне выступающей части башен (рис. 3) [Дюбуа де Монпере 2009, с. 202, прим. 5].

Но даже строительство Севастополя в конце XVIII – начале XIX в. не нанесло такого урона городищу и укреплениям Херсонеса, как строительство и модернизация севастопольской крепости в конце XIX в. Вопреки мнению такого заслуженного и уважаемого исследователя, как А. Л. Бертье-Делагард, который пытался полностью отрицать факт растаскивания древних развалин, мы вынуждены заключить обратное.

Последнее десятилетие XIX столетия было временем еще бо́льших невосполнимых утрат для древнего города. Реорганизация фортификационных сооружений севастопольской крепости затронула территорию Херсонеса, в корне изменив ландшафт и облик его юго-западной части и примыкающего некрополя. Согласно «Плану возобновления и дальнейшего укрепления крепости Севастополь», утвержденному в 1888 г., в наиболее возвышенной юго-западной части городища, на месте земляной мортирной батареи № 12 (1880 г.), были запроектированы береговые батареи № 12, 13. Их строительство велось с 1889 по 1893 гг. В 1900 г. между батареями была построена каменно-железобетонная двухъярусная башня для размещения КП береговой обороны Севастопольской крепости. К 1908 г. был окончен противодесантный ров перед батареями¹.

Строительством батареи руководил военный инженер в звании капитана Михаил Иванович Гарабурда². Активное участие в изучении открытых при строительстве древностей принимал все успевавший Мартын Иванович Скубетов³. В 1907 г. под его наблюдением был повторно вскрыт и доследован участок, сохранившийся после строительства батарей, между башнями V и VIII [Гарабурда 1909]. Ниже приведем развернутые цитаты из отчетов К. К. Косцюшко-Валюжинича Императорской археологической комиссии, где речь идет о начале строительства батарей:

«В юго-западном углу херсонесского городища Военно-Инженерное ведомство, передвигая ряд батарей с севера к югу, к самой городской стене, к которой примыкает открытый в сентябре 1891 г. некрополь, удалило обвал стены, причём обнаружилась её облицовка с обеих сторон, состоящая из тёсаных плит разной длины, весьма старательно пригнанных» [Косцюшко-Валюжинич 1895. С. 56–57] (рис. 5);

¹ Подробнее о строительстве береговых батарей № 12, 13 см.: [Иванов 2006, с. 98–99]. Выражаю свою искреннюю признательность А. В. Иванову, любезнейше предоставившему для работы над данной статьей материалы из своего собрания.

 $^{^2}$ Михаил Иванович Гарабурда – военный инженер, археолог любитель. Вел наблюдения за строительством батарей и открываемыми древностями, составил записи и чертежи, которые в 1894 г. передал М. И. Скубетову.

³ Мартын Иванович Скубетов-Скубентов – выдающийся севастопольский археолог и краевед. Прекрасный график. На основании дневниковых записей М. И. Гарабурды и своих собственных наблюдений он опубликовал материалы в брошюре «Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса М. И. Гарабурды с предисловием и примечаниями М. И. Скубетова», 1909.

«Археологические раскопки, лишенные возможности продвигаться впереди крепостных работ, которые производились поспешно, с применением рельсового пути и вагонеток для земляных насыпей, должны были ограничиваться лишь поверхностным расследованием важнейших пунктов этой части городища» [Косцюшко-Валюжинич 1896, с. 52];

При данных обстоятельствах работы были сконцентрированы на изучении участков Южного некрополя, открытого в сентябре 1891 г. К октябрю 1893 г. на участках у башни VIII и в основном в верхней части левого склона Херсонесской балки, вдоль южного участка оборонительной стены, на площади в 1425 квадратных саженей, было раскопано 114 «разных хранилищ для погребенных и сожженных остовов» [Косцюшко-Валюжинич 1895, с. 59]. В 1894–1895 гг. было раскопано еще 182 погребальных комплекса [Косцюшко-Валюжинич 1896, с. 60–76; Косцюшко-Валюжинич 1897, с. 104–116].

Раскопки некрополя дали интересные результаты. При погребениях и в насыпи некрополя было найдено много различной посуды, ювелирных украшений, бижутерии, монет и пр. Также из раскопок происходят детали надмогильных погребальных конструкций из камня. Это части памятников, скульптур, саркофагов, стел и могильных плит. Часть обломков содержит изображения и надписи. Достаточно кустарно, но выразительно выглядит надгробие Аврелия Виатора (рис. 6).

Наиболее важным и интересным открытием стала находка склепа № 511 с живописными росписями по штукатурке [Косцюшко-Валюжинич 1896, с. 71–72]. Склеп был вырублен в скале. Конструкция его обычна для большинства известных склепов херсонесского некрополя. Стены и локулы были оштукатурены и покрыты фресками. Сохранились изображения женской фигуры, двух мужских фигур, лежащих рядом на ложе, в венках, с крыльями и закрытыми веками (рис. 7), растительного орнамента, розеток, птицы [Ростовцев 1914, с. 442–448]. Это была первая в Херсонесе находка склепа, содержащего античные росписи. Склеп был расположен в нескольких саженях к ЮВВ от башни VIII (рис. 1). К сожалению, башня была срыта при батарейном строительстве, а сам склеп, попавший в полосу батарейного шоссе, был срочно засыпан. Точное местоположение его в настоящее время не установлено.

Теперь, анализируя события более чем столетней давности, можно прийти к следующим выводам. Строительство 12-й и 13-й батарей подтолкнуло к проведению экстренных спасательных археологических работ в южной части Херсонеса. Были открыты обо-

ронительные стены и башни юго-западного и южного секторов, остатки ворот, дорога и две входящие в них линии водопровода. В батарейном рву открыты остатки четырехапсидного храма. Также в полосе строительства был исследован большой участок Южного херсонесского некрополя. Были получены богатые археологические материалы, пополнившие Императорский Эрмитаж, музей в Херсонесе и другие хранилища древностей. Найденная скульптура большого мраморного льва, служившая, вероятно, украшением Главных ворот, а теперь, установленная в Античном зале музея, радует посетителей и является одним из херсонесских символов.

Но безвозвратно оказались утеряны снесенные древние стены и башни с Главными воротами города. В русском бетоне были отлиты новые куртины херсонесской крепости. Державные интересы находились в приоритете. Российская империя входила в тревожный XX век, вступала в период потрясений и войн. Херсонесский форт, как и прежде, защищал родные берега. Сейчас среди казематов и двориков батареи № 12 размещается археологическая база Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Несмотря на невосполнимые утраты, южный участок Херсонеса остается весьма интригующим, привлекающим внимание исследователей. Возможно, когда-то удастся проследить на месте и локализовать линию снесенных куртин и башен, отыскать расписной склеп № 511, который ввиду спешности строительных работ не был достаточно обследован. «Вторичное открытие гробницы, сохранившейся, вероятно, в том же виде, как и в момент ее находки, было бы очень желательно», - писал М. И. Ростовцев [Ростовцев 1914, c. 442].

Литература и архивные материалы

Гарабурда М. И. Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса М. И. Гарабурды с предисловием и примечаниями М. И. Скубетова // ИТУАК. 1909. № 43. С. 88–98.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. – Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. 328 с.

Иванов А. В. Фортификационные сооружения Нового времени на территории городища Херсонес Таврический // Херсонесский сборник. 2006. Вып. XV. С. 97–115.

Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. І / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1989. $640~\rm c.$

[Косцюшко-Валюжинич К. К.] Отчет заведывающаго раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 год. СПб., 1895. С. 51-75.

[Косцюшко-Валюжинич К. К.] Отчет г. заведывающаго раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894. СПб., 1896. С. 51-76.

[Косцюшко-Валюжинич К. К.] Отчет заведыващаго раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895. СПб., 1897. С. 87–116.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Описание и исследование памятников. СПб., 1914. xviii, 537 с.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. 723 с.

Clarke E. D. Travels in variouse countries of Europe, Asia and Africa. London, 1816. Vol. II. $546 \, \mathrm{p}$.

Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Zweiter Band.

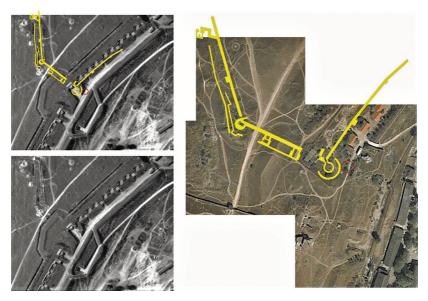


Рис. 1. Местоположение склепа № 511 с воздуха. Графическая реконструкция В. В. Дорошко.



Рис. 2. Район Главных ворот Херсонеса. Рисунок 1778 г. Вид с ЮЗ.



Рис. 3. План развалин Херсонеса Таврического съёмки премьер-майора Бурнашева 1772 г.



Рис. 4. Район Главных ворот Херсонеса. Рисунок из альбома Дюбуа де Монпере. Вид с ЮЗ.

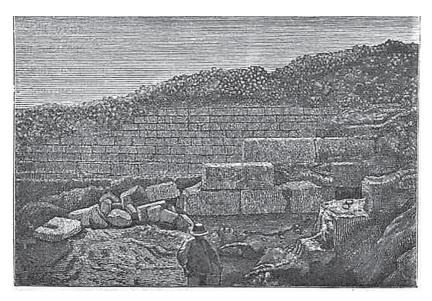


Рис. 5. Оборонительная стена Херсонеса у Главных ворот по К. К. Косцюшко-Валюжиничу (ОАК за 1893. С. 57. Рис. 34).



Рис. 6. Надгробие Аврелия Виатора III в. н. э из Херсонеса.



Рис. 7. Фрагмент росписи склепа № 511 (1894 г.) в Херсонесе.

Н. И. Храпунов

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

К истории начального периода изучения Херсонеса и его окрестностей¹

История археологических и исторических исследований Херсонеса и связанных с ним памятников Гераклейского полуострова не раз становилась предметом изучения [Тункина 2002, с. 479–536; Зубарь 2007, с. 8–124; Романчук 2008, с. 14–123; Зедгенидзе 2014; Николаенко 2018, с. 7–14; Лисин 2019, с. 51–103; Репников 2019; Смекалова, Виноградов 2020]. Её начальный период (конец XVIII – начало XIX в.) обычно реконструируется на основании достаточно ограниченного набора материалов, с особым упором на труды учёных путешественников. Сейчас появились новые данные, позволяющие несколько разнообразить картину, реконструируемую историографией, и дополнить список исследований и популяризаторов Херсонеса новыми именами.

В российскую эпоху истории Крыма удалось точно локализовать Херсонес, местоположение которого забыли вскоре после того, как последние жители оставили город. Историки и писатели XVI-XVIII вв. помещали Херсонес в разных местах, не только в Крыму, но и за его пределами [Храпунов 2020, с. 243-245]. Поиски древних городов на значительном отдалении от их реального местонахождения были свойственны той эпохе – например, российские книжники и учёные едва ли не до конца XIX в. отождествляли Тмутаракань с Астраханью [Зайцев 2006, с. 9]. По-видимому, решающую роль в том, что местоположение Херсонеса на юго-западной оконечности Крыма было не просто установлено наукой, но принято общественным мнением, сыграли труды шведского учёного И.-Э. Тунманна и К. И. Габлица, российского исследователя и чиновника немецкого (или еврейского) происхождения. Правда, они полагали, что развалины древнего города занимали или весь Гераклейский полуостров, или его значительную часть [Тунманн 1991, с. 29-30; Географические 1803, с. 11].

 $^{^1}$ Доклад выполнен в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Друг Габлица – академик П.-С. Паллас, также изучавший Крым по заданию российского правительства, установил, что большую часть Гераклейского полуострова занимала херсонесская хора, а древний город находился на западном берегу современной Карантинной бухты, то есть там, где Габлиц видел «остатки цитадели» [Паллас 1999, с. 40–49]. По-видимому, именно Паллас «изобрёл» топоним «Гераклейский полуостров», основываясь на не вполне точном прочтении латинского перевода Страбона [Храпунов 2020, с. 245].

Южное путешествие Екатерины II в 1787 г. сделало Крым объектом внимания всей Европы. В официальном путеводителе Херсонесское городище локализовано достаточно точно. Здесь же приводится краткий очерк истории города, взятый из сочинения Тунманна [Путешествие 1786, с. 74–75; ср. Тунманн 1991, с. 30]. Аналогичный очерк находится в сочинении французского посла Л.-Ф. де Сегюра, автора яркого описания путешествия Екатерины II, которое пользовалось большой популярностью у современников и потомков [Ségur 1827, р. 210]. Не вполне понятно, какой источник он использовал – поручил кому-то из своих сотрудников перевести фрагмент путеводителя, или же читал труд Тунманна. В его книге есть и другие фрагменты, взятые из одной из этих книг [Ségur 1827, р. 183–191; ср. Тунманн 1991, с. 15–20, или Путешествие 1786, с. 57–64; ещё один пассаж заимствован из путеводителя: Ségur 1827, р. 210–211; ср. Путешествие 1786, с. 76].

Следует опровергнуть популярное мнение, согласно которому Екатерина II осматривала Херсонесское городище с моря [Тункина 2002, с. 485; Шаманаев 2014, с. 83]. О том, что это не так, свидетельствует официальный дневник путешествия: плавали только по Севастопольской бухте и смотрели флот [Камер-фурьерский 1886, с. 471–481].

Пока недостаточно отрефлексирована историографией роль Э.-Д. Кларка в изучении прошлого Крыма. Почти безграничные научные амбиции побуждали британца претендовать на роль «первооткрывателя» прошлого Крыма. Опубликованная им книга путешествия, пользовавшаяся огромным успехом у читателей, породила традицию обвинять русских в бессмысленном уничтожении памятников археологии [Храпунов 2016]. Хотя Кларк использовал результаты исследований предшественников, некоторые его мысли отличались от предположений Палласа и Габлица. Так, например, пытаясь разобраться с античной топографией по Страбону, Кларк локализовал крепость Евпаторий на западном берегу Карантинной бухты, «новый» Херсонес – к востоку от неё (и даже «увидел» остатки дамбы, якобы насыпанной жителями между городами во

время скифской осады), «гавань Ктенунт» отождествил с Севастопольской бухтой, а «старый Херсонес» – с местностью у Георгиевского монастыря [Clarke 1816, р. 210–212, 216]. Путешественнику принадлежит описание древностей Гераклейского полуострова и известная карта Маячного полуострова [Clarke 1816, р. 290–294, и ненумерованная карта] – но нужно учитывать, что его проводником там был Паллас.

В 1804 г. в Крым для изучения памятников античности прибыл библиотекарь Эрмитажа Е. Е. Кёлер. Поскольку его проект получил поддержку Александра I, не удивительно, что помощь исследователю оказывало и командование Черноморского флота. Кёлер провёл раскопки на Маячном полуострове, где, как он предполагал, находился «древний Херсонес» Страбона [Тункина 2002, с. 505]. Как следует из личных документов командующего флотом И. И. де Траверсе, он не просто выделял матросов для работы на раскопках, но и лично посещал городище [Шатне 2003, с. 219–220].

В заключение обратимся к фигуре некогда известной писательницы и фрейлины О. П. Шишкиной, имя которой не упоминается в историографии Херсонеса. В 1845 г. она совершила путешествие в Крым, ставшее основой для литературного описания полуострова. В Севастополе её проводником был известный исследователь Херсонеса З. А. Аркас [Заметки 1848, с. 137–139]. В приложениях к своей книге Шишкина опубликовала полученные от Аркаса планы Гераклейского полуострова, Херсонеса, а также виды нескольких древних сооружений городища [Заметки 1848, вклейки]. Эти документы, в частности, позволяют локализовать три церкви, раскопанные на городище в 1827 г. Впоследствии Аркас издал эти материалы в своей известной работе – но не в цветном, а в чёрно-белом виде [Аркас 1879, т. І–ІІІ].

Литература

Аркас 3. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса. Николаев, 1879.

Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб., 1803.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006.

Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. СПб., 1848. Ч. 2.

Зедгенидзе А. А. О начале исследования Херсонеса Таврического // ВДИ. 2014. $\mathbb N$ 2. С. 151–162.

Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. Киев, 2007.

Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1787 года. СПб., 1886.

Лисин В. П. Античные хозяйства в районе Камышовой бухты (I–IV вв.). Севастополь, 2019.

Николаенко Г. М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь, 2018.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М., 1999.

Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. [СПб.,] 1786.

Репников Н. И. Археологические памятники Гераклейского полуострова. Обзор описаний и исследований памятников Гераклейского полуострова с конца XVIII столетия и до наших дней // «Гераклейский сборник» 1936 г. СПб., 2019. С. 65–123. (Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Вып. I).

Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Тюмень, 2008. Т. 1.

Смекалова Т. Н., Виноградов Ю. А. История археологического изучения и современные исследования Маячного полуострова // Археологические труды Н.М. Печёнкина. СПб., 2020. С. 39–54. (Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Вып. IV).

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Тунманн. Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь, 1991.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Российская империя и Крым. Симферополь, 2020. С. 241-258.

Шаманаев А. В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 79–89.

Шатне М. дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота российского. М., 2003.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. London, 1816. Vol. 2.

Ségur, de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3e éd. Bruxelles, 1827. T. III.

И. Н. Храпунов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

А. А. Стоянова

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

А. Р. Канторович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Архаические и экзотические предметы из крымских могильников римского времени¹

В предгорном Крыму открыты памятники двух культур римского времени — позднескифской и нейзацкой. Каждая из них обладает вполне определенным, стабильным набором признаков. Позднескифская культура датируется III в. до н. э. – серединой III в. н. э., нейзацкая – рубежом I/II – IV в. н. э. Следовательно, во II – первой половине III в. н. э. эти культуры синхронны, они соседствовали друг с другом и потому имеют некоторые общие черты.

Несмотря на то, что памятники и позднескифской, и нейзацкой культур неплохо изучены, новые исследования привлекают внимание к таким их особенностям, которые ранее специально не обсуждались. В данном случае речь идет о чужеродных для этих культур изделиях, которые, тем не менее, использовались в качестве погребального инвентаря.

На позднескифском участке могильника Опушки, в могилах № 288 и № 308, обнаружены бляха в виде ног копытного животного (рис. 1.2) и фрагмент бляхи, изображающей хищное животное (рис. 1.1). Обе бляхи изготовлены в скифском зверином стиле в V в. до н. э. и найдены в составе погребального инвентаря первой половины II в. н. э. Несомненно, обе бляхи попали к поздним скифам из разрушенного погребения кочевого скифа.

Поздние скифы и население, оставившее нейзацкую культуру, были вооружены стрелами с железными черешковыми наконечни-

 $^{^1}$ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-910003 «Исследования могильника Опушки в Крыму: итоги и перспективы».

ками. Тем не менее, в позднескифских погребениях довольно регулярно, а в погребениях нейзацкой культуры изредка встречаются раннескифские бронзовые втульчатые наконечники стрел (рис. 1.3). Контекст находок позволяет утверждать, что часто их использовали в качестве амулетов, в частности дети.

В Усть-Альминском позднескифском могильнике обнаружены фрагменты каменных топоров (рис. 1.5), булава эпохи бронзы (рис. 1.8), а также бронзовый псалий киммерийского времени (рис. 1.6). Еще один синхронный усть-альминскому фрагментированный псалий происходит из позднескифского могильника Бельбек IV (рис. 1.4).

В течение всего римского времени обитатели крымских предгорий находили кремневые орудия эпохи мезолита и неолита. Они опускали в могилы своих соплеменников кремневые отщепы, пластины, орудия на пластинах, бифациальные орудия, нуклеусы (рис. 1.12). Некоторые кремневые изделия приспосабливались для использования в огнивах.

Неоднократно фиксировались случаи, когда в могилах находились вещи римского производства (детали вооружения, конской сбруи, ременной гарнитуры, металлических сосудов), которые использовались явно не по назначению. Например, обломки шлемов и ножен попадали в женские и детские могилы. Вероятно, их прямое назначение не осознавалось участниками похорон. Такие находки сделаны в могильниках Усть-Альминском, Бельбек III и IV, Заветное, Нейзац, Опушки, Дружное (рис. 1.9, 13).

В могильнике Опушки открыт участок более чем с 50 погребениями взнузданных коней. Эти захоронения принадлежали позднескифской культуре. В одном из них, № 205, обнаружено серебряное позолоченное тонкой античной работы изделие в виде головы животного (рис. 1.11). Отверстие на месте рта животного позволяет предположить, что это был колокольчик, язычок которого утрачен. В могиле № 247 вместе с взнузданным конем находилась деталь бронзового ковша типа Эггерс 131, орнаментированная изображениями птичьих голов (рис. 1.10). Вероятно, необычные, красивые, пусть и очень небольшие предметы позднескифские всадники использовали для украшения своих коней.

В склепе III в. н. э. № 300 могильника Опушки найден бронзовый предмет в виде втульчатой двурожковой «вилочки», отростки которой оформлены в виде шей и голов животных с длинной зауженной мордой, возможно травоядного (рис. 1.14). Такие изделия хорошо известны в скифских подкурганных погребениях IV в. до н. э., преимущественно второй половины этого столетия. Обнаружены они и

в позднескифских памятниках, в частности, в мавзолее и грунтовом некрополе Неаполя скифского, а также среди позднескифских погребений некрополя Керкинитиды.

В склепе IV в. н. э. № 275 могильника Нейзац найдена ажурная бронзовая плакетка (рис. 1.7). Это этнографически значимая деталь балтского женского погребального костюма. У балтов плакетки использовались всегда попарно. Они крепились к платью на груди, между ними подвешивалась цепь. В могильнике Нейзац плакетка одна и находилась она на тазовых костях мужчины – бесспорное доказательство того, что хозяин не имел представления об истинном назначении вещи.

Любопытно взглянуть в обсуждаемом аспекте на монеты. Их совсем немного, поэтому в качестве денег они использоваться не могли. Во многих монетах имеются отверстия, значит, они служили подвесками. При подвешивании рисунок и аверса, и реверса в некоторых случаях оказывался перевернут. Таким образом, портрет, например, римского императора висел вниз головой. Причем и рисунок, и надписи иногда отчетливо видны до сих пор. Следовательно, изображение и тем более надпись на подвеске не интересовали носившего ее человека. Монета нравилась ему как экзотическая безделушка.

Из сказанного выше становится ясно, что люди, жившие в крымских предгорьях в римское время, довольно регулярно использовали вещи, назначения которых не понимали. Археологи обычно называют такие находки амулетами. На самом деле не известно, обладали ли они, по мнению их хозяев, магическими функциями, а если обладали, то все или только некоторые. Возможно, они привлекали внимание своим необычным, порой не лишенным эстетических достоинств, видом. Во всяком случае очевидно, что религиозные представления и традиции не препятствовали использованию архаических и экзотических предметов, независимо от их происхождения, в качестве погребального инвентаря.

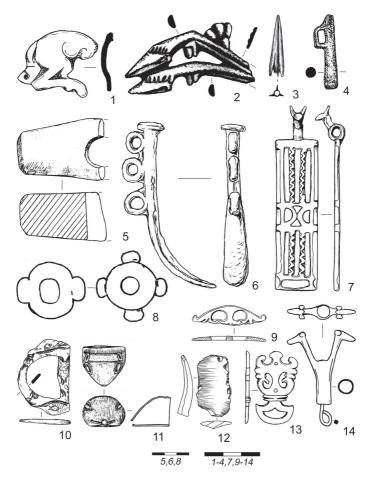


Рис. 1. Архаические и экзотические предметы из крымских памятников: 1, 2 — бляхи в зверином стиле, могильник Опушки; 3 —наконечник стрелы, могильник Опушки; 4 — фрагмент псалия, могильник Бельбек IV; 5 — фрагмент каменного топора, Усть-Альминский могильник; 6 — бронзовый псалий, Усть-Альминский могильник; 7 — бронзовая плакетка, могильник Нейзац; 8 — мраморное навершие булавы, Усть-Альминский могильник; 9, 10 — фрагменты бронзовых сосудов, могильник Опушки; 11 — колокольчик, могильник Опушки; 12 — кремневый отщеп, могильник Нейзац; 13 — бронзовая ременная накладка, могильник Нейзац; 14 — бронзовое навершие, могильник Опушки.

Н. Б. Чурекова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Амфоры архаического и раннеклассического времени в собрании Краснодарского историко-археологического музея-заповедника¹

Проект, посвященный амфорным собраниям музеев России, научный коллектив под руководством С.Ю. Монахова начал реализовывать еще в 2015 г. За эти годы было обработано 870 амфор (без учета Краснодарского музея). Начиная с 2018 г. при поддержке РНФ ведется работа с коллекцией амфор Краснодарского музея, где насчитывается почти 700 тарных сосудов, что в два с лишним разом больше, чем в Эрмитаже и почти в семь раз больше, нежели в ГМИИ. Амфорное собрание Краснодарского музея-заповедника – крупнейшее не только в России, но и в мире. Формирование коллекции происходит в основном за счет раскопок ближайших к Краснодару археологических памятников, среди которых такие крупные, как могильники у хуторов Прикубанский, Ленина, станицы Старокорсунской и другие.

При этом в коллекции Краснодарского музея не так много амфор обозначенного времени, а точнее говоря, чуть меньше 3 %. Самая ранняя – это амфора производства Теоса (рис. 1.1). Такие сосуды датируются концом VII – первой половиной VI в. [APE.III-T.1]². Комплекс кургана № 11 могильника Лебеди V, откуда происходит данная амфора, датируется последним десятилетием VII в. [Пьянков, Рябкова, Зеленский 2019, с. 225], это означает, что и амфора была произведена не позднее этого времени.

Второй половиной $\tilde{V}I$ в. датируется амфора Клазомен (рис. 1.2) [Sezgin 2012, р. 81, Kla7.45–49]. К середине – третьей четверти VI в. относятся амфоры производства Лесбоса (рис. 1.3, 4) [APE.III-

 $^{^1}$ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

 $^{^2}$ Здесь и далее все даты указаны до н. э., аналогии и датировки приведены по базе данных APE, в которой представлены новейшие разработки в этой области.

LR6, 7] и неустановленного центра на сложнопрофилированной ножке («протофассосские») (рис. 1.5, 6) [APE.III-NA.2, 3]. Следует отметить, что среди интересующих нас сосудов «протофасосских» больше всего – шесть, правда, половина из них беспаспортные, что, разумеется, снижает их ценность как источника. Дата одной из таких беспаспортных амфор – конец VI – начало V в. (рис. 1.7) [APE. III-NA.6, IV-NA.4]. Немного более поздним временем датируется сосуд из некрополя на косе Тузла (рис. 1.8) [APE.IV-NA.5]. Еще две амфоры этой группы относятся к V серии первой половины V в. (рис. 1.9, 10) [Монахов 2003, с. 41, 256, табл. 26.6; APE.I-NA.6, 7, III-NA.13, IV-NA.7].

Среди ранних амфор также присутствует группа сосудов Хиоса: в коллекции представлена практически вся «линейка» хиосского производства с 480-х гг. до конца V в. Самая ранняя из них – амфора «пухлогорлого» типа «развитого» варианта (рис. 2.11) – датируется 480-470 гг. [APE.I-Ch.3–10, III-Ch.19–23, IV-Ch.7]. Еще один сосуд относится к «позднему» варианту того же типа (рис. 2.12), он датируется третьей четвертью V в. [APE.I-Ch.11–13, III-Ch.26–29, IV-Ch.17–21]. Следующая амфора представляет собой уже тип «с прямым горлом», она датируется в рамках последней четверти V в. (рис. 2.13) [APE.I-Ch.17, II-Ch.2, III-Ch.38–41]. И, наконец, еще две амфоры относятся к «коническому» типу, варианту «с протоколпачковой ножкой» (рис. 2.14-15) последнего десятилетия V в. [APE.I-Ch.18, III-Ch.43–46, IV-Ch.25]. К сожалению, все хиосские амфоры беспаспортные.

Продукция Фасоса в Краснодарском музее, как, впрочем, и везде, представлена весьма солидно, но к интересующему нас времени принадлежат всего две амфоры, правда, довольно редких серий. Первая по времени амфора «пифоидного» типа «стеблевской» серии 475–440 гг. (рис. 2.16), в нашей базе данных пока представлен только один такой сосуд из раскопок Пантикапея, хранящийся в ГМИИ [APE.IV-Th.1]. Вторая фасосская амфора (рис. 2.17) относится к «коническому» варианту «коническо-биконического» типа серии «НФ.-119–121». Сосуды этой серии также довольно редко встречаются и датируются 450–435 гг. [APE.III-Th.6–8].

И, наконец, единственная амфора Менды, вошедшая в наш список – это сосуд «раннего» варианта мендейской керамической тары «на рюмкообразной ножке» (рис. 2.18) последней четверти V в. Этот вариант известен по единичным находкам [Монахов 2003, с. 91], в базе данных APE этот вариант также пока был представлен в единственном экземпляре [APE.II-Md.1].

Отметим, что амфорная коллекция Краснодарского музея, помимо того, что она – крупнейшая в мире, включает сосуды довольно редких серий и центров. Хотя основная часть коллекции относится к IV в., более раннее время также представлено весьма интересными экземплярами. К сожалению, практически все они не имеют паспортных данных и, соответственно, мы не можем определить, найдены ли они в комплексах или это случайные находки, и вообще с каких памятников эти амфоры происходят. Но, тем не менее, введение этих сосудов в научный оборот представляется важным, так как зачастую это помогает уточнить типологию и морфологию амфор.

Литература

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н.э. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Саратов, 2016.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. Из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес-Таврический». Каталог. Саратов, 2017.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 2019.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 2020.

Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В. Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // Археологические вести. 2019. Вып. 25. С. 206–227.

Sezgin Y. Arkaik Dönem Ionia Uretimi Tigari Amphoralar. İstanbul, 2012.

Таблица. Метрические параметры амфор

	Центр		Лине	йные ј	Линейные размеры, мм	ы, мм		Дата,	ŕ
происхождение	пр-ва	Н	$\mathbf{H}_{_{0}}$	$\mathbf{H}_{_{1}}$	H_3	D	$\mathbf{d}_{_{\mathrm{I}}}$	до н. э.	PMC.
Лебеди V к. 11 п. 8. КМ 5450/80	Teoc	473	435	150	65	330	114×120	кон. VII– пер. пол. VI вв.	1.1
Марьянское 1, 2013 г. Р. 3 об. 17, № 1 п.о. 416. КМ 366	Клазо мены	coxp. 118	_	I	120	-	114×119	вторая пол. VI в.	1.2
Без паспорта КМ 5450/184	Лесбос КГ	coxp. 205	-	_	153	-	117×122	сер. – третья четв. VI в.	1.3
Некрополь Тузла, 2006 г. п. 52. КМ/11	Лесбос КГ	628	290	295	164	374	118	сер. – третья четв. VI в.	1.4
Некрополь Тузла, 1999 г. Р. 7 п. 19. КМ 11111/1	«протофасос»	555	530	240	126	370	143×140	третья четв. VI в.	1.5
Некрополь Тузла, 2002 г. об. 20. КМ 11515/2	«протофасос»	coxp. 284	1	260	86	≈370	144	третья четв. VI в.	1.6
Без паспорта	«протофасос»	417	385	185	82	256	116×118	кон. VI – нач. V вв.	1.7

1.8	1.9	1.10	2.11	2.12	2.13	2.14	2.15	2.16	2.17	2.18
пер. четв. V в.	пер. пол. V в.	пер. пол. V в.	480–470 rr.	третья четв. V в.	посл. четв V в.	415–400 гг.	415-400 rr.	475–440 rr.	450-435 IT.	посл. четв. V в.
112×114	99×101	93×115	123×128	118×143	107	90×103	100	104	96	107×110
268	212	260	320	316	330	252	222	330	274	348
96	105	117	100	195	247	251	258	115	197	212
175	180	190	290	210	315	300	290	230	215	255
425	417	440	640	735	742	≈625	262	545	260	550
446	476	512	969	coxp. 766	coxp. 750	720	672	coxp. 560	622	617
«протофасос»	«протофасос»	«протофасос»	Хиос	Хиос	Хиос	Хиос	Хиос	Фасос	Фасос	Менда
Некрополь Тузла, 1999 г. Р. 8 п. 22. КМ 11111/10	Ст. Тамань 1936 г.	Ст. Таманская 1913 г.	Без паспорта	Подъемный материал 2512	Без паспорта. КМ 6629/38	Возможно ст. Ладожская, мог. на ул. Колодезной КМ 9783/90	Без паспорта. КМ 6629/42	Без паспорта	Без паспорта	х. Ленина КМ 6629/32

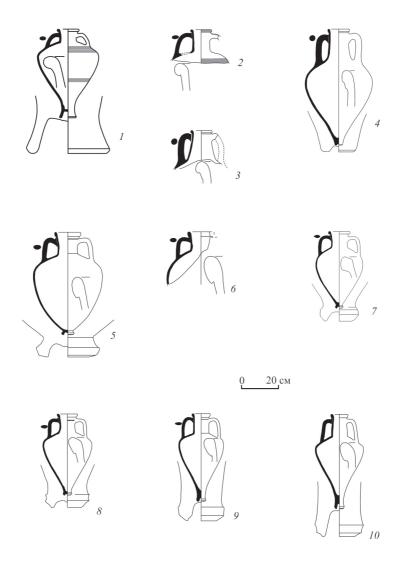


Рис. 1. Амфоры из Краснодарского музея. 1 – Теос; 2 – Клазомены; 3, 4 – Лесбос КГ; 5–10 – амфоры неустановленного центра производства «на сложнопрофилированной ножке» («протофасосские»).

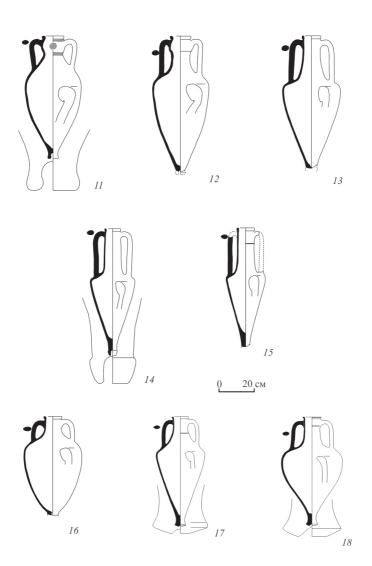


Рис. 2. Амфоры из Краснодарского музея. 11–15 – Хиос; 16, 17 – Фасос; 18 – Менда.

С. Б. Шабанов

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», г. Симферополь

Охота в Древнем Риме и ее отображение в искусстве (на примере стеклянной посуды эпохи империи)

С древнейших времен охота была важным источником пищи для человека. Наряду с собирательством, а затем и земледелием, она стала одним из основных активных занятий в первобытном обществе. Постепенно, с развитием орудий труда и усложнением общественной организации, развивались и усложнялись способы охоты. Коллективная загонная охота, преследование дикого зверя с использованием одомашненных животных, засады и ловушки – вот основные приемы охотничьего промысла, без особых изменений применяющиеся уже многие тысячелетия в разных уголках мира.

Охота стала одним из центральных образов в древнем искусстве: от примитивных изображений схваток с диким зверем на стенах пещерных стоянок до античных фресок и мозаик. Древний промысел нашел отражение и в римской культуре. Сцены охоты, полные энергии и драматизма, можно увидеть на сохранившихся фресках и мозаиках в роскошных виллах, в богатом убранстве общественных зданий [Belis 2016, р. 11–14, fig. 14]. Настоящими произведениями искусства стали созданные римскими мастерами металлические [см. Вöhme 1974, S. 107, Abb. 43, *1*; Vörös 2018] и стеклянные сосуды с изображениями охоты. На последних далее остановимся подробнее.

В Риме эпохи империи охота являлась не только средством пропитания для разных слоев общества¹, но и аристократической «забавой» для представителей знати. Будучи деятельностью исключительно мужской, требующей физической крепости и соблюдения определенных церемоний, охота позволяла проявить лидерство и отвагу (virtus) не на поле боя, а в относительно «безопасных» условиях [Theuws 2009, р. 307]. Среди военнослужащих римской армии

¹ О присутствии в рационе питания мяса диких животных свидетельствуют результаты археозоологических исследований, проводившихся на римских поселениях [Vuković-Bogdanović 2018, p. 292, 297; Stanc at al. 2021, p. 201].

было обычным делом проводить досуг на охоте на опасного зверя. В подтверждение этого можно привести находку в Британии алтаря с посвятительной надписью, посвященной Сильвану, который помог префекту алы Gallorum Sebosiana убить дикого кабана в местных леcax [Epplett 2001, p. 213; Campbell 2018, p. 18]. Кроме того, легионеры часто занимались специально отловом животных для торжественных мероприятий, например, триумфов полководцев или проведения гладиаторских боев. К тематике псовой охоты в первые века н. э. обращались поэты Оппиан и Немезиан, греческий историк Арриан и пр. [Памятники 1964, с. 34, 118–119; Поздняя 1961, с. 131–134]. Заметную роль охоты в римском обществе подчеркивало и появление особой группы стеклянных сосудов, преимущественно чаш, украшенных сценами травли дикого зверя. Такие изделия изготавливались в технике свободного выдувания из толстого прозрачного стекла с нанесенными на них шлифованием и резьбой сюжетными изображениями. Чаще всего на нах представлена загонная охота на зайца, кабана, оленя и даже льва [см.: Nagel 2020, p. 95-129].

Хорошо известна стеклянная чаша IV в. н. э. из Wint Hill в Великобритании со сценой охоты на зайца (рис. 1.1). На ней изображен всадник в короткой тунике и накидке, с двумя собаками, загоняющими зверя в растянутую сеть. По краю чаши выгравирована посвятительная надпись на латыни «VIVAS CVM TVIS PIE Z» [Harden 1960, fig. 2; Allen 1998, p. 48, 51, fig. 39.2]. Широко была распространена в римском искусстве в первые века н. э. тематика охоты на кабана или вепря. Большую роль в ее популярности сыграли мифы о Калидонской охоте и смерти возлюбленного Артемиды Адониса от клыков вепря. Такой мифологический сюжет, например, можно встретить на стеклянной чаше IV в. н. э. из собрания Метрополитен-музея в Нью-Йорке [Caron 1993, р. 48, 50-51, fig. 2-7]. Сосуд IV в. н. э. с изображением охоты на кабана был найден на территории современного Кельна (рис. 1.2). На нем представлен охотник в сопровождении двух собак и бегущий на него дикий зверь. По краю чаши латинская надпись «ESCIPE ME PLACEBO TIBI» [Friedhoff 1991, S. 136–137, 226, Tab. 70].

В коммуне Мартиньи в Швейцарии была найдена сильно фрагментированная чаша со сценой охоты, датирующаяся III–IV вв. н. э. На ней сохранились фигуры трех мужчин в коротких туниках, вооруженных копьями, и собака, преследующая оленя. Особенностью сосуда является покрытие всей поверхности чаши едва заметной полировкой, создающей матовый фон [Martin 1995, fig. 2.1].

Всего в Западной и Центральной Европе известно более десятка целых и фрагментированных полусферических чаш со сценами охоты,

объединенных Д. Харденом в тип Wint Hill и датирующихся позднеримским временем. Выделяется из этого ряда сосуд другой формы – стеклянная колба из собрания Музея Сиракуз, найденная в коммуне Къярамонте-Гульфи на Сицилии со сценой охоты на оленей и кабана (рис. 2.1). На сосуде в центре изображен всадник с коротким копьем, в сопровождении собак, преследующий группу из двух оленей, которых он гонит на растянутую сеть. У него за спиной другой охотник с собакой атакует кабана. На заднем плане – еще один зверь, возможно медведь. В верхней части тулово сосуда опоясывает надпись на греческом «ФОҮРТОҮNАТІΩN / ПІЕ / ZNCAIC» [Fremersdorf 1942, S. 46, Taf. 7].

В завершение стоит упомянуть одну интересную находку фрагмента орнаментированной стеклянной чаши в одной из цистерн на территории Херсонесского городища (рис. 2.2). На обломке сосуда можно различить задние ноги и хвост движущегося животного, возможно, собаки, которая могла являться частью сюжета со сценой охоты [Беляев 1966, с. 233–234]. На этот счет, к сожалению, можно делать только предположения.

Литература

Беляев С. А. Обломок стеклянного сосуда из Херсонеса // СА. 1966. № 3. С. 233–235.

Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V века. М., 1964. Поздняя греческая проза. М., 1961.

Allen D. Roman Glass in Britain. Shire,1998.

Belis A. Roman Mosaics in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles, 2016.

Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4.-5. Jahrhundert zwischen unterer Elbe und Loire. München, 1974.

Campbell D. B. The Venatores – animal hunting in the Roman army // Ancient Warfare. 2018. Vol. XII. Iss. 5. P. 16-19.

Caron B. Roman Figure-Engraved Glass Bowl // Metropolitan Museum Journal. 1993. Vol. 28. P. 47–55.

Epplett C. The capture of Animals by the Roman Military // Greece and Roman. 2001. Vol. 28. No. 2. P. 210–222.

Fremersdorf F. Römisches Glas mit bunter Bemalung aus Köln // Germania. 1942. 26. S. 42–48.

Friedhoff U. Der Römische Friedhof An Der Jakobstraße Zu Köln. Mainz, 1991. Harden D. B. The Wint Hill Hunting Bowl and Related Glasses // JGS. 1960. Vol. 2. P. 45–82.

Martin C. Le Verre de l'antiquite tardive en Valais // Verre de l'antiquite tardive et du haut Moyen Age. Guiry-En-Vexin, 1995. P. 93–107.

Nagel S. Die figürlichgraviertenGläser der Spätantike. Archäometrische und archäologischeUntersuchungen. Bd. 2: Katalog. Regensburg, 2020.

Stanc S., Stanica A., Bejenaru L., Danu M. Archaeological Animals Remains from Noviodunum fortress // International Journal of Conservation Science. 2021. Vol. 12. Iss. 1. P. 195–204.

Theuws F. Grave goods, ethnicity, and the rhetoric of burial rites in Late Antique Northern Gaul // Ethnic Constructs in Antiquity. The Role of Power and Tradition. Amsterdam, 2009. P. 283–319.

Vörös I. A Seuso-Tál Állatábrázolásai // Archaeologiai Értesítő. 2018. Vol. 143. S. 247–264.

Vuković-Bogdanović S. Meat diet at the Upper Moesian limes: Archaeozoological evidences from the city of Viminacium and its surroundings // Vivere Militare Est. From Populus to Emperors – Living on the Frontier. Belgrade, 2018. Vol. II. P. 269–310.

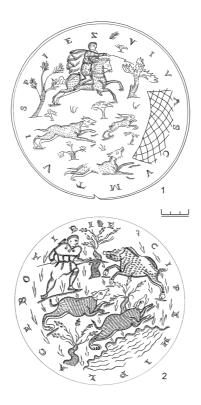


Рис. 1. Стеклянные сосуды. 1 – чаша из Wint Hill [no: Harden 1960, fig. 2]; 2 – чаша из Кельна [no Friedhoff 1991, Tab. 70].

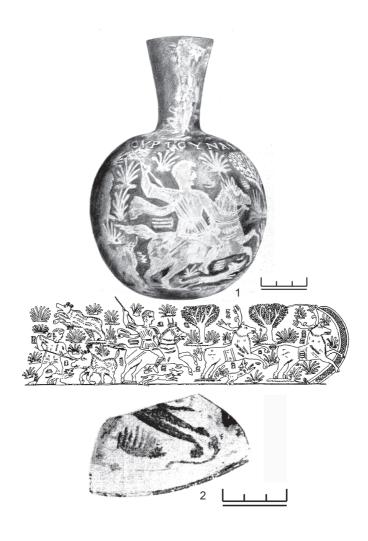


Рис. 2. Стеклянные сосуды. 1 – колба из Кельна [по: Fremersdorf 1942, Taf. 7]; 2 – фрагмент чаши из Херсонеса [по: Беляев 1966, рис. 2].

О.В. Шаров

Институт археологии РАН, г. Москва

Д. А. Костромичев

К. С. Ушакова

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Н. Ю. Новоселова

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Цистерна эллинистического времени, открытая в пригороде Херсонеса в 2020 году

В ходе археологических разведок, проведенных в 2020 г. Комплексной херсонесской экспедицией Института археологии РАН, Государственного Эрмитажа и музея-заповедника «Херсонес Таврический» в низовье Херсонесской балки, приблизительно в 150 м к юго-востоку от угловой башни VIII городских стен, был открыт объект производственного характера — цистерна, вырубленная в скале. Цистерна открыта в шурфе № 21, имевшем размеры 4×4 м.

Цистерна находится на территории современного футбольного поля воинской части, за южными воротами. Цистерну перекрывал культурный слой мощностью 2,2 м. Грунт над цистерной состоял из натечных слоев, содержащих археологические находки¹.

Прямоугольные контуры цистерны прослеживались с глубины 2,2 м от СДП 2 (рис. 1.1). Верхняя часть конструкции была выкопана в материковом слое погребенного дерна на глубину 0,25–0,40 м. Размеры ямы на уровне погребенного дерна – 3,05 × 2,30 м. Края ямы в меридиональном направлении изогнуты дугообразно. В широтном направлении края ямы ровные. Ниже слоя погребенного дерна на глубине 0,4 м залегала скала. С уровня поверхности скалы размеры ямы были уменьшены до 1,5 × 2,0 м. Таким образом, вдоль краев ямы образовался уступ-ступень шириной от 0,3 до 0,6 м. Грунтовые борта ямы местами неровные, в них заметны оставленные на своем месте крупные камни, являющиеся выходами верх-

¹ Более подробное описание слоев над цистерной см. в статье об эллинистических находках в Южном пригороде Херсонеса в этом сборнике.

² Здесь и далее СДП – современная дневная поверхность.

него слоя скальной материковой поверхности, а также прослойка зеленоватой материковой глины. Скальные стенки цистерны ровные, хорошо обработанные. На поверхности стенок сохранились следы инструментов, которыми вырубалась конструкция. Стенки расширяются к низу, при этом, восточная и западная стенки имеют более значительный уклон. Во многих местах толща скальной породы прорезана трещинами, заполненными затекшей глиной. Отсутствие специальной гидроизоляции позволяет заключить, что цистерна не могла использоваться в качестве водосборного резервуара.

Дно цистерны обнаружено на глубине 3,1 м от ее скального края $(5,3\,$ м от СДП) (рис. 1.2). В северо-западном углу на этом уровне оставлена скальная ступень высотой в $0,4\,$ м в виде площадки, близкой по конфигурации к прямоугольнику. Размеры площадки $0,80\times1,15\,$ м. Ниже площадки дно цистерны ровное, образует горизонтальную поверхность на глубине $5,7\,$ м от СДП. В юго-восточном углу в дне цистерны вырублена яма-отстойник «фасолевидной» в плане формы. Максимальные размеры ямы в плане $0,5\times1,3\,$ м, глубина $0,3\,$ м. Дно ямы округлое, нижняя точка ямы находится на глубине $6\,$ м от СДП (высота $0,23\,$ м от уровня моря). На уровне $5,8\,$ м от СДП был достигнут водоносный горизонт. Нижняя часть ямы-отстойника заполнилась пресной водой.

На уровне дна цистерны, за счет расширения ее стен от верхней к нижней частям, размеры в плане достигли $2,75 \times 1,85$ м. Цистерна, вероятно, использовалась как хранилище для продуктов.

Заполнение цистерны по всей глубине было единообразным и состояло из каменной забутовки. Пространство между камнями было заполнено рыхлым глинистым грунтом коричневого цвета, насыщенным гумусом, желтым морским песком с примесью мелких угольков и фрагментов ракушек. В заполнении встречались комья зеленоватой глины. Характер заполнения позволяет предположить, что конструкция была засыпана единовременно. Грунт в дальнейшем не подвергался перекопам.

На глубине 1,5 м от скального края сооружения, около восточной стенки, в заполнении были встречены фрагменты черепа ребенка возрастом около 6 лет³ (лобная, теменные, затылочная (во фрагментах) и верхняя челюсть с зубами). Единичные и разрозненные фрагменты черепа еще одного ребенка 3–5 лет, а также фрагменты по-

³ Определение антропологического материала выполнено младшим научным сотрудником музея-заповедника «Херсонес Таврический» А. Д. Якимовской.

звонка, локтевой и большеберцовой костей взрослых людей были обнаружены на разных глубинах заполнения.

На глубине 1,6 м было совершено погребение собаки. Животное уложено на правом боку. Голова отделена от тела и помещена позади корпуса. На уровне погребения собаки, в северо-западном углу цистерны, в качестве погребального инвентаря была поставлена миска-лутерий (рис. 3.1). В миске и около нее лежали два астрагала. Кроме особи, уложенной в анатомическом порядке, в засыпи цистерны были обнаружены разрозненные кости еще нескольких собак. В их числе высока доля молодых особей разного возраста⁴.

В общей сложности в заполнении цистерны идентифицированы остатки 7 видов млекопитающих⁵, 1 вид рыб⁶, 2 вида ракообразных⁷, 8 видов моллюсков⁸. Имеются единичные фрагменты скелета птиц. Важно подчеркнуть, что 9 % выборки костей и раковин приходится на зебрину цилиндрическкую, которая не является объектом питания людей. Этот факт в сочетании с большим количеством окатанной керамики, обнаруженной в засыпи, может свидетельствовать о том, что грунт для засыпки цистерны был перемещен с берега моря. Значительное количество керамики, встреченной в заполнении, позволяет предположить, что источник грунта находился в непосредственной близости от городских стен. Таким местом мог быть берег моря в месте впадения в него Херсонесской балки.

Ниже уровня погребения собаки характер заполнения не отличался от вышележащего. На уровне глубже 4,6 м от СДП в заполнении уменьшилось количество фрагментов керамики. Несмотря на то, что в нижних уровнях засыпи цистерны находок было на порядок меньше, чем в вышележащих, их типологическая и хронологическая характеристика (в том числе и процентное соотношение категорий находок) аналогична всему массиву материалов из заполнения. В общей сложности в цистерне было найдено 1456 фрагментов изделий

⁴ Определение зоологического материала выполнено научным сотрудником музея-заповедника «Херсонес Таврический» Е. В. Гладилиной.

⁵ Домашняя собака (Canis familiaris); крупный рогатый скот (Bos taurus); мелкий рогатый скот (овца (Ovis aries) и коза (Capra hircus); домашняя свинья (Sus scrofa domesticus); ласка или хорек (Mustela sp.); лошадь (Equus caballus).

⁶ Морская лисица (Raja clavata).

⁷ Каменный краб (*Eriphia verrucosa*); средиземноморский краб (*Carcinus mediterraneus*);

⁸ Устрица (Ostrea sp.), гребешок (Flexopecten ponticus); улитка (Helicopsis sp.); улитка-монах (Monacha sp.); сердцевидка (Cerastoderma glaucum); виноградная улитка (Helix albescens); мидия (Mytilus galloprovincialis); зебрина цилиндрическая (Brephulopsis cylindrica).

из керамики и металла. Некоторые фрагменты из разных уровней заполнения склеивались между собой.

Находки в заполнении цистерны представлены фрагментами столовой простой и чернолаковой, тарной и строительной керамики.

Самые массовые категории находок из засыпи – амфоры и столовая керамика. Столовая керамика представлена, практически исключительно, обломками сосудов херсонесского производства второй половины IV–III вв. до н. э.: кувшинов, мисок, лутериев и т. д. [ср.: Каšаеv 2002, р. 175, рl. 101, *C223*, *C224*; Zolotarev 2005, Fig. 13.21] (рис. 3.1, 2). Среди амфорного материала также абсолютно преобладала продукция херсонесских мастерских второй половины IV–III вв. до н. э. Однако в значительном количестве встречались и фрагменты амфор различных средиземноморских и причерноморских центров: Менды, Пепарета (?), Книда, Фасоса (или Самофракии), Колхиды, Синопы, которые суммарно можно датировать IV–III вв. до н. э.

Также в засыпи цистерны было обнаружено 5 амфорных клейм⁹. В частности, можно выделить ручки синопской амфоры с клеймом конца 80-х − 70-х гг. III в. до н. э. с именем магистрата Heketaios 1 [V A XГ; Кац 2007, с. 435] (рис. 2.1) и херсонесской амфоры или кувшина (?) с немагистратским клеймом ПА 316−266 гг. до н. э. [ХГ 1Б-2Б; Кац 1994, № 2А-32, 20; Кац 2007, с. 442] (рис. 2.2). Остальные клейма, к сожалению, не читаются в силу плохой сохранности или нечеткости оттиска (клейма амфор Херсонеса и неустановленного средиземноморского центра) (рис. 2.3, 5), либо не несут датирующей информации (ручка синопской амфоры с квадратным клеймом: Σ) (рис. 2.4).

Чернолаковая керамика представлена фрагментами сосудов производства Аттики и Малой Азии (возможно, также Эретрии) последней четверти IV – первой половины III в. до н. э. (рис. 3.3).

Кроме массового керамического материала следует упомянуть находки фрагмента железного ножа, обломков чернолаковых и простых гончарных светильников, грузила, лепного горшка, нескольких астрагалов (в том числе со следами обработки), многочисленных фрагментов керамической обмазки или формовочной массы.

Самой незаурядной находкой из заполнения цистерны, безусловно, является фрагмент солнечных часов, изготовленных из известняка. На двух противоположных поверхностях плитки тонкими гравированными линиями расчерчены циферблаты. Линии прокрашены красной краской. Над дугообразной линией сохранились

 $^{^9}$ Определение клейм выполнено научным сотрудником музея-заповедника «Херсонес Таврический» М. И. Тюриным.

остатки прочерченных надписей: на одной стороне частично буква A, на противоположной – буквы IE. (рис. 3.5).

На самом дне цистерны, в заполнении ямы-отстойника, обнаружены многочисленные фрагменты корпуса амфоры средиземноморского производства (Менды?) (рис. 3.4).

Анализ археологических находок позволяет предположить, что цистерна была засыпана в первой половине III в. до н. э. грунтом, взятым на берегу моря в непосредственной близости от города. Это хорошо объясняет присутствие в засыпи отдельных находок относительно более раннего времени.

В пределах шурфа в непосредственной близости от цистерны не было зафиксировано следов иных конструкций. Несмотря на это представляется очевидным, что подобное сооружение не могло существовать как одиночная конструкция, без связи с какими-то строительными комплексами. Вероятно, цистерна эксплуатировалась в составе какого-то специализированного производственного центра. Не исключена также возможность того, что цистерна входила в состав загородной сельскохозяйственной усадьбы. Принадлежность цистерны какой-либо постройке могут выяснить только широкомасштабные раскопки на окружающем пространстве.

Литература

Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог определитель. Саратов, 1994. 167 с.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 480 с. (БИ. Вып. XVIII).

Kašaev S. V. Commonware // Panskoe I. The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. P. 150–179.

Zolotarev M. I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Aarhus. 2005. P. 193–216.



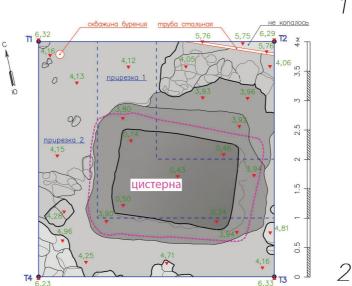


Рис. 1. Цистерна в шурфе № 21. 1 – общий вид цистерны на момент окончания раскопок. Вид с юго-запада; 2 – план по уровню скального дна цистерны.

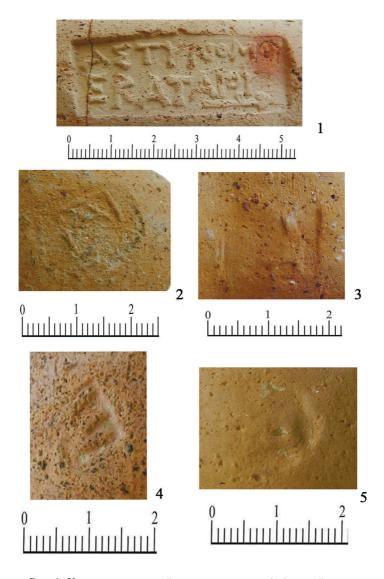


Рис. 2. Керамические клейма из цистерны. 1, 4 – клейма на ручках синопских амфор; 2, 3 – клейма на ручках херсонесских амфор; 5 – клеймо на ручке амфоры неустановленного центра.

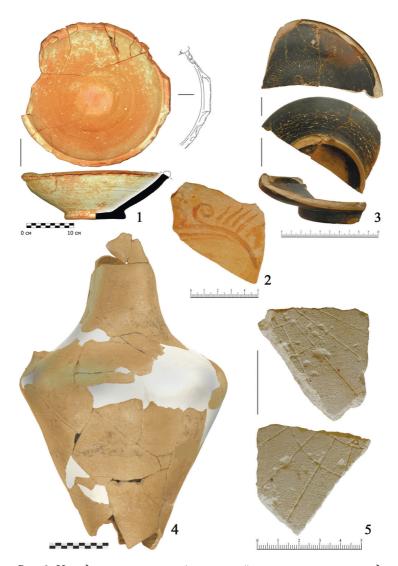


Рис. 3. Находки из цистерны. 1 – лутерий херсонесского производства; 2 – фрагмент стенки херсонесского кувшина; 3 – чернолаковая тарелка; 4 – амфора средиземноморского производства; 5 – фрагмент солнечных часов.

Ф. В. Шелов-Коведяев

Независимый исследователь, г. Москва

Из античной эпиграфики Херсонеса

В 2007 г. И. А. Макаров [Макаров 2007, с. 62–69] опубликовал хранящийся в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (инв. ИКАМ—37349/1) небольшой фрагмент надписи, весьма любопытной наличием в ней имени Котиса. Издатель сообщил, что найдена она была в раскопках С. Г. Рыжова 2000 г. в северном районе Херсонеса и дал ее скупое описание. Он счел документ посвящением «богам внемлющим» от имени частных лиц, возможно, за Котиса VIII Фракийского.

Подробное изучение артефакта (см. рис.) показало, что плита белого плотного мрамора, чья обработанная суммарно тыльная сторона дает толщину обломка от 45 до 65 мм, была увенчана фронтоном, от тимпана коего сохранилась, очевидно, задняя лапа крадущейся влево кошки. Ширина оставшейся границы изображения – 105 мм, его максимальная высота – 36 мм. Ниже него расположена плоская полочка высотой 42 мм. Дальше – профилированный карниз высотою 36 мм. Нынешняя длина левого ската фронтона – 205 мм. Ширина последнего на уровне нижних границ: полочки – 198 мм, карниза – 187 мм. Измерения убеждают, что верхняя точка фронтона (и середина надписи) должна была находиться не менее, чем на 35 мм правее скола в сткк. 1–2.

Надпись обломана со всех сторон, кроме верхней. Ее лицевая поверхность тщательно заглажена, но, помимо изломов, повреждена и сколами слева (на уровне сткк. 2–4, 93 мм) и снизу (195 мм).

Первая строка начертана с отступом в 5 мм от нижней линии карниза. Реконструкция горизонтальных линий фронтона до его пропавшего левого угла ведет к тому, что в начале стк. 1 утрачено около 110 мм.

Сохранились обрывки четырех строк текста. В стк. 1 читаются (тут и далее *курсивом в греческом* выделены неполностью сохранившиеся знаки) $O\Sigma$ Ко́ттvoc PO и вертикаль. В стк. 2 – обрывок вертикали прямо под правым сегментом первого *омикрона* стк. 1, *эпсилон*,

¹ Сердечно благодарю директора ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Е. А. Морозову за возможность работать с надписью, главного хранителя Н. Л. Демиденко за организацию работы, сотрудников отдела фондов за содействие, оргкомитет за обеспечение съемки и К. В. Зыкову за ее блестящий результат.

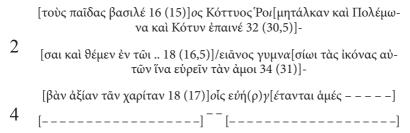
йота, альфа и ню в лигатуре, омикрон, сигма, гамма, ипсилон, мю, ню и кончик апекса альфы или лямбды. В стк. 3 – часть омикрона (на траверзе между эпсилоном и йотой стк. 2), йота, сигма, эпсилон, вертикальная черта (буква сильно затерта), эта и верхний уголок некой литеры. В стк. 4 – только верхние горизонтали под сигмой и эпсилоном стк. 3 соответственно.

Высота графем – 11–12 мм, диаметр *омикрона* – 7,5 мм. Ширина *сигмы* – 10 мм, *каппы* – 7 мм, *тау* – 9 мм, *ипсилона* – 7 (стк. 1) и 9 (стк. 2) мм, *ро* с маленькой петлей – 3 мм, *эпсилона* – 7 мм, *альфы* – 6 мм, *ню* – 6 мм, *гаммы* – 9 мм, *мю* – 12 мм, *эты* – 6 мм. В среднем одно место буквы занимает 7,6 мм. Расстояние между строками – 3 мм; между литерами – 2–3 мм (в стк. 2 между *сигмой* и *гаммой* и в стк. 3 между *сигмой* и *эпсилоном* интервал почти двойной – 5 мм). Расчеты говорят, что в начале стк. 1 исчезло около 14,5 мест букв, в конце – до 31. Это делает длину стк. 1 равной примерно 56 м.б. (с учетом *йот* могла быть немного меньше), что типично для эпиграфики Херсонеса рубежа эр, которому близок новый памятник (см. IOSPE I^2 и I^3).

Особенности обработки тыла плиты указывают, что она была вмонтирована в кладку некоей постройки. Начиная с эпохи эллинизма имя Котис было распространено очень широко: так звался даже один из архонтов-эпонимов в Афинах около 18 г. от Р.Х. [см.: Meritt, Traill 1974, no. 304.9]. Впрочем, датировки афинских текстов, с которых они начинались, в римское время выглядели иначе [Meritt, Traill 1974, no. 304; Syll. 756, 796BII etc.]. Также и дополнение в начале стк. 1 подходящего по числу знаков оборота [ὑπὲρ ὑγείας βασιλέ]ος Κόττυος не решает проблему. Ведь так, вместе с предложенными издателем перечислением имен посвятителей (сткк. 1–2) и упоминанием богов в стк. 3, было бы исчерпано основное содержание надписи. А это делает необъяснимым краткость формулировки на столь монументальной плите.

В *дорийском* же ареале *почетные* надписи нередко начинались с аккузатива ЛИ чествуемых (например, [Syll.³ 790, 804]). А судя по постановлению кизикенцев 37 г. от Р.Х. в честь сыновей Котиса VIII за их благодеяния полису, включая организацию агонов [Syll.³ 798], они вели широкую филэллинскую деятельность, коя могла распространяться и на Херсонес. Равно и образы благодетелей могли ставится в гимнасиях (см. ГҮМNА стк. 2), имевших название по их донатору [Meritt, Traill 1974, no. 304.8].

Некоторые формулы пространного документа Кизика, посвященного сыновьям Котиса VIII [Syll.³798.5–6, 18], сообщают направление поиску решения. С учетом херсонесской специфики этот поиск приводит к следующему результату:



«сыновей царя Котиса Реметалка и Полемона и Котиса превознести и поставить в гимнасии ~иона их статуи, чтобы найти ответ, достойный милостей, коими облагодетельствованы мы ...».

Арр. сгіт. В скобках указано число м.б. с учетом того, что *йота* занимает половину места обычной литеры. $\parallel 2$ $\bar{\alpha}$ = ω : гипердоризм, свойственный херсонесским надписям римского времени; /ειᾶνος: генитив АН мецената гимнасия, где ει=ι; ἰκόνας: к ι=ει ср. IOSPE I^2 355.39. \parallel 3 уголок перед сколом в конце строки не может принадлежать po, поэтому надо признать букву пропущенной. \parallel 4 слл: здесь должно было располагаться превознесение заслуг сыновей Котиса, которое по аналогии с Syll. I^2 3798 могло быть велеречивым, что объясняет внушительный вид херсонесского документа.

Литература

Макаров И. А. Боспор, Фракия и Херсонес Таврический в первой четверти I в. н. э. // ВДИ. 2007. № 4. С. 62–69.

Meritt B. D., Traill J.S. Inscriptions: The Athenian Councillors. Princeton, N. J., 1974. 486 p. (The Athenian Agora. Vol. XV).



Рис. 1. Надпись в честь сыновей Котиса VIII (инв. ИКАМ № 37349/1).

И. И. Шкрибляк

Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», г. Симферополь

Каменный склеп в кургане Туак-Оба: архитектурная концепция и строительство

В 2021 г. экспедиция музея-заповедника «Неаполь Скифский» завершила исследования двух курганов группы Туак-Оба у с. Мироновка Белогорского района Республики Крым¹. Первоначальным планом работ к исследованию был определен лишь первый, основной, курган группы, однако по итогам работ 2020 г. выяснилось, что комплекс кургана № 1 составляет неразрывное археологическое целое с расположенным в 10 м к западу курганом № 2. Задачи были откорректированы, и в июне 2021 г. работы на обеих курганных насыпях были завершены.

Толчком к изучению первого кургана группы послужило проникновение современных грабителей в его центр, открывшее монументальный каменный склеп прекрасной сохранности. В 2018 г. склеп был впервые обследован сотрудниками музея через грабительский ход, зафиксировано его современное состояние и сделаны первичные архитектурные обмеры. В 2020 г. открыт длинный коридор-дромос, подведенный к склепу с востока, вторично открыт законсервированный каменный склеп, исследована камера над потолком основного склепа. Под мощной каменной наброской и грунтовой частью насыпи в непосредственной близости от склепа открыты несколько производственных площадок со строительным отесом, отбракованными камнями и выбросами из котлованов погребальной конструкции.

Исследования 2021 г. показали, что курган № 1 Туак-Оба был сооружен на склоне небольшой естественной возвышенности, с которой во все стороны открывалась обширная пейзажная панорама на предгорья и степи Крымского полуострова. Сама возвышенность к концу IV в. до н. э. (моменту появления кургана № 1) была занята грунтово-каменным курганом эпохи энеолита – ранней бронзы.

 $^{^1}$ Работы осуществлены при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00456 А «Археологические исследования царского скифского кургана Туак-Оба в Предгорном Крыму».

Строители кургана № 1 не стали перекрывать либо нивелировать древний курган, а сместились на несколько десятков метров восточнее, на склон естественного холма. Причины такого незаурядного в целом решения, учитывая множество археологических примеров использования насыпей эпохи бронзы в скифское время, следует, по всей видимости, искать в запланированных древними строителями методах реализации проекта. К центральному каменному склепу с восточной стороны должен был быть подведен длинный дромос и проталамос (первая, входная, камера склепа), для их строительства необходимо было подготовить достаточно глубокий и протяженный котлован. По замыслу архитекторов, стенки котлована дромоса должны были быть обложены однолицевыми каменными кладками из известнякового, грубо колотого камня на грязевом растворе, стенки проталамоса - из тесанных известняковых блоков с деревянным перекрытием. Дромос полого понижался по направлению к склепу, максимальная глубина котлована проталамоса на месте его примыкания к котловану каменного склепа (таламоса) составила 2,2 м. Здесь нижние значения отметок обоих котлованов совпадали. Подведение дромоса со склона возвышенности позволило ускорить процесс строительства. В случае устройства котлована с горизонтальной площадки объем земляных работ мог бы значительно вырости.

Расположенный в центре насыпи каменный склеп имеет прямые аналогии во фракийской погребальной архитектуре второй половины IV - первой половины III в. до н. э. [Stoyanov, Tonkova 2015, p. 931; Stoyanov, Stoyanova 2016, fig. 6, 7, 9, 17, 19, 21-26; Stoyanova 2015, р. 158–159]. Ближайшие аналогии происходят с территории европейского и азиатского Боспора [Савостина 1986, с. 84–99]. Склеп задумывался как трехкамерная конструкция, состоящая из проталамоса, таламоса и расположенного над таламосом небольшого четырехугольного помещения. Проталамос (или первая, привходовая камера) и верхняя камера использовались для размещения погребального инвентаря, таламос (основная камера) предназначался для погребений. Доступ в верхнюю камеру осуществлялся, по всей видимости, через приставные конструкции по деревянному перекрытию проталамоса. Размеры проталамоса 5,4 × 1,8 м, высота 1,82 м, он полностью собран в материковом котловане из крупных тесанных известняковых блоков. Подтеска лицевых поверхностей камней кладки первой камеры была произведена с расчетом формирования у общей лицевой поверхности стенок отрицательного наклона и сужения ширины камеры к верхней ее части. В продольных стенках проталамоса у пола на разном расстоянии от центральной гробницы были устроены две крупные ниши для размещения поминального инвентаря. Размер ниш: $1,8 \times 0,8 \times 0,75$ м, $1,7 \times 0,65 \times 0,63$ м. Входная камера, в отличие от дромоса, была перекрыта сверху деревянным накатом, следы которого зафиксированы при разборке перекрывавшего ее каменного завала. От дромоса проталамос был отделен поперечным каменным закладом из колотых известняковых плит на грязевом растворе. Нижняя часть этого заклада была зафиксирована *in situ*, верхняя была, по всей видимости, разобрана при первом ограблении склепа. Пол дромоса и двух нижних камер грунтовый, без признаков мощения камнем.

Основная камера склепа, или таламос, представляет собой прямоугольную каменную гробницу, частично собранную в материковом котловане. Гробница ориентирована длинной стороной по оси запад-восток. Высота камеры 3,49 м, длина 3,58 м, ширина 2,87 м. Высота стенок до первого уступа перекрытия 1,61 м. Перекрытие свода оформлено в виде уступчатого (египетского, ложного) свода с шестью уступами на три стороны, и пятью уступами в торцовой стенке со входом. На последние уступы стен поперек уложены три массивные каменные плиты потолка, тесанные с внутренней стороны и грубо колотые со стороны верхней камеры. Плиты не замковые, распорной функции в работе конструкции не выполняют. Кладка стен и перекрытия однорядная постелистая ложковая, сформирована из тесанных нуммулитовых и мшанковых известняковых блоков. На камнях повсеместно фиксируются следы рабочего металлического инструмента (троянки), которым финально обработана лицевая поверхность блоков. В щелях между плитами стен и первым уступом перекрытия обнаружено множество вколоченных железных гвоздиков и скобок, служивших, видимо, креплением для драпировочной ткани или гирлянд. Локальные изъяны и каверны на лицевых поверхностях камней тщательно заделаны глинистым раствором, щели между камнями промазаны светлой штукатуркой. Основная поверхность стен и перекрытия не оштукатурена.

Вход в погребальную камеру устроен в восточной стенке, оформлен вертикально установленными на плиту порога крупными известняковыми плитами. На эти плиты и на примыкающие к ним с севера и юга кладки стен уложена массивная плита перекрытия входного коридора. Высота входа 1,34 м, ширина 1,12 м, глубина входного коридора 0,62 м. В центре входного проема на плиту порога установлена небольшая колонна дорического ордера. Тело колон-

ны гладкое, тщательно отесанное с утолщением в центре и сужением к верхней и нижней части. Верхняя часть оформлена выпуклым пояском и вырезами. Высота колонны 1,12 м, максимальный диаметр 0,3 м. Колонна установлена на квадратный плинт, его место на плите порога было предварительно размечено прочерченными острым инструментом линиями. Колонну и плиту перекрытия разделяет квадратная абака. Функционально колонна не участвует в распределении силовых нагрузок внутри камеры и является исключительно декоративным элементом.

Одной из основных задач экспедиции в 2018 и 2020 г. было изучение конструкции перекрытия каменного склепа, решение вопроса о его устойчивости и примененных строителями методах распределения вертикальных нагрузок сужающегося кверху по всем четырем сторонам уступчатого свода. В отечественной литературе, посвященной монументальным каменным склепам Боспора,бытует мнение, что уступчатый свод с небольшим количеством (до 7) рядов выдерживает все нагрузки самостоятельно, необходимости перераспределения силовых усилий в конструкции нет [Савостина 1986, с. 86]. На этом предположении основана гипотеза о том, что большинство уступчатых конструкций IV в. до н. э. на западном и восточном берегу Керченского пролива было выстроено на материке, без заглубления в строительный котлован. Недавние раскопки кургана Госпитальный близ Керчи вроде бы подтверждают этот тезис: пристроенный к ранней насыпи склеп с уступчатым перекрытием и длинным дромосом был сооружен с небольшим впуском в погребенный чернозем, но не ниже уровня материка [Рукавишникова и др. 2018, с. 154]. Исследования кургана № 1 Туак-Оба демонстрируют совершенно иной подход к решению проблемы устойчивости свода.

Благодаря двум стратиграфическим разрезам, подведенным к продольным стенкам склепа кургана № 1 Туак-Оба с севера и с юга, изучению курганной насыпи до краев строительного котлована, этапы и приемы сооружения монументальной конструкции были в целом прояснены. Ключевые вопросы были сняты благодаря трехмерной лазерной модели склепа, которая позволила объяснить логику стыковки внешних удерживающих элементов склепа и внутренних, стремящихся к опрокидыванию, каменных рядов уступчатого свода².

² Реконструкция большинства архитектурных решений, примененных в ходе строительства склепа, стала возможной благодаря ценным консультациям архитектора ООО «Первая геотехническая компания» Д. Н. Федоровой.

Устойчивость монументальной конструкции была во многом обеспечена благодаря впуску каменного склепа до уровня первой плиты перекрытия свода в материковый котлован. Котлован для основной погребальной камеры был выкопан одновременно с котлованами дромоса и проталамоса. Ориентировочные его размеры – 5 × 4 м. Первоначально в котловане были собраны четыре стенки склепа. Края котлована были использованы для укладки первого ряда уступчатого свода, вместе со стенками склепа они служили дополнительной точкой опоры в противовес силам опрокидывания плит вовнутрь. Здесь действовало достаточно простое правило: сумма удерживающих плиты свода моментов должны была быть больше суммы моментов опрокидывания, причем с увеличением количества уступов свода сумма моментов сдерживания возрастала многократно. Это правило было прекрасно известно проектировавшим склеп строителям. С целью сокращения объема обработки тесанных блоков ими было применено очень оригинальное и одновременно простое решение. На каждый ряд уступчатого перекрытия в процессе сборки свода укладывались мощные плиты-противовесы, действовавшие как дополнительная сила сдерживания. Эти плиты были прослежены при зачистке внешнего контура каменной конструкции. После установки каждого ряда плит свода и противовесов примыкающее пространство и сами камни засыпались чистым темным грунтом, эти строительные уровни хорошо фиксируются по тонким прослойкам известнякового отеса, маркирующим новый строительный горизонт. С целью финальной стабилизации всей конструкции склеп с западной, северной и южной сторон был обложен куполом из каменного бута. Эта мера дополнительно сбалансировала все внутренние и внешние нагрузки стенок и свода склепа.

Визуальное обследование и лазерное сканирование внутренней полости основной камеры склепа показали, что естественная деформация конструкции за более чем два тысячелетия ее существования была совершенно незначительной. Пластичность и природная увлажненность материковой глины котлована стали причиной значительной усадки всей конструкции и куполообразного выдавливания вверх на 30−40 см глиняного пола склепа. Весьма интересно, что усадка склепа произошла равномерно, без критического нарушения баланса конструкции «плиты-противовесы», что подтверждает высокий профессиональный уровень проектировщиков и строителей склепа кургана № 1 Туак-Оба.

Литература

Рукавишникова И. В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф., Воронков И.А. Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение) // ДБ. 2018. Выпуск 23. С. 151-170.

Савостина Е.А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. Вып. 2. С. 84–99.

Stoyanova D. Tomb Architecture//A companion to ancient Thrace. 2015. P. 158-179.

Stoyanov T., Stoyanova D. Early Tombs of Thrace. Questions of Chronology and Cultural Context // Tumulus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC. Berlin, 2016. Vol. II. P. 313–337.

Stoyanov T., Tonkova M. La nécropole royale Thrace de Shipka-Sheynovo-Kran // Comptes rendus de séance de l'année. 2015. 159° année. No. 2. P. 913–943.

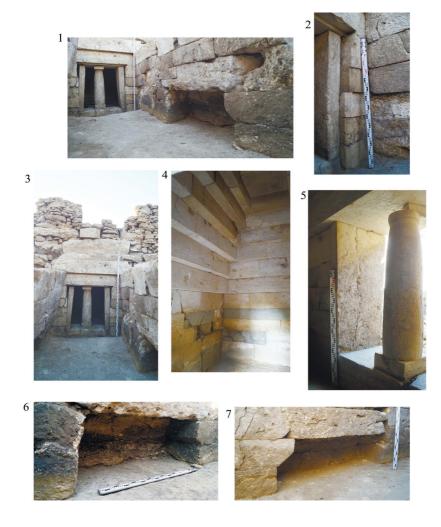


Рис. 1. Каменный склеп в кургане № 1 Туак-Оба: 1 – вход в основную камеру и ниша в северной стенке проталамоса; 2 – оформление внешнего косяка дверного проема в основную камеру; 3 – вид на вход в основную камеру и на верхнее помещение; 4 – уступчатое перекрытие свода; 5 – колонна и оформление дверного проема; 6 – ниша в северной стенке проталамоса; 7 – ниша в южной стенке проталамоса.

С. В. Язиков, А. Н. Свиридов, А. А. Волошинов

Институт археологии РАН, г. Москва

Каменные надгробия могильника Киль-Дере 1 (предварительная информация)

Могильник расположен в 0,4 км к востоку от Посёлка 3-й гидроузел, в 9,6 км к юго-востоку от Херсонеса. Территория некрополя занимала вершину, а также северный, южный и восточный склоны холма Киль-Дере. На некрополе исследовано 318 могил, большинство из них ограблено в 2000-х гг. В ходе работ открыто 28 непотревоженных комплексов I–IV вв. н. э.

Могильник Киль-Дере 1 наравне с могильником Фронтовое 3 были впервые полностью выявлены и исследованы в ходе строительства трассы «Таврида» [Гавритухин и др. 2020, с. 91–110].

Собрание лапидарных памятников из некрополя Киль-дере насчитывает 78 единиц, составляя более 50 % варварских надгробий первых вв. н. э. в Северном Причерноморье. Памятники представлены антропоморфными стелами, рельефами, основаниями-базами для их установки, стелами-менгирами, а также плитами с изображениями сарматских знаков.

Отдельные памятники найдены in situ, подавляющая часть изваяний была использована в качестве строительного материала в конструкции погребальных сооружений III–IV вв. н. э., либо найдена в ограбленных могилах, поэтому имеет повреждения и утраты. Сохранность некоторых фрагментов не позволяет судить об иконографии и о морфологическом виде памятников.

Антропоморфные стелы (рис. 1.144, 148, 253, 398, 550) представляют собой известняковые плиты, в верхней части которых выделен подпрямоугольный выступ-голова и короткие плечи. Изображение на таких памятниках передавалось рельефом или раскраской.

При явной близости Херсонеса, общий абрис памятников имеет многочисленные аналогии как среди варварских надгробий долины рек Альма и Бодрак (Усть-Альма, Озерное II, Заветнинский могиль-

¹ Номера на рисунках соответствуют номерам изваяний, присвоенным согласно описи индивидуальных находок.

ник, Брянское), так и боспорских стел [Волошинов 2020, с. 79, рис. 1].

Найденные на некрополе Киль-Дере 1 антропоморфные изваяния с рельефным изображением лиц имеют аналогии среди варварской скульптуры из долины р. Кача. Так, изображение лица на одной из стел (рис. 1.148) аналогично стеле из Краснозоринского некрополя и Тенистого [Волошинов 1997, с. 39–41]. Достаточно редким художественным приемом для варварской скульптуры является использование контррельефа для изображения лица (рис. 1.253), он был использован всего один раз – на стеле № 2 из Заветнинского могильника [Богданова 1961, с. 251, 252, рис. 1.2; 2.2].

Ряд антропоморфных стел (рис. 1.398, 550) представляет собой так называемые силуэтные изваяния, характеризующиеся четко обозначенными гранями плит, отсутствием каких-либо изображений и более тщательной обработкой хотя бы одной из поверхностей. Силуэтные изваяния, вероятно, служили универсальной формой надгробия, на которое изображение умершего наносилось с помощью раскраски, как это делалось в Херсонесе [Колесникова 1973, с. 44], на Боспоре и на позднескифских изваяниях, например, на стеле № 10 из Заветнинского могильника [Волошинов 2015, с. 283]. Подобные памятники Е. А. Попова отнесла к стелам характерной для Боспора формы [Попова 1976, с. 117], О. Д. Дашевская – к антропоморфным стелам «боспорского типа» [Дашевская 1991, с. 101].

Стань (рис. 1.32, 34) представляют собой грубо подработанные известняковые плиты вытянутых пропорций. Как правило, изваяния этого вида имеют аморфные очертания, сохраняя природные контуры обломка. Подобные памятники не требовали установки в базу и вкапывались в заполнение входной ямы. На отдельных варварских могильниках традиция установки менгироподобных камней доживает до первой половины V в. н. э.

Менгиры из раскопок некрополя Киль-Дере 1 представлены несколькими экземплярами (№ 32, 34, 125, 129, 144, 159, 765, 953), часть из которых была зафиксирована in situ (могила 2 - № 129; могила 3 - № 32, 144) 2 . Учитывая тот факт, что на известные варварские изваяния этого вида иногда наносились «сарматские знаки» [Драчук 1975, с. 102; Волошинов 2008, с. 62], возможно, именно к менгирам относились и плиты с граффити 3 и рельефными изображениями неясного содержания (рис. 1.1116, 1117), а также

² Возможно, к менгироподобным памятникам следует отнести и ряд плит, имеющих следы подтески (№ 127, 241, 323, 646, 1036).

 $^{^3}$ Изображения на плите № 1117, возможно, являются сарматскими тамгами (см.: Яценко 2001, рис 34.a1).

фрагмент качественно подтесанной и подшлифованной плиты с изображениями тамг и лучковой подвязной фибулы (рис. 1.185)⁴. Плита была использована вторично: один из знаков поврежден жертвенной лункой.

Наиболее многочисленной группой надгробий (рис. 2.24, 93, 324, 634, 635, 1017, 1018, 1026, 1133) являются одноярусные рельефы, в заглубленных нишах которых изображены лица с длинной клиновидной бородой. Эти одиночные или парные портретные изображения в подавляющем количестве случаев не сопровождались какими-либо дополнительными атрибутами, за исключением № 634 5 .

Подобные памятники получили распространение у варварского населения Крыма в первые века н. э. под влиянием скульптурных традиций соседних греческих городов и, возможно, расквартированных там римских гарнизонов [Волошинов 2004, с. 348]. Аналогичные памятники известны по находкам из Неаполя Скифского и Краснозорья [Высотская 1979, с. 181, рис. 87; Волошинов 2008, рис. 9.3; 11.1]. Памятники из некрополя Киль-Дере 1, безусловно, обнаруживают херсонесской скульптуры, которое выразилось не только в морфологии самих плит, но и особенностях архитектурного обрамления отдельных памятников, а также в стилистических особенностях изображения лиц. Вероятно, благодаря влиянию херсонесских образцов были созданы рельефы из Киль-Дере с парными портретами (рис. 2.324, 1017).

Поле рельефов образовано путем заглубления в основную плоскость плиты, имея при этом совершенно различные очертания – от подпрямоугольного (№ 93, 300, 1026) и трапециевидного до округлого (№ 25, 324, 636), овального (№ 1018) и сложного многоугольного (№ 1017). В некоторых случаях поле рельефа оформлялось очень условно (№ 324), иногда в нижней его части, под лицами, делался подтрапециевидный или подпрямоугольный небольшой вырез (рис. 2.324, 1017, 1133), имитирующий шип надгробия. Подобный прием известен по отдельным херсонесским надгробиям «варвар-

⁴ Один из знаков носит вторичный характер, два других – крупные, прокрашенные красной краской. Плиты с крупными тамгами известны по находкам с территории Боспора (Керчь, Танаис, Таманский полуостров) и считаются царскими знаками [Соломоник 1959, № 1–3, 5, с. 59–63]. Одна из крупных тамг близка к знаку на ольвийском льве [Соломоник 1959, № 41; Драчук 1975, табл. IX.678]. Мелкая тамга, как и изображение фибулы, носит вторичный характер и имеет аналогии на одном из керченских надгробий [Соломоник 1959, № 45, с. 100, 101].

⁵ Над головой персонажа вырезан рельефный круг, а в плоскости поля правее головы – кувшин и горшок (кубок?).

ского стиля» [АСХ, кат. 410, 415], надгробиям из могильника Совхоз 10 [Стржелецкий и др. 2005, с. 183, 184, рис. 38]. Среди упомянутой группы херсонесских памятников [АСХ, с. 131, кат. 408, ил. 171] находит полные аналогии и архитектурное обрамление одноярусных рельефов из Киль-Дере. Верхняя часть одного из рельефов (рис. 2.1018) оформлена в виде трех подтреугольных акротериев. Другое надгробие имеет треугольный фронтон и акротерии, переданные врезными линиями. Портретное изображение при этом передано плоским рельефом в наиске (рис. 2.1026).

Часть одноярусных рельефов демонстрируют своеобразный локальный стиль, который характеризуется сходными технологическими и стилистическими приемами. В этом стиле изготавливались одиночные и парные мужские портреты, выполненные с применением плоского рельефа, с подчеркнутой плоскостностью и схематизмом в изображении лиц. Персонажи характеризуются низким, иногда практически отсутствующим лбом, круглыми глазами, сильно вытянутым подпрямоугольным носом. Рот в некоторых случаях полностью отсутствует, иногда передан короткой врезной линией, иногда небольшой округлой выемкой (рис. 2.93, 324, 634, 1017, 1018, 1026, 1133).

Примеры подобного стиля ранее уже фиксировались на надгробиях из могильника Совхоз 10. При этом авторы раскопок этого могильника считают, что найденные ими изваяния являются произведениями херсонесских мастеров и херсонесской художественной школы [Стржелецкий и др. 2005, с. 183, 184, 186, рис. 39, 40]. Некоторые памятники из Киль-Дере 1 (рис. 2.24, 635) действительно имеют близкие иконографические параллели среди херсонесских надгробий «варварского» стиля [Античная скульптура 1976, илл. 168, 169, 171, 174, кат. 401, 405, 408, 410].

Однако если на известных херсонесских и боспорских рельефах высекалось погрудное изображение человека либо изображение человека по пояс, то на рельефах из Киль-Дере 1 высекались только лица, что усиливало акцент на личности персонажа.

Уникальность коллекции придает также наличие граффити на рельефах. Особенности их расположения говорят о вторичном характере подобных изображений. Так, на центральный акротерий рельефа № 1018 нанесено граффито в виде круга, разделенного двумя перекрещивающимися под прямым углом (крестообразно) линиями⁶. На боковом акротерии рельефа вырезано граффито в виде сто-

 $^{^6}$ Подобное граффито вместе с изображением личины присутствует на фрагменте рельефа № 147.

ящей человеческой фигуры, одетой в широкоплечую одежду. Аналогичная фигура изображена в гроте Бурун-Кая (Мыц 1994, с. 259–261). В нижней части рамки левее головы нанесено граффито в виде животного, возможно, собаки.

Многоярусные рельефы 7 представлены фрагментом надгробия № 270, в верхнем ярусе которого сохранилось рельефное изображение клинообразной бороды, и верхним ярусом другого рельефа (рис. 2.128) с изображением трех человеческих фигур, стоящих фронтально, в полный рост, в одинаковой статической позе. Подробно, с детальным разделением на прямые пряди⁸, переданы прически, головы имеют клиновидную нижнюю часть, указывая на наличие бород. Руки согнуты в локтях под прямым углом, сжимая в руках атрибуты. В левой руке первого персонажа – шаровидный предмет (сосуд, плод?), в кисти правой - Г-образный предмет, напоминающий серп или виноградный нож. В левой руке центрального персонажа вертикально зажат топор, направленный рукоятью вверх, в правой – ритон. В левой руке третьей, сильно поврежденной сколами фигуры находится вытянутый по вертикали, слегка изогнутый предмет, имеющий утолщение в верхней части.

Основания-базы (рис. 3.27, 33, 107, 126, 160, 1155) представлены подпрямоугольными и подтрапециевидными в плане известняковыми плитами. Для фиксации стел в вертикальном положении в центральной части базы высекалось прямоугольное или овальное сквозное отверстие, в которое вставлялся шип надгробия. В некоторых случаях (рис. 3.27, 126) над этим отверстием вырубалось более длинное подпрямоугольное углубление, в которое опускались «плечи» изваяния.

Базы не заглублялись в грунт, а были рассчитаны на внешнее обозрение, что подтверждается тщательной подтеской и шлифовкой некоторых из них (рис. 3.107, 160), положением одного из оснований, зафиксированного in situ (могила № 6) (рис. 3.126). Кроме того, на лицевой стороне некоторых баз, непосредственно у длинной стороны сквозного отверстия, располагались небольшие (до 10 см диаметром или длиной) лунки (рис. 3.27, 107, 126, 160), имеющие округлые или овальные в плане очертания и полусферическое сечение. Эти углубления, вероятно, имели ритуальное предназначение и

 $^{^7}$ Многоярусные памятники с варварской территории известны по находкам из Неаполя Скифского, Марьино (Джан-Баба) и Кермен-Кыра.

⁸ Схожая трактовка причесок характерна и для херсонесских надгробий т. н. варварского стиля [Античная скульптура 1976, кат. 410, илл. 174].

использовались для ритуальных (жертвенных) возлияний, наполняясь жидкостью⁹.

Большой интерес представляет также обломок известняковой плиты (рис. 3.331) с рельефным обрамлением в виде рамки и сквозным отверстием у ее угла. Аналогичный памятник, найденный в Кепах, датируется III—I вв. до н. э. и является фрагментом эсхары-хоэ, предназначенной для возлияний в честь умерших 10 . Не исключено, что именно в обрядовых действиях использовалась и плита с канавкой по периметру, напоминающая плиту для виноградного пресса (рис. 3.645).

Литература

Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

Ачкинази А. В., Пуздровский А. Е. Плита с сарматскими знаками из Неаполя Скифского // Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 253–257.

Богданова Н. А. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // СА. 1961. $\mathbb N$ 2. С. 249–252.

Волошинов А. А. Новое антропоморфное изваяние из позднескифского некрополя у с. Краснозорье // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 39–41.

Волошинов А. А. Два позднескифских надгробия из Качинской долины // БИ. 2004. Вып. VII. С. 340–355.

Волошинов А. А. Скифская и позднескифская скульптура в Крыму // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 45–81.

Волошинов А.А . Рельеф из Предущельного // Труды ГИМ. 2012. Вып. 191. С. 38–42.

Волошинов А. А. Надгробная и вотивная скульптура городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника // ИАКр. 2015. Т. II. С. 270–294.

Волошинов А. А. Боспорское влияние в позднескифской скульптуре // БЧ. 2020. Вып. XXI. С. 78–83.

Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.

⁹ Так, на базе № 107 зафиксированы неглубокие канавки, высеченные в направлении от двух расположенных в линию лунок к сквозному отверстию в центре плиты. Небольшие лунки и вырубки для жертвенных возлияний известны, например, на ольвийских львах [Соломоник 1959, с. 96, 97, рис. 41–42ж], плите из Неаполя Скифского [Ачкинази, Пуздровский 1994, с. 253–257], варварских рельефах и стелах первых вв. н.э. из Предущельного и Заветного [Волошинов 2012, с. 38; 2015, с. 254].

¹⁰ Находки эсхар в погребениях позволили предположить, что подобное вторичное использование было неслучайным. Вероятно, обломки священных предметов использовались в качестве оберегов-апотропеев. Через отверстия эсхар вливались жидкости, приготовляемые из меда с молоком или масла, либо в чистом виде молоко, мед и вода [Сорокина, Усачева 1997, с. 50, 54, 57, 59, табл. 2, 10].

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. (САИ. Вып. Д 1-7). Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.

Иванова А. П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями // СА. 1941. Вып. VII. С. 107–120.

Колесникова Л. Г. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса // СА. 1973. № 3. С. 37–48.

Мыц В. Л. Наскальные рисунки первых веков нашей эры в гроте г. Бурун-Кая (к проблеме изучения позднескифской живописи) // Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 258–268.

Попова Е. А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1. С. 108–122.

Сорокина Н. П., Усачева О. Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Труды ГИМ. 1997. Вып. 93. С. 47–57.

Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине І тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2005. № 4. 2003–2004. С. 27–277.

Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

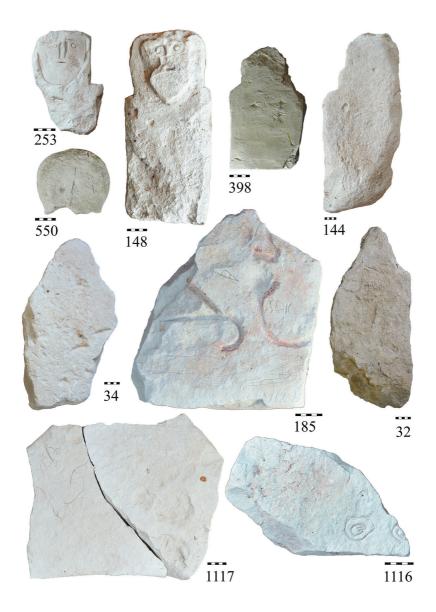


Рис. 1. Антропоморфные надгробия (148, 253, 398, 550), стелы-менгиры (32, 34, 144) и плиты с изображениями (185, 1116, 1117).



Рис. 2. Одноярусные рельефы (24, 93, 324, 634, 635, 1017, 1018, 1026, 1133) и фрагмент двухъярусного рельефа (128).

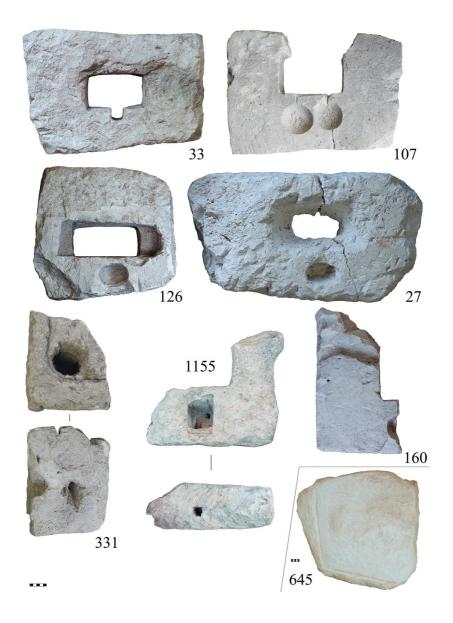


Рис. 3. Основания-базы (27, 33, 107, 126, 160, 1155), фрагмент эсхары-хоэ (331) и плита виноградного пресса (?) (645).

С. В. Язиков

Институт археологии РАН, г. Москва, **М. И. Тюрин**

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

Новые и малоизвестные усадьбы хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове: предварительные итоги разведок 2021 г.¹

Исследование ближней хоры Херсонеса ведется более двух столетий и направлено в том числе на систематизацию сведений о памятниках округи античного города. Тем не менее, данные о многих античных усадьбах Гераклейского полуострова до сих пор не введены в научный оборот, а сами памятники не обладают должным юридическим статусом. Учитывая современные темпы хозяйственного освоения территории Севастополя, перспективы сохранения таких объектов зачастую оказываются весьма туманными. В данном сообщении представлены краткие итоги первого этапа совместных разведок Севастопольского отряда Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН и Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», одной из задач которых является выявление новых объектов археологического наследия античного времени в ближней округе Херсонеса. Среди изученных объектов (рис. 1.1) есть как ранее известные памятники, не имеющие по ряду причин юридического статуса, так и усадьбы, обнаруженные впервые.

Античная усадьба участка 144. Расположена на юго-западном склоне Нижне-Юхариной балки, в 700 м к северо-западу от Горбатого моста. В этом районе, несколько западнее, Г. М. Николаенко упоминает усадьбу с башней, имевшей «пирамидальный» пояс [Николаенко 2001, с. 71]. На настоящий момент на территории объек-

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта «Античные памятники Хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове: топография и хронология», номер государственной регистрации темы НИР 121041500200-2. Разведки проводились по открытому листу С. В. Язикова.

та расположено ТСН СНТ «Маяк-1», усадьба частично застроена и находится за оградами индивидуальных частных участков, предназначенных для ведения садоводства и огородничества. Центральная часть объекта не освоена и покрыта густыми зарослями кустарника.

При визуальном осмотре памятника отчетливо фиксируются признаки остатков древней застройки: в центральной части усадьбы находится грушевидная в сечении цистерна, вырубленная в материковой скале. На объекте разбито три разведочных шурфа, два их которых выявили архитектурные остатки (двухслойные кладки мощностью до 0,62 м) и культурный слой, насыщенный материалом, относящимся к концу IV–III в. до н. э. Отметим фрагмент верхней части пифоса херсонесского производства, на тулово которого нанесено анэпиграфное граффито (ряд вертикальных насечек), фрагменты чернолакового канфара (рис. 1.2) аттического производства с каннелированным туловом, горло херсонесской амфоры с граффито: Z (рис. 1.3).

Античная усадьба участка 262. Объект впервые упомянут Е. В. Веймарном (1935 г.), в новейшее время исследован впервые. Усадьба расположена в верховьях Карантинной балки, в 500 м к югу от пересечения ул. Индустриальная и Камышового шоссе, на территории миндального сада. Визуально усадьба хорошо читается в виде невысокого распаханного холма.

В центральной части усадьбы разведочным шурфом выявлены архитектурные остатки: две кладки из хорошо обработанных камней (размер одного из блоков до $188 \times 73 \times 26$ см) и вымостка. Зафиксированы фрагменты порогового камня. На некоторых из блоков имеются следы воздействия высоких температур. Все кладки сильно повреждены плантажной распашкой. В слое коричневого суглинка выявлен мощный керамический завал, содержавший обильные материалы конца I в. до н. э. – начала I в. н. э.: фрагменты «псевдокоских» и «псевдородосских» амфор производства различных центров, лепной керамики. В слое распашки зафиксирован фрагмент гири-противовеса рычажного пресса винодельни. В целом материал из разведочных шурфов может быть датирован в пределах III в. до н. э. – начала I в. н. э.

Античная усадьба участка 281 расположена на правом склоне Верхне-Юхариной балки. Г. М. Николаенко помещает памятник в южной части участка [Николаенко 2001, с. 109], однако фактически усадьба расположена на его северо-восточной границе, около продольной дороги М. Объект сильно пострадал в 70-х гг. прошлого столетия, когда данный район был распахан плантажными плугами

для высадки сосновых насаждений. В новейшее время разведки на объекте проводились в 2015 г., когда был собран подъемный материал раннеэллинистического времени (в том числе – ручка кувшина-ольпы с оттиском инталии с изображением Эрота [Краснодубец 2020, с. 19, рис. 1.1]).

Усадьба, вероятно, принадлежит к числу крупнейших античных памятников Гераклейского полуострова (площадь объекта составляет более 0,37 га). Материалы из разведочных шурфов позволили уточнить хронологию памятника: наряду с материалами IV–III вв. до н. э. обнаружены находки позднеэллинистического периода (фрагменты рельефных чаш) и первых вв. н. э. (фрагменты позднегераклейских амфор типа С I по классификации С. Ю. Внукова, краснолаковая керамика).

Античная усадьба участка 304. Расположена на правом склоне Верхне-Юхариной балки, около поперечной дороги XV (Г. М. Николаенко упоминает иной объект, находящийся в противоположной части участка [Николаенко 2001, с. 115]). Памятник подвергся распашке: культурный слой сильно поврежден, а строительные остатки преимущественно снивелированы. На момент проведения разведочных работ территория усадьбы была покрыта задернованными грабительскими ямами.

В северо-восточной части объекта произведена зачистка обнажения внешней стены усадьбы (мощность 0,9 м), сложенной из крупных известняковых блоков. Следует отметить находки из шурфа 6, где помимо стандартного материала (фрагменты херсонесских и синопских амфор, пифосов, столовой керамики) обнаружен фрагмент верхней части амфоры производства Коринфа (рис. 2.1). Здесь также найдена ручка синопской амфоры с клеймом, определяющим верхнюю границу существования памятника:

[ἀστυνομοῦντος]

[Ικεσίου τοῦ]

[Ετεο] νίκου всадник

Δημήτριος

Магистрат Іке́отос 4 Етеоvіков, VI D XГ, конец 20-х – середина 10-х гг. III в. до н. э. [Кац 2007, с. 436]. Таким образом, время функционирования усадьбы может быть предварительно определено в границах конца IV – конца III в. до н. э.

Античная усадьба участка 306-южная расположена на левом пологом склоне Верхне-Юхариной балки. К объекту примыкает лесопосадка, вдоль которой расположена ежегодно обновляемая противопожарная полоса, пересекающая территорию объекта с се-

веро-запада на юго-восток. В полосе регулярной распашки собран обильный подъемный материал: профиль чернолаковой солонки, фрагменты амфор и простой столовой керамики. Два из пяти разбитых шурфов выявили культурный слой эллинистического периода. Отметим находку ручки синопской амфоры (рис. 2.2) с клеймом:

ἀστυνόμου Άνθεστηρίου τοῦ Νουμηνίου αφπαςτοη Άγ[άθων]

Магистрат Άνθεστήριος Νουμηνίου, VIA XΓ, середина 50-х — начало 40-х гг. III в. до н. э. [Кац 2007, с. 435]. Время существования усадьбы может быть предварительно определено как конец IV — вторая половина III в. до н. э.

Античная усадьба участка 321 расположена на водоразделе балок Нижне-Юхариной и Бермана, распахана и засажена сосновыми насаждениями. Памятник известен по разведкам, до распашки хорошо просматривалась квадратная башня с «пирамидальным противоударным поясом» [Николаенко 2001, с. 121]. В недавнее время объект подвергался разграблению: помимо шурфов здесь выполнена зачистка грабительской ямы площадью 20 кв. м, выявившая две каменные кладки. Материалы из шурфов и зачистки позволяют датировать период существования усадьбы в пределах финала IV – второй половины II в. до н. э. Наиболее поздними находками являются фрагменты полусферических рельефных чаш производства Пергама (рис. 2.3) и Эфеса (рис. 2.4).

Античная усадьба участка 378 находится на западном склоне Сарандинакиной балки, в районе современного 7-го км Балаклавского шоссе, ранее не фиксировалась². Шурфами и зачисткой выявлены мощные внешние стены усадьбы. Археологический материал преимущественно датируется финалом IV — первой половиной II в. до н. э. Единичные находки относятся к римскому и раннесредневсковому времени. Показательны находки амфорных клейм: на ручке херсонесской амфоры — магистрата Ҥра́кλειоς, (рис. 2.5) I-Б — I-В ХГ, ок. 316—295 гг. до н. э. [Кац 1994, № 47—48, 20; 2007, с. 326, 442]; на ручках синопских — магистрата Ҡе́олоς 2 Ἑστιαίου (рис. 2.7), VC ХГ, середина 60-х — начало 50-х гг. III в. до н. э. [Кац 2007, с. 435] и Ἑστιαῖος 5 Δίου (рис. 2.6), VII В ХГ, начало II в. до н. э. [Кац 2007, с. 436].

Античная усадьба участка 399 расположена на крутом северо-восточном склоне балки Бермана. Остатки стен башни и примыкающих к ней помещений, сложенные из крупных известняковых

² Информацию об объекте предоставил В.В. Дорошко.

блоков, сильно повреждены при террасировании склонов балки. Помимо шурфов выполнены зачистки обнажений стен комплекса. Мощность внешней юго-западной стены усадьбы составляет 1,32 м. В северной части объекта исследован золистый слой, содержащий керамический завал I в. н. э. Основная масса находок относится к первым векам н. э., единичные материалы связаны с эллинистическим и раннесредневековым временем.

По результатам разведок полевого сезона 2021 г. семь усадебных комплексов античного времени ближней хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове поставлены на государственный учет как выявленные объекты культурного наследия. Большинство из них расположены в центральной и юго-восточной части полуострова, на склонах балок. Работы позволили уточнить сведения об округе античного города и ее хронологии, а выявление объектов, надеемся, будет способствовать их сохранению.

Литература

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. (БИ. Вып. XVII).

Краснодубец Е. М. Оттиски гемм с изображением Эротов на херсонесских кувшинах // Уваровские Таврические чтения III. «Древности Юга России». Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Севастополь, 2018. С. 55–58.

Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV— III вв. до н.э. Симферополь, 2001. Ч. II.

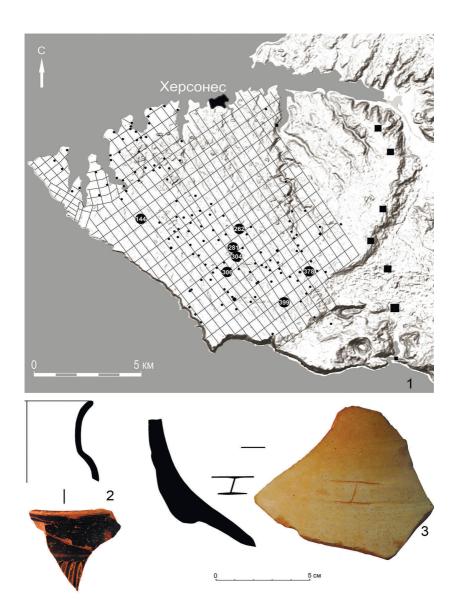


Рис. 1. Схема сельскохозяйственной размежевки Гераклейского полуострова (по В. В. Дорошко) с обозначением исследованных объектов (1); находки из разведок на античной усадьбе участка 144 (2, 3).

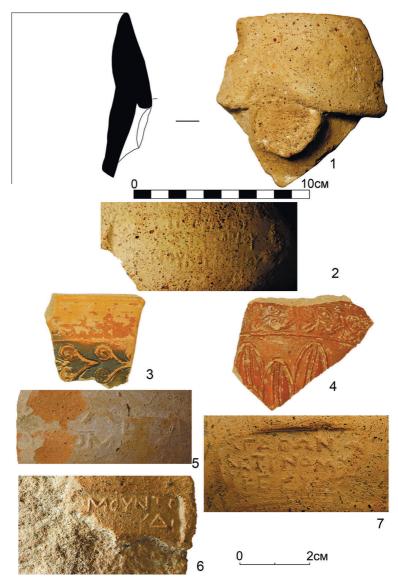


Рис. 2. Находки из разведок на античных усадьбах участка 304 (1), участка 306-южная (2), участка 321 (3, 4), участка 378 (5–7).

Список сокращений

АДСВ Античная древность и средние века.

Свердловск / Екатеринбург

АЗ Археологические записки. Ростов-на-Дону АИК Археологические исследования в Крыму.

Симферополь

АМА Античный мир и археология

АН антропоним

АРХОНТ Античные реликвии Херсонеса:

открытия, находки, теории. Севастополь

БИ Боспорские исследования. Симферополь;

Керчь

БИАС Бахчисарайский историко-археологический

сборник. Симферополь, Керчь

БФ Боспорский феномен. Санкт-Петербург БЧ Боспорские чтения. Симферополь; Керчь

ВДИ Вестник древней истории. Москва

ВИМАИВиВС Военно-исторический музей артиллерии,

инженерных войск и войск связи Министерства обороны Российской

Федерации

ВЭ Вопросы эпиграфики. Москва

ГАИМК Государственной академии истории

материальной культуры

ГИМ Государственный исторический музей. Москва ГМИИ Государственный музей изобразительных

искусств им. А. С. Пушкина. Москва

ГЭ Государственный Эрмитаж. Ленинград/

Санкт-Петербург

ДБ Древности Боспора. Москва

ДГТУ Донской государственный технический

университет

ЗООИД Записки Одесского общества истории

и древностей

ИАИАНД Историко-археологические исследования в

Азове и на Нижнем Дону. Азов

ИА РАН Институт археологии Российской

академии наук

инв. инвентарный номер

ИАК Известия археологической комиссии

ИАКр История и археология Крыма. Симферополь

ИВ РАН Институт востоковедения Российской

академии наук

ИИАК Известия Императорской археологической

комиссии

ИКАМ Инвентарная книга археологического

материала

ИИМК РАН Институт истории материальной культуры

Российской Академии наук.

Санкт-Петербург

ИНК Историческое наследие Крыма.

Симферополь

ИТОИАЭ Известия Таврического общества истории,

археологии и этнографии

ИТУАК Известия Таврической ученой архивной

комиссии. Симферополь

КСИА Краткие сообщения Института археологии.

Москва

КСИИМК Краткие сообщения института истории

материальной культуры. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург

ЛИ личное имям.б. место буквы

МАИАСК Материалы по археологии и истории

античного и средневекового Крыма.

Симферополь

Материалы по археологии, истории ТЕИАМ

и этнографии Таврии. Симферополь

MAP Материалы по археологии России

Императорской Археологической Комиссии

МΓУ Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

МИА Материалы и исследования по археологии

CCCP

Научный архив Института истории НА ИИМК РАН, ФА

материальной культуры Российской

Академии Наук, Фотоархив

НАО ГМЗ XT Научно-архивный отдел,

Государственный музей-заповедник

«Херсонес Таврический»

Отчет Императорской археологической OAK

комиссии. Санкт-Петербург

ПИФК Проблемы истории, филологии, культуры.

Москва; Магнитогорск; Новосибирск

Российская археология. Москва PA

РАНИОН Российская ассоциация

научно-исследовательских институтов

общественных наук

РГГУ Российский государственный

гуманитарный университет

Российская советская федеративная РСФСР

социалистическая республика

Советская археология. Москва CA САИ

Свод археологических источников

Саратовский государственный университет

им. Н. Г. Чернышевского

Севастопольское региональное отделение СРО ВООПИК

> Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

строка, строки стк., сткк.

СГУ

ХСб Херсонесский сборник

ЮНЦ РАН Южный научный центр

Российской академии наук

AA Archäologischer Anzeiger

ACSS Ancient Civilizations from Scythia to Siberia

AJA American Journal of Archaeology

AM Mitteilungen des Deutschen Archäologischen

Instituts. Athenische Abteilung, Berlin

APE Greek Amphorae from Northern

Pontus Euxinus

(VII–II cent. BC). (https://ape.sgu.ru)

ASS Ancient civilizations from Scythia to Siberia.

Lieden

AW Ancient World. Berkeley, California

BCH Bulletin de correspondence hellénique. Paris CRAI Comptes rendus des séances. Académie des

Inscriptions et Belles-Lettres de l'année. Paris

DNPDer Neue Pauly. Stuttgart

I.Sinope Frech D. (ed.). The inscriptions of Sinope.

Bonn, 2004. Vol. I (IK 64). xvi, 178 p.

IOSPE Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini JbHFG Jahrbuch des Hennebergisch-Fränkischen

Geschichtsvereins

JGS Journal of Glass Studies. Corving, N.Y.
JHS Journal of Hellenic Studies. Cambridge

KlP Der Kleine Pauly. München

LGPN VA Corsten Th. (ed.) A Lexicon of Greek Personal

Names. Vol. VA: Coastal Asia Minor:

Pontos to Ionia. Oxford, 2010. 544 p.

PATABS Production and Trade of Amphorae

in the Black Sea

RE Pauly-Wissowa-Kroll, Reallexikon der

Klassischen Altertumswissenschaften. Stuttgart

REA Revue des études anciennes. Talence

REG Revue des Études Grecques. Paris

s.v. specta verbum

Syll. Sylloge Inscriptionum Graecarum

ZPE Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

Bonn

Научное издание

АНТИЧНЫЕ РЕЛИКВИИ ХЕРСОНЕСА: ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ, ТЕОРИИ

Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года

При оформлении обложки использовано изображение фрагмента циферблата солнечных часов из разведок 2020 г. в южном пригороде Херсонеса.

Рисунок Д. В. Чмыхова.

Вёрстка Д. С. Орлова Технический и художественный редактор Е. В. Мажарова

Подписано в печать 03.09.2021 Формат 60×90/16 Усл. печ. л. 24,5. Тираж 150 экз.

ISBN 978-5-6046758-1-6



Издательство ООО «Антиква» 295000, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3 Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail. ru

Напечатано в типографии ИП Гальцовой Н. А. Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908